ВАРВАРА ЕНАЛЬ
ЖИВЫЕ
МЫ МОЖЕМ ЖИТЬ СРЕДИ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Совершенный мир будущего создан специально для людей. Новейшие технологии делают человеческую жизнь невероятно удобной. Все поменялось в этом мире, но есть то, что не должно меняться никогда. Не заманит ли искусственный разум в ловушку? А может, он изменит до неузнаваемости тех, кто прибегает к его помощи? Да и как понять, что настоящее, а что искусственное в этой жизни, когда тебе всего 17 лет, и ты вынужден спасаться из ловушек электронного разума? Загадок много, а времени очень мало. Их враг — могущественный интеллект корабля, а они — всего лишь дети. Удастся ли им выжить?

- Варвара Еналь
  - Часть первая. Я хочу жить нормально…
  - Глава 2. Эмма: экзамен
  - Глава 3. Таис: закон
  - Глава 4. Эмма: правильное решение
  - Глава 5. Таис: дорога на Третий Уровень
  - Глава 6. Эмма: общественные работы
  - Глава 7. Таис: третий список
  - Глава 8. Эмма: божия коровка
  - Часть вторая. Я хочу слышать твое сердце…
  - Глава 2. Эмма: коридоры Нижнего Уровня
  - Глава 3. Таис: общее собрание
  - Глава 4. Эмма: фрик
  - Глава 5. Таис: биение сердца
  - Глава 6. Эмма: я не хочу умирать…
  - Глава 7. Таис: обещай меня убить…
  - Глава 8. Эмма: дверь
  - Часть третья. Я тебя люблю…
  - Глава 2. Эмма: вышел месяц из тумана…
  - Глава 3. Таис: Мартин
  - Глава 4. Эмма: записи профессора
  - Глава 5. Таис: последняя охота
  - Глава 6. Эмма: звезда по имени Солнце…
  - Глава 7. Таис: мы сможем жить среди людей…

Варвара Еналь
Мы можем жить среди людей

Часть первая. Я хочу жить нормально…
Глава 1. Таис: охота

И мы знаем что так было всегда
Что судьбою был больше любим
Кто живет по законам другим
И кому умирать молодым…

Кино «Звезда по имени Солнце»

1.

Дисплей магнитной доски торопливо мигнул и выдал: «Не определен владелец».

— Ну же, зараза металлическая, загорайся… тормоз с дисплеем…давай, — ругнувшись шепотом, Таис приложила другой палец к еле мерцающему квадратику.

Царапина уже давно зажила, но определяющее устройство путалось и не сразу понимало — хозяйкины это отпечатки, или нет.

Покрытый мягкой резиной пол слабо завибрировал, и Таис нервно оглянулась. Она сидела на корточках и пробовала завести простецкое транспортное средство — если можно было так назвать магнитный скейтборд. Преследователи совсем близко, наверное, пересекли Оранжевую Магистраль и уже вовсю несутся к семнадцатым туннелям. Надо делать ноги, и побыстрее.

Дисплей магнитной доски, наконец, засветился розовым и выдал: «Привет, мартышка».

— Привет, тормоз, — буркнула Таис, вытянула складной руль — высокую блестящую трубку с двумя небольшими рычажками по краям, вскочила на поверхность доски, оттолкнулась.

Доска поднялась над полом, нехотя качнулась и, слегка наклонившись, как послушный космический крейсер, понеслась по узкому коридору, освещенному рядами бесконечных круглых пятачков — лампочек.

Таис удерживала равновесие с ловкостью акробата, разгоняя свой нехитрый транспорт все больше и больше. Ярко — белые светящиеся кругляшки слились в одну линию, выгнулись дугой, открывая мягкий поворот.

Где-то здесь должны быть туннели «Би» и «Эф» — на них Федька вывел из строя тепловые датчики, и Моаг не сможет Таис

заметить.

Моаг… Слово загадочное, точно имя колдуна из сказки. Валёк рассказывал, что раньше люди не только соблюдали законы и старались быть хорошими, но еще придумывали истории, рисовали картины, сочиняли песни. Все это Валёк нашел в Сети Моага.

Таис нырнула в нужный поворот, краем уха прислушиваясь — не догоняют ли преследователи. Раньше… люди… Нет тут на станции с интеллектом, который зовется Моаг, людей. Есть только дети Второго Уровня — правильные и соблюдающие законы. И есть «дети подземелий», изгои, пытающиеся выжить и стать взрослыми.

Может, если они все — и Таис в том числе — выживут и достигнут возраста больших людей — может быть тогда Моаг будет побежден. А пока…

Пока надо гнать, как можно быстрее. «Слепой» туннель должен привести к открытым люкам вентиляции — их тоже приготовил Федька. Рано или поздно, но роботы обнаруживают «слепые туннели», чинят тепловые датчики, привинчивают болтами решетки вентиляций, даже ставят сигнализацию. Моаг оберегает «правильных» детей от тех, кто навещает их, выбираясь из здешних холодных подворотен.

А Федька и Валёк устраивают новые и новые проходы. На этой станции, зависшей посреди космоса, столько места, что можно долго прятаться. Главное — находить еду. Без еды и без воды жизни нет. И без тепла тоже.

— Вот она, мы увидели ее! — раздался сзади звонкий голос.

Таис, подумала, что это, наверное, рыжеволосая девчонка, белокожая и губастая. Та самая, что стояла в очереди у автомата с чипсами и шоколадными батончиками.

Тогда она стояла и улыбалась, но как только заметила грубые пыльные башмаки Таис — тут же подняла тревогу. На Втором Уровне нет грязи, это вам не служебные отсеки с слоями десятилетней пыли. И как Таис могла забыть об этом? Протерла бы ботинки — не было бы проблем.

— Догоним ее! Мы догоним ее!

Таис не оглядывалась. Еще один поворот, после сразу двойная развилка — поворачивать надо направо. Пусть догадываются, Федька специально выбирает несколько развилок, чтобы если и есть погоня — можно было бы ее обмануть.

Последний поворот направо, и Таис резко остановила доску. Одним ударом пальца по гладкой розовой кнопке заставила сложиться руль, сжала свой транспорт под мышкой, ухватилась руками за ровный край темнеющего в стене у самых ног квадрата.

Миг, и ее ловкое, худощавое тело полностью скрылось в квадратном отверстии, из которого тянуло холодом. Таис едва успела пристроить на место решетку, как темный коридорчик заполнили дети на разноцветных магнитных досках.

Яркие курточки, веселые заколки на девочках, синие и зеленые ремешки в брючных петлях мальчиков. Шумные, говорливые, эти дети развлеклись погоней, и, оказавшись в неизвестном туннеле, слегка растерялись.

— Думаешь, мы туда свернули, Андрей? — спросила девочка в коротком джинсовом сарафанчике желтого цвета.

Магнитная доска под ее, обутыми в белые кроссовки ногами, тоже отливала оттенками желтого, кнопочки на руле поблескивали оранжевым.

— Мне казалось, что туда. Эти подземельные — как крысы… Прячутся по щелям, в темноту и грязь. Больные, одним словом.

— Кто такие — крысы? — Это спросил кудрявый светловолосый мальчуган лет восьми, не больше.

— Вы еще не проходили в классах, вы еще маленькие, — резко ответил Андрей и развернул доску.

Все правильно, про оставленную планету Земля и животных, когда-то ее населявших, рассказывают в старших классах. Андрею на вид лет тринадцать. Еще два года — всего два — и он станет кандидатом на Третий Уровень.

Торжественные нашивки, Праздник Выпускников, занесение в список. После — роботы — сопровождающие. Лифт с блестящими дверями, длинный белый коридор, стены которого покрывает новенький, усовершенствованный пластик, блокирующий звук. И комната Последних Распоряжений.

Этими распоряжениями окажутся смертельные инъекции.

Почему мозг корабля решил уничтожать всех, кто достигал пятнадцати лет — этого не могла понять не только Таис, но и Федька, и даже Валёк, самый взрослый из «детей подземелья». Хотя Валёк уже давно не ребенок, ему двадцать лет, и это он первый спасся когда-то от Последнего Распоряжения. Это он первый понял, что на Третьем Уровне нет никаких взрослых, что взрослых вообще нет на корабле Моаг. А сам корабль когда-то был другим и назывался «Млечный путь», загадочно и нежно.

Теперь есть только Моаг, и его вранье. Красивое и яркое, как магнитные доски под ногами Андрея и его друзей. Никакого взрослого Третьего Уровня, никто не вырастает и не становится человеком. Смерть для всех, кому исполнилось пятнадцать лет.

Таис беззвучно усмехнулась. Все-таки, не для всех. Она ведь жива, а ей уже почти семнадцать. Два лишних года, в холоде, в голоде, в опасностях. В узких заброшенных лабиринтах

технических отсеков.

Но все-таки это лучше, чем смерть. Гораздо лучше, чем смерть.

Она не двигалась, до боли в пальцах сжимая тонкий край доски. Старалась медленно втягивать воздух, чтобы даже звук дыхания не донесся до стоявших совсем рядом преследователей. Рюкзак на спине, набитый чипсами, шоколадными батончиками и пакетиками с сахаром, стеснял движения, и от неудобной позы заныла спина, точно ее пронзили крошечные холодные иглы. Скорей бы уже эти дети убрались, разве им не надо учить уроки и зарабатывать бонусы на свои планшеты? Давайте, топайте уже! Ваши няньки заждались вас, наболтают вам какао с молоком, поставят мультов, напомнят законы, хотя зачем напоминать то, что и так маячит перед глазами, стоит только выйти на главную площадь?

При мысли о горячем какао желудок свело голодной судорогой. Когда она последний раз ела? Ранним утром похлебала жидкой каши из остатков кукурузной крупы и запила горячим кофе. А сейчас, наверное, уже третья четверть суток, самое время полдника.

Наконец в коридоре все затихло. Таис еще какое-то время полежала, прислушиваясь, после принялась ползти, ногами вперед. Жутко неудобно, но она уже привыкла, и даже управлялась быстрее Кольки — Колючего. Вперед, вперед, пока ступни не повиснут над пустотой. Тогда осторожно опустить ноги так, чтобы живот оказался на самом краю вертикальной вентиляционной шахты. Повиснуть на пальцах, не забывая о доске, и прыгнуть.

Короткий полет и мягкое приземление на мешки с отходами. И тут же спокойный голос Федора:

— Ну, наконец, Тай. Я уже заждался. Ты цела, все в порядке?

Таис быстро глянула в серые, встревоженные глаза друга и зло буркнула:

— Замерзла и жрать хочу. Девчонка какая-то, зараза, все опять спутала, потому удалось достать только шнягу хрустящую. Шоколад и чипсы. За то мальки будут рады.

— Я включаю тепловые датчики. Все, проход закрыт, — Федор протянул Таис руку, помогая подняться, снял с ее плеч рюкзак и повесил себе на руку.

После поднял с пола планшет, заботливо пристроенный в безопасное место, набрал несколько цифр. Длинные пальцы его двигались над экраном с быстротой роботов — садовников, что обрабатывали кусты и цветы на главной площади Второго Уровня.

— Все, уходим. Ты — молодец, Тайка, все по плану…

— Угу, еще скажи — по закону. Лопать вечером шоколад будем, да?

— Найдем что-нибудь.

— А, между прочим, ту дуру рыжую, что разоралась сегодня, наверняка в эту ходку придется спасать. На вид ей как раз около пятнадцати.

— Зато она заработала сегодня несколько бонусов, прикинь? — не оборачиваясь, бросил Федор.

Таис вздохнула и пнула носком ботинка валяющиеся в коридоре остатки компьютерных плат.

2.

Две длинные и узкие лампы еле — еле освещали темные стены коридорчика, не покрытые даже дешевым пластиком. Холодный металл совсем не держал тепло, да и сама станция особенно не отапливала технические помещения, потому Таис, зябко поеживаясь, поплотнее запахнула серую курточку и натянула капюшон.

В коридоре воздух нагревался не больше, чем на пятнадцать градусов, а иногда температура падала и до десяти. А из одежды — только куртка без подкладки да пара футболок. Теплой одежды для детей на корабле не предусмотрено вообще. Зачем, если Второй Уровень хорошо отапливается?

В тех помещениях, где находилась их база, Таис напяливала на себя две курточки с молниями, но за продуктами не пойдешь, вырядившись, как пугало. На «охоту за провиантом» следовало надевать самое лучшее, самое новое и чистое.

Таис оглядела застегнутые на липучки края куртки и вздохнула. Грязная, вся в пыли и каких-то пятнах. Придется стирать, а стиральных машин на базе «детей подземелья» не было и в помине. Хорошо хоть вода горячая текла, и за это спасибо.

Так что, вечер у нее будет веселым, стирка куртки — самое классное занятие.

— Мерзнешь? — спросил Федор и легко обнял за плечи.

Взрослым ребятам вообще приходилось несладко — одежды на больших детей роботы не производили. Потому что пятнадцать — это жизненный рубеж, и больше никто не живет. Для старших одежду делала подруга Валька — Ника, которую все называли Ниткой. Перешивала из нескольких детских курток одну взрослую. Выходили такие себе вещи из кусков, разноцветные и нелепые.

Федька как раз шагал в такой — один рукав из розовой и серой джинсы, другой из серой и синей. Отвороты на рукавах Нитка обшила черной тканью, и шнурки сделала черными.

Спинка и перед тоже из разных лоскутов, и все это похоже на какое-то пятнистое одеяло.

Но когда хочется согреться, то уже не имеет значение внешний вид, лишь бы было тепло.

А когда-то Таис очень любила красивые вещи, и каждую семидневку заказывала у роботов — нянек что-нибудь особенное. У нее к каждой куртке полагалась своя пара кроссовок, а к каждому сарафану — пара туфель. И такие милые футболки у нее были, с присборенными рукавчиками и узенькими кружевами на манжетах.

Эх, а сейчас на ней серая застиранная футболка и сверху такая с длинным рукавом, но уже коротковатая. Вторая футболка постоянно выскакивала из-под брюк, и это страшно раздражало.

Только серая курточка на Таис выделялась новизной и чистотой. Пока не пришлось пробираться по вентиляционным шахтам.

— Как уже надоела грязь, — буркнула Таис, скорее сама себе.

— Думаешь, стоит помыть полы в коридорах? — невозмутимо спросил Федор.

— При чем здесь полы? Мне вообще надоели эти коридоры!

— Ну, не заводись, Тай. Хочешь шоколадку? У меня тут их знаешь, сколько? — и Федор демонстративно качнул рюкзаком.

— Погоди, сейчас мальки налетят на шоколад. Ты им рюкзак не отдавай, неси сразу Нитке и Машке, пусть распределяют.

— Ты опять злишься? — в голосе Федора еле заметной ноткой прозвучала тревога.

Таис сжала губы. Не стоило портить настроение другу, но ей самой вдруг стало так тошно, что захотелось орать и ругаться…

Вот именно, ругаться…

— Если бы не эта зараза, дура рыжая, мне удалось бы раздобыть хлеба и сыра. Ну, и может быть булочек каких-нибудь. Какая ей разница, что я беру из автомата лишнее? Она же голодной не останется, она даже не знает, что такое голод!

— Скоро узнает, — невозмутимо ответил Федор.

— Угу, если получиться ее вытащить. А то она может и упереться, она ведь хорошая девочка, и хочет стать взрослой, хочет писать программы на Третьем Уровне и планировать бартерные операции.

— А ты этого не хотела?

— Я и сейчас этого хочу.

— Так кто тебе мешает? Хочешь, хоть сегодня вечером залезем в корабельную сеть и пошуршим. Взломаем опять торговые файлы корабля, потырим денег.

— Что с деньгами будем делать? Если бы можно было купить

на них хоть немного одежды для тебя. Или для Валька, Нитки и Машки.

— Таис, ты же больше всего хотела бы для себя новой одежды? — Федор добродушно усмехнулся и поправил рюкзак на плече.

— Да, прежде всего себе, — жестко ответила Таис, рванулась вперед и за поворотом вышла к двойным металлическим дверям, тяжелым и толстым.

Рифленый геометрический рисунок на двух створках представлял собой эмблему корабля, но не новую, изображающую ближайшее созвездие. Старый квадратный знак, состоящий из двух треугольников — знак «Млечного пути». Когда-то на этом корабле были совсем другие правила и знаки.

Федор догнал ее, вытащил из кармана узенькую, не толще карандаша, флешку, вставил в щель у края дверей.

С тихим шипением створки разошлись в стороны, открывая темный коридор. Потянуло холодом и кукурузной кашей.

— Что, «овальные» на ужин наварили каши? — фыркнула Таис, заглядывая в огромную круглую трубу, ведущую в правый проход.

— Какая разница? У нас-то будет шоколад, — Федор взял Таис за руку и потянул в противоположную строну.

«Овальными» называли ребят со второй базы, тех самых, к которым вела большая труба. Всего так называемых «баз» на нижнем уровне станции было три. Та, в которой жили Таис, Федор и Валёк, звалась Темной, за то, что в дальних закутках коридоров не хватало лампочек. Третью базу населяли мальчишки, которые вообще делали что хотели, не подчинялись старшим и лазили по всему кораблю. Этих просто звали «дикими» и почти не общались с ними.

От Диких можно было ожидать какой угодно глупости или гадости, потому связываться с ними никто не хотел. Да и они сами не с кем не желали связываться. Их было четверо, и каждый сам решал, что ему делать.

На «Овальной» жили девочки, в основном. Это была девчачья база, и только одного мальчишку они терпели рядом с собой — младшего брата Риты, вихрастого Сеньку.

На Темной Базе жило всего девятеро ребят, включая и Таис. Самым старшим был Валёк, это он первый сбежал от Моага, и удобное место для базы нашел тоже он. Нитке и Федору недавно исполнилось девятнадцать. Смуглой Маше, неразговорчивой и медлительной, совсем чуть — чуть не хватало до семнадцати, так же, как и Таис.

На вылазки за продуктами, которые Федор шутливо называл

«охотой», Маша давно уже не ходила, она на целую голову переросла Таис, и никто бы не принял ее за четырнадцатилетнюю девочку. Широкие плечи, длинные крепкие руки с большими ладонями, высокая грудь.

Машка вымахала настоящей дылдой, правда, симпатичной и на удивление спокойной. Глаза ее казались похожими на черный космос — такие же глубокие и загадочные.

Зато Таис ростом точно не могла похвастаться, Федору она едва — едва доставала до плеча. Темно — русые волосы плела в две косы, чтобы не мешали, длинную челку откидывала на бок и постоянно кусала губы, точно школьница, забывшая выучить урок и ожидающая, когда же снимут бонусы с планшета.

Вот и приходилось на охоту ходить Таис да Кольке Колючему — Кольке еще не исполнилось шестнадцати, и к «детям подземелья» он присоединился по доброй воле, никто его не убеждал.

Просто в одну из охот проследил за охотником, а у вентиляционного люка вцепился Федору в плечо — тогда это был Федор. Спаси меня, мол, а то я тут натворил делов и боюсь, что достанется мне хорошенько от нянек — роботов.

Федька его тогда вывел, а на базе уже объяснил, что к чему. И даже на Третий уровень сводил, показал настоящую правду. Кольке тринадцать лет было, когда он попал на нижний, технический уровень к «детям подземелий».

Еще на Темной базе были Мальки — то есть совсем малыши. Восьмилетние Вовик и Ромик и девятилетняя Кристинка, которую все называли просто Мелкой. Их уже Колька вывел, стукнула ему в голову глупость — мол, лучше детей совсем маленькими выводить. Тогда их точно можно убедить в том, что Моаг — не тот, за кого себя выдает. Просто когда они маленькие, они больше верят старшим.

Угу, а кормить как ораву? Об этом Колючий не подумал вовсе своей коротко стриженной башкой. Каждый новый житель Баз — это новый едок. А большие ребята — такие как Валёк и Нитка — за продуктами ходить уже не могут, не пролезут в вентиляционные шахты, да и слишком заметные они. Порядочные детишки тут же подымут крик, лишь бы им за это начислили бонусов.

Вот и приходится отдуваться Таис и Кольке — только они могут тащить еду для Темной базы. А сегодня была очередь Таис, и ей не повезло. Шоколад и чипсы — вот и вся охота.

— Есть хочется ужасно, — пробормотала Таис, поправляя магнитную доску под мышкой.

Металлические поручни, приделанные к металлическим

стенам, оказались такими холодными, что пальцы застыли окончательно. Но на этих заброшенных базах не было нормальных ступенек, только железные лестницы, где перекладины — это длинные трубы, тонкие и отполированные до блеска руками детей.

Три железные перекладины — и вот она, дверь на Темную базу.

Таис взялась за ручку и потянула в сторону тяжелую створку. Та отъехала, ворчливо и добродушно поскрипывая, открывая овальный небольшой проход.

— Наконец, я дома, — выдохнула Таис, переступая высокий порог и втягивая воздух, наполненный запахами кофе, стиранных вещей и — совсем немного — нагретого металла.

Посреди небольшого овального помещения стоял низкий стол, а рядом с ним — обогреватель странной формы. Из нижнего отверстия прямоугольной черной штуки выходил теплый воздух, а верху на плоском экране плясали искусственные языки пламени.

— Хорошо тут у вас, тепло, — Таис протянула озябшие ладони к отверстию ящика и вгляделась в экран.

— На огонь любуешься? — Рядом оказался Вовик, шмыгнул носом и добавил: — что ты принесла? Хлеб есть?

Вовчик постоянно мерз и постоянно шмыгал носом. И какая была необходимость выводить его в эти трущобы? Еще несколько лет он мог бы жить в тепле и сытости. В красивой удобной комнате, а не на страшных базах. Несколько лет нормальной жизни для этого малька. Да и беглецам на базе было бы гораздо легче. А теперь вот делись с этими тремя сопляками, стирай их вещи, выслушивай их нытье. Ромик — тот постоянно скучает по старшему брату. " Давайте выведем его, давайте выведем…"

Ага, а кормить кто будет? Если она, Таис, подрастет и не сможет пролазить через вентиляционные шахты — то уже Ромику и Вовику придется за едой ходить. Можно себе представить, что принесут эти охотнички… Да их сцапают роботы в два счета и усыпят, как неблагонадежных. Вот и вся охота будет…

— Ты принесла хлеб? — снова спросил Вовик и вытер нос рукавом.

— Отстань от меня, малой, — нервно огрызнулась Таис, — чтоб оно все провалилось вместе с этим придурошным кораблем…

— Нельзя ругаться, запрещено. В законе написано — не говори плохих слов, — наставительно произнес Вовик.

Он стал совсем серьезным и даже шмыгать перестал.

— Успокойся со своим законом, — Таис говорила, не

поворачиваясь в сторону мальчика, — тут тебе не Главная площадь, тут нет нянек, и бонусов тебе никто не отсыплет. Так что, можешь не стараться. Ругайся сколько влезет, все равно еды получишь ровно столько, сколько принесли с охоты. Вон, Нитка сейчас разделит.

— А что ты принесла? Кого видела? — несмело приблизился Ромик.

— Ну что вы, пацанва, как прилипучие жвачки, пристали? — Федор легко шлепнул обоих по затылку и велел, — мойте руки, сейчас чай будем пить. Есть чипсы и шоколад. Есть сахар к чаю. А Овальные отдали свой должок, потому есть хлеба буханка и немного яиц. Нитка сделает гренок. Живем, пацанва, да?

Федор говорил весело и, словно, нехотя. Медленно выговаривая слова, он улыбался так, будто не в темной холодной дыре сидел, а на диване в уютном салоне, и на ужин ему полагалось несколько изысканных блюд с мясом и овощами.

— Пойду в душ, — буркнула Таис, — гренки и шоколад — это все же лучше, чем чипсы и шоколад.

— Зачем ты вообще полезла в автомат с чипсами? — все так же добродушно спросил Федор.

— Ну, я же не думала, что так быстро все сорвется… Надеялась, что повезет.

— Еще повезет, вот увидишь, — Федор, как будто невзначай дотронулся до руки Таис, и пальцы у него оказались неожиданно теплыми и твердыми.

От этого прикосновения стало немного легче, точно свалился с плеч тяжелый и неудобный рюкзак.

— Где Колька? Завтра его черед идти, — сказала Таис уже на ходу, ставя ногу на перекладины узкой лесенки, ведущей в крошечную спальню.

— Играет в Овальной в карты. Азартный парень, ты же знаешь…

3.

Некоторые вещи начинаешь ценить только тогда, когда их лишишься. Например, горячая вода. На Втором Уровне она есть всегда, каждый день, каждый час, каждую минуту. Просто открываешь краны в ванной — и пожалуйста, пользуйся, сколько влезет.

Или отопление. Оно просто есть, и Таис никогда не обращала внимание на мощные кондиционеры, подающие теплый воздух, на очистители этого самого воздуха. Даже теплые полы в уютных спальнях считались чем-то само собой разумеющимся. Хочешь ночью в туалет — можно сгонять прямо босиком, по теплым плиткам, по пушистым лоскутам ковриков.

Вот попробуй, пройдись босиком в туалет на базе. Ноги отвалятся от холода. А воду горячую — так вообще надо строго экономить, потому что греют ее в специальном баке с теном, и она быстро в этом баке заканчивается. Потому намылился, живенько так, смылся и уступил место следующему.

И это еще хорошо, что есть база, а на базе есть бойлер, старый и пузатый, с фирменным знаком — двумя треугольниками, соединенными вместе. Старый знак "Млечного пути". А если бы не этот бойлер, не эти заброшенные отсеки — где бы они все мылись? Где бы вообще жили? Прятались по вентиляционным шахтам?

Таис зло тряхнула головой, разбрызгивая теплую воду и, набрав в ладони шампуня, принялась яростно тереть волосы. Это пока ты живешь на Втором Уровне и каждый день меняешь одежду — главной твоей заботой являются бонусы на планшете и новые линии одежды. И еще сумки и браслеты к этой новой одежде. И ты даже понятия не имеешь, сколько всего в жизни нужно, и как ты зависишь от этих послушных, расторопных роботов.

Чтобы стирать свои вещи, нужна горячая вода, мыло и стиральная ерунда такая, жидкая и тягучая. Ее называли на базе стиральным шампунем. Чтобы мыть голову, нужен шампунь для головы. Чтобы почистить зубы, нужна зубная паста и щетка. А еще расчески, резинки. А еще веники, чтобы мести пол, и веревки, чтобы развесить то, что постирали.

А главное — каждый день нужна еда. Каждый день, утром, в обед и вечером всех одолевала только одна мысль — что поесть. И если хочешь жить — придется вертеться и добывать все самой. Все самой…

Стуча зубами от холода, Таис выбралась из тесной душевой кабинки, торопливо натянула на себя чистую футболку, трикотажные коротковатые штаны, носки. Ноги еще не высохли как следует, Таис их только слегка потерла полотенцем. Как же все-таки неприятно напяливать носки на мокрые ноги!

Но тщательно сушить их совсем невозможно — слишком холодно тут в ванной комнате. Широкая и просторная, покрытая гладкой плиткой, эта ванная больше напоминала какую-то лабораторию. Ни красивых зеркал, ни удобных ковриков под ногами, ни деревянных полочек, полных шампуней, кремов, порошков и гелей для душа. Голо, холодно и неудобно.

Таис сунула руки в рукава чистой, несколько раз заштопанной пайты, после этого снова включила душ и кинула в поддон серую курточку, серые брюки, носки и пару нижних футболок. Вещи надо выстирать и развесить тут же в ванной на

веревке. Правда, сохнут они долго, но тут уж ничего не поделать.

Гадостное это занятие — стирка, ничего не скажешь. Трешь, трешь эту мокрую ткань, а она еле отстирывается. Пальцы от воды краснеют, спина болит — стоять-то приходиться согнувшись в три погибели.

— Чтобы он сдох, этот Моаг, — пробормотала Таис, встряхивая выстиранные вещи.

Кинула их на металлическую спинку стула и взялась за ручку двери. Повесит после ужина, никуда одежда не денется.

— Я тебе принес кофе и гренок, копуша, — встретил ее Федор.

Он сидел на пороге спальни Таис и что-то высчитывал на своем планшете. Отросшие темно — русые волосы закрывали ему всю шею и немного загибались по краям. Вообще на базе почти все мальчишки ходили лохматыми, стричь-то их было некому. Нитка укорачивала волосы Вальку, Маша недавно обкромсала Ромика и Вовика, так неровно, что и смотреть на этих сопляков стало неловко. Оборвыши какие-то, а не мальчики, знающие закон на зубок.

Федор не подпускал к себе девчонок с ножницами, ходил заросший, и лишь изредка сам подстригал волосы — ровнял края и убирал длину.

И Колючий Колька стриг сам себя, очень коротко, ножницами. Черные волосы его после стрижки торчали короткими иголками, потому и звали его Колючкой или просто Колючим Колькой.

Таис волосы не стригла. Плела в косички и убирала под бандану. Так было проще и легче. Да и не до модных стрижек теперь стало. Теперь дело упиралось только в еду и необходимые вещи.

Тряхнув мокрыми волосами, Таис села на кровать, застеленную коричневым шерстяным одеялом, взяла с табуретки кружку с горячим кофе и почувствовала, как блаженное тепло передается посиневшим пальцам.

— Спасибо тебе за кофе. Устала ужасно, и есть хочу.

— Да, давай ешь. Ты же не обедала, — Федор торопливо поднялся, кинул планшет на кровать и присел рядом.

Железные пружины койки обиженно скрипнули, словно возмущаясь тем, что их, таких старых и почтенных, до сих пор беспокоят. Сморщилось толстыми складками одеяло, и Таис вдруг подумала, что Федор уже совсем большой. Но тут она заметила горячие гренки на блестящей нержавеющей тарелке, и больше уже не о чем не думала.

Всего два восхитительно горячих кусочка, поджаристых и

ароматных. Они закончились так быстро, что у Таис невольно навернулись на глаза слезы. Ужасно хотелось еще.

Три шоколадных батончика в зелено — синих обертках, и маленький пакетик чипсов. Вот и вся еда. Стараясь жевать как можно медленнее, Таис покосилась на друга и спросила:

— Ты сам ужинал?

— Ужинал, не переживай. Еще когда ты купалась, вместе со всеми.

— Надо завтра опять идти на охоту. Федь, может, к складам полезем, а? Запасов-то совсем не осталось.

— Может, и полезем, — Федька говорил медленно, растягивая слова и постоянно вертя в пальцах тонкую флешку.

От флешки тянулась к поясу Федора цепочка, натертая до блеска. Таис машинально дотронулась до прыгающих звеньев, быстро глянула в глаза друга, уточнила:

— Меня опять не возьмете?

— И не проси. Это не поход за шоколадом к школьному буфету, сама знаешь.

— Тем более, Федь, я вам пригожусь. Я могу караулить, могу стрелять…

— Ага, стрелять. Из чего, Тай? Из пальца? — Федор добродушно улыбнулся, сунул флешку в карман и вытащил еще один пакетик чипсов, — на вот, припас специально для тебя.

— Я не буду есть твою долю, даже не упрашивай. Тебе тоже надо выжить, как и всем тут.

— Это не моя доля. Мы делили на всех поровну, как всегда, и четыре пакетика оказалось лишними. Малькам и тебе.

— Давай поделим? — Таис взялась за шуршащий край и легко разорвала обертку.

— Да ешь уже. У меня, по — правде говоря, полно работы. Надо продумать маршрут, по которому будем выводить новеньких. Вернее, будем пробовать выводить. Не хотелось бы, чтобы получилось как прошлый раз.

— Прошлый раз детки сами не захотели выходить. Это не наша вина.

Федор согласно кивнул головой, поскреб заросший щетиной подбородок. После сказал, не глядя на Таис:

— Мы должны сделать так, чтобы они захотели.

— Да ничего мы не должны! Мы никому ничего не должны! — злость на мгновение полыхнула горячим, и сдержать ее уже не хватило сил, — все новенькие — это новые едоки, ты ведь знаешь. Кто их будет кормить, когда тут и самим не хватает? Кто их будет учить, одевать? Это лишняя головная боль, вот что это такое!

— А иначе они умрут, Тай, — невозмутимо ответил Федор и положил себе на колени свой планшет.

В его неторопливых движениях сквозила легкость и аккуратность, планшетик свой он очень берег. Тут каждый берег свой планшет — единственное развлечение в стылых и пустых базах. Не считая мусорки, конечно. Там тоже можно было нарыть уйму нужных вещей, факт.

Планшет Федора загорелся неярким светом, заставка — черный звездный космос — замигала значками программ. Вся карта Второго уровня вместе с тепловыми датчиками, лестницами и вентиляционными ходами хранилась в одной из папок на планшете, нажмешь — и она выскочит в 3Д голограмме. А если зайти во внутреннюю корабельную сеть, то можно попасть и в файлы управления тепловыми датчиками.

Федор и Валёк пробрались когда-то в технический отсек Второго Уровня и оставили там флешку. Маленькую такую, замаскировали ее. Мозг корабля до сих пор эту флешку не обнаружил, потому что Валёк прописал на нее родные кораблю коды. Вот через нее ребята и проникали в файлы управления, расчищали пути, продумывали новые ходы. Работа для мозгов — как любил говорить Валёк. Хотя говорил он мало, все больше зависал над планшетом. И как Нитка с ним только общается?

— Федь, мне их очень жаль, поверь. Но не надо быть такими дураками, не надо верить Моагу.

— Это значит, что не надо верить всему. Ты ведь знаешь, Тай, так? — Федор по — прежнему оставался спокоен.

Такие разговоры происходили очень часто. Особых ответов Таис и не ждала, их просто не было. Но хотелось хоть немного избавиться от горечи и боли, что порой плескались внутри, точно горячая вода в бойлере.

Все, чему их учили на Втором Уровне, все, что они старались запомнить и воплотить в жизнь — все оказалось враньем. Нет ничего — ни взрослых, ни работы на Третьем Уровне. И соблюдение законов ничего не даст, эти законы вообще полная лажа. Все на Втором Уровне не настоящее, даже цветы, что так тщательно выращивают проворные роботы.

Правды нет, и никогда не было. Вернее, она есть, эта правда, но такая темная, холодная и пустая, что при мысли о такой правде хотелось рыдать и биться головой о железные стены.

— Я не знаю. Я ничего не знаю. Дай, вытащу одеяло, хочу спать.

Федор подвинулся, Тай завернулась в коричневую шерсть с квадратной эмблемой корабля "Млечный путь", пристроила голову на подушке. На наволочке подушки темнела такая же

эмблема, вышитая коричневыми нитками. Веки стали тяжелыми, точно мешки, набитые кукурузной крупой. Вот бы поесть еще немного горячей желтой каши…

— Ты еще посидишь со мной, Федор? — тихо спросила Таис, не открывая глаз.

— Да, я поработаю тут. Ты согрелась хоть чуть — чуть?

Тай лишь кивнула головой. Толстое одеяло выручало каждую ночь. Ну, и темный обогреватель с бестолковой имитацией пламени. Через открытую дверь немного тепла проникало в крошечную спальню. Двери в спальни не закрывал никто: ни девочки, ни мальчики. Только когда переодевались. А делали это на базах не часто, потому что одежды лишней не было ни у кого. Вообще ничего лишнего не было.

Глава 2. Эмма: экзамен

1.

Верхний ящик комода снова начал заедать. Перекосился немного и цеплял за верхнюю крышку. Эмма несколько раз подергала его, после выглянула в коридор и позвала:

— Лонька, иди, посмотри, что там с ящиком.

С кухни доносилось легкое посвистывание и слышался стук расставляемых на столе тарелок. Лон занят приготовлением завтрака и разворчится, чего доброго. Но ящик не выдвигался, а в нем лежали трусы и майки.

Сегодня важный день, чуть ли не самый важный день в жизни, и Эмма собиралась выглядеть безупречно. Конечно, на последнем экзамене не станут проверять, насколько у нее трусы соответствуют цвету маечки, но уже давно подмечено — чем безупречнее внешний вид, тем удачнее день. Да и, в конце концов, душ принять надо, и чистое белье тоже надеть необходимо. Так что, придется Лону оторваться от своих тарелок.

— Лон, у меня не открывается ящик с бельем! — уже громче позвала Эмма.

Свист прекратился, мягко застрекотали колесики, и отливающий белым робот выкатился из кухни, повернул блестящую голову к Эмме и, не открывая узкой полоски рта, выдал:

— Поднялась на полчаса раньше, чтобы подобрать одежду? Думаешь, Дон-12 оценит твой прикид?

— Посмотри ящик комода. Ты с ним справишься, я уверена, — Эмма вздохнула и повернулась к зеркалу.

А ведь раньше был робот, как робот. Лишнего не спрашивал, на подростковом сленге не разговаривал и бестолковых песен не насвистывал. И зачем Коле понадобилось лезть в его программы?

После того, как Николай пропал, а роботам — учителям, которых называли Донами, стало известно, что он взломал школьную базу и выправил все свои плохие оценки, Эмма хотела заявить, что и домашний робот — нянька теперь существует сам по себе, не зависимо от интеллекта корабля. Пусть бы взрослые сами решали, что с этим роботом делать.

Хотела заявить, но не заявила. Во — первых, младшая сестра Соня распереживалась — мол, что теперь будет с ее любимым Лоном и как же она будет без него? А во — вторых, Эмма просто побоялась, что за испорченный механизм — а робота с полностью замененными программами по — другому никак не назовешь — с нее снимут бонусы. А бонусы с Эммы еще ни разу не снимали.

У нее ведь самые высокие оценки в Выпуске этого года. Хотя выпускается всего три человека, но все равно. И в прошлом году никого не было с такими высокими оценками. Все безупречно, и количество бонусов, и сумма баллов. Сегодня последний экзамен по компьютерным языкам, а через семь суток Праздник Выпускников и Последние Распоряжения.

Эмма лучшая, и ей уже пришло приглашение работать на командном посту с бортовыми компьютерами. Это значит, что она сможет писать программы для самого Моага, и даже управлять полетами. Набранный золотистыми буквами файл пришел ей на почтовый ящик в планшете всего два дня назад. Управление корабля не стало дожидаться, когда Эмма сдаст последний экзамен. Ведь и так ясно, что лучше и талантливее ее в этом выпуске нет.

Кроме нее выпускается Катя Тунс, худенькая девочка с грустным лицом и неуверенным взглядом. Катя вполне себе симпатичная девчонка, но волосы у нее никуда не годятся. Какие-то бесцветные, прямые, точно соломинки. Катя стригла их по самую шею и ни разу не укладывала, не завивала. Так и лезли на глаза постоянно.

Но Илья, третий выпускник этого года, на Празднике будет танцевать с Катей. Чем она его привлекла — непонятно, но эти двое редко показывались врозь.

Вот если бы Коля тогда не занимался всякой ерундой и не нарушал все законы подряд, они бы встретились на Третьем Уровне всего через несколько суток. И было бы здорово поболтать, и вспомнить детство и школу.

Эмма досадливо посмотрела, как Лон орудует тоненькой отверткой, схватила щетку с овальной полочки у зеркала, и принялась расчесывать длинные, немного золотистые волосы. Где теперь Колька — не знает никто. Прячется с этими сумасшедшими по техническим отсекам и мусоркам, наверное. Достойная жизнь, ничего не скажешь. Вместо того, чтобы приносить пользу родному кораблю, который вырастил и выучил, он ворует и бездельничает.

А началось все с нарушения законов. Сначала небольшие, дальше — хуже. Когда-то Колька жил вместе с Эммой и ее младшей сестрой Соней. Вот в этих каютах — его спальня, до сих пор пустующая, в самом конце коридора, около кухни. Когда-то Эмма играла с ним и надеялась, что придется работать вместе на Третьем Уровне.

И зря надеялась. Колька вырос хулиганом и бездельником. Вместо уроков — корабельная сеть и игры на планшете. После — вранье и попытки выкрутиться. А Закон преступать нельзя, это

знают даже малыши. Закон добр и помогает подготовиться к важной миссии.

— Готов ящик, — присвистнул Лонька, легко повернулся на своих черненьких колесиках, блеснул полированными боками и спросил, — помочь выбрать нижнее белье, или справишься?

Вот после таких вопросов Эмме больше всего хотелось сдать Лоньку на металлолом, или на переплавку — она точно не знала, что делают на Третьем Уровне с глюченными роботами. Что можно было сотворить с программой, что эта железяка выдает теперь такие вопросы? И не спросишь сейчас у Кольки, его уже несколько лет нет среди нормальных детей.

— Не задерживай с завтраком, — сказала Эмма и, проводив взглядом Лоньку, выдвинула злополучный ящик до отказа.

Пробежала глазами по аккуратно сложенным стопочкам нижнего белья, не спеша перебрала несколько маек. После вытащила беленькую, тоненькую, с кружевными прошвами. К ней узенькие трусики с такими же белыми кружевами. Вот это, пожалуй, то, что надо. Теперь в душ, после завтрак. И можно будет одеваться.

Эмма каждое утро вставала на полчаса раньше. Ей необходимо было время, чтобы продумать свой внешний вид, не спеша, не нервничая, что опоздает. На уроки Эмма вообще ни разу не опаздывала. И ни разу не приходила одетой как попало. Все вещи должны тщательно сочетаться.

Если на ней красная трикотажная футболка, узенькая, с рукавами фонариками и белым тоненьким ремешком на талии — то к ней никак не пойдут белые кроссовки. И вообще кроссовки не пойдут. Нужны черные туфли и строго покроя брюки, а еще лучше черные джинсы. А если белая широкая спортивная футболка с эмблемой Моага, то кроссовки будут кстати. И сумку для планшета надо подобрать. И браслеты на руку, и заколки на волосы.

В обязанности Лона входил присмотр за обувью — каждая пара должна быть чистой и должна стоять в коробке в шкафу, даже если Эмма забыла ее под кроватью. И за обувью Сони тоже, хотя младшая сестренка постоянно разбрасывала одежду и обувь где попало.

Выйдя из душа, Эмма заглянула в спальню к младшей сестре. Все-таки Сонька — милая и добрая девочка. И закон старается исполнять. Ну, а к аккуратности еще приучиться. Жалко с ней расставаться, от мысли, что всего через несколько дней Эмма навсегда покинет детский Второй Уровень, сердце забилось, точно поршень робота — садовника. И страшно, и интересно, и необыкновенно.

Как жаль все-таки, что по правилам корабля взрослые не общаются с детьми. Соньку свою Эмма увидит теперь только спустя несколько лет.

Присев на край широкой кровати с деревянными, узорными спинками, Эмма легко погладила узенькие плечики сестренки, прошептала одними губами:

— Старайся изо всех сил, и мы с тобой увидимся. Только держись подальше от этих "детей подземелья". Держись от них подальше, Сонь. Тебе еще пять лет расти, и ты перейдешь на Третий Уровень. Через пять лет мы будем вместе.

Сонька сонно дернула плечом и ничего не ответила.

Ну, и правильно. Еще слишком рано, детям надо высыпаться. Так что, спи.

Как-то не очень верилось, что в школьные классы Эмма собирается последний раз в жизни. Последний раз выбирает короткую юбочку с узкими складочками, последний раз примеряет белую трикотажную кофточку с кружевными рукавами и кружевными воротником. Можно было бы и сарафан надеть — в шкафу висит четыре школьных сарафана с такими же узкими складочками на подолах.

Повернувшись несколько раз перед зеркалом, Эмма решила, что все-таки юбка для экзаменов лучше всего подходит. Еще сюда надо "счастливый" кулон. Невесомая цепочка, свисающая с края шкатулки, казалось, улыбалась, обещая непременную удачу. На серебряной цепочке висела крохотная божья коровка — такие жуки живут на земле. У них красный панцирь и черненькие точечки на этом панцире.

Кулон подарил Коля, давно, когда Эмма только пошла в первый класс. Кулон на удачу — так он сказал тогда. Эмма не верила в волшебство, и в удачу тоже не очень верила, но это украшение было на ней все восемь лет учебы. А училась она лучше всех. И даже лучше Кольки. Еще тогда она шутила и говорила, что зря он отдал такой ценный кулон ей, а сам остался без удачи.

— Теперь тебе не на что рассчитывать, если не выучишь уроки. Даже талисмана никакого нет, — шутила она.

Эх, если бы можно было встретить на Третьем Уровне Колю, вот кому бы она по — настоящему обрадовалась.

Эмма приблизила лицо к самому зеркалу и, сузив глаза, сказала сама себе:

— Нечего ныть. Каждый выбирает сам для себя, и каждый отвечает сам за себя.

Это было ее правилом, и оно, это правило, помогало двигаться вперед. И вот, она достигла многого, и очень скоро

наступит ее Праздник. Взрослая жизнь — вот что ее ждет. И это на самом деле здорово.

2.

Тонкие пальцы роботов — садовников рассыпали легкие щелчки, добавляя в утреннюю тишину немного суеты и хлопот. Чуть дрожали низкие круглые верхушки лимоновых и апельсиновых деревьев, от простенького фонтанчика тянуло свежестью.

Эмма переступила порог своей каюты, расправила плечи, подняла подбородок. Весело блеснули черные лаковые туфли, качнулась на руке черная сумка для планшета.

— Удачи на экзаменах, — просвистел в спину Лонька.

Эмма не ответила, лишь аккуратно закрыла за собой дверь. Дотронулась до божьей коровки на груди, после легко провела рукой по гладким, чуть поблескивающим перилам, огибающим всю галерею второго этажа. Широкий, привычный круг галереи, внизу — Главная Площадь и сад, в котором без устали трудились низкие машины с длинными пальцами, безглазыми головами и крошечными колесиками вместо ног.

Прямоугольные ковровые покрытия на ступеньках смягчали шаги, но Эмме хотелось бежать и подпрыгивать. Доброе утро улыбалось ей блестящими брызгами от маленького фонтанчика, огоньками на Зеленой Магистрали, что огромным кругом огибала Главную Площадь. И даже какая-то девчушка из младших классов, куда-то спешащая в такую рань, тоже улыбнулась Эмме, с восторгом оглядывая ее новенькую сумку для планшета.

Сумка действительно дорогая — деньги начисляют за бонусы, а этого у Эммы всегда хватало. Потому в ее гардеробе имелись дорогие и стильные вещи.

Сразу за лестницей длинным туннелем темнел проход, ведущий на Оранжевую Магистраль. А за ним — любимые магазинчики Эммы. Вот еще поэтому она любила выходить пораньше — уже давно подмечено, что если купишь что-то в этих магазинчиках с утра, день непременно будет хорошим.

Сегодня, как никогда, нужна удача. Хотя, ей ли жаловаться, наверняка все пройдет отлично. Но традиция должна быть соблюдена — Эмма любила свои нехитрые традиции, любила прозрачные витрины, полные всякой мелочи вроде ярких сумочек, кошельков и пенальчиков, забавных точилок в виде гипсовых девочек и мальчиков. Любила яркие ручки с блестящими колпачками и стирательные резинки формы зверюшек с выпуклыми, бегающими глазами.

На мгновение застыв перед ровными рядами полок за прозрачным стеклом, Эмма вытащила тоненькую пластинку

нейтфона, на котором хранила электронный кошелек. Торопливо набрала номер магазина и перечислила нужную сумму. Мигнуло подтверждение, что перевод получен, и тут же сбоку заиграл оранжевой подсветкой дисплей магазина. Можно вводить код товара — и он тут же выскочит из окошка рядом.

Три браслета с бусинами — звездочками непременно должны понравиться Соне. Будет что-то на память у младшей сестры об этом экзаменационном дне.

Вот теперь надо торопиться. Оранжевая магистраль, по которой обычно двигались на магнитных досках, в эти часы почти пустовала. Высокий андроид — Дон с вытаращенными глазами и длинными ногами, неподвижно стоял у края Магистрали, как раз напротив туннеля, из которого вышла Эмма. Особой работы у него сейчас не было, над оранжевым резиновым полотном дороги за все это время пронеслась только одна — единственная магнитная доска с лохматым мальчишкой. Видать, решил встать пораньше и погонять со скоростью, пока дорога свободна.

Помещения классов — сразу за Магистралью. Но сегодня Эмма прошла чуть дальше, через еще один, последний туннель и оказалась перед двойными стеклянными дверьми с изображением герба корабля. Колючие звезды, соединенные тонкими линиями, обозначали созвездие Гончих Псов.

Вот с этим знаком было много непонятного. Станция раньше называлась по — другому, и знак тоже был другой. Знак принадлежал гильдии, отправляющей корабли в космос и устраивающей производство на них. Ведь с Земли, после того, как суши осталось совсем мало, и поднявшийся после потепления океан поглотил огромные куски континентов — с Земли все производство убрали в космос. И Моаг — ни что иное, как большая производственная станция. Правда, дорогая и престижная, выпускающая роботов и техническое оснащение для космических лайнеров.

А если знак поменяли, то, выходит, они теперь не принадлежат этой гильдии. Кому же они теперь принадлежат?

Эту информацию Эмме так и не удалось откопать, в корабельной сети ее попросту не было. А если и была, то строго засекречена, судя по всему. Но Эмма — не дотошный Колька, рыться в запрещенных вещах не собиралась.

Главное — это сдать все экзамены и перейти на Третий Уровень. Вот тогда и станет все ясно и понятно.

Эмма улыбнулась, ступила на покрытый черной резиной прямоугольник у двери, и створки бесшумно разошлись в стороны.

Широкий, светлый холл пустовал, оказалось еще слишком

рано. Но через пару минут входные двери вновь разъехались, и Катя, шумно выдыхая воздух, остановилась на пороге, нерешительно оглянулась. Короткие соломинки ее волос, убранные за уши, едва доставали до тонкой белой шеи. Воротник простой белой рубашечки делал бледную кожу Кати еще бледнее, а худые коленки только усиливали сходство с младшеклассницей — замухрышкой.

— Фу, хорошо, что не опоздала, — протянула Катя, прижимая к боку планшет.

Эмма ничего не ответила, лишь слегка повела бровью. Конечно, хорошо, кто ж спорит. Было бы верхом глупости опоздать на последний, решающий экзамен.

— Боюсь страшно, — начала жаловаться Катя, зачем-то одергивая плиссированную короткую юбочку, — на прошлом экзамене я все напутала.

Эмма слегка кивнула в ответ. А что говорить? Меньше надо по вечерам лазить с Ильей в туннелях. Учи уроки, занимайся, а не гуляй. Тогда точно ничего не напутаешь.

— Но ведь все равно переведут, даже если не сдам, — уже чуть тише добавила Катя и села на одно из кресел, стоявших длинным рядком у стены.

— Конечно переведут, — хмыкнула Эмма, — никого старше пятнадцати не оставляют на Втором Уровне. Будешь доучивать вместе со Взрослыми.

Катя шумно выдохнула, и расправила плечи. Будто с лишним воздухом выбросила из себя жесткое напряжение.

Появился, наконец, робот — учитель класса Дон. Сухими щелчками зазвучали четкие шаги, после ровный голос произнес:

— Добро пожаловать на последний экзамен, Выпускники. Не хватает еще одного человека?

И тут же задвигались входные двери и веселый голос произнес:

— Всех хватает, железяка. Посчитай внимательно. Щас ответим на все вопросы и через неделю свалим отсюда. Свобода от роботов, ты слышал?

Дон не ответил ничего, роботы вообще редко отвечают на ребячью болтовню, если только эта болтовня не нарушает законы. А Илюха умел балансировать на самом краю. Вроде бы и не опоздал, но и вовремя не пришел. Вроде бы ответил грубо, но никого не оскорбил. Робот — Дон не в счет, законом не запрещается называть робота железякой.

— Каждый проходит в кабинку со своим именем на двери, — невозмутимо ответил Дон, — как только планшет на вашем столе идентифицирует вас, каждый получит свои вопросы. Во времени

вы не ограничены, но ваши личные планшеты придется отключить. Бортовой компьютер следит за работой ваших планшетов, включенный планшет будет считаться грубым нарушением, и работа будет считаться не выполненной.

Робот говорил ровным, бесстрастным тоном. Информация выливалась из него металлической рекой, без цвета и запаха. Все как обычно, ничего нового или особенного.

Для троих выпускников приготовили три кабинки. Эмма без труда нашла свою, плотно закрыла дверь, села за удобный стол со встроенным в столешницу рабочим планшетом, и выключила свой мини — компьютер.

После этого приложила ладонь к экрану, что слабо поблескивал в обрамлении деревянной столешницы. На экране тут же высветилось:

— Удачного экзамена, Эмма Раум.

Пришел ряд задач по информатике, сначала легкие, после более сложные. Высветилась широкая сенсорная клавиатура для двух рук, чтобы было удобнее. Привычная работа, которая приносила радость и удовлетворение. Работа, для которой Эмма столько училась и столько старалась.

Информационные задачи — это самое важное. Именно их предстоит решать на Третьем Уровне, ведь Эмма собиралась стать программистом. Легко запрыгали пальцы по гладкому экрану, сложные задачи разложились на четкие схемы, знакомые компьютерные языки обрели смысл и реальность.

Время пролетело незаметно. И лишь закончив последний пример и отправив ответы на проверку, Эмма посмотрела на часы. Ей хватило два часа на решение всех задач, даже сверхсложных, составленных для оборудования корабля. Решая их, Эмма подумала, что теперь, пожалуй, сама смогла бы отформатировать Лоньку, да только духу для этого не хватит.

"Поздравляем тебя, все ответы правильны, экзамен сдан. На планшет Эммы начисляются десять новых бонусов. Эмма, капитан корабля Моаг лично желает обратиться к тебе".

Вот он миг, ради которого Эмма столько трудилась, надеялась и ждала. Этой фразы: "Капитан корабля желает лично обратится к тебе" ждет каждый ребенок на Втором Уровне. Это заветная цель, самый большой бонус, самая желанная награда. Кто-то из взрослых, наконец-то, замечает тебя, обращается к тебе, называет по имени. И ты уже не один из нескольких десятков детей, а кто-то особенный. Кто-то, у кого есть имя, ценный и известный.

Ты — настоящий человек, взрослый, или почти взрослый.

Эмма замерла, сжав ладони в кулаки и стараясь не

прислушиваться к шуму собственного сердца. Экран стал ярко — синим, заиграл гимн корабля — медленная и торжественная музыка. Пробежали золотые звезды по темному экрану и выстроились в знакомое созвездие. После появилась просторная рубка, светлая, полная голографических мониторов и специальных приборов. И темноволосый человек с короткой бородой и добродушным взглядом. Светло — серая форма, золотистые погоны, черный ремень с пряжкой.

— Рад приветствовать вас на корабле. Теперь вы — член нашей команды, и мы несем за вас ответственность. Надеюсь, что наша совместная работа принесет вам удовольствие, и вы не пожалеете, что выбрали нашу станцию. Пусть будет удача с вами и с нами.

Экран погас, и Эмма счастливо вздохнула. Все сбылось, и, наверное, это и есть счастье.

Она выскочила в пустой холл и чуть ли не в первый раз за последние несколько лет позволила себе пробежаться по учебному коридору вприпрыжку. На двух соседних кабинетах все еще горели таблички с именами Катерины и Ильи — значит, эти двое еще не закончили свою работу. Пусть заканчивают, пусть и у них все получиться. Сегодня такой радостный день, что хотелось пожелать удачи даже такой недотепе, как Катька. И что у них с Ильей общего? Неорганизованность и безалаберность, наверное…

3.

У автомата с шоколадными батончиками и чипсами топталась худенькая девчонка с нелепыми косичками под черно — белой банданой. Окно автомата исправно выбрасывало один батончик за другим, а проворные руки девчонки ловко кидали их в раззявленное брюхо рюкзака.

Серая курточка с капюшоном и просторными карманами казалась немного коротковатой, но это сейчас так принято — короткие штаны, короткие майки, короткие куртки. Эмма и сама заказала себе пару похожих вещей. Серые бриджи у девчонки спускались ниже колен и заканчивались широкими манжетами, отделанными черными шнурками. Немного потрепанные края огромных карманов по бокам смешно оттопыривались. Штаны уже можно и выбросить, даже если они любимые.

Разве только у девчонки не хватает бонусов на новые. Кто она вообще такая? С другого края Главной Площади, что ли? Тамошних детей Эмма плохо знала, они учились в классах на той стороне. А ботинки на девчонки — вообще ужас. Потертые, пыльные…

Стоп! Откуда здесь пыль? Маленькие роботы — уборщики каждый день утром и вечером тихо гудели под ногами, неустанно

убирая даже самый мелкий мусор и самую невидимую пыль.

— Эй! Девчонка! Ты кто такая? Тебе что здесь надо! — закричала Эмма, и замахала рукой близстоящему Дону.

Кудрявый Андрюшка, сосед Эммы, подпрыгивал тут же, около автоматов, сжимая в руках пластинку нейтфона. Он округлил глаза и завопил:

— Это дети подземелья! Лови их!

На зов откликнулось еще несколько ребят, и вот уже яркая толпа понеслась за подпрыгивающим темным рюкзаком на спине девчонки.

Ну, теперь справятся и без Эммы, нет никакой необходимости носится, как угорелая, по дальним коридорам станции. Малышню, вроде Андрея, это забавляет, но Эмма уже взрослая. Надо будет на Третьем Уровне обсудить проблему сбежавших детей, это не порядок.

Но зато ей полагается еще несколько бонусов за поднятую тревогу, не забыть бы напомнить Дону свое имя и номер планшета.

Эмма заторопилась. Дон, так и оставшийся стоять на своем месте — пост рядом с Оранжевой Магистралью покидать нельзя, здесь слишком много детей на магнитных досках — Дон заверил, что бонусы непременно будут начислены, а в дальние коридоры уже направлены несколько роботов, для поимки сбежавшего ребенка.

К дверям своей каюты Эмма буквально прилетела на крыльях радости. На полученные бонусы можно закатить пир на весь мир. Пригласить друзей Соньки, Катерину и Илью. Вместе посидеть, посмотреть старые фильмы, что снимали еще на земле, послушать музыку и поиграть в игры. Глупые шутки Лоньки будут как раз кстати. Между прочим, Илюха очень завидовал тому, что робот Эммы отличался некоторыми особенностями и все порывался проделать такое и со своим. Да никак не мог подобраться к машине, боялся, что нянька успеет подать сигнал Моагу.

Соня уже успела уйти на последние уроки в этом учебном году. Последняя семидневка — и шесть семидневок отдыха. Гуляй, сколько хочешь, смотри мультики, играй в игры. Каждый успевающий сможет выгодно реализовать свои бонусы, а у Сони их тоже накопилось достаточно.

Жаль, что Эммы не будет рядом с ней на этих семидневках отдыха.

— Как успехи? Речь капитана прослушала?

— Ты это должен знать? — вопросом на вопрос ответила Эмма, скидывая обувь с ног и кидаясь с разбега на диван в

гостиной — столовой.

Лон проворно подобрал разбросанные туфли, с блестящего бока тут же откинулась крыша и выехала щетка. Начищая модные туфельки хозяйки, Лон отчитался:

— На обед два салата — королевский и куриный. Есть печенье с шоколадом, засахаренные фрукты и зефир. Вечером заказываем что-нибудь особенное?

— Любимый Сонин торт обязательно, с грецкими орехами и шоколадом, — Эмма повернулась на бок и напомнила, — и вторую туфлю не забудь. И сложи, пожалуйста, не в разные коробки, как прошлый раз, чтобы мне не пришлось искать. И еще знаешь что?

— Не знаю, но догадываюсь, — с присвистом ответил Лонька, медленно ставя начищенную туфлю на покрытый ковровой дорожкой пол.

— Кроссовки мои достань, желтые с оранжевыми полосками. Они слишком далеко в шкафу, мне неохота за ними лезть.

— Без проблем, — тут же отозвался робот и покатил к комнате Эммы.

— Эй, Лон, а туфли захватить? Доделай одно дело, после возьмешься за другое. И как Соня будет с тобой управляться без меня? — Эмма вздохнула, поднялась и побрела в ванную.

Илья пришел сразу после обеда. Эмма, открыв дверь, только взглянула ему в лицо и сразу посторонилась, пропуская. Зеленые Илюхины глаза казались чуть ли не черными, а лицо наоборот, белым и каким-то злым.

— Что случилось? — тут же спросила Эмма.

Илья прижал палец к губам, торопливо выдал:

— Тихо, пошли на кухню. Я знаю, что твой Лонька надежный, при нем можно говорить.

— Да уж, надежный… Да что случилось то, не могу понять… Что, планшет свой потерял? Или закон какой нарушил?

Илья уселся на кухне перед холодильником, почему-то облизал узкие губы, взъерошил короткие светлые волосы.

— Ерунда какая-то, Эмма. Только я прошу тебя, не предавай ты ради этих бонусов. Я тебе, если что, своих могу отсыпать. Ты не расскажешь, Эм?

— Смотря что… Зачем ты пришел, если боишься меня?

Почему-то от Илюхиного недоверия стало неприятно, будто кто-то указал на грязные пятна на одежде. Будто она, Эмма, ходила испачканной, и сама не замечала этого. Можно подумать, она такая предательница и все докладывает Донам. Да больно надо…

— Я пришел, потому что у тебя Лон, и он может помочь.

Катька попалась со своими шпаргалками. Она же хитрая, взяла и просто распечатала на бумаге формулы. Приклеила супер — клеем к коленкам. Наверное, из-за этих шпаргалок, я не знаю точно. Но из кабинета ее не выпустили, куда-то перевели. Она только успела отправить мне сообщение по нейтфону, что ее уводят, и ей страшно. И все, и тишина…

— Да ну, не паникуй. Из-за шпаргалок бумажных никто не станет ее изолировать. Приведут. Почитают лекцию и приведут.

— Эмм, вот ты у нас умная, а таких простых вещей не понимаешь. Тебя спрашивал Дон на входе в кабинку — выполняешь ли ты правила экзамена?

— Ну. Спрашивал.

— И что ты ответила?

— Что выполняю. А что тут отвечать?

— Вот и Катя ответила, что выполняет. А сама не выполняла. Мухлевала, понимаешь?

Эмма нахмурилась, после тихо сказала:

— Нарушение закона. Думаешь, будет изоляция? Ради такой ерунды?

— Я не знаю, говорю тебе, что не знаю. Надо выручать Катьку…

— Да как ты ее выручишь? Да и Катька твоя…

Эмма покачала головой. Хотелось сказать, что на самом деле Катя полная дура, но это тоже будет нарушением закона. И хоть ни одного нарушения у Эммы еще не было, добавлять проколов не хотелось.

— Вот для того, чтобы все узнать, и нужен твой Лон, — тихо произнес Илья.

Глава 3. Таис: закон

1.

Из темного туннеля тянуло сыростью и ржавчиной. Стены, покрытые засохшими потеками, уходили куда-то вверх и терялись во мраке. Лениво мигали уцелевшие лампочки.

Осторожно продвигаясь, Таис прижимала локти к бокам, чтобы ненароком не дотронуться до этих стен, не коснуться потеков и не испачкаться. Что тут могло течь? Что тут произошло? Почему большинство ламп зияет острыми осколками, точно по ним колотили железным ломом?

Туннель заканчивался дверью. Металлической, тяжелой, скрипучей. Она открывалась медленно. Очень медленно раздвигались створки, словно стеснялись того, что скрывалось за ними. Тишину разрывал скрежет дверных механизмов, будто вспарывал тупым ножом.

Таис чувствовала, как ее охватывает ужас, как леденеют пальцы на руках, и сводит спазмом гортань. Надо бежать, бежать, пока не откроется эта дверь. Спасаться, уносить ноги.

Опасности не видно, не понятно — чего стоит бояться, но от этой неизвестности становится еще страшнее. А двери все двигаются и двигаются, открывая проход во тьму. Ей надо пройти туда, за эти двери. И тогда…

Что тогда, Таис так и не поняла. Проснулась, точно от толчка, и лишь приподнявшись, увидела, что лежит на собственной кровати в собственной спальне. А рядом, на полу, на толстом матрасе растянулся, завернувшись в одеяло, Федор и тихо посапывает.

На родной базе царит тяжелая ночная тишина, лишь слабо мерцают лампочки в общей комнате да мигает ненастоящий огонь в самодельном обогревателе. Все эти кошмары, видать, снятся от голода или от холода. Или от того и другого сразу. Сейчас бы поесть картошечки с вареной кукурузой и горячих гренок с сыром. И кофе горячего тоже неплохо…

Таис поплотнее запахнулась в одеяло, потянулась за планшетом на металлической полке, сбоку от кровати. Сколько времени? Почти утро, через два часа на Второй Уровень начнут завозить продукты на сегодняшний день. В кафешки и магазинчики. Вот где можно раздобыть еды…

Таис протерла глаза, осторожно опустилась на матрас рядом с Федором, потрясла его за плечо. Под пальцы попал жесткий шнурок от капюшона с пластиковой насадкой, Тай взяла его и осторожно провела по щеке друга.

Федька уже зарастает щетиной, и ему надо каждый день бриться. Или через день, хотя бы. А то колючий, не хуже Кольки. Спит так крепко, что сразу и не разбудишь. Играл, наверное, в игры половину ночи. Ну, сам виноват, а проснуться все равно придется.

— Что такое? Что, уже утро? — невнятно пробормотал Федор и перевернулся на живот.

— Ты все проспал, Федька! — Таис слегка повысила голос, — Моаг бонусы всем выдает, а мы дрыхнем. И жратвы целую кучу. Особенно хакерам — программистам вроде тебя и Валька. Слышишь?

— Моаг? Что ты сказала?

— Вставай, мне нужна твоя помощь.

— Начинается… Прямо сейчас, что ли?

— Сейчас самое время. Идея у меня появилась. Давай, протирай глаза. Ну, Федь, просыпайся.

Федор, наконец, сел на матрасе, натягивая на плечи такое же одеяло, что и у Таис. Зевнул, полез за своим планшетом. Утро всех программистов начинается одинаково — включил планшет, проверил сеть станции.

— Что ты там напридумывала, Тай? — пальцы уже бегают по экрану, запуская объемную графику.

— Я хочу добыть еду. Просто сейчас завезут продукты, и, пока дети не проснулись, есть чуть больше часа времени. Можно взломать кафешку и вытащить хлеба и молока. Федь, я ужасно хочу хлеба.

— Не выйдет. Я не успел приготовить новый путь.

— Давай по старому, по — вчерашнему.

— Нас вычислят в два счета. Ты не уйдешь оттуда, Тай. Даже не проси. Иди спать, утром что-нибудь придумаем.

— Вот я уже придумала! Паникер ты какой-то! Будем дохнуть тут от голода, да? Да какая тогда разница, от чего умирать?

Федор невозмутимо поднял брови и медленно протянул:

— Давай, я тебе шоколадку дам, я припас на утро, но могу и сейчас. Поешь сладкого, и тебя попустит. Разработаем маршрут, и днем пойдет Колька, его очередь.

— Значит, я пойду сама, и ты меня не удержишь. Утром у всех будет еда, и у мальков тоже. Терпеть не могу, когда они ноют.

— Вот же ты как заноза, Тайка, — ворчливо проговорил Федор и поднялся с матраса, — вечно тебе неймется… Ладно, пойдем по старому маршруту. Только надо предпринять кое — какие меры безопасности. Надо нейтфоны взять с собой.

— Так ведь по нейтфонам нас быстрее всего найдут.

— А надо сделать так, чтобы не нашли. В общем, слушай меня. Нейтфон сунешь в карман, наушники будут в ушах. Я буду позванивать — сразу отвечай. Если выйти не получиться по вентиляции — у меня есть другой путь. Я подскажу тебе и буду ждать там. Только слушай меня, понятно?

— Конечно, понятно. Что тут не понятного? Значит, собираемся?

— Да, идем. Еще одна охота, значит, елки — палки… И, как всегда, вовремя…

Одевались тихо. Сейчас Таис особо не подбирала одежду. Во — первых, приличная куртка еще не высохла, а во — вторых, если все пойдет по плану, ее никто из детей и не увидит. А Доны в одежде хоть и разбираются, и фасоны новые на корабль завозят, но особо приглядываться вряд ли будут. Тем более, что они и так поймут, что девочка, орудующая в кафешке ни свет ни заря — отнюдь не благонадежный ребенок.

Потому, заправив в обтрепанные штаны теплую футболку, Тай натянула любимую темно — синюю пайту с глубокими карманами, заплела волосы, спрятала голову под капюшоном и ловко зашнуровала ботинки. Другой обуви, кроме этих страшных ботинок, у нее не было. Надо бы сделать вылазку и за одеждой, но это сложнее. Это надо лезть на склады, а там роботы не церемонятся, потому что детей, которых надо оберегать, на этих складах нет. Можно стрелять на поражение, что роботы и делают обычно. Именно так погиб год назад Сашка…

— Никому сообщать не будем? — спросила Таис, останавливаясь около входной двери.

— Я отправлю сообщение Вальку на планшет. Если проснется — не пустит, сама знаешь.

— Ага, разорется, как прошлый раз.

— Ну… победителей не судят — знаешь такую поговорку?

— Главное, чтобы у победителей была еда…

— Магнитную доску берешь?

— Нет, наверное… Не буду брать, — Таис посмотрела на плоский край передвижного средства, прислоненного к стене у входа и решительно мотнула головой.

Две ее косички при этом сердито метнулись по спине.

— Утром дети спят, гоняться за мной некому будет. А с доской только возня лишняя. Прошлый раз она еле загорелась, ерунда магнитная…

— Смотрю — оптимизма у тебя полно, — хмыкнул Федор, вставляя флешку в специальное отверстие у двери, — "гоняться некому будет…" Всегда найдется тот, кто побежит за тобой на Втором Уровне, не забывай это правило, Тай. Есть законы,

которые всегда будут соблюдаться.

— Только давай не будем сейчас о законах, — тихо проговорила Таис и первая выскочила в дверной проем.

2.

Подслеповатые туннели встретили холодом и тишиной.

Ровные стены, редкие лампочки, низкий потолок, выгибающийся полукругом.

— Интересно, почему тут, на Первом Уровне нет тепловых датчиков? Ведь при таком раскладе корабль этот уровень не видит, — проговорила Таис, слегка дотрагиваясь до руки Федора.

Федор тут же согрел теплой ладонью замерзшие пальцы и дернул плечом. После задумчиво сказал:

— Да кто ж это знает. Тут много странностей, на этой станции. Много странностей и много не решенных вопросов. Поди, разберись. Станция нижний уровень не видит, но отапливает. И благодаря тому, что тут нет датчиков, мы можем нормально жить.

— Ничего себе, нормально. Это ты называешь нормальной жизнью?

— Ну, по — крайней мере, это настоящая жизнь, без обмана.

— Тогда я скажу тебе, что настоящая жизнь хуже ненастоящей. Просто отвратительная эта настоящая жизнь, вот что я скажу тебе.

— Я понял, — Федор слабо улыбнулся, — нет еды, нет классных вещей, нет тепла. Тай, но мы ведь живые, здоровые люди. И, между прочим, даже взрослые. Мы все это можем раздобыть.

— Да какие мы взрослые? И какие мы люди, Федь? Мы дети, а дети — это еще не люди. Ну, так думают наши роботы — наставники. Может, они боятся, что мы повзрослеем и заберем командование корабля в свои руки?

— Видишь, Тай, ты тоже можешь нормально мыслить, — Федор улыбнулся еще шире и ловко уклонился от руки Таис.

— Опять издеваешься?

— И не думал. Но ты попала в самую точку. Мы именно этого и хотим с Вальком. Найти слабое место в системе и забрать управление в свои руки. Когда-то ведь этим кораблем управляли люди. Значит, можно это управление вновь вернуть себе. Как тебе идея?

— Утопична, как и придурошные законы Моага. Кораблем могут управлять только идеальные люди, не забывай. А идеальных людей не существует. Всех детей отбраковывают и усыпляют. А особенно неудачных отбраковывают еще раньше, называя это "изоляцией".

— Все, мы пришли, — прервал ее Федор.

Повернули за угол и оказались около знакомой горы мусорных пакетов.

— Готова? — спросил Федор и склонился над планшетом.

Несколько движений, и Таис поняла, что тепловые датчики уже отключены. Дальше все привычно и быстро.

Она забралась на плечи друга, ухватилась за квадратные скобки на краю вентиляционного отверстия, подтянулась и залезла внутрь.

— Тай, — тихо прозвучало снизу.

— Что еще?

— Ты поняла, мы на связи. Слушай нейтфон.

— Угу. Поняла.

Дальше — работа для рук и для ног. Упереться в гладкие стены, подтянуться. Еще немного. Ругнувшись сквозь зубы, Таис нащупала край верхнего горизонтального поворота, уперлась носками ботинок в стенку, еще раз подтянулась. Наконец, неловко изогнувшись, ей удалось подняться в вентиляционное отделение Второго Уровня. Теперь дело за малым. Охота началась.

Теплый воздух охватил Таис, хлынул знакомыми запахами, добрыми и родными. Удобное резиновое покрытие под ногами смягчало шаги, гладкий пластик на стенах чуть поблескивал в ровном свете ламп.

Таис не торопилась, на охоте были свои правила, и она их соблюдала. Торопиться нужно только тогда, когда убегаешь с добычей. А в самом начале охоты спешка может только помешать.

Оглядываясь и прислушиваясь, Таис выбралась к Оранжевой магистрали. Здесь все тихо, и даже Донов не видно. Приглушенный свет окрашивал бежевые стены туннелей в оттенки оранжевого, но зато ярко полыхали витрины — огромные, неповоротливые роботы — доставщики сгружали продукты. Это то, что надо.

Лучше всего добраться до внутренних кафешек, там и проход внутрь просторный — это не узкий ящик — автомат, выплевывающий шоколад и чипсы. Для этого Таис быстро пересекла Оранжевую магистраль и скрылась в туннеле. Вот она, внутренняя Зеленая магистраль.

Здесь, на этом Уровне, на этой магистрали прошла лучшая пора жизни. Теплая и яркая, не омраченная ни голодом, ни холодом, ни угрозой смерти. Здесь все было предсказуемым и добрым. Отношение роботов — нянек, начисления бонусов за соблюдения закона.

Да и сам закон — вот он, горит золотистыми буквами на

огромной темной панели над Главной Площадью. Таис пробежала глазами по знакомым словам и слегка покачала головой. Десять заповедей — так назывался закон официально. Его учили с детского сада, и слишком еще свежи воспоминания, как каждый вечер маленькая Таис повторяла за своим роботом — нянькой:

1. Моаг — твой родной корабль. Да не будет других кораблей у тебя, служи и работай только на своем родном корабле.

2. Шесть дней учись, чтобы работать и приносить пользу кораблю. На седьмой день можешь отдыхать.

3. Слушайся и уважай роботов — наставников, нянек и учителей.

4. Не убивай

5. Не обижай.

6. Не ругайся и не произноси плохих слов.

7. Не кради.

8. Не лги.

9. Не ленись.

10. Не забывай закон.

Все просто и понятно. Все знакомо до ноющей боли в груди.

На деле же оказалось, что закон — это полная лажа. Потому что даже если ты не будешь убивать, врать и воровать — ты все равно умрешь, едва тебе исполниться пятнадцать лет. Или — в лучшем случае — будешь жить в голоде и холоде, постоянно прятаться и проводить слишком много времени в тесных вентиляционных лазах.

Все, что раньше было прочным и понятным, все оказалось пустым и хрупким. Ничего не стоящим, ненужным, как пустая обертка из-под шоколадных батончиков.

Вот только одно оставалось непонятным — зачем Моагу эти законы? Он растит идеальных детей, послушных, воспитанных, умных, а после их убивает. Это глупость и дурость! Должно быть, чиповый мозг корабля поразил редкостный и ужасный вирус, и тот сошел с ума. Сумасшедший Моаг повис посреди космоса и держит в плену детей.

А что же стало со взрослыми тогда? С теми, кто руководил "Млечным путем"?

Едва заметно завибрировала пластинка нейтфона в кармане. Таис надавила пальцем на кнопку и услышала голос Федора в наушниках:

— Ты как?

— Нормально.

— Выбрала цель?

— Еще нет.

Да, цель еще не выбрала, потому что стояла и пялилась на

дурацкие законы. А что на них пялиться? Они так же бесполезны, как и бонусы там, на Нижнем Уровне. На самом деле можно все — и воровать, и лгать и даже убивать. Моаг же убивает? Убивает. Для того чтобы выжить сгодятся любые методы.

Едва от ближайшего кафе откатились тяжелые доставщики, Таис тут же оказалась около входной двери. Продукты доставлены, двери теперь запирать не станут, все равно до зажигания верхнего дневного света осталось минут двадцать, не больше. Потому надо торопиться, пока на магистралях не появились Доны, а на дорожках и туннелях — их подопечные. Потому что поймать Таис утром, когда детей очень мало, окажется легче легкого. Никто не будет путаться под ногами у Донов, ни с кем ее, Таис, не перепутают. И с толпой не слиться, и в строе детей не спрятаться.

Таис ловко заскочила на кухню, где трудились усердные пекари, засыпая ингредиенты в огромные хлебопечки. Вот бы такую машину к ним, на Нижний уровень. Просто засыпал муку, яйца сахар и что там еще — и вот тебе готовый хлебушек.

Из стоящих на полу контейнеров Таис хватала без разбора и муку, и запакованное в коробки молоко, и сахар. Она делала все тихо, чтобы не привлечь к себе внимание, роботы — пекари слишком сосредоточены на выполнении своих программ, потому обмануть их бдительность ничего не стоит. Но надо торопиться.

Еще головку сыра — пахнет так, что голова кружится. Пакетик изюма, еще один пакетик, еще.

Повернувшись, Таис схватила с витрин коробку чая и коробку сливок. Рюкзак вскинула на плечо. Тяжело, но Федор потом поможет.

Дверь послушно распахнулась, поблескивая никелированной ручкой. Стукнула ножка стула, за которую нечаянно запнулась Таис. Завибрировал нейтфон.

— Выхожу, — голос прозвучал слишком громко, но теперь уже все равно.

Надо уносить ноги! Быстрее, быстрее!

— Это опять ты? — вопрос за спиной заставил вздрогнуть.

Таис оглянулась и увидела вчерашнюю рыжую девочку, аккуратную и красивую.

— Привет, — бросила ей и повернулась к туннелям.

Рука девчонки схватила сзади за рюкзак и дернула. Ничего так, сильная девчонка. Вырываться не хотелось, лямка могла оторваться, а терять еду нельзя, иначе вся вылазка окажется напрасной. И, вдобавок, Валек наорет за самоволие.

— Что тебе надо? — Таис оглянулась и посмотрела в светло — голубые глаза, обрамленные длинющими темными ресницами.

Красивая девочка, все-таки.

— Зачем ты сюда приходишь? Что тебе тут надо?

— Скоро узнаешь, — многообещающе ответила Таис, — тебе ведь уже есть пятнадцать?

Наверняка есть. Грудь у девчонки что надо, да и ростом она выше Таис.

— Какая разница, сколько мне лет? — голубые глаза презрительно сощурились.

— Последний экзамен сдан? Ждешь Последних Распоряжений и мечтаешь о Третьем Уровне? Так вот, взрослых на Третьем Уровне нет. Никто не выжил, потому что Моаг убивает всех, кому больше пятнадцати. Сходи сама и проверь. Мы проверили, потому и живем внизу.

Все это Таис выпалила злой скороговоркой, беспокойно поглядывая сквозь туннель на Оранжевую магистраль. С противоположной стороны уже появился один Дон.

— Ты сумасшедшая. Вы все внизу сошли с ума, — ничуть не смутившись, ответила незнакомка, — я сдала последний экзамен и получила приглашение на командный пост. Приглашение от командного состава, а это значит, что от взрослых людей.

— Твое приглашение — всего лишь электронный файл, отосланный роботами. Примитивная автоматическая отправка файла, это элементарно. Ты должна сама уметь прописывать такие простые программы, если такая умная.

На разговоры совсем не осталось времени. Опять завибрировал нейтфон, и в голосе Федьки звучали теперь резкие и серьезные ноты.

— Что ты так долго?

Таис не ответила. Кулаком снизу двинула в подбородок красавицы, после ногой по колену. Взметнулось золото волос, и рыжая девочка упала навзничь, охнув и схватившись за лицо.

Вперед, и не оглядываться. Теперь речь идет о жизни. Короткий туннель, Оранжевая автострада. Вспыхнувшие лампы дневного света неприятно резанули по глазам, выхватывая яркие, веселые краски Второго Уровня. Наступил еще один день для детей Моага.

Проход к семнадцатым туннелям перекрывали два Дона. Резко затормозив, Таис нырнула в узкий коридорчик, ведущий обратно к Зеленой магистрали, торопливо вызвала Федора. Тот ответил сразу.

— Я понял. Не паникуй. Двигайся через Главную Площадь. Наперерез. К шестым туннелям. Давай, Тай, у тебя получиться. Я тебя встречу.

Спрашивать было некогда, думать тоже. Изумрудное

резиновое покрытие Зеленой магистрали мягко пружинило под ногами, растущие в кадках лимоны и апельсины норовили царапнуть по лицу длинными ветками. Неуклюжие роботы — садовники совсем некстати перекрывали дорожки, и приходилось то и дело сворачивать в сторону. Но зато здесь, среди растительности, Таис не так легко заметить.

Федька все правильно рассчитал, перед шестыми туннелями находились детские площадки с лабиринтами горок, качелей, разноцветных труб и бассейнов с небольшими шариками. Таис запрыгала, огибая препятствия, ловко пробралась по лабиринту, перескочила через небольшую лесенку.

Из соседнего сада уже вываливалась заспанная малышня — на зарядку. Пришлось пробираться и через них, быстрее, быстрее. Тяжелый рюкзак давил вниз, но это была приятная тяжесть. Тяжесть еды. И хотелось, чтобы этой тяжести было побольше.

Наконец удалось добраться до спасительных коридоров под номером "шесть", и Таис нырнула под их полукруглые своды с облегченным вздохом. Снова связалась с Федором.

— Молодец, теперь бросай в них включенный нейтфон, наверняка уже засекли Доны его работу. И отправляйся на наше место. Помнишь?

— Я поняла.

— Я тебя там жду.

— Поняла.

От шестых туннелей короткий переход вел к популярным магазинчикам, в которых продавали всякую приятную мелочь и игрушки. У магазинчиков стояли растения в кадках, скамейки и небольшие качельки. В самом закутке, у перехода Таис в детстве частенько играла с приятелями в разные ходилки, пила колу и просто болтала. Федор тоже рос в этой части Второго Уровня, потому знал об этом месте. Оно так и называлось между детьми — "наше место".

Едва Таис оказалась на знакомом треугольнике из деревянных скамеек, как появился Федор. Вышел из соседнего туннеля и махнул рукой. Как он попал на Второй Уровень? Ведь через вентиляционные шахты он вряд ли пролезет.

— Быстрее. Надеюсь, мы смогли выиграть немного времени, пока они разыскивали твой коммуникатор. А может и нет.

Федор забрал рюкзак, взял за руку и потянул за собой.

— Есть тут один проход, вентиляция. Правда, он очень неудобный, но зато более широкий. Уйдем через него, хотя теперь наверняка Доны вычислят его и запаяют.

— Ты пролезешь? — тяжело переводя дыхание, спросила Таис.

— Ну, уже пролез…

Похоже, погоня за ними была. Доны продвигались по детским площадкам довольно медленно, но в туннелях они увеличат скорость, и тогда не будет никакого преимущества.

— Давай, Тай, быстрее, — словно в ответ на ее мысли бросил Федор.

Таис уже не запоминала повороты. Какие-то решетки — видать, за ними находились лифты, откуда роботы доставляли продукты и вещи на Второй Уровень. Какие-то ступени, упиравшиеся в стену. Все сливалось в один хоровод, освещенный пятачками круглых лампочек.

У одних ступенек Федор остановился, быстро глянул на Таис и тихо предупредил:

— Это тут. Вертикальный спуск. На середине спуска будет отверстие, тоже круглое. Вертикальное отверстие, поворот на наш уровень. Надо остановиться, не пролететь его. Поняла? Тебе надо будет попасть в это отверстие, забраться. Я после тебя. Ясно?

Переспрашивать уже некогда. Если не ясно — то поймет по ходу дела. Таис торопливо кивнула, и Федор подтолкнул ее к ступеням. Круглая шахта походила на трубу. Это, собственно, и была труба, железная и темная. Она находилась в самом низу стены, рядом с ней накрепко запаянная дверь. Таис ухватилась за край, просунула ноги, после пролезла сама. Еще раз посмотрела на Федора. Тот кивнул головой и одними губами произнес:

— Быстрее.

Таис отпустила край трубы и полетела вниз. Лишь спрыгнув на пол в темноту и ударив колено, поняла, что пролетела нужное отверстие. И где теперь она? Позвать Федора?

Федор сам оказался рядом. Вначале повис на руках, и фонарик на его поясе выхватил из мрака горы нетронутой пыли. После прыгнул вниз и спросил:

— Цела?

— Колено ударила. Что теперь?

— Ага, вопрос хороший. Не заметила поворот, что ли?

— Да как его заметишь в темноте? Труба короткая, я не поняла ничего.

— Ничего себе — короткая труба. Тут, между прочим, больше одного уровня.

— Что это значит? — Таис неуверенно оглянулась.

Темнота обступала со всех сторон, лишь полоса от фонарика давала возможность рассмотреть гладкие поверхности стен.

— Это значит, что чуть ниже нашего, Нижнего Уровня есть еще помещения.

— Так, может, и еще Уровень есть? С этими самыми

взрослыми?

— На плане корабля вот конкретно это помещение не существует. Его просто нет. Ни датчиков, ни проходов отсюда.

Федор повел фонарем, освещая стены. Помещение небольшое, просто квадратный колодец какой-то. Бледный фонарный луч не спеша переползал с одной стены на другую, пока не выхватил огромный дверной проем. Двойная дверь, наглухо закрытая, сильно напоминала двери, ведущие на базу. То же отверстие для флешки сбоку, квадратный знак "Млечного пути". Только сверху этого знака кто-то прикрепил колючие золотистые звезды Моага. Соединенные короткими линиями, звезды складывались в созвездие Гончих Псов.

— Что это такое? — почему-то шепотом спросила Таис.

— Понятие не имею. Может, еще жилые отсеки?

— Или запасной выход в космос. Вдруг там специальные катера и скафандры?

Федор дотронулся до руки Таис, сжал ее пальцы, после провел лучом по всему периметру двери.

— Смотри, стена напротив двери выглядит так, будто ее специально запаяли. Даже швы видны. Иначе, зачем делать такую большую дверь в тупик?

— Ну, да, получается, что дверь заводит сюда, в эту конуру. Не по трубе же они поднимались.

— Да и труба странная такая. Я ее нашел еще в детстве. Но ни разу не решался спускаться. Вот, только сейчас довелось.

— Может, откроешь своей флешкой?

— Сейчас попробую. Вдруг отсюда тоже можно пройти на наш уровень.

— Хорошо бы.

Федор достал из кармана штанов тоненькую флешку, поднес к отверстию сбоку от дверного проема и замер.

— Ты что? — удивилась Таис.

— Да, вот думаю, что может быть за этой дверью? Надо сюда соваться, или нет?

— Осторожный какой. Да обычная это дверь. Вот точно так же Валек нашел базы. Ты ведь помнишь?

— Помню. Взломал их с помощью планшета. После прописал коды на флешки. Но на тех дверях не было знака Моага. Мы тогда еще подумали, что если знак Моага для нас опасен, то знак "Млечного пути" может принести спасение.

— Ничего себе у вас были мысли. Мне бы такое не пришло в голову.

— Ладно, посмотрим.

Флешка легко вошла в гнездо и тут же засветилась сначала

голубым, после оранжевым светом. Мгновение — и она вспыхнула коротким пламенем.

— Вот, черт! — крикнул Федор и рукой слегка оттолкнул Таис.

Короткие язычки нагло лизнули стену рядом с гнездом, после съежились и пропали. Осталась лишь фонарная полоска, по — прежнему выхватывающая из темноты дверь с золотистыми звездами и небольшой оплавок — то, что осталось от флешки.

— Я же говорил, — устало произнес Федор, — что знак Моага приносит только беду. Мы теперь остались без флешки, на которой были ключи не только от нашей базы. Черти бы побрали эти двери…

— Нет тут чертей, только роботы. Странная дверь, очень странная.

— Все, надо валить отсюда. Я после посмотрю на карте, где это может быть. Оно, наверное, и к лучшему, что дверь не открылась. Не все двери на этом корабле следует открывать, видимо.

— Федь, как же мы теперь без флешки? — Таис сморщила нос и еще раз боязливо оглядела помещение.

Луч фонаря завалился куда-то вбок, и на обоих глянул серый угол стены, залитый какими-то темными потеками. Что-то знакомое показалось все всем этом, Таис попятилась и тихо сказала:

— Мне снилась эта дверь. Мне снятся кошмары, когда я ложусь спать голодная или слишком замерзшая. И всегда снится дверь, которая открывается…

Последнюю фразу она произнесла еле слышно, и почувствовала, как по спине пробежали мурашки. А друг эта дверь откроется прямо сейчас? Так же тихо, как во сне? И даже убежать из этой ловушки будет некуда.

Теплая рука Федора легла на плечо, слегка хлопнула.

— Всем детям на базах сняться кошмары, потому что все бывают голодными. Давай, не раскисай. У тебя же есть еда в рюкзаке, я правильно понял? Так что мы копаемся?

— А что делать?

— Что делать… что делать… Выбираться отсюда. Лезь ко мне на спину, после цепляйся за скобы, ставь на них ноги и залазь в трубу.

Таис лишь глянула на темное отверстие, и жалобно ответила:

— Федь, я боюсь…

— Бегом, я сказал, — в голосе друга послышались злые нотки.

Это что-то новое, обычно Федора не так просто вывести из

себя.

Набрать воздуха в грудь, выдохнуть и лезть. Все как обычно, ничего особенного. Холодные скобы впивались в ладони, но это была знакомая боль, даже немного родная. Труба действительно оказалась чуть больше, чем обычные вентиляционные шахты, но зато приходилось подтягивать еще и тяжелый рюкзак, а это занятие не из легких. Федор дал веревку, которую следовало прикрепить к скобам, чтобы и он мог залезть. Ему будет сложнее, ничьих плеч под ногами у него не окажется.

Пропущенный поворот оказался совсем близко. Буквально на расстоянии коленки. Закинув в него рюкзак, Таис забралась сама и прокричала:

— Все нормально, тут удобно и недалеко. Давай, лезь.

— Не ори, — тут же донеслось снизу, — лезь сама, чтобы не дала мне по морде ботинком.

В трубе можно было передвигаться на коленках. Правда, дорога оказалась слишком долгой и привела к стене мусоропрессовщика. Туда, где обычно дикие находят всякие интересные вещички. Правда, запах тут не очень, зато места знакомые. И никаких странных закрытых дверей.

Выход оказался под самым потолком. Таис прыгнула, снова ударила коленку и выругалась:

— Задрал этот чертов Моаг, задрал совсем! Чтоб сожрали его вирусы, чтоб мозг его поразила болезнь и заклеймило все платы к чертям собачьим.

— Ты же говорила, что тут нет чертей, — усмехнулся Федор, показываясь из трубы.

Таис отодвинулась, освобождая место для прыжка, после добавила:

— У тебя пыль на голове. Все волосы в пыли.

— Да? — Федор поднялся, проверил планшет и только после этого отряхнулся.

Таис смахнула остатки пыли с волос друга — для этого ей пришлось подняться на цыпочки — заметила:

— А еда-то у нас. С удачной охотой нас. Эгей!

— Надеюсь, Валёк будет недолго ворчать.

— Будет ворчать — оставим без еды.

Свою долю Валёк, конечно, получит, это обязательно. Еду всегда делят на всех на базе, иначе не выжить. Но нечего ворчать и делать вид, что ты — самый главный.

И вообще, они с Федором сегодня — герои. У них есть еда, и сегодня на Темной базе позавтракают как следует. А там видно будет.

Таис подпрыгнула от переполнявших чувств и Федор, глянув

на нее, заметил:

— Ого, тебе хочется танцевать? Что значит этот прыжок?

Они уже почти пришли, как вдруг из-за поворота выскочила четверка пацанов. Лохматые, грязные и злые, они напали молча и быстро. Таис опомниться не успела, как на нее напрыгнули двое. Прижимая ее к стене, они угрожающе щурили глаза, и несло от них тухлятиной и сыростью. Мерзкий такой запах.

— Придурки дикие, — прошипела Таис и впилась зубами в руку одного из них. Ту, что лежала на плече.

Пацан взвыл, отступая. Второй сильнее надавил на шею Таис и замахнулся ладонью. Удар коленом ему в живот, после, когда рука парня ослабла — головой в грудь. Еще один удар ногой — пусть знает, как девочек обижать.

Сзади второй мальчишка стукнул из-за всех сил по спине, так, что в глазах засверкали звезды. Таис пошатнулась, упала на колени, схватила второго мальчишку за ноги и рванула на себя. Тот упал, заорал, стукнувшись головой об пол.

Таис занесла, было, кулак для очередного удара, но ее остановили крепкие руки Федора. Тряхнули, подняли.

— Пошли, нечего тут кулаками махать.

Два его противника пятились в конец коридора. Один зажимал ладонью разбитое лицо, другой ругался, прижимая к груди руку.

— Вот придурки. Что им надо-то было, этим диким? — Таис еще раз оглянулась, прежде чем идти к базам.

— Еда. Тут всем нужна только еда.

— И что, надо тащить у своих же? Мы же свои, Федька?

— Ну, видать уже не свои. Надо будет вместе с Вальком сходить и разобраться с этими дикими.

— Отдубасить их?

— Нет, просто поговорить. Хотя не мешало бы их всех отмыть. Воняют так, будто живут на улице.

Глава 4. Эмма: правильное решение

1.

Конечно, Илюха знал про особенности Лоньки, ведь столько раз они втроем — вместе с Катей — собирались у Эммы, смотрели фильмы, играли в голографические игры и просто пили чай. Правда, весь последний год Катя с Ильей ходили только вдвоем и все больше проводили время в заброшенных уголках детских площадок или в укромных закутках кафешек.

Да и вообще оба заметно поглупели. То ли это связано с бешеной выработкой гормонов в подростковом возрасте — Эмма об этом читала, она вообще много читала. То ли еще что, но ума у Кати и Ильи совсем не осталось. Уроки забросили, в классы опаздывали. И постоянно смотрели друг на друга так, будто что-то особенное видели.

Глупость самая настоящая. Какой толк просиживать штаны на детских площадках, когда у вас в этом году последние экзамены и Праздник Выпускного? Никакого. Вообще никакого толка, и объяснить эту их глупость Эмма не могла.

У них, старших учеников Моага, одна главная задача — хорошо учиться, быть здоровыми и послушными закону, чтобы после приносить пользу своему кораблю и человечеству. Чтобы родителям и другим взрослым на Третьем Уровне не пришлось стыдиться своих детей.

А какую пользу можно принести, каждый вечер прячась по углам Уровня и проводя время впустую? Зачем это нужно?

Вот и сейчас Илья выглядел так, будто совсем потерялся во времени. То и дело теребил волосы, и кусал нижнюю губу. А глаза стали такими странными… Эмма даже не могла понять, что с глазами приятеля.

А ведь ничего страшного не случилось, детей на Втором Уровне частенько отправляют в Изоляцию за нарушение законов. Сначала, за первое нарушение, только на сутки. Если нарушений больше двух — могут задержать и на месяц. Совсем неугомонные из изоляции не возвращались, Эмма подозревала, что их попросту отправляли на Землю, в резервации. Зачем на таком ответственном объекте, как Моаг, эмоционально нестабильные дети, которые после станут такими же нестабильными взрослыми? Это попросту опасно, такой человек может сорвать весь процесс производства.

Сколько там нарушений у Кати?

— Сколько раз она нарушила Закон? — спросила Эмма, поглядывая сверху вниз на сидящего на табуретке Илью.

— Четвертый раз, — хмуро ответил тот.

— Ничего себе! Когда это она умудрилась? Нарушения ведь считаются со школьного возраста. Это что, за последние пару лет?

— Нет, конечно, ты чего? Ну, не повезло ей. В первых классах она дралась со мной, обзывала пару раз. Глупые были, маленькие еще. Я ее тоже обзывал…

— Ага, помню, вас тогда обоих отстранили от классов на день, посадили под домашний арест.

— Ну, а после с уроками невыученными тоже один прокол был.

— А кто мешал учить уроки? — Эмма пожала плечами.

— Ладно тебе, не умничай. Лучше скажи, дашь воспользоваться Лоном?

— Смотря что ты от него хочешь.

— Хочу полную карту Второго Уровня посмотреть. И Третьего, если придется. Хочу найти комнаты Изоляции, куда они увели Катю.

— Зачем? Как увели, так и приведут. Смысл сейчас что-то искать?

— А если не приведут? А если отправят на Землю?

Вот чего боится Илья! Да, могут отправить, кому такие бестолковые нужны? Вслух Эмма этого не сказала, лишь спросила, подняв брови:

— А тебе-то что? Отправят — значит, заслужила. Ты-то ни при чем. Тебя отправлять, вроде как, не собираются.

— Я не могу без нее, — еле слышно произнес Илья и посмотрел в глаза Эммы.

Взгляд его показался страшным, будто терзала Илью внутренняя боль, настолько сильная, что даже взгляд менялся. Что это с ним?

— Илья, люди не могут без воздуха, без сна, без воды… А без друг друга очень даже могут. Мне тоже нелегко расставаться с сестрой, но я понимаю свой долг и свои обязанности. Потому и нарушений у меня нет. Надо просто все делать так, как надо, а не заниматься ерундой. Вот Катя твоя и доигралась.

— Да, Катя — моя, — встрепенулся Илья, — и я должен узнать, что с ней. Просто узнать. Эм, ну будь другом, мы ведь столько учились вместе, и никогда не ссорились. Помоги мне, а?

Горячее желание в голосе друга просто выбивало из колеи. Таким Илью Эмма видела первый раз. Что-то случилось с ним, вот только что? С другой стороны, он же не нарушить закон просит, правильно? Лон ничего никому не расскажет, его мозг отключен от главного управления корабля. Ее робот теперь сам по себе. Пусть покажет Илье схемы этажей, ничего ужасного в

этом нет.

— Ладно, идет. Только никаких форматирований, никаких скачиваний. Лон тебе просто покажет — и все.

— Да, никаких скачиваний, — торопливо закивал головой Илья, — только посмотреть.

— Ну, что, малолетние нарушители, понадобилась вам помощь особенного робота? — развеселился Лон, как только узнал, что от него требуется.

— Давай только без комментариев, — оборвала его Эмма, — просто спроецируй уровни на мой… нет, лучше не на мой, а на Илюхин планшет.

— Вот тут вас всех и поймают. Коля, прежде чем пользоваться моей информацией, форматнул свой планшет и тоже отключил его от главного командования.

— Верно, — Эмма поморщилась, — тогда на своем экране показывай. Графика у тебя не очень, но что есть — то есть.

Лонька довольно свистнул, убрал переднюю панель со своего блестящего туловища и зажег синим небольшой экран. Эмма этим экраном никогда не пользовалась, не было необходимости. Да и лезть в измененного робота не очень-то хотелось.

Замелькали значки файлов, высветились стартовые формы каких-то непонятных программ.

— Что это? — спросил Илья, напряженно вглядываясь в экран.

— Это секретные файлы корабля, — невозмутимо ответил Лон, — те самые, к которым однажды добрался Коля.

— Давай не болтай, — оборвала его Эмма, — показывай план.

— План в этих файлах.

Наконец Лон высветил карты коридоров Второго Уровня.

— Вот то, что вижу я и весь мозг корабля с остальными роботами, — довольно произнес Лон, — Второй Уровень, весь, как есть.

Эмма долго вглядывалась в карту, после пожала плечами:

— Тут нет комнат изоляции. Я знаю все эти коридоры, или почти все. Илья, ты что-то видишь?

— Нет. Определенно, комнаты изоляции находятся на Третьем Уровне. Лон, можешь его показать? — последнюю фразу Илья произнес тихо, точно выговорил запрещенные слова.

Эмма почувствовала, как сильно забилось ее сердце. Третий Уровень, место, где находятся взрослые. Желанный и загадочный. Неужели Лон может показать и его?

— Нет проблем, — прогудел наглый робот, и тут же изображение на его мониторе поменялось.

— Пойди, разбери, где тут изоляционные комнаты, —

выдохнул Илья.

— А капитанская рубка где? — осторожно спросила Эмма. Она была зла на себя за это свое любопытство, но и поделать ничего не могла, вопрос вырвался прежде, чем она подумала.

— В капитанской рубке и прилегающих отсеках нет тепловых датчиков. И вообще ничего нет, я их не вижу. Их не видит весь корабль, — с готовностью сообщил Лон.

— Странно, — выдохнул Илья, не отрываясь от монитора.

— Ничего странного, — мотнула головой Эмма, — просто это помещения для людей, а не для роботов. Вот корабль их и не видит. Взрослые там есть, это точно.

Последнюю фразу Эмма произнесла больше сама для себя, потому что в коридорах Третьего Уровня они не видели ни одного человека. Вдруг Лон увеличил карту, и в одном из помещений загорелась красная точка.

— Вот здесь есть человек, — сообщил Лон.

Да, разница между Вторым и Третьим Уровнем была огромная. Второй Уровень полностью заполняли красные движущиеся точки. Много, очень много точек. Жизнь кипела на детском уровне. А на Третьем — только одна красная точка в закрытом помещении.

— А производственные помещения? Что с ними?

— К ним роботы — няньки тоже не имеют доступа. И датчиков на них нет — полностью механизированное производство. Это все, что я знаю. Такую информацию Моаг скрывает от роботов класса "Лон".

— Я чувствую — это Катя, — приглушенным голосом проговорил Илья, продолжая всматриваться в экран, — это она. Мне надо попасть на Третий Уровень…

— Зачем? — с тоской протянула Эмма, — Зачем тебе на этот Уровень?

— Не хочу, чтобы ее отправляли на Землю. Катька — не трудный ребенок, она нормальная девчонка.

"Угу, как и ты" — мелькнуло в голове у Эммы.

Илья нервно потер переносицу, и заговорил снова, опустив глаза на новенькие черные кроссовки:

— Я найду взрослых и расскажу о Кате. Скажу, что я виноват в ее нарушениях, попрошу не отсылать ее. А если… В общем, если все-таки отошлют, то попрошу и меня тоже отправить вместе с ней.

— Так тебя и послушали…

— Но они же не роботы! Они — люди, они должны выслушать своих!

— Ну, ладно, ладно, не ори, — Эмма отступила назад и

скептически улыбнулась, — допустим, что тебя выслушают. Но для этого надо как-то попасть на Третий Уровень. Тебя никто туда не пустит.

Илья сжал губы, вскочил, прошелся по кухне, зачем-то дергая шнурки капюшона на своей пайте. После резко остановился, посмотрел на баночки с кофе и чаем, красиво расставленные на полочках, медленно заговорил:

— Продукты ведь доставляют по утрам. А обратно забирают контейнеры с пустыми упаковками. Я могу забраться в такой контейнер. Доставщики не заметят.

— А тепловые датчики? Ты забыл об этом.

— Здесь, на Втором Уровне этих красных точек очень много, роботы могут и не обратить внимание. А на Третьем я постараюсь быстро добраться до взрослых. Ну, вдруг мне повезет… А если не повезет, то хотя бы отправят вместе с Катей.

— Глупо это все. Очень глупо — променять престижную профессию и престижную работу на жизнь в резервации. Но это твое дело, я не вмешиваюсь.

— Только не говори никому, ладно? — Илья глянул с неожиданной злостью, сузив глаза и сунув руки в карманы.

— Успокойся. У меня другие заботы.

— Ладно, спасибо тебе и Лоньке твоему, пойду я.

— Да, я думала, что отпразднуем наш Последний Экзамен…

— В другой раз. Если все выйдет, отпразднуем в другой раз. Привет Соне, когда придет.

Едва Илья вышел, как вбежала младшая сестренка — у нее сегодня был день общественных работ, потому она всю вторую половину дня провела в садике, занимаясь с малышней. Трудовая дисциплина на Моаге являлась обязательной для всех школьников.

— Вы что, без меня смотрели фильмы и ели торт? — возмутилась она с самого порога.

На двух ее длинных рыжих косичках поблескивали звездочки из прозрачного стекляруса, запястья украшали браслеты с похожими звездочками и бусинами розового и сиреневого цвета.

— Нет, Сонь, ты что? — Эмма улыбнулась сестре и кивнула на холодильник, — торт тут, целый и невредимый. Только есть его придется нам двоим. Можно пригласить девочек из соседней каюты, если хочешь. А можем просто вдвоем посмотреть фильмы. Что скажешь?

— Давай вдвоем, — тут же ответила Соня, заглядывая в холодильник, — потрясающий торт! И персики тоже будут?

— Забыли заказать персики! Вот раззявы мы с Лоном. Лон, закажи еще немного персиков, а? Последний праздник празднуем

вместе с Сонькой, хочется, чтобы все было, как она хочет.

— Уже заказываю, — с готовностью ответил Лонька и расставил на столе тарелки.

— Не, мы не будем есть на кухне, — спохватилась Соня, — мы будем есть в гостиной, на диване, перед экраном. Это точно!

Фильмы на планшет, а после на голографический монитор в гостиной Эмма загружала из корабельной библиотеки. Для детей Моаг собрал отличную коллекцию научно — познавательных фильмов о животных, о птицах, о рыбах. Эмма скачивала даже фильмы про океаны — после глобального потепления уровень воды очень сильно поднялся, фауна и флора изменилась, и документальные съемки того, что когда-то было на земле, ценились особенно.

Были и современные фильмы в 3–D графике, но их любила только Сонька. Особенно мультики о маленьком — роботе уборщике и его приключениях на корабле. Каждый вечер смотрела по две серии. И как только не надоест?

Эмма предпочитала фильмы о старой Земле. Но не каждый раз выпадало время посмотреть любимые вещи — уроки и общественные работы занимали много времени. А еще походы по магазинам, игры с Сонькой — она все-таки младшая сестра, и ей следовало уделять внимание.

Все фильмы, что Эмма скачала с библиотеки, хранились на одной флешке. Надо было бы привести все это в порядок, рассортировать — фильмы о животных на одну флешку, фильмы про океаны — на другую. Фильмы про древние цивилизации — на третью.

Но уже не успеть. С собой забирать флешку Эмма не станет, оставит для сестры. Пусть смотрит иногда. К ней наверняка подселят малышку из садиковского выпуска, может, даже мальчика Эрика — их младшего брата. Братец у них такой же рыжий и такой же голубоглазый. Правда, Эрик переходит в младшие школьники только через год. Но, может, подождут год? А, может, в этом году подселят какую-нибудь девочку, а в следующем — Эрика. Братья и сестры обычно живут вместе, так ведь удобнее.

И тогда Сонька рассказала бы Эрику, что фильмы на флешку качала старшая сестра Эмма, которая сейчас работает на Третьем Уровне. Хрупкая и призрачная, но все-таки связь. Связь между поколениями.

И вот, тарелки с кусками торта уже стоят на овальном столике перед диваном. А Сонька, развалившись на полу, пристроила свою тарелку прямо на ковре.

— Что будем смотреть?

— Давай про дельфинов, — предложила Эмма, просматривая файлы на флешке.

— Твой любимый? Ну, давай.

Голубоватый монитор послушно вспыхнул от звукового сигнала. Файл фильма легко передавался по беспроводной связи, через планшет. Пара секунд, и фильм начался.

Наблюдения за дельфинами. Люди на катере, снимающие все на камеру, и не боящиеся нырять в темные холодные воды. Далекое голубое небо — то самое небо, где висит сейчас на орбите Моаг.

За последние десятилетия люди многого достигли, и им удалось изменить свою жизнь к лучшему. А когда-то жили вот почти как эти дельфины. Следовали простейшим инстинктам — эгоистичные порывы, бесконтрольное размножение.

У дельфинов все просто. Брачные игры, долгая беременность и детеныши. И все это повинуясь инстинктам размножения. В классах это проходили. У людей получилось отойти от инстинктов, и даже давно устаревший институт семьи удалось упразднить.

Благодаря новой системе люди заметно улучшили качество своей жизни. Теперь не надо бороться за еду и за одежду. Всего всем хватает. Все производится в избытке. Столько, сколько надо. Тяжелый физический труд навсегда ушел в прошлое, все делают роботы. И это тоже очень удобно.

Да и бесконтрольное размножение прекратилось. Детей зачинают в лабораториях, выращивают специальные роботы, всегда доброжелательные, всегда терпеливые. Постоянный медицинский контроль и хорошее питание свели младенческую смертность к нулю. Развитая генетика предупредила возможность рождения больных детей или детей с генетическими отклонениями.

Хорошее, доброе потомство, рожденное в таком количестве, в котором нужно для того, чтобы поддерживать экономику на должном уровне.

А взрослые люди получили возможность заниматься любимым делом и отдыхать. Теперь им не надо после работы заботиться о детях, или отвлекаться от работы на рождение и взращивание детей.

А когда-то — это рассказывали в классах по истории — когда-то женщины тратили несколько лет своей жизни только на то, чтобы родить и выкормить детей. Одна беременность — подумать страшно — могла длиться девять месяцев. Девять месяцев убитой жизни!

Прямо как у дельфинов.

Вот потому Эмма и любила фильмы о животных. Они каждый раз напоминали о последних достижениях человеческой цивилизации. И она, Эмма, теперь тоже сможет внести свой вклад в эти достижения. Сможет работать вместе со всеми, изобретать, принимать важные решения. Она теперь — взрослый человек.

Эмма не раз говорила об этом с Сонькой. Но та была еще слишком маленькой, чтобы понимать до конца, и ее больше всего привлекали отношения самки дельфинов к своим детенышам.

— Она что, все время плавает около него?

— А ты слушай, что тебе рассказывают. Мать постоянно заботится о своем малыше.

— Как же она ест?

— Смотри фильм, и все узнаешь.

— Как же она спит? Это очень неудобно.

— Ну, они ведь животные, и роботов у них нет, потому за детенышем присматривает самка и первое время спит меньше, чем обычно.

— Ага, роботы отличают животных от людей, — хихикнула Сонька и вгрызлась зубами в желтую мякоть персика.

— Людей от животных отличает более развитый мозг, позволяющий поступать по разуму, а не только следовать инстинктам.

— То есть, дельфиниха, которая постоянно заботится о своем ребенке и не спит нормально, всего лишь следует своим инстинктам?

— Да, инстинкт материнства.

— Тогда она должна быть счастлива, когда ее детеныш погибнет, и она сможет быть свободной от инстинкта. И выспится, наконец. А в фильме показано, что мать горюет, если теряет своего малыша.

— Это тоже инстинкт.

— Инстинкт диктует ей горевать по детенышу? То есть она испытывает такие эмоции благодаря инстинкту?

— Сонь, хватит вопросов. Спросишь у своего Дона в классе. Смотри, у тебя с пальцев капает на ковер. Ешь поаккуратней, ладно? Я тебе купила небольшой сюрприз, как вымоешь руки — отдам.

Кинув косточку от персика на тарелку, Соня помчалась в ванную. Зашумела вода, после стукнула дверь, и веселый голос сестры сообщил:

— Руки помыты. Давай свой сюрприз.

Эмма достала из сумки новые браслеты и потрясла ими в воздухе:

— Гляди, какие красивые.

— Вау! Точно в цвет моим новым сандалиям и сумочке!

Сонька занялась своим подарком, но вдруг спросила:

— А скажи мне, Эм, вот это бусины — звездочки, это бусины — цветочки. А это бусины — сердечки. Я не могу понять, зачем делать такие бусины?

— Для красоты, — Эмма пожала плечами.

— Я знаю, что для красоты. Но почему не делают бусины — желудок, или бусины — почки? Или бусины — мозг? Представляешь, как было бы здорово — бусины в виде мозга?

— Делали раньше украшения в виде черепа. Были такие подростковые неформальные течения, которые украшали себя такими вещами. Это когда детей воспитывали взрослые и не уделяли им внимания, потому что надо было совмещать и работу, и воспитание детей.

— Красные и синие сердечки… Так странно, зачем стали делать такие бусины?

— Украшение сердечками — это часть той культуры, что была раньше, до Большого Прогресса и до Последствий Потепления. Мы это учили, но мало. Видимо, остальное можно будет узнать на Третьем Уровне, там наверняка более полная библиотека.

2.

Выключение верхнего света или "отбой" начинался в 22:00. В это время и Соня и Эмма уже успевали принять душ, потому, когда гас свет, они обе оказывались в своих кроватях. Можно было, конечно, еще посидеть и поболтать в темноте, но утром приходилось рано вставать, потому не стоило тратить драгоценные минуты сна на всякую ерунду.

К тому же Эмма устала. День выдался длинный и странный. Последние Экзамены — это, конечно, не странно. Но Илья с безумными глазами и взъерошенными волосами — такое случается не каждый день. Он собирался утром забраться в пустые контейнеры и попасть на Третий Уровень. Глупейшая затея, тем более, что всего через несколько дней его и так бы перевели.

Несколько раз прожжужал планшет. Поступили бонусы за ту девчонку с длинными косичками. Интересно, сколько? Эмма хотела было глянуть, но вовремя вспомнила, что ночью вступал в силу комендантский час, и пользование планшетами в это время строго запрещалось.

Комендантский час ввели из-за детей подземелья. Говорят, один из них просиживал ночами в корабельной сети, до тех пор, пока не сошел с ума и не захотел навсегда остаться ребенком. Ерунда какая-то — никогда не вырастать.

И теперь этот парень живет в технических помещениях, вентиляционных шахтах и мусорках. Увел за собой еще несколько ребят, в том числе и девочку с длинными косичками. Они воруют еду и одежду на Втором Уровне и ничего не делают. А, между прочим, уже совсем взрослые. Девочке той, в черной бандане, явно не пятнадцать лет.

Лентяи и бездари, обитают по мусоркам и гордятся, видать, своей свободой.

Вот после этого и ввели Комендантский час, чтобы дети бесконтрольно не пользовались планшетами.

"Детьми подземелья" их стали называть после того, как на уроках истории один из Донов рассказал о целом пласте старой литературы, которую люди создавали очень давно, еще до Эпохи Компьютерной техники. Литературу эту сейчас никто не читает, она безнадежно устарела. Но название одной книги "Дети подземелья" вызвало смех. Ну, и как-то прилипло оно к беглецам. Даже Доны стали их так называть.

Эмма долго ворочалась без сна. Илья все не шел из головы. Может, и он тоже помешался? Может, и с ним не все в порядке? А вдруг он встретит кого-то из этих оборванцев и захочет уйти к ним? Появится еще один потерянный для общества человек. Уж лучше пусть отправляется на Землю вместе с Катей. Переучат его там, и будет работать на ферме или еще где. Управлять фермерскими роботами тоже надо уметь.

Надо было сообщить о нем Донам. Зря Эмма смолчала. Как будто была заодно с этой его затеей. Как будто покрывала все его задумки. И еще дала возможность воспользоваться своим Лонькой.

Вот поймают его — а в том, что Илью поймают, Эмма ни капли не сомневалась — и он расскажет, где нашел карты уровня. И тогда выясниться, что Эмма пользовалась неисправным роботом и столько лет это скрывала. И еще покрывала безответственность и самоволие своего одноклассника. Тогда, пожалуй, и ее отправят на Землю.

И с Соней ей больше не встретиться. А с Эриком тем более.

Сна не было. Постель казалась слишком жаркой, простынь слишком твердой. Даже пижама стесняла движения и то и дело заламывалась рубчиками. Любимая белая пижамка в мелкую красную точечку, отделанная тонкими красными кружавчиками.

Может, рассказать все утром, пока не поздно? Но с другой стороны она пообещала Илье молчать. У него был такой вид, что не обещать Эмма не могла.

Как все-таки все не просто. И к чему эти сложности в последний момент? Ведь несколько дней — и она будет наверху,

вместе со взрослыми. Станет полноценным членом команды.

Почему-то вспомнилась детская страшилка. Ее рассказывали в начальных классах, Илья эту страшилку особенно обожал. В ней говорилось о детях, которые попали на Третий Уровень и не нашли там ни одного взрослого, а только просторные путанные коридоры. Блуждали, блуждали, пока их не встречал бешенный робот и не убивал. Уже засыпая, Эмма чувствовала, что погружается в лабиринт, где выход найти не просто. Как не просто принять верное решение.

3.

Робот — садовник двигался медленно, но неуклонно. Выставив вперед длинные пальцы — ножницы, он угрожающе щелкал ими и тяжело гудел, словно механизм внутри него работал неисправно. Эмма пятилась спиной, не видя — куда отступает. Слабо приказывала отстать от нее. Но робот не воспринимал человеческую речь, перегрелась плата или еще что.

Он вытягивал вперед металлические руки и все щелкал и щелкал ножницами. Эмма споткнулась, упала на спину и взорвалась жуткими ругательствами. Злость просто затопила, и не возможно было удержать этот напор. Только злые слова хоть немного, но ослабляли напряжение.

И Эмма орала и орала, забыв о законе, Последних Экзаменах и о Последних Распоряжениях.

От своего собственного крика она и проснулась. Повернулась на бок и рывком скинула одеяло. Слишком тепло в помещении, вот и снится непонятно что… Надо попросить Лона чуть снижать по ночам температуру в спальнях. Соня нормально спит, или тоже мучается кошмарами?

Эмма пошла к сестре, постояла немного, прислушиваясь к ровному, еле слышному дыханию. Зачем-то поправила тонкую шторку на окне и, отшвырнув ногой пару мягких игрушек, решила, что даст утром нагоняй Лону — надо поднимать все с пола вечером. Вдруг Соне ночью приспичит в туалет, и она споткнется об игрушки?

Спать расхотелось совсем. Да и скоро зажгут верхний свет, осталось минут двадцать. Илья, должно быть, хотел воспользоваться именно этим моментом, и, может, уже как раз выбирает себе удобный контейнер. Заметят его Доны, или нет? Надо ли сообщить об этой вылазке учителям — роботам?

Эмма скинула пижаму, натянула первые попавшие под руки бриджи, футболку. Немного повозилась со шнурками кроссовок и вышла из каюты. Надо остановить Илью, образумить, пока не поздно.

Каюта Ильи находилась недалеко, пройти немного по галерее

второго этажа, огибая широкий круг над Главной Площадью. Окна спален темны, шторы почти везде задернуты. Тишина и темнота — совсем не привычно выглядит сейчас Второй Уровень. Вот и Илюхина дверь. Приоткрыта немного, значит, Илья уже ушел. Сумел обвести вокруг пальца своего Лона и теперь — что? Трясется в контейнере? Или только пробирается, выискивая нужную кафешку или магазинчик?

Эмма спустилась на Зеленую Магистраль, прошла через ближайший туннель и оглянулась. Все спокойно. Даже дежурных Донов не видно, надеются, видать, что все дети спят.

Эмма побродила немного мимо погашенных витрин, пока не услышала шум роботов — погрузчиков. Они двигались где-то на Зеленой Магистрали. Надо вернуться и посмотреть там, вдруг Илья найдется?

Темнота в туннелях казалась уютной и доброй. Прямоугольные лампочки дневного света едва мерцали, а удобное ковровое покрытие смягчало шаги. Где-то впереди уже слышалось стрекотание садовников. Зажурчали фонтаны, застучали контейнеры, сгружаемые у магазинов.

Эмма прибавила шаг и оказалась перед булочной, где продавались какао с молоком и круасаны с шоколадом. Внезапно дверь булочной распахнулась, и оттуда выскочила девочка с косичками. Темный капюшон чуть съехала назад, косы разметались в разные стороны.

— Это опять ты? — Эмма схватила за ручку рюкзака и потянула.

Девочка оглянулась. Глаза злые и дикие, губы поджаты. Худющая и какая-то бешенная. Даже страшно прикасаться к такой.

Эмма сама не знала, зачем стала задавать вопросы. Честных ответов она не ожидала, скорее, просто тянула время. Ей стало казаться, что девочка знает о задумке Ильи и, может, даже помогает ему. Хотя откуда она может знать? С другой стороны, почему она оказалась здесь именно в это время? Вдруг все спланировано, и она хочет завести Илью к своим? Пообещает, что Катя тоже будет рядом, и все. Парень поведется, как малыш.

Девочка с косичками неожиданно заговорила. Одной рукой поддерживая рюкзак, она произносила слова быстро, точно отвечала в классе заранее заученный урок.

Взрослых нет, корабль Моаг убивает всех, кому исполняется 15 лет. Старая детская страшилка, которую рассказывают маленькие дети друг другу на игровых площадках. Не хватает только робота — убийцы.

Эмма пробовала возразить, но здравые слова до девочки не

доходили. Закончив свой монолог, она вдруг странно дернулась, и ее кулак врезался Эмме в лицо. Боль оказалась такой сильной, что Эмма не устояла на ногах. Рухнула на резиновое покрытие пола и в глазах на мгновение потемнело.

Во рту почему-то стало солено, а затылок заломило от боли. Девочка тут же умчалась, но Эмме и не хотелось с ней связываться. Она медленно поднялась и направилась к фонтану. Прохладная вода мгновенно окрасилась розовым. Плеваться в фонтан — это верх бескультурья. Но и глотать эту воду невозможно. Эмма прополоскала рот, оглядела футболку и бриджи. На карманах штанов оказалось парочка розовых капель. Совсем крошечных, точно точечки на пижаме. Выкинуть эти штаны, выкинуть эту футболку!

Как она могла ударить, эта девчонка? Она нарушила сразу несколько законов. Воровство, причинение боли. Как легко выветрилось из ее головы все, чему ее учили с детства?

Мокрыми пальцами Эмма заправила волосы за уши — отдельные прядки прилипали к ладоням и непослушно лезли в лицо. Пришлось приглаживать их несколько раз. Прикушенный язык все еще кровил, и от этого к горлу подкатывала тошнота. И голова болела. Надо непременно сходить в медпункт, вдруг это сотрясение мозга? От этого тоже может быть тошнота.

Но сначала надо сообщить Донам о выходке Ильи.

Эмма помахала влажными ладонями, еще раз приложила руки к подбородку и решительно направилась к ближайшему Дону, уже занявшему свое место на Оранжевой Магистрали.

Глава 5. Таис: дорога на Третий Уровень

1.

Блинчики у Маши выходили неровные. Такие себе кривоватые уродцы, а не блинчики, но пахли они умопомрачительно. Аппетитно щелкало масло на сковородке, и даже электрический чайник, чьи когда-то блестящие бока сейчас покрывали пятна и следы от грязных пальцев — даже чайник казался довольным и сытым.

В огромной кружке из нержавейки, тоже когда-то блестящей, дымился заваренный чай. Маленького чайника для заварки на базе не было, как не было и кофейной турки. Впрочем, Таис особенно не переживала из-за отсутствия посуды. Гораздо больше ее волновали продукты и одежда.

Жарили блинчики на самодельной электрической печке. Спираль, проложенная поверх железной панели и подсоединенная к проводу и розетке. Валёк сказал, что это — простое и примитивное устройство. Но благодаря этому устройству сейчас можно будет вкусно поесть.

Сыр уже разделили, угостили ребят из Овальной базы. Мальки — Вовик и Ромик — стоят теперь над Машкиной душой и считают румяные кривые кружочки, что шлепаются в большую тарелку. Спорят — кому какой блин. Пихаются.

— Первый блин мне, а второй — Федьке, без разговоров, — оборвала их Таис, быстренько свернула два верхних блинчика и переложила в свою миску.

— Ага, так нечестно! — нахмурился Вовик.

Ромик дернулся и шлепнул Таис по руке.

Таис тут же отвесила ему подзатыльник и пообещала:

— Еще раз руки распустишь, не так получишь, малёк. Понял меня?

— Тай, они же еще дети. Зачем ты так? Пусть бы ели первыми, от нас-то не убудет, — Маша грустно глянула большущими темными глазами и ловко перевернула очередной кружок теста на сковородке.

— Пусть знают свое место. От них тут никакого толку, только забота одна.

— Опять хочешь завести спор — кто больше пользы приносит? Ну, хорошо. Все знают, что без тебя, Коли, Федора и Валька нам не выжить. Но они-то малые, они еще многого не понимают.

— Все они понимают. Меньше надо носиться с ними.

Таис добавила в миску еще по одному блинчику и под яростные взгляды обоих мальчиков ушла в свою спальню.

Настроение им всем испортил Валёк. Как только пришли, он разорался на всю базу. Мол, что это за своеволие такое, почему ни о чем не предупреждают и делают, что хотят? Разве трудно было сказать, куда они направляются? Что должны думать все остальные? Куда пропали двое взрослых людей? Идти искать? Идти выручать?

Целая речь о бестолковости и наглости некоторых на базе. И ни слова благодарности за полный рюкзак еды. И это не смотря на то, что мальки накинулись на сыр и выхватывали куски прямо из-под ножа, которым нарезала Маша. Сравнивали — у кого кусок больше. Запивали молоком. После разделили буханку хлеба и тоже слопали в два счета. Таис еле успела выхватить пару кусочков себе и Федьке.

Федор Вальку особо не возражал. Добродушно усмехнулся, пожал плечом и лишь извинился. Сказал:

— Прости, я был неправ.

Таис порывалась сказать все, что думает, но Федька потянул ее в спальню и велел, как обычно, спокойно и немного ласково:

— Тай, не заводись. Давай нормально поедим и отдохнем. Мы с тобой заслужили хороший завтрак и отдых. А то начнется, как в прошлый раз, и будете ругаться несколько дней.

Таис его послушалась, но злость все равно кипела, точно вода в не выключенном чайнике. И потому малькам перепало немного из того, что должно было достаться Вальку.

Тот опять ушел в свою спальню и погрузился в планшет. Игры — вот чем занимается Валёк каждый день. С утра до вечера сидит в наушниках, пялится в голографический экран от планшета — и попробуй, докричись до него. И как только Нитка с ним общается? Игры и книги — Валёк отыскал в корабельной сети какие-то закрытые файлы, взломал их, и оказалось, что это — библиотека. Только не документально — научная, какая была на Втором Уровне, а другая. Там он и нашел сказки — сказал, что называются они "русскими народными". Ему эти сказки очень понравились, но кроме него никто больше на базах этой ерундой не увлекся.

С этих сказок Валёк и узнал про чертей. Объяснил всем, что это такие создания, вроде людей, только гораздо хуже.

— Это как если собрать все самое скверное, что есть в людях — всю хитрость, всю жадность, всю глупость — и соединить в одно. Отвратительные твари получаются.

— Как фрики в игре, да? — спросил Вовик, который обожал

наблюдать за играми Валька, да и сам частенько поигрывал, если ему кто давал.

На троих мальков был только один планшет, и Маша его тщательно берегла. Для занятий, как она поясняла.

— Да, как фрики, — согласился Валёк, — только черти не придуманные герои. Видимо, они раньше жили среди людей, потому о них и рассказывали сказки. Все о них знали, видать.

Валёк обожал рассказывать о том, что нашел в закоулках сети, и еще обожал рассуждать о том, как найдет корабельные коды и сможет забрать командование Моагом в свои руки. Он говорил, что именно это ищет, что это требует много времени. А игры — это для того, чтобы мозг мог отдохнуть.

Таис это злило. Строит из себя главного — умного, а сам что делает для базы?

Проходы большей частью устраивает Федька. Еду добывают Таис и Колька. Нитка шьет, Маша готовит. Вдвоем они убирают базу и иногда привлекают Таис, хотя это противная и гадостная работа. Мальки ничего не делают, только ноют, шмыгают носами и едят. Ну, Кристинка посуду моет и вообще, она хорошая девочка, с ней нет проблем.

А Валёк — такой себе главный, которому все должны отчитываться. И который все решает. А сам только и знает, что рубится в игры и мечтает, как найдет главный код корабля. Вот это и злило больше всего. Раньше он таким не был, раньше он сильно дружил с Ниткой и помогал ей во всем. И что с ним сейчас происходит?

Вот для чего надо было орать утром, когда Таис и Федор вернулись на базу? Что, трудно было просто сказать спасибо за хлеб и сыр, которые сам же и лопал? Гордость не позволяет? Или сознание того, что самый старший, что уже давно двадцать лет, и вся твоя жизнь, похоже, так и пройдет в этих темных базах за играми в планшет и чтением дурацких сказок?

Так это у всех так, все знают, что ничего хорошего их не ждет. Но не все пытаются стать самыми главными и не все корчат из себя штурмана корабля. Главный штурман Моага, елки — палки…

Таис сердито пнула ногой чуть прикрытую дверь собственной спальни и, поставив тарелку с блинчиками на табурет, плюхнулась на кровать. Пружины зло проскрипели, словно соглашаясь с настроением хозяйки.

Сидевший на краю матраса Федор даже плечом не повел. Склонился над планшетом, открывал какие-то окна, вводил какие-то пароли. Ну, хорошо хоть в игры не играет.

— Блинчики будешь? — спросила его Таис и провела прямо

перед его носом миской с румяными блинными трубочками.

— Да, сейчас. Хочу понять, где находится та дверь, что мы сегодня видели.

— Так нет планов нижнего этажа, как ты поймешь?

— Планов нет, но большие главнее коридоры и вентиляционные шахты на всех Уровнях совпадают. Все три уровня немного похожи. Наши базы находятся в том месте, где на Втором Уровне каюты детей. Точно так же загибаются кругом. Только мы бывали на одной половине Нижнего Уровня, а другую половину не исследовали. Не нашли прохода на нее. Наши базы замыкаются друг на друге одним внутренним небольшим кругом. А есть еще внешний круг. Ну, как Зеленая и Оранжевая магистрали.

— Я мало что поняла, но это все равно. Давай ешь, а то я слопаю твою долю.

Федор усмехнулся, взял блинчик, после спросил:

— А где мой чай?

— Пей из моей кружки. Там за столом толпилось столько народа, что я не смогла налить еще одну кружку. Да и рук у меня всего две.

Федор только кивнул в ответ. Он и Нитка были близкими друзьями Валька, только младше его на один год. Валёк сбежал сам, а после уговорил их. Ну, а Федор вывел Таис и Машу. Хотя Маша вообще ему не верила, считала, что все это придумки и глупости. Поверила только после того, как побывала на Третьем Уровне. С той поры это стало традицией — водить новичков на верхний этаж корабля. Рискованной, странной и интересной. Каждая такая вылазка приносила что-то новенькое, необычное.

С прошлой вылазки Федор принес несколько нейтфонов старой модели. Но они исправно работали и у них были беспроводные наушники. Федор объяснил, что нашел их в одной из комнат.

— Значит, взрослые наверняка были на станции, не роботы же пользовались этой техникой, — пояснил он.

Таис с ними тогда не ходила — отдыхала после очередной охоты. Но в этом году надо пойти обязательно. Хоть какое-то развлечение на базах.

Развлекались — кто как мог, времени для этого было предостаточно. Мальки играли в фантики от конфет и шоколада. Иногда катались на магнитной доске, по очереди и не долго. Иногда играли в прятки и в мяч в ближайших коридорах. Но так, чтобы не попасть на глаза Диким — те могли отобрать мяч и поколотить.

Старшие много играли в компьютерные игры. Нитка любила

шить, и у нее получались смешные мягкие игрушки, которыми обожала играть Кристинка.

Таис не увлекалась ничем. Компьютерные игры раздражали и казались пустым провождением времени. Катание на магнитной доске напоминало о прошлом, когда она была помладше и жила в удобной и красивой каюте. Шитье наводило тоску, а уборка и стирка страшно злили.

Зато охота немного нравилась и казалась, хоть рискованным, но интересным разнообразием. Еще ей нравились ленивые беседы с Федором, когда тот, не отрываясь от экрана, что-то рассказывал или просто слушал, что говорила Таис.

Чаще всего Таис ругалась и возмущалась, но Федор не возражал. Кивал в ответ, усмехался и давал добрые советы. Он всегда оказывался рядом, когда был нужен, и это было самым лучшим его качеством. И он единственный не боялся Таис.

Нечего и скрывать — все на Темной базе считали Таис скандалисткой и предпочитали держаться от нее подальше. Кроме Валька, тот ругался и ввязывался в любую перепалку, а орать умел еще громче.

Один Федька в моменты гневных приступов Таис насмешливо тянул:

— Да ладно, Тай, брось. Это у тебя переходный возраст, что ли?

Выходило это добродушно и ласково, потому злость улетучивалась, и уже хотелось не орать, а просто плакать.

Съев два блинчика, Таис облизала пальцы и пробормотала:

— Пойти, что ли, за добавкой?

Но тут показалась Маша с плоской тарелкой в руках и спросила:

— Еще будете?

— Да, давай, если есть, — тут же отозвался Федор, и добавил, — вкусные у тебя, Машка, блины выходят.

— Малькам тоже понравилось. Лопают так, что уши шевелятся, — тут же отозвалась Маша, — а на ужин сварю рисовую кашу с изюмом. Молоко еще есть, но надо оставить его на завтра. Оно ведь в коробке, не скиснет.

— Думаешь оставить молоко только малькам? — уточнила Таис, принимая у подруги тарелку с блинчиками.

— Им нужнее, чем нам, — в голосе Маши зазвучали виноватые нотки, — они ведь растут. Им нужны витамины.

— Витамины надо было получать на Втором Уровне. Теперь тут не до витаминов.

Маша ничего не сказала, повернулась и ушла к плите, в общую комнату.

Федор тоже промолчал. Сидел, уткнувшись в планшет, покачивал слегка стопой ноги — растоптанные кроссовки его стояли у порога, раскидав в стороны черные шнурки.

— Странно, — сказал вдруг он.

— Что? Нашел дверь?

— Нет. Увидел людей на Третьем Уровне.

— Да ты что? — Таис дернулась, глянула через плечо друга на экран.

Так и есть, две красные точки. Пустые проходы, много пустых проходов. И в одной комнате две красные точки.

— Кто это может быть? Ведь не было еще Праздника Выпускников.

— Вот и я не могу понять. Может, это комнаты Изоляции? Кажется, так. Давненько в них никого не было.

Таис присмотрелась, после резко выпрямилась.

— Это не комнаты изоляции, они на другой стороне Уровня. Это комнаты рядом с Последними распоряжениями. Прямо через стену зал, где делают инъекции. А дальше сам знаешь — камеры крематория.

— Думаешь, что этих двоих решили усыпить раньше срока?

— Федь, а ты не можешь найти какую-нибудь информацию об этом? Сколько детей вырастает в этом году?

— Трое. Всего трое. Колючий говорил, что его соседке по комнате должно исполниться пятнадцать.

— Может, двоих решили убрать пораньше? Я сегодня утром стукнула по морде одну из них, ту самую, что подняла крик вчера у автоматов с шоколадом. Вдруг это ее забрали, за беспорядок? Тогда даже не жалко, если честно.

— Не говори ерунды. Надо пойти и узнать.

— Ага, прямо сейчас. Взяли и пошли, как нечего делать, — Таис ехидно усмехнулась и шумно отхлебнула из кружки.

— Ну… Сначала надо поговорить с Вальком, выбрать проходы, отключить датчики. Решить, кто пойдет.

— Теперь я скажу, что начинается. Лишняя возня.

— Ничего не поделаешь. Надо выручать людей.

— Да какие они люди? Они еще дети. К тому же, уверенные, что Моаг приготовил им большое будущее.

Сказав это, Таис вспомнила синие глаза рыжеволосой девчонки, полные возмущения и презрения. Вот что она думает теперь, когда сидит взаперти и мечтает о том, чтобы пришли взрослые и выслушали ее? Какие мысли рождаются в ее умной голове?

— Этот год какой-то странный, — пробормотал Федор, и, прихватив планшет, вышел из спальни.

2.

Черный обогреватель исправно выдавал струи теплого воздуха, и язычки пламени на его экране вытягивались в странной, однообразной пляске. Каждый раз глядя на них, Таис думала, что никогда не видела настоящего огня. Ни разу в жизни. И, видимо, так и не увидит. Федькина флешка, сгоревшая в дверном замке не в счет.

Мусоросжигательная печь тоже не считается, там не огонь, там лазерные распылители, в которые роботы ловко закидывали отсортированный мусор. Может, где-то на земле жгут костры и греются около них, но на станции это невозможно. Как невозможно поплавать в океане, постоять под дождем. Разве что на звезды можно было смотреть, пока жили на Втором Уровне. Была там небольшая библиотека бумажных справочников, окно в ней, огромное, полукруглое, занимало пол стены. Каждый мог придти и посмотреть на космос.

Таис космос казался однообразным и скучным. Ничего нового и интересного, все одно и то же. Наверное, люди на земле считают, что и огонь — тоже однообразно и скучно. Привыкли к нему, как дети на корабле привыкли к бесконечным звездам.

Таис присела на корточки рядом с обогревателем и протянула руки к отверстию, из которого выходили струи теплого воздуха. Очень теплого, почти обжигающего. Рядом на полу пристроились мальки со своими фантиками.

— У тебя рыба!

— Это не рыба, сначала было ребро! Надо переиграть!

— Нечего переигрывать!

Спорили культурно, не пихались, не обзывались. Закон все еще владел умами мальков, все еще диктовал свои правила. А вот Дикие быстро освободились и от закона, и от правил. От нормальных отношений тоже.

Может, и есть в законе какой-то смысл? Не зря, наверное, Моаг его придумал. Иначе как остановить таких, как Дикие? Ума нет, делают, что хотят. И уже, наверное, никогда этот ум не появится. Так и останутся придурками.

Не надо было Вальку и Федору их выводить. Всем Диким уже исполнилось больше шестнадцати. Здоровые парни, вечно грязные, вечно смеющиеся из-за каких-то своих глупостей. Еду они добывали на мусорке, видимо, считали, что это и безопасно, и хорошо. Жили отдельно от остальных — они сразу решили жить отдельно, как четыре друга.

Одергивая края пайты, Таис подумала, что таким жизнь вовсе не к чему. Пожили пятнадцать лет — и хватит. Нечего место зря занимать.

Но на базах правило — выводить всех, кого получится. В прошлый год не удалось никого — дети сами не захотели выходить. Набросились с кулаками, подняли крики. Федька и Колька тогда еле унесли ноги. Наверное, это к лучшему, вдруг попались бы опять такие, как Дикие.

Из спальни Валька доносились голоса — обсуждали, видать, как будут выводить тех двоих, что застряли на Третьем Уровне. Федор пойдет непременно, он всегда участвует в опасных вылазках. А ее, Таис, не берет.

Пойти хочется. Что толку сидеть весь день тут и слушать, как мальки хлопают фантиками об пол? Еще чего доброго, Маша попросит помыть полы или вытереть стол…

Не, надо напроситься со всеми. Это будет интересно.

Заскрипела входная дверь, и на пороге возникла фигура Колючего. Обтрепанные джинсы, завернутые рукава короткой джинсовой куртки, черные кроссовки на липучках. Колька, видимо, и ночевал у Овальных, он частенько так делал.

На Овальной базе жили три девочки и один мальчик. Мальчику Сене едва исполнилось двенадцать, он приходился младшим братом одной из девочек. Девчонки эти были хитрыми. У них имелся какой-то свой способ раздобывать еду, но они не делились им. У них всегда был и хлеб, и молоко и яйца. Правда, девчонки частенько приносили картошку и хлеб на Темную базу, но никогда не рассказывали — откуда это взялось у них.

Таис ни разу не видела, как эти девчонки ходят на охоту, однако и голодными они никогда не оставались. Правда, еду строго экономили, но это нормально. Еду все экономят. Не до жиру, быть бы живу — как говорил Валёк. Он вечно находил какие-то поговорки и после применял их, и очень даже по делу.

Колька широко улыбнулся Таис, показывая чуть ли все свои зубы, спросил:

— Сегодня я охочусь?

— Я тут за тебя сбегала уже. Сейчас, похоже, назревает совсем другая охота.

— Ты о чем? — черные брови Кольки полезли наверх, но зубы все еще блестели в улыбке.

— Готовят ходку. Каких-то детей закрыли на Третьем Уровне, рядом с комнатами инъекций. Пойдут выручать, наверное.

Колючий перестал улыбаться, схватил Таис за плечо и спросил:

— Какие дети, ты знаешь?

— Да не дергайся. Понятия не имею. Дети — как дети, отпусти плечо, больно же!

— Так пошли, чего ждут?

— Ну, готовят проход, я думаю. Федор, наверное, готовит, а Валёк командует. Сейчас пойдем, не переживай. Тоже хочется развлечься, да?

— Дура ты, Тайка, — выдохнул Колючий и в три прыжка оказался около дверей Валькиной спальни.

— Ой, да иди, умник, — Таис пожала плечом и вздохнула.

Клинит всех на этих базах. Делать нечего, интересного ничего нет. Вот и закипают мозги у некоторых.

Еще немного посидев у обогревателя, Таис поднялась и направилась к собравшимся вместе старшим. Надо все-таки послушать, что они решили.

Колька орал, как сумасшедший:

— Надо идти сейчас, немедленно! А Валёк пусть готовит проход! Сидите тут и болтаете, что зря, теряете время! Да их убьет Моаг, и мы не сможем ничего сделать!

— Да мы пойдем, — кивнул Федор.

Пальцы его бегали по сенсорной клавиатуре планшета, на экране то и дело всплывали окошки файлов, открывались непонятные программы. Ясно, проход опять готовит Федька, а Валька опять командует. Все как всегда.

А Колючий опять выносит мозги…

Таис вздохнула, бросила:

— Я иду с вами, — и пошла одеваться.

3.

— Ты не пойдешь с нами, — сказал Федор, остановившись на пороге спальни.

— Попробуй, останови меня, — Таис даже не улыбнулась.

Торопливо продернула ремень в петли длинных джинсов — штанины внизу наставляла Нитка — дернула молнию пайты, застегивая до самого верха.

— Это опасно, на Третьем Уровне Доны-15, боевые андроиды…

— Которые стреляют на поражение. Слышала, знаю. Вы же подгадали время, когда к Моагу приходит грузовой крейсер. Почти все пятнадцатые будут там. И вообще, не двоим же вам топать.

Федор забарабанил пальцами по двери, нехотя согласился:

— Да, Валёк с нами не идет. Остается тут.

— И Маша с Ниткой не пойдут. У Маши мальки, она их не оставит. У Нитки — Валёк.

Федор кивнул, резко приблизился и положил ладони на плечи Таис.

— Только слушаться меня, поняла? — голос его стал непривычно злым, — никакой самодеятельности. Делать только

то, что я скажу.

— Да — да, не тряси меня. Когда я тебя не слушалась?

4.

Проход на Третий Уровень — узкая крутая лестница — находился за мусоркой. Роботы пользовались лифтами, и потому эта лесенка считалась относительно безопасной. Дорогу туда Таис хорошо знала, мусорка была дополнительным источником необходимых для выживания вещей. Дикие, так вообще, видимо, только там и находили все, что им нужно.

Мусор на Моаге сортировался. Деревья на Земле очень ценились после Последствий Потепления. Потому, для упаковки использовался только пластик, который после отсортировывался роботами и тут же на корабле перерабатывался снова. Переработанную тару отправляли с грузовыми крейсерами на Землю. А с Земли получали упакованные продукты — молоко, масло, сыр, сахар. То есть, все, что нужно для жизни.

В классах учили, что на планете производили только продукты питания. Но, может, тоже врали. Кто его знает — есть ли вообще эта Земля? Может, все крейсеры приходят с других станций, таких же, как Моаг, где дети доживают только до пятнадцати лет?

Пищевые отходы сортировались отдельно и перерабатывались в удобрения. Бытовой мусор, старая одежда и некоторые игрушки распылялись в специальной печи. Радиодетали игрушек и технических устройств тоже подвергались переработке.

Мусорка представляла из себя просторный цех, оснащенный конвейерами, роботами без интеллекта и лишенный тепловых датчиков. Видимо, мозг корабля считал, что для детей такое место не представляет никакого интереса, и выслеживать их там не нужно.

Таис вещами с мусорки брезговала. Но Федор нашел для себя неплохие штаны, которые Нитка подогнала под его фигуру, нашел здесь массу нужных деталей. Даже тот чайник, которым теперь пользуются на Темной базе, нашли здесь, в этом шумном и вонючем цеху.

Сквозь оглушающий шум конвейеров, лязг открывающихся и закрывающихся люков, грохот сбрасываемого в железные ящики барахла, Таис не могла докричаться до двоих друзей. Она даже не успела спросить — какой у них план. Колючий торопил, ругался и дергал всех. Потому, едва Таис оказалась готовой — тут же вышли.

Всего их отправилось трое — Федор, Колючий и Таис. Валёк сказал, что подойдет позже и прикроет их, если надо будет. Хотя,

как он будет прикрывать? И — главное — чем?

У конвейера с поломанными игрушками, деталями и отработавшей техникой, Федор и Колючий остановились. Принялись что-то выискивать. Спрашивать бесполезно — все равно ничего не услышат в таком шуме. Что им тут надо? Нашли время рыться в барахле…

Или ищут нужную схему? Таис краем уха слышала, что на входной двери на Третьем Уровне новый код, и его надо будет еще взломать.

Перекопав немало вещей, Федор вытянул поломанную магнитную доску, стукнул ею с размаху о край контейнера. Еще раз, еще. С большим трудом выломал трубку руля, повозился с ней. Через некоторое время взмахнул длинной блестящей трубой, рассекая воздух.

Тут, наконец, Таис догадалась, что они делают себе оружие. Усмехнулась и тоже принялась перебирать остатки былой роскоши. Колючий толкнул ее под локоть, и протянул короткую трубку, обломанную на концах. Видать, какая-то перекладина от лестницы, или еще что. Но сойдет.

Таис кивнула и забрала трубку себе. Сжала ладонью холодную поверхность своего оружия и довольно улыбнулась. Назревает интересная охота.

Вооружившись, они прошли в самый конец цеха, туда, где полыхала жаром печь, и нестерпимо воняло, так, что приходилось зажимать нос и дышать ртом, втягивая воздух маленькими порциями. Обогнули длинные клешни, отсортировывающие мусор, и через маленькую дверцу выбрались в узкий коридорчик, больше похожий на кладовочный закуток.

С этого коридорчика наверх вела вертикальная лесенка, по которой поднялись и пролезли в квадратный люк в потолке. Свет не горел, видимо, за ненадобностью. Колючий щелкнул фонариком, и луч выхватил из темноты прямоугольную дверь с отверстием для флешки сбоку.

Знакомые звезды блеснули тусклым золотом, и Колючий, пнув дверь ногой, заметил:

— И не надоедает им каждый раз новые коды прописывать.

Федор не ответил.

Шум от мусорки здесь ощущался легкой вибрацией. И воняло совсем чуть — чуть. Таис прислонилась лопатками к стене и наблюдала, как Колючий доставал провод с переходниками, совал в отверстие для флешки и подключал к своему планшету. Оба парня склонились над экраном, Колючий тихо ругнулся, Федор что-то ему ответил.

Вот теперь можно расслабиться. Теперь все зависит от того,

сумеют ли ребята открыть дверь, или нет. Хотя, раньше всегда открывали, получалось. Таис присела на корточки и прикрыла глаза. Гул конвейеров внизу навевал сон, и голоса парней терялись в этом шуме, тонули и исчезали. Сейчас бы лечь и поспать, вот было бы хорошо… И вздумалось этим роботам именно сегодня закрывать кого-то в изоляции. Делать им нечего…

— Тай, ты чего, спать решила? — крикнул в самое ухо Федор.

— Нет, просто сижу и думаю — взломали вы дверь, или нет, — Таис открыла глаза.

— Сейчас откроем. Хватит спать, или иди к себе в спальню.

Таис схватила трубу и поднялась. Глянула на дверь и почему-то вспомнила свой недавний сон — медленно отъезжающие в сторону створки и непроглядный мрак за ними. Поежилась, переступила с ноги на ногу. За этой дверью — Третий Уровень, это точно известно. Потому бояться нечего, разве что пятнадцатых.

— Ничего не оплавилось? — зачем-то уточнила, разглядывая отверстие для флешки, из которой все еще торчал переходной провод.

— Что тут должно плавиться? — удивился Колючий и нажал что-то на планшете.

С тихим шипением дверь ушла в стену, открывая длинный белый коридор. Резанул по глазам яркий свет, заставил на мгновение зажмуриться, и от этого тревога вспыхнула в душе, точно лампа дневного освещения.

— Пошли, — тихо сказал Федор и взял Таис за руку, — тут есть три прохода, нужные нам. Датчики отключил в половине проходов около изоляции. Мы сейчас пройдем прямым, коротким путем. А уходить будем в обход. Ну, посмотрим по обстоятельствам.

— А в самой комнате изоляции не получилось отключить датчики? — уточнила Таис.

— Нет, отключил по максимуму. Если охватить больше датчиков — сработает сигнал тревоги, нарушения на Третьем Уровне. Все двери на Третьем и Втором Уровне заблокируют.

— Понятно, — Таис кивнула.

Колючий не сказал ничего. Прошел вперед по прорезиненной дорожке, покрывающий коридор, заглянул за поворот и сообщил:

— Никого. Все чисто.

За поворотом оказалось три коридора — три ответвления. Таис немного знала общее расположение коридоров на станции. Сейчас они были около внешнего круга. Капитанская рубка и остальные каюты находились во внутреннем, туда доступа ни у

кого не было, ни разу не удавалось подобрать код к этим каютам. Как они закрывались — оставалось загадкой. Производственные помещения находились рядом, но оттуда не доносилось ни звука. Хотя, не обязательно создавать шум, паяя платы и процессоры. Это же не прессовка мусора.

Прошли по среднему коридору, у одной двери остановились. Федор дернул ручку и без труда открыл дверь. Коротко велел:

— Ждите меня и наблюдайте. Я быстро.

Таис заглянула в дверной проем. Полки на всю длину стен, на полках — сложенные вещи в голубых пакетах, помеченных эмблемой Моага. Федор взял один из рюкзаков тут же, на полках, и принялся запихивать пакеты в рюкзак.

— Что ты делаешь? — спросила Таис, понизив голос.

— Новым людям надо одеял, простыней и полотенец. Барахло собираю.

— Нашел время. После соберешь.

— После нас тут могут долго караулить пятнадцатые.

Ну, значит, так надо. Федор глупостей делать не будет, Таис это знала. Она уже столько времени работала вместе с ним, что не сомневалась в правильности выбора друга. Федору можно доверять, это главное.

Закрываемая молния рюкзака прозвучала тревожным жужжанием. Словно аварийное напоминание. Быстрее, быстрее…

Так же тихо и осторожно Федор закрыл дверь и повел за собой по светлому короткому коридору. У поворота остановился, приложил палец к губам. Отступил на пару шагов назад и шепотом сказал:

— Рядом с нужными нам дверьми стоит пятнадцатый. Не думаю, что он стережет именно изолятор, скорее просто коридор. Мы должны выйти в центральный проход, туда, куда проводят детей для Последнего Распоряжения. Я отвлеку робота на себя, проберусь через другой коридор. А вы пробуйте освободить тех двоих.

Таис дернулась, хотела возмутиться, но Федор решительно поднял брови, слегка качнул головой, словно отметая все возможные возражения, и, вернувшись назад, скрылся за поворотом. Через минуту послышался металлический шум в тех коридорах. Видимо, он стучал своей трубой по стенам и дверям. Пятнадцатый тут же отреагировал.

Дон-15 отличался от двенадцатых более низким ростом и не так искусно выполненным лицом. Глаза его были абсолютно круглыми и могли выезжать, точно небольшие подзорные трубы. Прозрачный сверхпрочный пластик на ногах открывал мощные трубки, переплетенные толстыми жилами кабелей. Оружие,

встроенное в обе руки, срабатывало мгновенно. Андроид, созданный для убийства — вот что такое Дон-15.

Он двинулся на шум тихими, быстрыми шагами, скрылся за поворотом, и Колючий тут же дернул Таис за руку.

— Давай, — велел и короткой перебежкой преодолел половину коридора. Отсчитал двери, остановился у одной. Уверенным движением сунул переходник в отверстие для флешки. Таис лишь глядела, как быстро двигаются его тонкие смуглые пальцы по экрану планшета.

Где-то в коридорах раздался шипящий звук выстрела. От неожиданности Таис вздрогнула, схватилась рукой за стену. Надо найти Федора! Только бы…

— Стой на месте, — Колючий схватил ее за руку.

— Там же Федька!

— Мы ему не поможем. Нас убьют так же быстро. Делай дело, а Федька и сам не дурак. Не думаю, что он так просто попался.

Дверь открылась. Отъехала в сторону, коротко зашипев, точно возмущаясь. И Таис увидела заплаканное лицо большеглазой девчонки с короткими светлыми волосами и серьезные серые глаза мальчика. На вид обоим как раз по пятнадцать лет, не меньше.

— Привет, — сказал Таис, заходя внутрь.

— Вы кто такие? — спросил мальчишка, поднимаясь.

Глаза настороженные, лицо уставшее и осунувшееся. Не спал ночь, что ли?

— Взрослые люди. Добро пожаловать в мир взрослых людей, — ехидно выдал Колючий, — давайте, руки в ноги и дуем отсюда, пока вас не изжарили в крематории. Быстро. Шум выстрела слышали?

— Нет, — оглядываясь, ответила девочка.

— Сейчас услышите.

Словно в ответ на обещание Колючего раздались еще два выстрела.

Если пятнадцатый еще стреляет, значит, Федор жив. Или уже не жив? Гадостные предчувствия отдались холодком в позвоночнике. Таис еле удержалась от того, чтобы не мотнуться и не проверить — жив ли еще ее друг. Дурак этот Федор, и план у него дурацкий!

— Что ждать? Уходим, как велел Федька. Быстро. Мы вам после все объясним. Давайте, ребята, если хотите жить, — велел Колючий, убирая в карман переходник.

— Я хочу пить, — вдруг заговорила девочка, — я не пила со вчерашнего утра. Вообще ничего. И не ела.

— Сейчас и поедите и попьете. Только не копайтесь, давайте,

ребята.

Выбрались в коридор, Колючий зашагал вперед, уверенно сворачивая там, где надо. Еще один проход, в котором отключили датчики. Безопасный туннель, ведущий к двери. К спасительной двери. Только бы около нее оказался Федор. Дверь ведь придется закрыть и ломануть код. Чтобы преследователи не догнали, не открыли.

Колючий свернул куда-то вбок, совсем в другую сторону. Еще один поворот.

— Ты куда? — дернула его Таис.

— Дверь уже закрыта. Наверняка закрыта. Или нас ждут около этой двери. Рисковать не стоит. Уходим запасным путем.

— А Федька? Он как?

— Он тоже уходит другим путем.

— Каким путем? — зачем-то спросил мальчишка, удивленно заглядывая в лицо Колючего.

— Коротким. Через лифт. Вот тут.

Колючий выскочил на небольшую круглую площадку, на которой возвышались штабеля сложенных ящиков и контейнеров. Два робота — погрузичка, показавшись из соседнего коридора, доставили еще несколько ящиков, невозмутимо сгрузили их и уехали.

— Ждем Федьку, — велел Колючий, — прячьтесь за ящиками.

Сухими щелчками раздались шаги, и из-за поворота, где все они только что были, показался пятнадцатый. Его рука поднялась, и воздух прорезали синеватые всполохи. Тут же обшивка ящиков разлетелась сверкающими от огня щепками, полыхнули обертки того, что было в этих ящиках.

Таис вдруг четко поняла, что теперь им не уйти. Вообще никуда. Даже если приедет лифт, для пятнадцатого они будут удобной мишенью, которую он расстреляет в считанные мгновения. Вот и все. Теперь жизнь действительно закончилась. Ради этих двоих, что трясутся рядом, ничегошеньки не понимая.

— Ложись, дура! — Заорал рядом Колючий и с силой толкнул Таис на пол. Швырнул за контейнеры.

Снова синие всполохи вспороли воздух, снова разлетелась обшивка ящика, там, где только что стояла Таис. Еще выстрел, еще.

И вдруг стрельба прекратилась. Странный шум наполнил узкий коридор. Таис подняла голову. Федор, оказавшись за спиной робота, врезал, видимо, ему по голове своей трубой, и теперь пригибал к полу руку с дымящимся стволом оружия. В полу уже чернела прожженная дыра.

Таис рванулась на помощь, но ее опередил мальчишка,

которого они спасали. Схватив выпавшую из рук Таис трубу, он подскочил и с силой всадил ее в узкое отверстие у основания головы пятнадцатого. Робот дернулся, осел. Тут же рядом оказался Колючий со своим штырем. Несколькими точными ударами под коленки он заставил машину рухнуть на пол. Незнакомый мальчишка вытянул из шеи трубу и еще раз всадил ее, точно примерившись. После этого робот затих, огни на туловище потухли, руки замерли.

— Они убили его? — глупо спросила девочка с короткими волосами, выбираясь из укрытия за контейнерами.

Таис лишь глянула на нее, и пошла к парням.

— Уходим? — тихо спросила и слабо пнула безжизненные ноги Дона, согнутые в суставах.

Федор поднялся, посмотрел на свои красные ладони, обожженные о разогретый ствол оружия, кивнул и отступил назад.

— Я хочу достать процессор и диск памяти, — сказал вдруг Колючий и наклонился над андроидом. Развернул блестящую, гладкую голову, всмотрелся в крохотные винтики по краям.

— Уходить надо, — заметил Федор, все еще поднимая вверх руки.

— Я быстро. Вызывайте лифт.

Резкими ударами трубки Колючий расковырял содержимое робота у основания головы. Залез внутрь. Мальчишка, которого они выручили, опустился рядом, что-то подсказал. В руках у Колючего оказался магнитная отвертка — видимо, запасся перед вылазкой. Еще пара минут, и оба парня поднялись. Колька засовывал в карман черный небольшой квадратик с чипом памяти и еще один, поменьше, наверное — процессор.

Двери лифта открылись, и все пятеро зашли внутрь.

5.

— Что теперь? — спросила Таис, вдруг понимая, что не знает ничего о планах своих друзей. Что они задумали? Какой запасной путь?

Легкая вибрация закрывающихся дверей показался слишком похожей на звуки выстрелов. Гадкая дрожь в животе заставила скорчиться, вжаться в стену. Как долго они смогут прятаться в двигающемся лифте?

Девочка с короткими волосами, видимо, испытывала что-то похожее, потому что вся побледнела и так же привалилась к светло — серой стене, схватившись побелевшими пальцами за поручни.

— Объясните нам, что происходит? — потребовал сероглазый мальчишка, — и кто вы такие?

— Взрослые, — хмыкнул Колючий, и кивнул на Федора, — разве не видишь?

Федор присел около панели с кнопками, что-то нажал, и лифт, дернувшись, остановился.

Девчонка слабо охнула и вцепилась плечо своего друга. Видимо, в переделках еще не доводилось бывать. Ну, что ж, пусть теперь привыкает. То ли еще будет!

— Как вас зовут? — не оглядываясь, спросил Федор.

С помощью магнитной отвертки и каких-то крючков он снял панель, повозился с проводками. Свет в лифте тут же погас, и девочка снова вскрикнула.

— Я — Илья, она — Катя — ответил сероглазый, — а вы кто?

— После объясним. Если хотите уцелеть — делайте, что я скажу, — прозвучал ответ в непроглядном мраке.

Темноту прорезал тонкий свет фонарика, скакнул на потолок кабины и остановился на квадратном люке. В этот момент раздался грохот, будто кто-то забрался на лифт сверху. Заскрипело железо, и люк отошел в сторону. Показалось хмурое лицо Валька. Длинные, завязанные в хвост волосы, спустились на воротник джинсовой рубашки, взмокшие пряди челки прилипли к вискам.

— Все целы? — не очень приветливо спросил он.

— Да, вытаскивай нас, — поторопил Колючий.

Вылезли через люк. Федор подсаживал — Валёк вытягивал. После вместе вытащили и самого Федьку. На крыше кабины с Катей чуть не случился припадок. Глянув в щель между стеной и лифтом, она затряслась и запричитала:

— Что мы делаем? Куда вы нас ведете? Я хочу назад, я не хочу тут быть.

— А кто хочет? — хмыкнула Таис, стараясь держаться подальше от края.

— Вы нам можете объяснить, что мы делаем? — спросил Илья, и в сумраке глаза его сверкнули злыми огоньками.

— Не можем! — Рявкнул Валёк. — Просто заткнитесь и делайте то, что говорят. Иначе можете убираться к роботам, жизни вам тогда осталось не больше часа. Погрузка крейсера почти закончена, теперь ваша очередь, деточки.

Сказав это, Валёк развернулся и полез по веревочной лестнице, что тянулась вниз от кабины к стене. Ловко спустился и скрылся в темном квадрате отверстия.

Вот, значит, каков запасной план. Отлично, теперь все понятно.

Таис взялась за веревочные перекладины и проворно преодолела небольшой спуск. Дальше — проще. Темная шахта,

прыжок — и вот, она на своем родном уровне. Где-то впереди раздавался мерный шум мусорки, пахло гнилью и еще какой-то ерундой.

Таис отошла в сторону — и вовремя. Следом прыгнул Колючий, после него — всхлипывающая Катя. Она, почему-то, все время икала и шмыгала носом, точно так же, как Вовик.

Это просто еще одна головная боль для базы. Может, отправить этих двоих к Овальным? У тех ведь совсем мало человек, пусть приютят новеньких. Это справедливо.

Валёк ушел вперед и скрылся за поворотом коридора. Выполнил свою работу, и считает себя героем. Будет теперь говорить, что без него никак бы не справились.

Последними из отверстия появились Илья и Федор.

— Я закрыл люк лифта, убрал лестницу и закрыл на засов дверь прохода, — непонятно кому доложил Федор, прыгая вниз, — все целы?

— И что теперь? — Илья глянул на Федора, на Колючего, отряхивающего штаны от пыли.

— Ничего, — ответила ему Таис, — будем пробираться домой. Накормим и напоим вас. Добро пожаловать в мир детей подземелья.

— Так это… — Катя удивленно захлопала ресницами, переводя взор с Федора на Колючего

— Да, это то, что ты подумала, — хмыкнул Колька, — а Эмма где?

Илья пожал плечами. Сухо сказал:

— Считает бонусы, наверное. Это же она меня предала, гадина, — глаза его при этом сощурились, на губах появилась брезгливая улыбка.

— Уже ругаешься? — Таис невесело улыбнулась в ответ. — Закон нарушаешь?

— Вы тоже соблюдаете законы? — дернулась Катя. Голос ее прозвучал еле — еле, точно она вот — вот сдуется совсем, как воздушный шарик.

— У нас свои правила, — буркнул в ответ Федор, — скоро все узнаете.

В этот момент мерный гул мусорки перекрыл странный вой, донесшийся откуда-то из внутренностей корабля. Тоскливый и яростный, он застыл на одной ноте и через несколько мгновений смолк, так же неожиданно, как и начался.

— Что это? — нахмурился Илья и боязливо оглянулся.

— Таинственная песнь корабля. Мы иногда это слышим, но не знаем, что это, — нехотя пояснил Колючий, — значит, Эмма осталась на Втором Уровне?

— Да. Она же собирается стать программистом. Ее пригласили на командный пост писать программы для Моага, — так же едко улыбаясь, ответил Илья.

— Ага, без нее не обойдутся, — хмыкнула Таис.

Теперь ясно, что девчонку с рыжими волосами, ту самую, что постоянно мешала добывать продукты, зовут Эмма. И Колючий, почему-то, сильно за нее переживает. Сестра, что ли?

— Эмму тоже надо вывести, — Колючий зло сверкнул глазами и посмотрел на Федора.

— Значит, выведем, — спокойно ответил тот.

Резкий вой снова повис под потолком, точно нутро корабля опять жаловалось на свою одинокую однообразную жизнь.

Катя вздрогнула, ухватилась плечо Ильи.

— Пошли, тут больше нечего делать, — Федор поправил рюкзак, посмотрел на свои обожженные ладони и протянул руку Таис.

Глава 6. Эмма: общественные работы

1.

Сканер работал бесшумно. Его круглое зево, куда на удобной каталке завез Эмму Дон-12, светилось добрым желтым светом. Ласково мигал крошечный голубой диод в самом начале белой трубы, и это значило, что сканер уже запущен.

Секунд тридцать, не больше, понадобилось на то, чтобы сканировать мозг Эммы. После Дон-12 сообщил, что все в порядке, никаких повреждений нет.

— Ни ушиба, ни сотрясения. Ты абсолютно здорова, девочка. Но надо себя поберечь. У тебя сегодня есть общественные работы? Если хочешь, я сделаю тебе освободительную, — глаза Дона оставались неподвижными, но интонация голоса звучала совсем мягко, будто робот сдерживал добродушную улыбку.

Доны не умели улыбаться, потому в их интонациях, кроме доброты, часто проскакивали какие-то трогательные ноты. Как будто роботы все происходящее принимали слишком серьезно.

Эмма спрыгнула с каталки, взяла со стула испачканную футболку, зачем-то помяла ее в руках. Решительно возразила:

— Сегодня последний день общественных работ на Втором Уровне для меня. Я не хочу пропускать. И я себя нормально чувствую. Я уже пойду, да?

— Иди. Только будь внимательной, смотри под ноги и больше не приближайся к детям подземелий. Договорились?

Эмма кивнула. Нехотя натянула футболку и выскочила за дверь. Скорее к себе в каюту. Встать под душ, отмыться и переодеться. Про Илью и Катю лучше сейчас вообще не думать. Дежурный Дон, которому Эмма доложила о затее выпускника, тут же отправил сообщение, и на Магистралях появились дополнительные роботы.

— Проверим каждый контейнер, не переживай, Эмма, — заверил ее Дон.

Вот и пусть теперь взрослые сами разбираются и с Ильей, и с Катей. Теперь это не Эммина забота, она выполнила свой долг, и ей не будет стыдно, когда окажется на Третьем Уровне.

Лонька, увидев Эмму в дверях, удивленно спросил:

— Ты где была?

— Тебе какое дело?

— Я обязан все о вас знать. Я же ваш нянька, — решительно заявил Лон.

— Все равно ты ничего о нас не докладываешь. Ты теперь нелегальный нянька, сам по себе. Так что, не приставай.

Эмма слишком резко надавила на дверную кнопку, и, не дожидаясь, пока закроется дверь, подошла к зеркалу. Синяков, вроде бы, нет. Кожа чистая, только под глазами темные круги, но это, скорее всего, от недосыпа. Слишком много волнений в последнюю пару дней. Сейчас — в душ, и можно полчасика отдохнуть. Общественные работы начинаются в одиннадцать часов, и время для отдыха еще будет.

Футболка и штаны слетели вниз и остались лежать на полу бесформенной грудой. Стирать это не стоит, все равно носить их теперь будет противно. Теплая вода хлынула с блестящего рожка — насадки быстрыми колкими струями.

Эмма задала нужную температуру на небольшом влагоустойчивом мониторе, вмонтированном в стенку, взяла с полки ароматный гель с запахом мяты и липы. Сейчас надо просто успокоиться и привести себя в порядок. Немного мятного аромата, и тяжесть смоется с души, точно так же, как белоснежные хлопья пены с тела.

Справа в стене бесшумно крутился бак стиральной машины. Пузырьковая стирка, специальная обработка. Лонька, видимо, уже успел поменять постельное у Эммы, и теперь одна из трех стиральных машин загружена работой.

В каждой каюте было по три стиральной машины. Для каждого жильца — своя. Но после того, как сбежал Коля, к Эмме и Соне никого больше не подселяли, и Лон приспособил лишнюю машину для стирки постельного и полотенец. Тоже выход, это удобно. Для одежды — одна машинка, для белья — другая.

Теплые струи душа заглушали шлепанье воды в барабане, но Эмме казалось, что где-то внутри себя она по — прежнему слышит тихие, умиротворяющие звуки. Когда она только переехала в эту каюту из детского сада, ее, тогда семилетнюю испуганную переменами девочку, очень впечатлили эти стиральные машины в стене ванной. Она могла сидеть перед ними довольно долго, и это смешило Колю, который уже год, как прожил в этих каютах и много чего знал и умел.

— Ты что, собираешься стать изобретателем стиральных машин? — спросил он тогда.

А Эмма ничего ему не отвечала, потому что стеснялась большого мальчика. Коля казался ей совсем взрослым, ведь ему уже исполнилось восемь лет.

Очень скоро здесь поселится другой малыш. Или малышка. Буквально через два — три дня. Или четыре дня. Это уже не имеет значение.

Эмма поменяла температуру воды, сделав ее похолоднее, чтобы взбодриться. Немного постояла, позволив струям обжигать кожу приятным холодом. После выключила душ и подошла к зеркалу. Слипшиеся ресницы загибались кверху светло — коричневыми стрелками. Тонкие брови разлетались к вискам, еле заметные веснушки проступали на носу веселыми точками.

Эмма знала, что красива. Каждый раз глядя на свое отражение в зеркале, она думала, что мало кто из детей на Втором Уровне может сравниться с ней. Мало у кого такие безупречные, чистые линии лица, мало у кого такие длинные выразительные ресницы. Мало у кого густые золотисто — рыжие волосы, сбегающие до поясницы мягкими волнами.

Красота — это, конечно, не ум. На Третьем Уровне будет цениться способность верно и правильно принимать решения, способность решать информативные задачи, способность хорошо разбираться в программах. Но в том-то и дело, что Эмма и это хорошо умеет.

У нее все есть для счастья. И красота, и ум.

Эмма подняла брови и улыбнулась сама себе в зеркало. После завернулась в длинный махровый халат и вышла из спальни.

Лонька весело свистел на кухне. Услышав Эммины шаги в коридоре, тут же сообщил:

— На завтрак овсянка с сухофруктами, батон с ореховым маслом. Какао с молоком, просто молоко, компот или сок — на выбор.

— Налей мне холодного молока в стакан, — велела Эмма, и прилегла на застеленную свежим бельем кровать, — я, наверное, еще посплю полчасика, а после буду завтракать. Хорошо?

— Что это ты делала с утра, что так устала? — весело спросил Лонька, ставя стакан на прикроватную тумбочку.

— Не твое дело. Там в ванной валяются футболка со штанами, выкинь их в мусор. Я не хочу больше их носить. Понял?

— Как скажешь. Вещи когда начнешь собирать?

Точно! Надо же еще собрать все вещи, ведь это называется переезд. Возня на целый день, никак не меньше.

— Да, может сегодня вечером начну. Надо бы прикупить себе пару обновок.

— А вдруг на Третьем Уровне ходят только в спецформе? — лукаво спросил Лонька, остановившись в проеме двери.

— Тогда будет не очень интересно, — Эмма нахмурилась, — все, иди, не мешай.

Да, это будет большим минусом, если на взрослом уровне нельзя будет носить модную и красивую одежду. Эмма в глубине души надеялась, что на самом деле это не так. Хорошо бы там

находились интересные магазинчики с одеждой и бижутерией, кафешки с круасанами и горячим шоколадом и обязательно сад с фонтанами, лимонными и апельсиновыми деревьями. Хорошо бы Третий Уровень оказался похожим на Второй.

В прошлом году ушла к взрослым Магнитная Пятерка — так называли между собой дети пятерых друзей — старшеклассников, обожающих магнитные доски и гоняющих наперегонки по Оранжевой магистрали. Эти пятеро никогда не разлучались, их дружбе Эмма даже немного завидовала. Везде появлялись вместе, всегда в коротких куртках и собранных снизу на шнурок штанах. Даже темные банданы у них на головах сидели одинаково. Две девочки и три мальчика — веселая компания. Без этих пятерых Оранжевая магистраль казалась опустевшей — ни веселых криков, ни толпы детей по краям, гадающей — кто же придет первым.

Интересно, как они устроились там, наверху? Тоже гоняют наперегонки? Может, теперь уже на крейсерах?

Хотя, на грузовых крейсерах не погоняешь, медлительный и неповоротливый транспорт.

Уже засыпая, Эмма подумала, что с магнитной пятеркой наверняка весело на Третьем Уровне, и очень скоро она их увидит.

2.

Соня не любила овсяную кашу. Сидела, ковыряла ложкой, выбирала какие-то ей одной видимые шкурки и кисло кривила рот.

— Сонь, ну хотя бы изюм и курагу съешь, а? — нахмурившись, велела Эмма.

Она успела позавтракать и выпить кружку какао с молоком, а Сонька все еще сидела над своей тарелкой.

— Оно все в молоке. Гадость какая-то…

— Ну, и чем ты тогда собираешься завтракать?

— Молоко и батон с ореховым маслом. Мне хватит, — невозмутимо ответила Соня.

Эмма вздохнула. Воевать с этим бесполезно. Все равно будет сидеть до тех пор, пока не придет время собираться в классы. А тогда понесется голодная, отщипнув лишь кусок батона на ходу.

— Ладно, делай себе бутерброды, — велела и, повесив сумку с планшетом на плечо, вышла из каюты.

У нее самой сегодня не простой день. Сегодня прибывают новенькие дети, только что рожденные. Это очень интересно, потому надо бы придти пораньше.

Выпускники помогали в самом младшем отделении, там, где находились дети до года. Главного робота Дона в этом отделении

звали Мартин. Единственный робот с именем на весь Второй Уровень. Мартин отвечал вообще за весь детский сад, но сам постоянно находился у малышей, в первом отделении.

Вот к нему и спешила Эмма. Очень не хотелось пропустить ответственный момент прибытия новеньких..

У Мартина все оказалось приготовлено. Пятеро подросших подопечных, которым сравнялось по одному году, накормленные, выкупанные и одетые в удобную чистую одежду, сидели на большом ковре в игровой комнате. Их тоже переведут в общий детский сад и разбросают по разным отделениям. Дети во всех отделениях собирались не по принципу возраста, а по принципу коэффициента ай кю. Самых умных держали вместе, их будут и учить лучше. Эмма и сама выросла в таком отделении.

Сидевший с краю коврика белоголовый малыш тыкал пальчиками в стоящий рядом планшет и смешно разговаривал с голографическим 3D изображением большого медведя. Медведь выдавал знакомые фразы, вроде:

— Привет, малыш. Ты ел кашу?

И при этом совершал смешные движения. Этой программой можно было управлять, она предназначалась специально для маленьких детей. Белоголового малыша звали Васей, и он умел очень ловко обращаться со своим электронным другом. Смешно лепеча что-то на малышовом языке, он тыкал пальчиками в руки и ноги медведя, заставляя его приседать, поворачиваться, подпрыгивать. Медведь то и дело приговаривал:

— Тра — та — та, тра — та — та, вышла кошка за кота. За кота — котовича, за Иван Петровича.

Глупая детская потешка, видимо, очень нравилась Васе, и он то и дело заливался смехом. Рядом с ним возилась круглоголовая Юлька. Волос у нее за год не выросло вообще, и она казалась очень смешной с этой своей лысой, круглой головой. Юлька мяла в ладошках печеньку и глухо ныла на одной ноте.

— Привет, карапузы, — весело бросила им Эмма, и подхватила ноющую Юльку на руки. Тут же поморщилась — из подгузника малышки неприятно попахивало.

Ребенка — в ванную, к роботам — помощникам класса Лон, они помоют и переоденут. А дальше видно будет.

Главная задача Эммы и ее одноклассников Ильи и Кати — это разговаривать с малышами. Роботы тоже много говорят, но дети должны видеть человеческие лица каждый день, должны получать человеческое тепло, уметь различать эмоции. То есть малыши должны много общаться с людьми, чтобы самим приобрести людские навыки и привычки. Так учили в классах. Принцип повторения — делаешь ты, делает твой подопечный.

За общественную работу ставились оценки, и если ты приходишь и просто слоняешься, а не играешь и не говоришь с детьми, то бонусов тебе не видать. У Эммы с этим проблем не было, ей нравились теплые и славные малыши. Особенно светлоголовый Василий. С ним она возилась больше всего. Играла, таскала на руках, пела песенки. Кормила Ваську Эмма тоже сама, хотя эту обязанность выполняли Лоны. Мартин только распоряжался всем и наблюдал за малышами. Вдруг кто заболеет, или еще что. Дети совсем маленькие, за ними глаз да глаз.

Сдав зареванную Юльку, Эмма вернулась и села на коврик. Запела простенькую песенку, погладила по голове кудрявую Катю (еще одна Катя, смешное совпадение, Илюха называл эту малышку Котенком). Вытащила из шкафа деревянные разноцветные кубики и принялась строить башню. Развлекать этих малявок совсем не сложно. Вот уже все четверо — Юлька все еще была в ванной — собрались у ног Эммы, даже Василек оставил свой планшет с танцующим медведем. Вот уже тянутся руки к башне, кубики валятся на ковер.

— Упала башня! — громко говорит Эмма, — Башня — бух — и упала!

Малышам надо все объяснять, так говорил Мартин. Это для того, чтобы они сами быстрее научились разговаривать.

— Бух! — тут же повторяет Вася и протягивает Эмме упавший кубик. Значит, надо строить еще.

— Давайте, еще построю. Большую башню построим, да?

Рыжеголовый Сашуля, надув губы, толкает ногой кубики, падает на колени и тянет один кубик в рот. Сейчас все будет в слюнях… Где там его соска? Пусть уж лучше сосет соску, чем облизывает кубики.

И вот как из таких смешных, неуклюжих карапузов получаются взрослые люди? Удивительно это. Вон, робот класса Лон принес чистенькую Юльку в желтеньких вельветовых брючках и белой футболочке с цветочками. Этой малышке еще столько предстоит — и научиться делать все свои грязные делишки в горшок, и научиться говорить, и научиться есть самой. После — читать, считать, соблюдать закон. Научиться жить в обществе людей, научиться приносить пользу людям. Огромная дорога впереди.

И им очень повезло, этим пятерым, что родились на Моаге. Здесь их ждет хорошее будущее. Престижная, хорошо оплачиваемая работа, возможность накопить деньги и после купить себе… Да хоть дом на Земле, хоть площадь на многочисленных элитных жилых лайнерах. Даже собственный крейсер купить можно.

Экономику Эмма проходила в классах, потому знала, что не все профессии так престижны. Не все приносят хороший доход. Есть те, кто обслуживает крейсеры, есть те, кто работает оператором на автопогрузках, есть те, кто вообще живет на Земле в резерваации и не имеет никакой работы. Безработные и бездомные. Хорошо хоть, что большую часть таких людей принудительно стерилизуют, чтобы не оставляли после себя потомства.

Дети должны жить в хороших условиях, должны хорошо одеваться, хорошо питаться и хорошо учиться. Это гарантированно Земной Международной Всеобщей Конституцией. Дети — это достояние всех наций, а не собственность родителей. Потому их права особо защищены. Так учили в классах.

— Ну что, малыши, пойдем на прогулку? — Эмма поднялась с коврика и выглянула в окно.

Прогулочная площадка находилась тут же, за дверью. Резиновое покрытие, низенькие горочки, лошадки — качалки. Песочница с тщательно просеянным и стерилизованным песком. Маленькие елочки и лимоны в кадках, встроенные в невысокое ограждение. Тут для малышей есть все необходимое. И Лоны, чтобы присмотреть за каждым. Эмме остается только руководить прогулкой да строить башни из песка.

После сорокаминутной прогулки второй завтрак и пара часов сна. Укладывать таких малышей не просто, тут не обойдешься сказочкой и стишками, как в более старших группах. Приходится укачивать некоторых. Особенно Юльку — капризулю. А она ужасно тяжелая, попробуй, потаскай.

Обычно ее носил Илья и при этом приговаривал глупую детскую считалку:

Вышел месяц из тумана
Вынул ножик из кармана.
Буду резать, буду бить.
Выходи, тебе водить.

Юлька почему-то сразу притихала от этого речитатива и начинала сопеть, ровно и громко.

Катя носила Сашулю, тот тоже засыпал долго и с трудом. Много хныкал, возился и все порывался куда-то бежать.

Сегодня Эмме приходилось возиться одной, Илья и Катя так и не появились. Застряли, наверное, в изоляции. Вдруг их действительно отправят на Землю? И даже не попрощаться с ними…

Плачущую Юльку пришлось укачивать Эмме, остальных качали в кроватках — люльках роботы. Пришел Мартин и взял на руки Сашулю, сунул ему в рот чистую соску и тихо сообщил

Эмме:

— Новеньких привозят через час. Потому надо уложить детей и быть готовыми.

— А… Этих же не перевели. Куда новеньких?

— Для них новые комнаты уже приготовлены. Надо две отдельные, чтобы они первое время не будили друг друга, сама знаешь. А этих малышей переведем после сна, еще не пришло распределение — кого куда.

— Понятно.

Эмма устроилась в кресле — каталке и оттолкнулась ногой. Хорошо бы эта малышня поскорее улеглась, и можно было бы пообедать. Проголодалась ужасно, пара кусочков хлеба, что удалось схватить во время второго завтрака детей, не в счет.

3.

Новеньких оказалось четверо. Их доставили на лифте, в больших прозрачных кювезах. Спящих, одетых в крошечные ползунки и смешные футболочки. Два мальчика — близнеца и две девочки.

Девочки оказались абсолютно лысыми, красные личики их хмурились, губки надувались. Ничего симпатичного. Зато мальчишки походили на смешных ежиков, их короткие черные волосики стояли дыбом, а круглые глаза смешно таращились, точно все они видели в первый раз.

И тут Эмма улыбнулась, разглядывая детей. Конечно, в первый раз! У них сейчас все в первый раз — и Второй Уровень, и заботливый серьезный Мартин. И Эмму они тоже видят в первый раз. В первый и, наверное, в последний. Кто его знает, что будет через пятнадцать лет? Может, Эмме удастся заработать денег на собственный крейсер — быть владельцем корабля очень выгодно.

Стало почему-то грустно от того, что больше не будет игр с Юлькой, Васей, Сашулей, Катей и Стасом. Этих пятерых после сна сразу переведут — и все. Что с ними будет дальше, как они будут расти, развиваться, учиться — всего этого Эмма не узнает. Это навсегда остается в прошлом. В счастливом и добром детстве, куда уже не будет возврата.

Почему-то глаза стали горячими, и в уголках застыли слезы.

Эмма торопливо смахнула непрошенную влагу. Этого еще не хватало! Нечего реветь, это жизнь, и она так устроена, что все в ней не стоит на месте. Все меняется, и все меняется к лучшему.

Подросшим годовичками теперь придется знакомиться с новыми старшими, их ждут новые игры, новые знания. И это здорово. Гораздо лучше, чем топтаться на одном месте, общаясь с одними и теми же людьми.

Вот интересно, будет ли так же скучать за Эммой ее робот

Лонька? Не будет. Это не заложено у него в программах, а он делает только то, что есть в его чипах. Вот оно, главное отличие людей. Они не делают то, что диктуют им инстинкты или программы, они сами строят свое будущее.

Будущее людей зависит только от них самих.

Как только новеньких младенцев пристроили в двух милых комнатках, полных красивых игрушек, ярких картинок и удобных манежиков, как Эмма спросила:

— А имена? Как мы их назовем?

— Придумывай. Имена придумывают выпускники.

Да, только сейчас всех выпускников — одна Эмма. И все четыре имени придумывать ей. Интересно, ничего не скажешь. Сколько всего прошло мимо Ильи и Кати из-за их глупости!

— Ну, пусть мальчики будут Семеном и Арсением. Сеня и Сема — хорошо для двух братиков. Да?

Мартин тут же согласился:

— Отлично. А девочки?

— Сейчас подумаю. Не хочется повторений, надо бы что-то оригинальное, что-то, что не так часто встречается. Ну, например… Диана — неплохое имя.

Эмма всмотрелась в крохотные личики с закрытыми глазками, решительно подтвердила:

— Да, одна пусть будет Дианой, а вторая Евой. Отлично, да?

— Отлично. Сейчас так и запишем на их планшетах. Имена дали, в комнаты распределили. Считай, мы с тобой сделали главное дело.

Тут бы очень кстати была простая улыбка, но Мартин не мог улыбаться. Он ведь робот. Вот поэтому старшие дети и приходят к младшим, чтобы научить их улыбаться.

— Мартин, а почему новеньких четверо? Ведь уходят трое. Я, Илья и Катя — всего трое выпускников.

— Вас поступило тоже четверо.

Эмма удивленно повернулась к Мартину и спросила:

— Куда же делся четвертый?

Голос Мартина не изменился ни капли. Так же доброжелательно робот класса Дон-12 сообщил, что один ребенок получил травму, не совместимую с жизнью.

— Какую травму? — Эмма оглянулась.

Какую можно получить травму тут, когда кругом Лоны, и все предусмотрено и продумано.

— Ребенок упал с высокого стульчика для кормления, расстегнулись ремешки. Стул оказался неисправным. Такое бывает, но крайне редко.

— Жаль его. Кто хоть это был? Мальчик или девочка?

— Это был мальчик.

— А как его звали?

— Эдуард. Его назвали Эдуардом.

Лоны помнили имена всех детей. Абсолютно всех, кто проходил через Второй Уровень. Эта информация никогда не удалялась из их дисков с памятью. Потому можно не сомневаться, что погибшего ребенка звали именно Эдиком. Кто, интересно, придумывал имена Эмме и ее одногодкам? Те, кто сейчас работает на Третьем Уровне?

4.

К трем часам Эмма вернулась в каюту. Снова встала под душ, смыть с себя запах детского крема, детского молочка и печенек. После перекусила немного фруктами. Дождалась Соню, и они вместе сходили в библиотеку, вернули книжки, что брала Эмма.

Обычный день, ни чем ни примечательный. Зато завтра все будет по — другому. Эмме присвоят нашивки Третьего Уровня — то есть, простыми словами, выдадут форму. Тогда можно будет определить род занятий — по нашивкам. Техник, оператор, механик или программист.

Завтра она узнает, что же ей предстоит делать на корабле. Интересно, вернуться ли к этому моменту Илья и Катя?

На обратном пусти с библиотеки Эмма заглянула в каюту Ильи, но его соседи — два мальчика Славик и Женька — сказали, что понятия не имеют, где их товарищ. Оба при этом жевали жвачки и глупо толкали друг друга локтями. Славику и Женьке недавно исполнилось по восемь лет, совсем еще мелюзга.

Эмма бросила им:

— Ладно, не балуйтесь, смотрите, — и направилась к себе.

Все ясно, наверняка и Илью и Катю отправят на землю. Иначе, какой смысл их так долго держать в изоляции? А вдруг их уже сейчас перевели на Третий Уровень? Выдали форму с нашивками прямо там, распределили по каютам? И сидят они среди взрослых и обсуждают свои новые задачи…

Что ж, как бы там ни было, скоро Эмма об этом узнает. Осталось совсем немного.

Вечером к Соне пришли две ее подружки, и они все вместе ужинали перед экраном и смотрели мультики. Эмма ела отдельно, в своей комнате. Лазила в корабельной сети, выискивая новые фильмы и музыку. Время тянулось медленно, точно земноводная черепаха. Еле слышно гудели в коридорчике роботы — уборщики. Весело смеялись в гостиной девчонки, Лонька стучал посудой на кухне. Видимо, снова затеял генеральную уборку.

Как скучно проходят эти последние дни на Детском Уровне.

Были бы тут Илья и Катька — можно было бы поболтать с ними. Может, сходить куда-нибудь. Хоть в кафе, что ли. Хотя…

Наверняка эти двое снова уединились бы в каких-нибудь закутках. Им компания не особо нужна. А Эмма…

Слишком она серьезно относилась к своей учебе, потому и друзей не успела завести. Не хватало времени у нее на друзей. Но тут надо выбирать — или друзья и гулянка, или учеба. Эмма выбрала учебу, и это правильный выбор. А друзей она успеет завести и на Третьем Уровне.

Уже перед отбоем Эмма не выдержала. Позвала Лоньку и попросила снова показать Третий Уровень.

— Не вернулся Илья. Хочу убедиться, что с ним все в порядке.

Сонька в это время купалась в душе, и это хорошо. Не стоит ей видеть, как Эмма лазит по запрещенным файлам.

Лонька снова выдал шуточки на тему малолетних нарушителей, но это уже не казалось смешным.

— Ты повторяешься, — сказала ему Эмма, — пополни свой запас приколов, ладно?

На мониторе Лоньки послушно и быстро открылись нужные файлы, и вот он, заветный Уровень. Так и есть, теперь уже две красные точки находились в том же самом помещении. Держат Катю и Илью вместе? До сих пор не отправили на землю? Почему?

И тут Эмма вздрогнула. На экране появились еще несколько красных точек. Раз, два, три… Три человека прошли по коридорам. После разделились, третий свернул в сторону, двое направились к комнате Ильи и Кати. Еще немного — и двое нарушителей покинули комнату заточения и отправились за красными точками. Вот они — взрослые люди. Эмма нервно мигнула и зачем-то потерла ладонью лоб.

Через какое-то время все точки пропали, видимо, прошли в отдел для людей, где не было тепловых датчиков. Вот и все, теперь Катя и Илья на Третьем Уровне. Оказались там раньше Эммы, между прочим.

Ну, что ж. Зато у Эммы будет Праздник Нашивок и Выпускной. Хотя танцевать на этом Выпускном ей будет не с кем. Но это не беда. Главное, что она встретиться со своими друзьями на Третьем Уровне.

Глава 7. Таис: третий список

1.

— Нет, это никуда не годится. Посмотри, сколько ошибок! Исправляй, давай.

— Ну, Маш… Может, я потом, завтра утром исправлю, а?

— Утром будет работать Ромка, его очередь. Так что, работай сейчас. И нечего губы дуть, грамотно набирать текст должен уметь каждый. А у тебя через каждую строчку подчеркнуто красным. Кошмар какой-то, а не работа. Сиди и исправляй. Делов на пять минут, а ты ноешь тут уже полчаса…

Таис приподнялась на кровати и с досадой посмотрела на открытый дверной проем. Машина спаленка — через стену, и дверь в ней тоже открыта — чтобы мог проникать теплый воздух. И ни о каком покое с этими открытыми дверями не стоило и мечтать. Каждое утро и каждый вечер Маша заставляла мальков заниматься. Набирать тексты в текстовой программе, решать задачи, смотреть документальные исторические фильмы. Немного пыталась обучать информатике, но тут она была жестоко посрамлена. Языки программирования все трое мальков знали отлично, у каждого оказался уже законченный небольшой сайтик в корабельной сети. Каждый умел устанавливать и запускать программы, умел форматировать оперативную систему планшетов. Хотя, форматировать планшеты тут все умели, это дело простое. Загружаешь программу через флешку, нажимаешь кнопку "пуск" и ждешь, когда на экране появится слово "готово".

Маша считала, что дети должны получить образование. Хотя Таис даже не скрывала свое отношение к этому.

— Зачем им это образование? Тем более без диплома, без формы, распределения и нашивок? Кому это надо? Рыскать по мусорке и тырить из автоматов продукты можно и без диплома. Отлично получается, главное — вовремя унести ноги.

— Образование может пригодиться, — невозмутимо отвечала Маша, — однажды Валька найдет кодовый ключ к системе и отключит автономное управление кораблем. И тогда управлять всем будем мы. Вот тогда и пригодятся умения и знания.

— Ну, на тот случай есть детки со Второго Уровня. Можно и их попросить, — съязвила Таис.

Но по большому счету было все равно, чему учит Маша мальков. Надо же чем-то заниматься, так почему бы и не поиграть в учителя?

Но сейчас Таис хотелось отоспаться, день выдался на редкость суматошный. В сон клонило страшно, но голоса за

стеной то и дело вырывали из дремоты, врываясь в сознание назойливо и противно. Вовик ныл, Машка его ругала.

Рядом ворочался Федор и тоже тихо ругался под нос. И этому не спится, наверное, болят ожоги на руках.

Таис спустила ноги с кровати, откинула еще влажные после душа волосы за спину, сказала:

— Федь, покажи ладони.

— Да нет там ничего страшного, Тай, не бери в голову, — пробормотал тот, поднимая руки.

— Ничего себе. Это же волдыри! Уснешь тут с вами…

На правой руке Федьки вспухло два белесых волдыря — один на середине ладони, другой на указательном пальце. Кожа обеих ладоней покраснела, но это не беда. А вот волдыри — это проблема.

Большая проблема, потому что лекарствами особо не запасались. Не думали об этом. Спохватывались, когда что-то случалось. А случалось не очень часто.

Один раз Вовик свалился с магнитной доски и расцарапал себе локти. Вот тогда Колючий сгонял в медчасть и каким-то образом умудрился стащить у них мазь, заживляющую раны. Правда, мазь эта быстро закончилась — повадились все мазать ей любой порез и синяк.

А сейчас бы она очень даже пригодилась Федьке.

— С такими пальцами особо в сети не полазишь, — буркнула Таис, — попробуй, подставь руки под холодную воду. Должно помочь. Нас учили этому в классах.

Федор усмехнулся:

— Хорошее средство. Я пробовал, помогает.

Он действительно несколько раз уже ходил в ванную, после возвращался, махая ладонями и разбрызгивая капельки воды.

Чувствуя, как тяжело пульсирует боль в затылке, Таис вздохнула и поднялась.

— Пойду, приготовлю чай, что ли. И тебе тоже.

— Не надо, я не смогу держать горячую кружку.

— Я тебя напою, не бойся.

— Да я и не думал бояться, — Федька хмыкнул и опустился на свой матрас.

— Вот и хорошо.

На столе стояла кастрюлька с рисовой кашей, накрытая полотенцем. Готовый ужин. На колченогой табуретке сидела Катя — пристроилась на самом краюшке и брезгливо поглядывала на стол.

— Вы ели уже? — спросила их Таис и взялась за стопку мисок из нержавейки.

— А… Что есть? — несмело спросила Катя и зачем-то пригладила и без того безупречно убранные за уши пряди волос.

— Что есть — то и есть. И быть очень благодарным, что хоть какая-то жратва на столе.

Катя с таким видом посмотрела на рисовую кашу, будто это были какие-нибудь запеченные жуки. Ну, конечно, рис на Втором Уровне готовили роботы — повара, в таких специальных пароварках. И каждая рисинка получалась отдельной, каждая — целой и пропаренной.

А в кастрюльке каша походила на сплошное белое месиво. Слипшееся, горячее. Лишь сливочное масло сверху чуть придавало привлекательности этому вареву. Ну, тут ничего не поделать. Готовить особо никто не умеет, этому детей на Втором Уровне вообще никто не учил. Пришлось самим находить рецепты и догадываться, как можно состряпать ужин, например, из риса, изюма и масла. Больше-то ничего и нет, все остальное уже съели.

Таис насыпала себе и Федору полные миски, щедро добавила изюма, сахара. После принялась разливать чай. Горячие кружки заметно подняли настроение. Сейчас можно поесть, согреться и отдохнуть. Что-то, а отдых она и Федька заслужили.

Вот только с ладонями Федора надо что-то делать. Но что? При мысли о том, чтобы еще раз подняться на Второй Уровень у Таис сразу портилось настроение. И почему она не припрятала немного мази про запас?

Появился Илья — он устраивал их с Катей небольшой закуток в самом углу базы. Им досталась крохотная спальня в отдалении, холодная и темная. У Кати при виде это спальни глаза стали большими и влажными. Она выглядела такой несчастной, что Таис даже пожалела ее немного.

Федор отдал Илье рюкзак, в котором оказались полотенца, простыни, несколько пар пижам разного размера. Даже нашлась одна наволочка и четыре пары носков.

— Забирайте себе то, что подойдет. Подушки и матрасы есть тут на базе, а вот постельное уже все занято. После еще раздобудете что получиться.

— Спасибо, — ответил Илья, — и как вы тут выживаете? Роботы вас не находят?

— Не находят. Этот Уровень корабль вообще не видит. Кроме мусорки. Считается, что его нет. Тут даже нет знаков Моага — ну, созвездия Гончих Псов. Только знаки старого корабля.

— Какого старого корабля? — удивился Илья.

— Мы думаем, что Моаг не всегда был Моагом. Когда-то корабль назывался "Млечный путь". Такая информация

содержалась в замках базы, которые мы взломали. Ну, название такое было — Нижний Уровень станции "Млечный путь", базы 3 и 4.

— А еще какая-нибудь информация была?

— Кроме этой — больше ничего. Какая информация может быть в замках?

— Ну, мало ли…

Сейчас Илья положил ладони на плечи Кате и сказал:

— Я все устроил в комнате. Правда, кровать там одна, у стены. Но зато есть три стула, я себе на стульях постелил.

Он посмотрел на Таис и уточнил:

— Тебя зовут Тая?

— Таис, — Таис изобразила подобие улыбки.

— Скажи, почему вы селитесь по парам? Я так понял, что ты живешь в одной спальне с Федором?

— Так удобнее. И не всегда по парам. Маша, вон, делит одну спальню с тремя мальками.

Илья кивнул, взял две миски и принялся насыпать кашу. Катя как-то бестолково решила помочь, расставила кружки и пробовала налить в них воды с чайника. Тонкая струйка с блестящего носика ответила быстрым всплеском и закончилась.

— Надо набрать воды в чайник, — снисходительно пояснила Таис, — и включить его. Нажать на кнопочку сбоку.

Дети со Второго Уровня не приспособлены к жизни без роботов. Даже чай в кружки им наливали Лоны. Где им знать, что воду в чайник надо периодически добавлять?

— Я сейчас все сделаю, Кать, ладно? Таис, где у вас вода? — тут же спохватился Илья.

— Где — где… Вон, кран, где посуду Маша моет. Там и набирай.

— Ладно…

— До уровня набирай. Там на чайнике показан верхний уровень. Больше не надо, иначе будет выливаться.

Илья, вроде, уже начал осваиваться. О Третьем Уровне они не спрашивали. Пока не спрашивали. Но это еще впереди — страшное сознание того, что те, кого ты когда-то знал, с кем надеялся встретиться — они мертвы. Их просто нет.

Выводить удается далеко не всех. Вот и в этот раз осталась рыжая девочка Эмма, и, судя по всему, помочь ей уже ничем нельзя.

Таис поднялась в свою спальню и присела на матрас рядом с Федором. Его шерстяное одеяло, покрывающее матрас, немного кололо ноги, в том месте, где короткие штанины не доставали до носков.

— Надо достать тебе мазь, — сказала Таис и поставила на пол миски и кружки.

Федор снова сидел над планшетом, тыкая в экран пальцами левой руки.

— Хочешь посмотреть запись освобождения Ильи и Кати?

— А есть такая?

— Конечно. Моаг записал. Правда, не знаю, зачем.

— Чай будешь пить?

— Да, давай. Я сам справлюсь, — Федька слегка улыбнулся и осторожно взялся двумя пальцами за ручку кружки.

В проеме двери появился Колючий. Без всяких предупреждений тут же заявил:

— Надо выводить Эмму. Сегодня или завтра.

— Ты в своем уме? — Таис сердито зыркнула на черную башку приятеля и мотнула головой, — сейчас время отбоя. Спать надо.

— Вот сейчас самое удобное время, — Колючий оглянулся и крикнул, — Эй! Илья! Идите сюда, ребята!

Катя и Илья приблизились, оба удивленно и немного недоверчиво щурились. Катя все еще держала в руках кружку с чаем.

— Вы знаете, Эмма с кем живет в каюте? Кроме ее сестры есть еще кто-нибудь?

— Вы думаете вывести Эмму? — зачем-то уточнил Илья.

— Естественно.

— Она живет только с сестрой Соней.

— Я думаю, может, пойти к ней сейчас, когда все спят и поговорить. Тем более, что вы уже с нами, расскажу ей, как спасли вас.

При слове "спасли" Катя поежилась и шумно втянула в себя воздух. Вот — вот заплачет девочка. Чувствует себя несчастной и обиженной. Так всегда бывает, когда понимаешь, что тебя обманывали. Таис это уже пережила.

— Эмма тебе не поверит. Она просто доложит о тебе Донам, и все. Обо мне-то она доложила. Меня поймали, я даже не успел залезть в контейнер. Просто у кафе словили. Роботы сказали, что на меня поступило сообщение, будто я собираюсь тайно проникнуть на Третий Уровень, а это нарушение, и потому они забирают меня в Изолятор. Я даже не успел ничего нарушить, забрали только за намерения.

— Думаешь, это Эмма все рассказала?

— Уверен. Больше никто ничего не знал.

— А роботы — Лоны не могли подслушать?

— Ее Лон отключен от управления процессором Моага, ты же

сам его отключил.

— Да, этот робот еще у нее? — черные брови Колючего взлетели на лоб, а на щеках появились ямочки от широкой улыбки, — это здорово. Почему же она его не сдала?

— Не знаю. Ребята, я не знаю, как вы ее выведите, но, по — моему, это бесполезно. Вернее, даже безнадежно.

— Ее надо вывести, — улыбка пропала с лица Колючего, — и я ее выведу, чего бы это не стоило.

Таис не вмешивалась. Ела кашу и поглядывала на игру Федора на планшете.

Вдруг Федька поднял голову и сказал:

— Надо готовить проходы, надо работать. А у меня пальцы болят, обжег об этого долбанного пятнадцатого. Медленно все будет двигаться. Мы можем просто не успеть.

— А давай я раздобуду тебе мазь, а? — тут же встрепенулся Колючий, — я тебе мазь, а ты мне помощь, идет?

Федор хмыкнул и кивнул:

— Идет. И слушай, у тебя же должен быть диск с памятью пятнадцатого. Давай, полазим в нем, вдруг что найдем дельное?

— Давай. Но после, я пошел за мазью.

— Что, прямо сейчас?

— Нет времени ждать. После того, как мы увели этих двоих — Колючий мотнул головой в сторону Кати и Ильи, — Моаг может поторопиться с Последними Распоряжениями. Осталась-то одна выпускница.

2.

— Почему Моаг убивает детей? — Катя задала вопрос и посмотрела на Федора с такой надеждой, будто тот был главным учителем — Доном, знающим все в этом мире.

Таис нервно усмехнулась, но ничего не сказала. У Федьки получается лучше всего рассказывать. Можно, конечно, попросить Валька, но тот в последнее время совсем съехал с катушек. Вряд ли он станет объяснять — снимет наушники, посмотрит затуманенным от игры взглядом и, бросив: "Отстань, после", снова погрузится в очередной уровень игры. И как он только нашел время, чтобы помочь им тогда, когда они были в лифте? Понятно, что это было обговорено заранее, но все же…

Федька тоже не сразу оторвался от планшета. А когда, наконец, поднял голову, глаза его были серьезными и даже немного потемневшими.

— Мы думаем, что в систему попал вирус, который вызвал нарушения в программе. Что-то заставляет Моага думать, что взрослые люди опасны или не полезны или еще что. Детей-то Моаг бережет, учит и растит, то есть выполняет старые

программы, которые задавали ему люди. Раньше тут были люди на корабле, это точно. Люди тут были, — повторив фразу о людях, Федор помахал правой обожженной ладонью и скривился.

То ли от мысли, что взрослые пропали и даже не оставили хотя бы маленькой весточки своим потомкам, то ли от горевших болью ожогов.

— Куда же делись взрослые? — спросил Илья.

— Понятия не имею. Мы не имеем доступа к управлению кораблем. Потому очень много информации остается не доступным для нас. Мы даже не знаем, есть ли Земля и обитаема ли она. Моаг ведет торговлю, это да. Торговые крейсеры приходят по расписанию. Не каждый день, но два дня через два дня. Два дня приходят, два дня не приходят, понятно? Значит, есть еще что-то, кроме этой станции. Или еще такие же станции, или Земля. Я не знаю.

— А если детей используют для науки? — тихо спросила Катя, — ну, делают на них опыты.

— Не делают. Убитых сжигают в лучевом крематории, я сам видел и не раз. Тела детей никак не используют после смерти. Вот поэтому мы считаем, что это вирус в программах, потому что смысла в этих убийствах нет никакого.

— Что же мы теперь будем делать? — совсем уже глупо спросила Катя.

Таис усмехнулась, глянула на ее прямые, убранные за уши волосы, на тонкую шейку, хрупкую и трогательную. Катя-то совсем еще ребенок, по сути.

— Мы будем жить, — спокойно ответил Федор, — мы будем просто жить. Это уже хорошо. Попробуем после раздобыть для вас планшет, но попозже, когда уляжется суматоха после вашего освобождения. Снова проникнем на Третий Уровень, планшеты есть только там.

Колючий опустился рядом на матрас и поторопил:

— Хватит трепаться, работай. После поболтаете, времени у вас еще будет предостаточно.

— Что ты сейчас делаешь? Что за проход? — спросил Илья.

Колька зло зыркнул на него черными глазищами, но Федор спокойно ответил:

— Выбираю нужный коридоры и отключаю тепловые датчики. Только в определенных коридорах. На всякий случай.

— Как ты это делаешь? Ты проникаешь в систему управления станцией?

— Да. На самый незащищенный уровень в процессоре Моага. У меня есть код Лона, его Колька раздобыл. С помощью этого кода мы и заходим в систему. Моаг принимает это за робота

Лона, и нас не вычисляют. Правда, в одном из узлов процессора на Втором Уровне помещена наша флешка с этими же кодами. Там специальные программы, блокирующие сигналы от наших планшетов. Это чтобы нас не нашли. Корабль не видит этот Последний Уровень, его, как бы, нет на корабле. Это тоже одна из загадок. Я не могу понять, зачем проектировать корабль с Уровнем, который не будет использоваться. Может, хотели сэкономить энергию, или еще что…

— Тут столько странного, — пробормотала Катя.

На нее никто даже не глянул. Федор снова склонился над планшетом и принялся за планы коридоров, тыкая в клавиатуру только одним пальцем. Работал он медленно, но четко, Колючий нетерпеливо дышал ему в ухо и давал дельные советы.

Все-таки Федор очень обязательный. Спокойный и немного медленный. Если сказал, что сделает — значит сделает. Его даже и не удивить ни чем, все он воспринимает как должное. И жизнь эту дурацкую на Нижнем Уровне, и необходимость грабить на Втором Уровне. И даже необходимость рисковать жизнью.

Таис как-то спросила его:

— Федька, почему ты такой хороший?

Он невозмутимо ответил:

— Закон соблюдаю, — и в глазах его заплясали веселые огоньки.

Федор действительно все делал очень правильно. Не ругался, почти не ругался. Не злился, не обижал никого. Правда, участвовал в ежедневной организации воровства, но это вынужденно. Если бы не обстоятельства — Таис была уверенна — он никогда бы по доброй воле не ввязался в такие авантюры. Работал бы программистом на Третьем Уровне. Или штурманом — он ведь хорошо разбирается в картах, и в звездных в том числе.

— А где те пятеро, что выпускались в прошлом году? — спросила вдруг Катя. — Их называли у нас Магнитной Пятеркой. Самого главного у них звали Игорем. Владик, Женька, Светлана и Иннесса. Они… Они ведь у вас, да?

Таис сжала губы и перевела взгляд на стену. Вот сейчас с Катей и случиться истерика. Федор молчал, продолжая работать. Колючий тоже как воды в рот набрал. Что ж, жестокая правда лучше, чем красивая ложь…

— Их уже нет, — твердо сказала Таис и посмотрела на Катю, — они не захотели выходить. Мы приходили к ним ночью, разговаривали. Он послали нас подальше и обещали, как придут на Третий Уровень, устроить на нас облаву. Мы пришли во второй раз на Третий Уровень, когда их уже выводили. Надеялись, что они сами все поймут. И зря, эти пятеро подняли такой крик, что

мы еле унесли ноги. Один из нас погиб. Пятерка тоже погибла. Федька видел, как кремировали их тела.

— Значит… Значит их нет?

— Ты что, дура? — раздражение загорелось внутри, точно красный диод на процессоре, — Они мертвы, уже год, как мертвы! Их тела превратились в пепел и улетели в космос! Ничего после них не осталось, ни — че — го! Ясно тебе? И наш парень тоже погиб, его подстрелил пятнадцатый, тот самый робот, от которого мы вас спасали.

Лицо Кати покрылось красными пятнами, она зачем-то схватилась за плечо Ильи и тихо выдохнула:

— Этого не может быть. Вы все придумываете…

— Началось, — выдохнула Таис.

— Ребята, давайте вы успокоитесь. Идите ругаться в коридор, — хмуро бросил Федор, — кто не верит — может топать на Третий Уровень и спросить у пятнадцатых. Мы никого не держим тут насильно. Предложили вам спасение, вывели вас — сделали что могли. Теперь дальше вы сами решаете за себя. В конечном итоге все сами за себя решают. Те пятеро тоже решили за себя. И Эмме предстоит такое решение.

— Эмму мы выведем! — Жестко сказал Колючий, продолжая глядеть на экран планшета.

— Зачем тебе эта Эмма? От нее будут одни проблемы, попробуй, уговори еще… — не выдержала Таис.

— Это не твое дело. Ты можешь и не помогать, — бросил Колючий злым тоном.

— И не собиралась. Я еще не совсем сошла с ума. Мне хватило сегодняшнего развлечения.

— Вот и хорошо.

— Ребята, помолчите, а? Тай, не начинай, — Федор, наконец, оторвался от планшета, — путь открыт. Запоминай, Колючий. Только я не смогу идти тебя встречать, я устал и хочу спать. Попроси Машу или Нитку.

— Мне Илья поможет. Поможешь, а? Тебе все равно надо учиться, еду добывать придется вам, вы по возрасту еще подходите.

— Помогу, скажешь, что делать? Катя пусть только тут остается…

— Конечно, пусть остается. Пусть ложится и спит. Или фильм какой посмотрит с девочками. С Машей и Ниткой. К Тайке лучше не соваться, она кусается, — сказав это, Колючий бросил едкий взгляд на Таис.

— Вот именно, — ответила она ему.

3.

Наконец все разошлись. Колючий с Ильей отправились на охоту — пусть не за продуктами, но все равно это охота. Катю увела Маша, и — судя по звукам из Машкиной спальни — новенькая все-таки расплакалась. Маша утешала ее тихим голосом, предлагала горячего чаю и шоколада. Маша всегда оставляет шоколад и сладкое на всякий случай.

— Сможешь спать? — Спросила Таис, глядя, как пытается устроиться на своем матрасе Федор.

— Не знаю. Усну, наверное, голова болит, встали-то мы рано.

— Знаешь, я все хочу спросить… Почему ты тогда, год назад остался на Третьем Уровне? Ну, когда тех пятерых мы не смогли вывести. Ты был там до самого конца, ведь так?

Федор вздохнул, перевернулся на живот, посмотрел на Таис. В серых глазах его с еле заметными желтоватыми лучиками мелькнуло странное выражение, будто он знал что-то особенное, тяжелое и грустное. Хотя, что такого он мог знать? Таис видела смерть — все тут видели смерть. Это стало таким же обычным, как охота за продуктами. Смерть стала частью их жизни, и ничего тут не поделать.

Иногда удавалось кого-то вырвать у смерти, но это ничего не значило. В любой момент можно было проиграть. И тогда, когда охотились, и тогда, когда оставались без продуктов. И даже тогда, когда болели и пытались сами себя лечить. Все это было глупой игрой, игрой в выживание. И правила тут не соблюдали.

— Я просто подумал, что кто-то должен быть с ними. До конца. Кто-то живой должен проводить их в последнюю дорогу.

— Дорогу до крематория?

— Да.

Голос Федора звучал жестко и твердо.

— Я подумал, что если мне будет суждено оказаться на их месте, я тоже хочу, чтобы кто-то из наших был рядом. И думал бы обо мне. Хоть чуть — чуть думал обо мне. И, Тай, вместе с этой пятеркой сожгли и Сашку. А Сашка был из наших. Он был наш.

Федор опустил глаза, нервно завертел в пальцах левой руки маленький брелок от планшета. Квадратик с эмблемой Моага, покрытый прозрачным пластиком чуть отражал свет, и блеск его казался глупо — радостным.

— Просто я понял, что должен был быть там, и все.

— Тебе не придется оказаться на месте пятерки, Федь. Я этого не допущу.

Федор усмехнулся и тыльной стороной ладони убрал слишком длинные волосы со лба.

— Я знаю, — чуть веселее ответил он.

— Иногда все это кажется мне бессмысленным. Что нас ждет?

К чему мы придем? Какой смысл от всех наших придумок? Что бы мы не делали — выбраться из этого треклятого корабля мы не можем. Мы ничего не можем, только воровать еду да иногда спасать того, кого получиться.

— Ну, а что еще делать? Мы пытаемся выжить. Для этого надо думать. Много думать. Надо разгадать загадку этого корабля во что бы то ни стало. Мозги для этого нужны, вот что. Мы имеем дело с высоко развитым интеллектом, и одолеть его не просто. Но можно. Я уверен, что это возможно.

— Найти код возможно?

Федор дернул плечом, ответил:

— Может, код. Может, выход. Может, дверь ту надо открыть, которую мы с тобой видели. Вдруг там действительно выход из станции. Может, это ангар с небольшими крейсерами, Моаг его закрыл, потому и звезды на двери. Моаг ведь любит везде свой знак совать.

— Мне снится иногда такая дверь. И мне страшно, Федь, — последние слова Таис произнесла почти шепотом.

Почему-то снова пробежали по коже мурашки и опять встали перед глазами залитые темными потеками углы коридора.

— От Моага одни неприятности. Он наш враг. Лучше не соваться к этой двери, — тихо продолжила Таис.

— Там видно будет. Давай спать, а?

— Подожди, я знаешь что хотела сказать… Все думала об этом. Вот мы выводим и выводим детей, а какой смысл? Мы обрекаем их на гадостную жизнь, полную лишений. Посмотри на Катю — очень она счастлива? Нужна ей такая жизнь? И нам тоже тяжело. Когда спасенных станет слишком много — как мы будем жить? Что есть, где прятаться? Свободных спален уже не осталось у нас на базе, даже эту дуру Эмму негде будет поселить.

— Посмотри на это с другой стороны. Чем больше детей, тем мы сильнее. Завладеем станцией, возьмем управление в свои руки. Свяжемся с Землей. И освободимся.

— Если эта Земля вообще есть. Я ее никогда не видела, только в учебных фильмах Моага.

— И это тоже нам надо узнать.

— А еще знаешь? — Таис удобно устроилась на подушке и жалобно выдохнула, — еще я хочу яблок. Ужасно хочу яблок.

— Будут тебе яблоки, подожди. Если выведем Эмму, Колючий будет мне должен. Вот и пошлю его за яблоками. Не переживай, найдем для тебя и яблоки и бананы.

Федор рывком поднялся и направился к выходу.

— Пойду, снова суну руки под холодную воду. Хоть немного, но все-таки помогает. Зараза такая, болит так, что уснуть не могу.

— Хоть бы уже Колючий быстрее принес мазь, — пробормотала Таис, закрывая глаза.

4.

Мазь, прозрачная и густая, помогала сразу. Убирала боль, снимала воспаление и способствовала заживлению. Таис сама нанесла ее на ладони Федьки, после закрыла банку и убрала под кровать, в металлический сундук со своими вещами.

— Еще пригодится. На базу отдавать не стану, а не то Маша будет любую царапину у мальков мазать.

— Хитрая какая, — хмыкнул Колючий, но без злости.

Ему удалось утянуть еще и несколько пачек печенья, и теперь он нагло крошил у порога спальни и поглядывал на Федора с видом победителя.

— Давайте решать, как выведем Эмму.

— Я должен поспать. После позовем Валька и придумаем.

Так и сделали, хотя Колючий долго и противно возмущался.

Но Таис уже было все равно, она завернулась в одеяло, закрыла глаза и провалилась в теплый, уютный сон. Правда, снились ей погони на магнитный досках и темные коридоры корабля, но эти сны были знакомыми, своими. Они не пугали.

После завтрака Федор и Колючий подключили к планшетам жесткий диск пятнадцатого, и Валёк, который тоже пришел к ним в спальню, удивленно и радостно присвистнул:

— Ого, ребята, нам крупно повезло.

— Что там такое? — Илья, что стоял позади всех, вытянул шею, пытаясь разглядеть информацию на планшетах.

— Давайте создадим общий экран, — решительно сказал Федор, — это должны видеть все. Пригодится. Так будет лучше, чем потом рассказывать и объяснять.

Валёк поворчал немного о том, что на это уходит слишком много энергии, но согласился.

Три планшета — Колючего, Федора и Валька — немного сдвинули, расположив на матрасе в один ряд. На всех трех открыли специальную программу, соединили все общим паролем — и в воздухе над планшетами возник голографический экран, чуть светящийся зеленовато — синим светом.

Руководил всем, как всегда, Валёк — его планшет служил главным управлением для голографии.

Перед глазами собравшихся открылись многочисленные значки файлов и программ. Таис пожала плечами и заметила:

— Ну, и что дальше? Все то же самое.

— Чему тебя учили в классах, девочка? — Не глядя на нее, протянул Валёк, — названия файлов понимаешь?

— Они что, по — русски написаны? — ответ прозвучал глупо,

но сцепиться с Вальком хотелось ужасно.

Федор положил ладонь ей на плечо и пояснил:

— Это язык программирования роботов. Язык Моага, его учат, но не все дети, а только те, кто тянет на высший бал. Здесь, на диске памяти пятнадцатого очень много информации. Есть, например, списки всех людей. Всех, и живых, и мертвых. Списки всех детей. Есть расписание крейсеров, есть программы денежных счетов. А самое главное — мы можем заходить в сеть с кодом пятнадцатого. Представь, сколько всего можно нарыть…

— У пятнадцатого код из пятнадцати знаков, — заметил Колючий.

— У Лона только из шести, видимо поэтому Лон считается шестым.

— А у двенадцатых, выходит, код должен насчитывать двенадцать знаков, да? — уточнила Таис.

— Молодец, соображаешь, — съехидничал Валёк.

— Что это за списки? — Федор ловко провел пальцами по сенсорному экрану Валькиного планшета и открыл один из файлов.

— Что ты лезешь, — поморщился Валёк, но тут же всмотрелся в экран.

Три колонки с числовыми номерами. Длинные ряды номеров, цифровое значение которых показалось Таис смутно знакомым.

— Это мое имя, — сказал вдруг Илья, показывая на верхнюю строчку правой колонки, — а это имя Кати. А имени Эммы тут нет.

К именам детей Моаг прилагал номер. Каждый ребенок знал свой, но Таис уже успела забыть, под каким номером значилось ее имя. Давненько уже не пользовалась этой информацией, вот и вылетело из головы. Но Илья, понятно, помнил хорошо.

— А вот этот ряд — имена живых, что ли? Похоже, да, — сказал Федор, приблизив лицо к голографическому экрану.

Он без труда разбирал язык, на котором Моаг заносил имена в списки.

— Эмма в нем первая, — заметил Илья.

— Это список детей, точно, — согласился Валёк, — левый список — это дети Второго Уровня. Все имена детей. Когда кликаешь на числовое имя — открывается файл, в котором вся информация о ребенке. Пятнадцатые держали в голове всю инфу о детях, даже их оценки и сведения о болезнях. Медкарточка, карточка успеваемости — все, что есть на личном планшете каждого ребенка. Правда, выхода на личный планшет у пятнадцатых нет, это, видимо, только у Моага.

— А средний список, это…

— Это убитые. Список очень большой, больше, чем список живых детей.

Валёк одним кликом заставил курсор опустится в самый низ списка и открыл первое имя внизу.

— Это файл штурмана корабля "Млечный путь". Его звали Шереметьев Андрей. Даты его смерти нет, но раз он в списке мертвых, значит, все так и есть.

— Похоже на твою фамилию, — заметила Таис и посмотрела на Федора.

— Да похоже. По фамилии я — Шеремет.

— Илью и Катю не занесли в список умерших. Они в третьем списке.

— Значит, третий список — это мы? — уточнила Таис.

— Сейчас глянем. Что-то он слишком длинный для нас, — задумчиво произнес Валёк, — наши имена тут есть, да. И твое имя, Тайка. И Никино, и Машино. И даже имена Диких, хотя я не всех их знаю по имени…

— Потому что они дебилы, и имена им не нужны, — Таис фыркнула, глядя на экран.

— Дебилы они, или нет, но они с нами в одном списке. А еще с нами в списке куча каких-то людей. Имена, имена.

— Так посмотри их файлы.

— Смотрю. Видимо, это члены команды. Медкарточки, денежные карты с паролями. Денег там, наверное, не меряно. Имена их мне не о чем ни говорят. Некоторые по возрасту уже очень старые. Почему они все в одном с нами списке? Тоже скрывались на Нижнем Уровне?

— Да, — твердо сказал Федор, — они тоже с одного уровня. Тут есть кодировка в названии списка. Второй Уровень — это живые дети. Третий — это мертвые. А Первый Уровень — это мы.

— Значит, корабль все-таки знает о Нижнем Уровне. Но датчиков тут нет, почему-то.

— Да пойди, разберись во всем этом, — невесело заметил Федор

— Да черт с ними, с этими списками, — не выдержал Колючий, — давайте придумаем, как вывести Эмму.

— Сегодня по расписанию приходит крейсер. А что если попробовать зайти на Моаг под паролем пятнадцатого? Могут пятнадцатые составлять расписание для Донов? Можно было бы всех роботов на Третьем Уровне перекинуть на разгрузку крейсеров. На сопровождение оставить только одного. А с одним роботом вы справитесь, так, ребята? — Валёк говорил, не отрывая глаз от экрана.

— Какой умный, — поморщилась Таис, с неприязнью глянув

на русую макушку Валька, — пойди-ка справься сам с одним роботом. А я посмотрю, как ты в штаны наложишь.

— Может, попробовать пробраться на Второй Уровень все-таки, — не обращая внимание на колкости Таис предложил Федор.

— Там тебя и возьмут, тепленького, — Таис даже не хотелось смеяться с этого нелепого предложения, — рыжая эта даже говорить с тобой не станет. Вызовет роботов, а после подсчитает бонусы.

— Это потому, что она понятие не имеет, что на самом деле твориться на корабле. Ты и сама бы сделала так же, — Колючий нахмурился, свел к переносице черные широкие брови.

— Я сама поверила друзьям, между прочим. И я тут, как видишь. А твоя Эмма поверит Илье? А, Илья? Пойдешь с ней разговаривать?

— Я что, дурак? Мне уже хватило сидения в Изоляции.

— Вот, пожалуйста. Таким правильным, как Эмма, лучше с честью умирать на своем желанном Третьем Уровне. Так же, как и той Магнитной Пятерке. Мы тогда рисковали совершенно зря, и Сашка погиб зря. А он не был таким дураком, как эти пятеро. Сашку мне жалко, а этих пятерых нет. И сейчас тоже кто-то должен идти и рисковать ради этой дуры. Кто пойдет? Илья, ты пойдешь?

Илья поднял брови, растерянно пожал плечами.

Таис мотнула головой в его сторону и слегка улыбнулась:

— Колючий, кто пойдет с тобой, ты думал? Кому нужна эта головная боль?

— Значит, я пойду один. И все.

— Я пойду тоже, — спокойно сказал Федор, не отрывая взгляд от экрана, — у пятнадцатых приоритетной задачей является погрузка крейсеров и безопасность Третьего Уровня. А у двенадцатых, видимо, безопасность детей и выполнение задач, связанных с детьми. Можно перебросить всех пятнадцатых на крейсеры, попробовать, по — крайней мере. Выручать надо на Третьем, там нет детей, там никто не будет мешать.

— Кроме пятнадцатых. А это такая мелочь, — снова съехидничала Таис.

— Пробуем на Третьем, — решительно сказал Колючий, — у нас должно получиться.

— Хорошо бы, — тихо ответил ему Федор.

— Как вы попадете на Третий Уровень? — спросил Илья.

— У нас есть программы, съедающие файлы замковой системы. Нет установочных файлов, вся система рушится, и двери открываются. Правда, Моаг быстро ставит новую, это минутное

дело. Но пока он ставит, мы уже на Уровне. Надо только продумать отход.

— Через лифт снова?

— Правило охоты номер один, — Федор оглянулся и посмотрел в глаза Ильи, — никогда не уходи одним и тем же путем. Особенно с Третьего Уровня. Дорог должно быть несколько. Меняй варианты, иначе ты — труп в первую же свою охоту. Мы все подготавливаем тщательно, чтобы быть уверенными, что наш человек вернется. Но иногда возвращаются не все.

— Из-за таких дураков, как Эмма, — добавила Таис.

— Кто еще пойдет? — спросил Колючий, огладывая всех.

Валёк только пожал плечом. Маша, стоявшая у самого дверного проема, даже не шелохнулась. Где-то в глубине общего помещения журчала вода, видимо, Нитка мыла посуду после завтрака. Она не интересовалась выводом новых людей. И правильно, зачем ей это все нужно? Как говорил Валёк — какого черта?

— Значит, идем вдвоем, да? — уточнил Колючий.

— Значит, вдвоем, — согласился с ним Федька.

— Я вам все сделал, — сказал вдруг Валёк, — составил распределение для пятнадцатых, коридоры у лифтов "Д" и "Е" будут свободны. Это самые дальние лифты от платформы для приемки грузов. Мимо них Эмму проведут обязательно. А дальше вы можете делать, что хотите. Мне, по — большому счету, все равно, выведите вы ее или нет. Я рисковать ради кого попало не собираюсь. И Тайке тоже все равно, верно, Тай?

— Тебе-то какое дело, все равно мне, или нет?

— Да это я так, к слову, не бери в голову.

Таис посмотрела на значки и окошки открытых файлов на экране, окруженном слабым зеленоватым свечением, убрала падающую на лоб челку и подумала, что уже ненавидит эту Эмму. Потому что Федор снова будет рисковать. И Колючий тоже. И ей, наверное, тоже придется идти вместе с ними, не отпускать же их двоих…

5.

Два старых нейтфона Федор хранил в сундуке Таис, том самом, что стоял под кроватью. Иногда Таис доставала эти тонкие широкие пластинки — очень широкие, сейчас таких моделей не выпускают — и смотрела фотографии и игры.

Голографической системы на этом старье не было, потому приходилось довольствоваться сенсорным тонким экраном. На четких снимках стояли мужчина и женщина. Оба молодые, красивые. В разных позах, в коридоре корабля, на ступеньках

крейсера, который, видимо, находился в каком-то ангаре. Несколько фотографий в помещениях станции. Наверное, это был "Млечный путь", потому что знакомые два треугольника на нашивках формы этих людей можно было легко рассмотреть.

Фоток было мало, наверное, не успели еще нафотографировать. Где сейчас эти люди? Кто они такие? Какое отношение имеют к Моагу?

Ни Федор, ни Таис не смогли этого понять. Информации на нейтфоне не было почти никакой, кроме нескольких фоток. Даже музыки не было.

Второй нейтфон вообще оказался девственно чистым. Его иногда использовали во время охоты. Вот и в прошлый раз, когда Таис добывала еду рано утром, Федор брал его с собой.

Коммуникатор — нейтфон с фотографиями не трогали, берегли. Почему — Таис не могла себе объяснить. Что-то было в этих фотографиях, что-то, что говорило о том, что существует еще мир, кроме станции Моаг. Мир, в котором люди могут вырастать и становиться взрослыми.

Когда, наконец, Валёк и Федор свернули голографический экран, и спальня опустела, Таис вытянула нейтфон с фотографиями, улеглась на кровать и принялась снова просматривать снимки. Если бы можно было хотя бы узнать, кто эти люди…

На устройстве хранилось всего одно текстовое сообщение. Номер, с которого оно пришло, не отвечал. Ничего, даже не было слов о том, что абонент не доступен или связь временно нарушена из-за помех в космосе.

Сообщение содержало странный символ, и Таис не могла понять, что оно означает. Значение этого сообщения терялось, как потерялись в космосе дети со станции "Млечный путь".

" Я — знак сердечко — тебя". Вот и все сообщение. Что это значит? Зачем ставить между этими местоимениями знак, обозначающий внутренний человеческий орган?

Смысла в этом не было никакого. Таис и не пробовала его отыскать. Но иногда, когда становилось совсем тошно, она доставала нейтфон и перечитывала странный текст. Вновь и вновь.

" Я — сердечко — тебя".

Что это значит?

Федор о чем-то договаривался с Вальком в коридоре. Когда он вернулся, Таис сунула коммуникатор под подушку и сказала:

— Я иду с вами.

Глава 8. Эмма: божия коровка

1.

Эпоха Цифровых Технологий началась в 1927 году, когда в Массачусетском Технологическом институте Вэниваром Бушем был разработан механический аналоговый компьютер. По — крайней мере, так принято считать и так учат в классах на уроках истории.

В 2012 году началась Эпоха Космоса. Это когда на Марсе приземлился первый робот.

После, уже в 2020 году стали появляться первые орбитальные станции, на которых пробовали добиться наиболее удобных для жизни условий. Станции, где искусственно создавали земное притяжение, сажали небольшие сады — мини — деревья в кадках, чтобы посмотреть, как будут себя чувствовать на орбите живые растения.

В 2025 году началась Эпоха Последствий Потепления. Именно в этом году наимощнейшее за всю историю человечества цунами снесло японские острова с поверхности планеты. После уже пострадали Индия, Северная и Южная Америки. Вместо Австралии остались только небольшие островки.

Уцелевшие страны и нации объединились, и появилось Всемирное Правительство и Земная Международная Всеобщая Конституция. Чуть позже, когда большая часть населения оказалась в космосе на орбитальных станциях, написали еще и Орбитальную Всеобщую Конституцию для тех, кому космос стал родным домом.

Человеческая жизнь стала главной и высшей ценностью. Людей осталось очень мало, а некоторые нации вообще исчезли с лица земли. Первые пятнадцать лет после начала Эпохи Последствий люди жили в ужасных условиях. Нищета, голод, болезни. Вновь вспыхнула чума и тиф, люди умирали тысячами. Детская смертность достигла самого высокого уровня — больше 80 процентов. Это значит, что новых детей практически не было.

Человечество исчезало так быстро, что стало понятно — если не предпринять каких-то мер, не останется вообще никого. Земных ресурсов осталось очень и очень мало, в частности хорошей пахотной земли, способной родить хлеб. После Последствий Потепления земля стала самым дорогим и редким ресурсом. И человечество, чтобы выжить, поднялось в космос.

Все это рассказывали в классах, на уроках истории. И еще приходилось учить строение станций, на которых жили люди. Станции располагались на орбите Земли — это те, на которых

были заводы и фабрики, то есть производство.

Несколько станций находились на орбите Марса, но это были небольшие научные корабли, предназначенные для изучения климата и природы. На Марсе пробовали создать первые колонии, покрытые специальными куполами — сферами. Под сферой стояли мощные установки, вырабатывающие кислород. Пока что эти проекты слишком дорого стоили, чтобы запустить их для массового заселения.

Эмма просматривала голограмму Земли, одним касанием пальца заставляя крутиться светящийся, почти полностью покрытый водой шар. Суши очень мало, и вода прибывает каждый год. Природа неустойчива, прогнозы неутешительны. Вполне вероятно, что через несколько десятков лет останутся только верхушки самых высоких гор — и все. Тогда станции в космосе станут единственными прибежищем для людей.

Пережив страшные природные катастрофы и оказавшись на грани вымирания, человечество испытало настоящий шок. Были пересмотрены все законы, все ценности. И это, пожалуй, можно назвать положительным достижением, к которым привели Последствия Потепления.

Дети стали основным охраняемым достоянием, как земля, как человеческая жизнь. Их обучение, их здоровье стало приоритетной задачей для человечества. Для того, чтобы избежать отклонений в развитии и наследственных болезней — у человечества уже не было возможности кормить и содержать бракованных, неполноценных людей — детей стали зачинать в пробирках и выращивать в специальных кюветах, имитирующих женскую матку.

Этот научный прорыв освободил много времени и энергии для женщин. Теперь им не надо было терять время, сидя с ребенком в декрете, и они уже не были так зависимы от мужчин. А так, как женщины более стабильны и уравновешены, чем мужчины, то многие управляющие должности в Международном Сенате, организованном вместо ООНа, теперь занимали они.

Эмма думала об этом с особенным удовольствием. Иногда она мечтала учиться дальше, и, если получиться, поступить в Земной Правительственный Университет. Туда направляли со станций только самых одаренных подростков. Диплом этого Университета позволял подавать свои документы на должность в Сенате. Хотя бы на должность секретаря или программиста. А это уже отличный шаг для карьеры.

Хотя попасть в Правительственный Университет было невероятно сложно. Практически невозможно — детей с производственных станций брали неохотно, возможно потому,

что на их обучение тратились большие суммы денег, и это было специальное обучение, для того, чтобы дети могли обслуживать конкретную станцию, на которой родились.

Хотя ей, Эмме, и так достаточно повезло, Моаг — престижная станция. Было бы гораздо хуже, если бы выпало работать на текстильных кораблях, производящих ткани, одежду, постельное и прочие необходимые в быту вещи.

Эти станции — их насчитывали всего шесть — дети между собой называли барахолками. Хотя именно с них чаще всего приходили крейсеры — доставляли одежду, обувь и остальные вещи.

С Моага отправляли электронные чипы, отвечающие за работу роботов, отправляли детали готовых роботов. Моаг, фактически, снабжал роботами не только землю, но и корабли.

Появление роботов помогло предотвратить Третью Мировую Войну. Потому что после Последствий Потепления Америка, ослабленная природными катаклизмами, не могла сдерживать агрессию арабского мира. Но Израиль выставил на границы армию андроидов, разработанных в секретных лабораториях Америки и Израиля. Эти роботы одержали победу буквально за шесть дней — и это назвали Второй Шестидневной Войной.

Со временем человечество поняло, что роботы могут не только воевать, а выполнять всю грязную и дешевую работу. Совершенно бесплатно. Можно сказать, что наступила Четвертая Эпоха — Эпоха Робототехники. Но никто еще не успел это время так назвать. Возможно, это сделает поколение Эммы, когда вырастет. Новое поколение детей, выросшее без войны, без нужды, без болезней.

Еще одной признанной ценностью людей теперь стала национальное самоопределение. Точнее, языки народов и их культура. На Земле теперь был в ходу только всеобщий язык — усовершенствованный английский. Его основу использовали для написания программ робототехники, на нем учили детей в Земных школах. На нем вещали мировые каналы, которые теперь действовали только через мировую сеть интернета.

Свободный доступ к информации — это еще один закон Всеобщей Конституции. Каждый человек, не зависимо от возраста, пола и образования, имеет право на информацию. На всю информацию, которая только есть. Даже на правительственную.

После Последствий Потепления Международный Сенат предоставлял всю информацию о своей деятельности. Потому что теперь ни один проект, ни одна разработка не должна была совершаться в тайне. Деятельность людей у власти однажды

привела к страшной катастрофе, из-за которой погибло огромное количество людей, да и само человечество оказалось на грани вымирания.

Ошибки прошлого не должны повториться. Если человечество хочет остаться в живых, а не кануть в прошлое, исчезнув навсегда, надо беречь и то, что осталось от планеты, и человеческие жизни. Каждую жизнь.

Удалось заметно снизить детскую смертность. Практически ее, этой смертности не стало вообще. Потому Эмма так удивилась, узнав о гибели малыша Эдика. Роботы допустили ужасную ошибку, и этот вопрос надо поднять на Третьем Уровне. Хотя, наверняка, взрослые уже приняли меры. Возможно, ввели в программы обязательную проверку мебели на прочность. Или прикрепили дополнительных Лонов к детскому саду.

С детской смертностью удалось покончить, как и с абортами. Варварское отношение к собственным зачатым детям — убийство зародышей еще в утробе. Теперь все по — другому. Теперь, достигнув репродуктивного возраста, каждый человек сдает свои клетки в Детский Центр, где с помощью специальной программы выбирается пол будущих детей и их количество. А так же выбирается самое оптимальное соединение — то есть выбираются родители. Детей зачинают в пробирках, а право на жизнь получают самые сильные и самые здоровые оплодотворенные клетки.

После того, как сданы клетки в Детский Центр, люди проходят стерилизацию. Никаких абортов, никакого риска. И это правильно, потому что дети заслуживают самого лучшего в этой жизни. Дети — это будущие взрослые, которым достанется управление планетой и станциями. Потому их надо тщательно растить и готовить к будущему.

Эмма еще раз крутанула голограмму глобуса. Над голубой планетой кружились блестящие, очень четкие орбитальные станции. Даже немногочисленные окошки казались настоящими на объемном изображении. Можно приблизить станцию и заглянуть в эти окошки.

Когда Эмма была поменьше, лет пять назад, она часами просиживала над голограммой Земли. Увеличивала станции, рассматривала обшивку, приближала, насколько это было возможно, окошки. Ей все казалось, что она сможет рассмотреть в окошках Третьего Уровня людей.

Шесть станций робототехники класса D15 M9, две из них израильские, две американские. Одна русская и одна французская. На этих станциях лучше всего сохранялась национальная идея. Говорили на станциях только на родном,

национальном языке, учили тоже на этом же языке.

Все фильмы, все книги — все только на родном языке. Всеобщий язык тоже учили, и даже два дня в неделю говорили только на всеобщем языке, для практики. Но в остальные дни на Моаге — например — пользовались русским языком.

Станции — это, пожалуй, единственная возможность сохранить культуру наций. На Земле это уже почти невозможно. Малых наций не стало вообще, большинство из них погибло во время первых Последствий Потепления. Остались самые крупные. Детей рождалось немного — ровно столько, сколько надо для того, чтобы поддерживать производство и управление Землей. И дети росли и воспитывались на всеобщем языке — для работы на Земле.

Эмма очень хотела в будущем попасть на планету. Вдохнуть в себя настоящий воздух, послушать настоящее пение птиц, а не записанное и воспроизведенное благодаря электронной технике. Хотелось посмотреть на города и фермы, постоять на берегу огромного и страшного океана, ставшего смертельной угрозой человечеству.

Возможно, когда-нибудь это и осуществится. Только не сейчас.

Сегодня ей уже пора собирать вещи. Так, как она осталась единственной выпускницей в этом году, ее решили переводить уже сегодня. Небольшой традиционный ритуал — Торжественные нашивки — и все. Выпускного не будет. Смысл устраивать танцы для одного человека?

Эмма еще раз крутанула глобус и после дотронулась рукой до маленького красного крестика в углу программы. Выпуклый крестик вмиг сменился смайликом со смешными глазами и спросил:

— Вы действительно хотите закрыть программу?

— Да, — тут же ответила Эмма, перекинула за спину растрепанную косу и пошла на кухню.

Программа свернется сама.

2.

Холодильник, приветливо мигнув плоским экраном, тут же осведомился:

— Что желаете?

Эмму раздражала болтливая техника, потому она обычно отключала программу "Что угодно". Но зато Соня обожала, когда с ней разговаривали холодильники, плиты и раковины, потому потихоньку включала обратно.

— Ничего не желаю, заткнись, — буркнула Эмма и сама открыла дверцу.

Не стала дожидаться, пока холодильник сообщит, что в нем есть из продуктов и какой температуры, взяла с полки коробку сока, пару бананов и с силой хлопнула дверкой.

— Осторожнее, техника любит вежливость и аккуратность, — ровным голосом сообщил холодильник.

Оставив на столе шкурку от банана — Лон все равно уберет — Эмма порезала беловатую мякоть на маленькую тарелочку и вернулась в свою комнату. Надо собирать вещи, времени осталось совсем немного.

Большой чемодан на колесах с радиоуправляемым механизмом уже стоял посередине спальни, жадно разевая чрево и изредка вспыхивая маленьким плоским экраном. В нем находились три отсека — Эмма посчитала, что чемодана с тремя отсеками вполне хватит.

Она открыла шкаф и, обхватив руками вешалки с одеждой, принялась вынимать их и кидать на диван. Работы тут немало. Что следует брать?

Школьные сарафаны, юбки, брюки и бриджи брать однозначно не стоит, классы уже в прошлом. Пожалуй, стоит начать с футболок и пайт. Они всегда пригодятся.

Футболки следует разложить по цвету — так легче будет искать. Сначала полосатые, после цветные. Растянутые и ставшие маленькими вещи брать с собой не стоит. Оглядев ворох цветного барахла, Эмма поняла, что надо пойти сейчас и докупить новых вещей. Не отправляться же на Третий Уровень с полупустым чемоданом? А с другой стороны, вдруг одежда для взрослых сильно отличается по фасону от детской, и Эмма в этих своих футболках с воротниками и рисунками будет смотреться нелепо?

Вот же загвоздка…

Эмма намотала на палец выбившуюся из косы прядь, несколько раз дернула ее. Потянула через трубочку сок из коробки. Ладно, сейчас надо быстро сложить и перебрать то, что есть, а после все-таки сгонять в магазинчик, купить самое необходимое.

Футболок ей хватит на первое время, это точно. Сколько их еще? Восемь, девять, десять… Восемнадцать нормальных футболок. Хотя, нет, все-таки семнадцать. Вот эту розовую с кружевами тоже можно выкинуть, она слишком детская.

Аккуратно уложив в чемоданную нишу стопки футболок, Эмма перевела взгляд на ряды пайт, сложенных на полках шкафа. Повернула рычажок, верхняя полка опустилась вниз и немного выехала вперед. Так, что тут у нас?

Все то же самое. Часть вещей или немного растянута, или выглядит совсем по — детски. Вот эта пайта, например, светло —

желтая, с удобными карманами и капюшоном, с ярким, блестящим рисунком — для взрослого уровня она никак не подойдет.

Отобранные пайты заняли нишу в чемодане рядом с футболками. На следующую нишу Эмма принялась укладывать носки. С этим все в порядке, совсем недавно Лон получил новую партию носков с эмблемами Моага — и для Сони и для Эммы. И сама Эмма купила несколько новых пар — серых, коричневых и белых. С рисунками и надписями.

После джинсы, брюки, бриджи и шорты. Глянув на выехавшие из шкафа полки, Эмма вздохнула. Можно было, конечно, попросить Лона заняться этой работой, но лучше всего с одеждой разобраться самой. Чтобы после не удивляться — зачем это Лонька засунул в стопку футболок старые и растянутые вещи.

Дело продвигалось не так быстро, как хотелось. К моменту, когда Эмма добралась до платьев и сарафанов, плоские электронные часы на столе выкинули квадрат голограммы, на котором запрыгали объемные цифры. Половина первого! Осталось всего три часа до Нашивок. Это совсем мало, можно сказать — почти ничего.

Все три ниши чемодана оказались забитыми до отказа. А надо было еще куда-то сложить нижнее белье, гигиенические принадлежности, любимые книжки в бумажном переплете — их тоже хотелось иметь на Третьем Уровне, как память о детстве.

Украшения и заколки тоже следовало куда-то поместить. Может, в отдельную маленькую сумочку?

Эмма подошла к комоду, глянула в зеркало. По самому краю зеркала четкими отпечатками лежали следы маленьких пальчиков. Из открытой шкатулки свисали цепочки и края браслетов. Тут же, рядом, лежали несколько сережек, вытряхнутые из коробочек и перепутанные.

Сонька опять лазила в ее шкатулке! Больше-то некому. Что ей надо было? Вот обормотка, сколько раз Эмма говорила, что ее вещи трогать нельзя! И все равно залезет, перетрясет все, перетрогает. Да еще и пальцы липкие, видать, у нее были. Опять конфеты свои ела, а руки не помыла. Или бананы, или что там еще…

Только этого не хватало… Эмма брезгливо открыла крышку, поморщилась. Вроде, все здесь, все браслеты, все цепочки. Или чего-то не хватает? Так и есть, нет кулончика с божьей коровкой, того самого, что Эмма носила в самых особенных случаях. Неужели Соня решила, что кулончик и в самом деле приносит счастье? Вот глупая девочка!

Эмма решительно направилась в комнату сестры, сердито

пнув валяющуюся в коридоре мягкую куклу с большущими глупыми глазами. И игрушки свои всегда кидает где попало!

— Ты опять лазила в моей комнате, да? Сколько раз тебе говорить, что мои вещи брать нельзя!

Эмма зло глянула на разбросанные по всей комнате игрушки, носки, резинки для волос и цветные карандаши, на свисающий с края стула школьный галстук и на парочку коробок сока, стоявших на самом краю стола. Глянула и почувствовала сильное желание треснуть сестру как следует.

Будто наполнило ее, Эмму, изнутри огромное и горячее чувство, и места ему мало, и рвется оно наружу во что бы то ни стало. Но закон нарушать нельзя, этого Эмма никогда не допустит. Потому жаркое чувство так и останется внутри.

Соня удивленно подняла глаза от раскрытого альбома, в котором что-то рисовала, и ответила:

— Я ничего не брала.

Кончики ее светлых волос упали на самые глаза, и Сонька легко убрала их рукой, а после зачем-то дунула себе под нос, будто сдувая невидимые волоски.

— Зачем ты обманываешь? Зачем нарушаешь закон? Думаешь, я не доложу о нарушении? Доложу, посидишь в изоляции, и это тебя многому научит!

Эмма почти кричала, потому что огонь буквально рвался наружу. Раздражение просто необходимо было выплеснуть, иначе оно сожжет изнутри.

— Я не вру, Эмма. Я ничего не брала, честно.

— Тогда что ты делала в моей комнате? И где кулон с божьей коровкой?

— Я не знаю, — Соня смотрела, не мигая, и в ее светло — голубых глазах сияло неподдельное удивление, — я его вообще не видела.

— Зачем тогда ты рылась в моих вещах?

— Я только оставила тебе сюрприз в твоей шкатулке с украшениями. Ты видела? Я сама сделал для тебя сережки на память. Ну, и я чуть — чуть посмотрела те сережки, что были у тебя. Совсем немного.

Соня виновато моргнула и закусила губу.

Эмма шумно выдохнула воздух и переспросила:

— Сережки, мне?

— Да, из бусин и маленьких сердечек. На память.

— Нет, я не заметила. Пошли, посмотрим.

Злость плавно схлынула, уступив место стыду. Что это на нее нашло? То ругается во сне, то горит желанием избивать сестру. Настолько напряжены нервы, что ли? Или бессонница дает о себе

знать? Странно, она только что думала, что Соньке не помешает Изоляция… Кошмарные идеи…

— Извини меня, Сонь, я погорячилась, — сказала Эмма уже в коридоре, приглашая сестру войти в свою комнату.

Виноватые ноты в ее голосе звучали слишком явно и слишком устало. Этот день должен быть другим — радостным и праздничным. А выходят одни заботы и тревоги. Что-то пошло не так с самого начала. Может, Илья и Катя виноваты — это ведь из-за них нет Выпускного.

Сонькины смешные сережки выглядели совсем по — детски. Небольшие бусины, нанизанные на леску, заканчивались прозрачными сердечками из стекляруса. Удерживая в ладони это невесомое сокровище, Эмма слабо улыбнулась. Вряд ли она станет носить такую красоту на Третьем Уровне, но с собой возьмет. Пусть действительно будет памяткой о младшей сестре. Нескоро они встретятся вновь.

— Куда же тогда делся мой кулончик с божьей коровкой?

— Я не видела его, когда смотрела сережки. Кажется, его тут нет, — растеряно ответила Соня, потянулась и прикоснулась кончиками пальцев к тонким кружевным квадратикам из серебра, которые Эмма чаще всего носила в ушах.

— Неужели я потеряла его?

Вдруг Эмму осенило. Она же надевала кулон на экзамены! Может, он так и лежит в кармане школьной юбки? Она, кажется, снимала его перед самым экзаменом и убирала в кармашек. В классах украшения носить нельзя.

Точно! Она сунула кулон в карман, и иногда дотрагивалась пальцами до крошечной холодной спинки жучка. Старая детская привычка, она так делала на всех ответственных и важных мероприятиях.

Эмма кинулась к беспорядочной куче школьной одежды на полу. Хорошо, что не успела все это выкинуть! Кулон спокойненько лежал себе в кармане.

— Вот он! — улыбнулась Эмма, расправила цепочку и хотела, было, застегнуть на шее, как вдруг холодный жучок соскользнул на пол.

— Порвалась цепочка, — тихо сказала Соня.

Эмма тряхнула рукой, сбрасывая невесомые звенья, и двумя пальцами подняла кулон. Странно это, почему порвалась цепочка? Почему именно сегодня? Жучок никогда не подводил, столько раз она ощущала его маленькое тельце на груди, столько раз пихала в карман, чтобы после осторожно притрагиваться пальцами.

А теперь он вдруг порвался. Удача отвернулась от нее?

Глупости какие-то лезут в голову. Не бывает удачи, бывает только огромное желание двигаться вперед и огромное желание работать для этого.

— Каждый выбирает сам за себя, и каждый отвечает сам за себя, — повторила Эмма свои любимые слова, поднялась с пола и выдвинула один из ящиков рабочего стола.

Нашла в коробке черный шнурок, просунула в него кулон и сама завязала крепкий узелок.

— Можно и без цепочки, — пояснила Соне, — так даже лучше смотрится.

3.

Яркий свет ламп дневного видения отражался веселыми бликами от блестящих деталей роботов. Длинный ряд Донов смотрелся внушительно и немного странно. Так много Донов сразу бывает только в особенных случаях.

Вот сейчас самый особый случай. Сейчас Эмма медленно идет вдоль длинной серой дорожки из ковролина, и глаза всех детей старше десяти лет обращены на нее. Последняя выпускница этого года. Лучшая выпускница этого года.

В конце дорожки Дон — Мартин. Тот самый робот, который встречает и провожает детей Второго Уровня. У него — сложенная в плоской коробке форма, которую Эмме предстоит развернуть. Развернуть и увидеть нашивки, по которым можно будет сразу определить, кем ей предстоит работать на Третьем Уровне.

Формальность, ведь приглашение в капитанскую рубку у нее уже есть, значит, работать придется не простым оператором, скорее всего.

Но все равно, чем ближе Эмма подходила к Мартину, тем сильнее стучало сердце. Даже ладони стали горячими и липкими. Глупость какая-то, зачем так волноваться? Ей-то уж точно незачем, у нее все складывается как нельзя лучше.

Вот уже совсем рядом круглые серьезные глаза Мартина. У всех роботов серьезные глаза. Ни тени улыбки, ни тени радости. Роботы не умеют радоваться, но зато это умеет Эмма. Вот сейчас самое время для счастья, потому что сбылось все, о чем так долго мечтала.

Но почему-то сердце бьется в сумасшедшем ритме, и непонятная тревога колет и колет где-то в позвоночнике холодной иглой. Все теперь поменяется, и завтра она уже проснется в другом месте, в другой спальне. И другие роботы будут готовить завтрак и накрывать на стол.

Коробка с формой оказалась на удивление легкой. Эмма сняла крышку и увидела золото с синими звездами на узеньких

погончиках и на треугольных шевронах. Капитан отделения операторов! Самая высшая должность, на которую только могут назначить новичка! О большем нечего и мечтать.

Эмма хотела улыбнуться, но почему-то губы не слушались. Сглотнув комок, Эмма повернулась к шеренге детей, выстроившейся полукругом на галерее, и показала голограмму нашивки, загоревшуюся от маленького чипа, встроенного в коробку. Все должны видеть, чего достигла выпускница Эмма Раум.

Еще один робот Дон подвез закрытый чемодан с вещами Эммы, и стало ясно, что это — все. Последние минуты на Втором Уровне. Последний раз она видит улыбки детей, последний раз слышит голос Мартина, желающий удачи на службе. Там, за поворотом серая дорожка выводит к лифту, и буквально через минуту совершенно новая жизнь откроется перед Эммой.

Знакомый голос за спиной прокричал ее имя, и, обернувшись, Эмма прижала к себе запыхавшуюся Соню.

— Я тебя не забуду, Эмма, не забуду, — тихо сказала сестренка, и торопливо вытерла непрошенную слезу.

4.

Лифт двигался бесшумно. Бесшумно открылись двери, Дон молча передал чемодан роботу и легонько подтолкнул Эмму к выходу:

— Третий Уровень. Пора.

Андроид Третьего Уровня выглядел немного по — другому. Это Дон-15, созданный для защиты. Эмма это знала, учила в свое время. Шагал робот быстро и не говорил абсолютно ничего. Длинный белый коридор загибался легким полукругом, и в нем было так тихо, что собственные шаги казались Эмме слишком громкими. Ни одного взрослого человека, а ведь хотелось, чтобы ее встретили прямо у лифта. Это ведь логично.

Внизу ее торжественно проводили, а наверху должны были торжественно встретить. Или на Третьем Уровне новый человек — не повод для торжества? И Катя с Ильей не пришли. Так сильно заняты? Или думают, что Эмму переведут только через несколько дней?

У стены, не издавая ни единого звука, двигались два робота — уборщика. На Третьем Уровне они выглядели немного по — другому, полукруглые, точно маленькие сферы, полупрозрачные — видны еле заметные чипы внутри и отдел сбора мусора. Двумя длинными руками — трубками они выискивали несуществующий мусор — в белых коридорах царила абсолютная чистота.

Пятнадцатый остановился перед развилкой — два одинаковых поворота. За одним Эмма заметила двери. Робот

оглянулся, поторопил:

— Давай быстрее.

Эмма поморщилась — слишком яркий свет в этих белых коридорах. Слишком неуютно, пусто и даже немного холодно. Потерла руками предплечья и вдруг почувствовала сильный удар в бок. Настолько сильный, что, не удержавшись на ногах, полетела к стене и врезалась в мягкую обшивку плечом. Локоть неудобно подвернулся, колено правой ноги засаднило.

Перед ней появилась знакомая девчонка с косичками, зло прошипела:

— Молчи и не двигайся.

Уселась на ее ноги, придавила к полу, прижала всем своим телом.

Тут же Эмма заметила черноволосого мальчишку, прыгнувшего на спину робота, услышала, как он крикнул: "готово!" и отлетел в бок. Пятнадцатый отшвырнул его, точно легонькую сумку от планшета. Черноволосый вскрикнул, видимо, неудачно приземлившись, пятнадцатый поднял руку и выстрелил за угол, туда, куда упал мальчишка.

Но тут же руки андроида замерли, дернулись. Голова неловко повернулась и застыла.

Из-за второго поворота появился еще один парень, довольно взрослый. Он торопливо положил планшет на пол, проскочил мимо остановленного робота, выпалил:

— Колючий, ты цел?

— Цел, все нормально. Промазал, железка долбанная.

Тут Эмма вдруг все поняла. Это опять дети подземелья! Снова они! Что сейчас им надо? Хотят выкрасть Эмму, что ли?

Она попыталась вскочить, но девчонка сильнее надавила ей на колени, сощурилась и велела:

— Не двигайся.

— Помогите! — выкрикнула Эмма и тут же получила увесистый удар по лицу. После еще один и еще.

— Молчи, иначе не так огребешь, — усмехнулась девчонка, крепко и грубо сжала плечи Эммы.

Подошел парень, неторопливо произнес:

— Тай, давай полегче.

Он был высоким, широкоплечим. Такого уже не назовешь мальчиком — совсем взрослый человек.

— Тут полегче не выйдет. Вяжи ей руки, пока держу ноги, — сказала девчонка, которую, видимо, звали здесь Тай.

Эмма дернулась и снова попробовала закричать. Но кто-то, подошедший сбоку, ловко залепил ей рот чем-то, пахнущим клеем и пластиком. После опустился рядом, и Эмма с удивлением

узнала своего бывшего соседа по каюте, Колю

Она замычала, затрясла головой, но Коля вдруг резко пнул ее ногой и, посмотрев прямо в лицо злыми черными глазами, пообещал:

— Только дернись. Убьем.

Руки Эммы оказались связанными за спиной, грубыми толчками ее заставили подняться. Пиная каждый раз, направили за угол, предупредив:

— Смотри под ноги, тут останки робота.

Действительно, у стены лежала обугленная сфера уборщика, дым все еще поднимался слабой струйкой над оплавленным корпусом. Должно быть, именно этот уборщик спас жизнь Коли, пятнадцатый стрелял именно в эту сторону.

У самых дверей еще одного лифта Эмма дернулась и попробовала сбежать. Пихнула плечом девчонку и кинулась за угол. Но ее тут же догнали, и Коля залепил пощечину. После саданул тяжелым ботинком по ногам.

— Полегче, Колючий, — усмехнулся парень с планшетом.

— Да дура она, — фыркнула девчонка Тай, потирая ударенную руку, — как мы с ней по Второму Уровню пойдем? Бросайте ее тут, пока не поздно.

Колючий посмотрел в глаза Эмме, после глянул на ее шею. Что-то изменилось в его взгляде. Будто промелькнуло удивление или недоумение. Эмма поняла, что он смотрит на кулончик с божьей коровкой. Тот самый, что сам и дарил.

Неужели можно так измениться за несколько лет? Стать жестоким и бессовестным? Неужели можно так легко забыть законы, что учил столько лет? Страшно это — стать таким черствым и бесчеловечным. Вот что пугает в детях подземелья — их беззаконие.

Коля приблизился к Эмме, и стало ясно, что глаза у него не черные, а темно — карые. Он дотронулся до кулончика и тихо сказал:

— Эмма, доверься мне. Пожалуйста, доверься мне. Все будет хорошо. Только не кричи и иди за мной. Я на твоей стороне. Пожалуйста, иначе смерть нам обоим, — и показал на парня с девчонкой. Выдал все тихой скороговоркой, точно боялся, что его услышат.

Эмма торопливо кивнула. Вдруг Коля не заодно с теми двумя? Вдруг у него есть план? Хорошо бы, у него был план. Хорошо бы он хотел вырваться из-под власти детей подземелья. Только бы это оказалось именно так.

Эмма почувствовала слезы на глазах, когда лифт опустился на Второй Уровень. Ну почему, почему все так вышло? Почему

взрослые позволяют твориться таким вещам у себя под носом? Куда они смотрят?

Темные коридорчики Второго Уровня Эмма узнала сразу. Была не раз тут, ходила через них на дальние детские площадки. А ведь она думала, что уже никогда здесь не появится. А вышло все по — другому…

Теперь все четверо двигались короткими быстрыми перебежками. От коридорчика к коридорчику, перепрыгивали через лесенки и заборчики. Через скамеечки и большие детские игрушки — роботы. Время ужина на Втором Уровне, потому на площадках пусто и тихо. И даже Донов не видно. Тоже надеются на авось? Авось будет порядок, пока они кормят детей, авось ничего не случиться.

Выбрались к какому-то повороту, за которым оказалась широкая труба, ведущая вниз.

— Вот сюда. Прыгаем по очереди. После поднимемся и пролезем на наш уровень. Давай сначала ты, Колючий, после девочки, — велел светловолосый парень.

Колючий ловко пролез в трубу, после откуда-то снизу донесся его голос:

— Хорошо. Следующий.

— Теперь ты, — парень повернулся к Эмме, — руки тебе развяжу, а рот нет. И не пробуй удрать, получишь так, что на костылях будешь долго хромать.

— Хорошо сказано, — усмехнулась девчонка и с явной неприязнью посмотрела на Эмму.

Эмма вспомнила глаза Коли и послушно полезла в трубу, как только ее руки оказались свободными.

Полет оказался коротким, а темнота, в которую она попала, холодной и гулкой. Тут же луч фонарика ослепил глаза, заставив зажмуриться. Чьи-то руки рванули пластырь на ее губах, и знакомый голос произнес:

— Можно сказать, что ушли.

— От кого? — Эмма потерла глаза, — убери фонарь. От кого мы ушли? Эти двое сейчас спустятся.

— Уже спустились, — Девочка с шумом спрыгнула рядом, — что, Колючий, не терпится поболтать со своей подружкой?

— Надо все ей объяснить, — ответил Коля.

— Тебе на это понадобиться не одна семидневка. Так что, не торопись.

— Что объяснить, Коля? — Эмма с надеждой всмотрелась в лицо друга, но тот лишь дернул плечом и произнес очень тихо, одними губами:

— Потом.

Шумно спрыгнул парень с планшетом, тревожно спросил:

— Колючий, ты точно цел? Мне показалась кровь у тебя на руке.

— Это просто небольшая рана. Ерунда. Придем — я промою.

— Может, сейчас? Крови, кажется, много. Она приведет Донов к этой трубе.

— Не должна, я затянул рану рукавом. Обойдется. Вы про эту дверь говорили?

Тут же луч Колиного фонарика выхватил дверной проем и плотно закрытые железные створки. Маленькие звездочки на створках поблескивали слабым золотистым светом, но сама дверь выглядела мрачной и заброшенной.

— Думаешь, за ней челночный отсек? Или заброшенный ангар для крейсеров? — нахмурился Колючий.

Эмма растеряно рассматривала дверь, и ни одной здравой мысли не мелькало в ее голове. Она чувствовала, что устала, что ничего не понимает и что жизнь ее круто изменилась, и отнюдь не в лучшую строну.

— Я ничего не думаю. Видишь, что осталось от моей флешки? — светловолосый дотронулся до оплавленного кусочка пластика, торчащего из дверного замкового разъема сбоку в стене.

— Представляю, как это горело, — усмехнулся Коля.

— Быстро и не впечатляюще, — резко ответила ему девчонка, — теперь Федька без флешки.

— Раздобудем. Эммку же — вон — раздобыли, — Коля заулыбался и легонько пихнул Эмму в бок, — теперь ты с нами, девочка. Есть!

Эмма удивленно посмотрела на него и вздохнула. Теперь она окончательно запуталась. Чего хотел от нее Коля? Почему не спас, как обещал? Или это все еще часть его плана, часть его игры?

— Хорош болтать, — светловолосый сунул планшет в сумку и распорядился, — надо выбираться отсюда. Давайте по очереди ко мне на плечи и в трубу. Колючий, объясни Эмме, как пролезть. После Тай привяжет для меня веревку…

В этот момент его прервал жуткий вой. Совсем рядом, очень близко, буквально за дверью раздались низкие, странные ноты, похожие на тягучую песню. Повиснув в воздухе, звук перешел в странное бормотание и затих, для того, чтобы через несколько секунд снова прорезать тишину.

— Что за ерунда? — Колючий дернулся и повернулся к двери.

Низкий горловой звук все еще дрожал в воздухе. Эмма почувствовала, как ее охватывает ужас, жуткий и необъяснимый.

Что тут происходит? Что это такое?

— Ничего себе, — почему-то шепотом произнесла девочка Тай и попятилась от двери.

— Вот откуда этот звук, — медленно проговорил светловолосый, — теперь понятно. Что это может быть?

— Кто-то там есть? — снова прошептала Тай, — там точно кто-то есть.

— Не болтайте ерунды, кто там может быть? — громко хмыкнул Колючий, — пустые коридоры с поломанными установками, программы которых глючит? Какие хочешь могут быть звуки от глюченных программ и от поломанных роботов. Может, там вообще свалка старья, а мы тут стоим и пялимся на закрытую дверь, вместо того, чтобы выбираться отсюда. Федь, подставляй свои плечи. Пусть Тайка первая лезет. После Эмма. Порядок ясен, девчонки?

Часть вторая. Я хочу слышать твое сердце…
Глава 1. Таис: дикие

Он не помнит слова "да" и слова "нет"
Он не помнит ни чинов ни имен
И способен дотянуться до звезд
Не считая что это сон
И упасть опаленным звездой по имени Солнце

В. Цой "Звезда по имени Солнце"

1.

Жуткие звуки, разорвавшие тишину, буквально выворачивали наизнанку. Тянулись мерзко и гадостно, точно зубная боль. Таис понимала, что это не живые существа, что за дверью никого нет, и не может быть, но все доводы рассудка заглушались каким-то диким, безотчетным страхом.

Бежать, бежать отсюда как можно быстрее — вот чего хотелось. Не теряя ни минуты. Какая разница, что там за дверью? Может, взбесившиеся роботы, которые поубивали всех взрослых и наслали вирусы на Моаг? А, может, это зверский космический холод врывается в поврежденные отсеки и заставляет вибрировать оставленные платы и схемы роботов. Кто его знает?

Этот вой время от времени доносился до них постоянно, долетал до баз и терялся в коридорах. Но он был слабым, еле слышным и не так пугал. Таис думала, что это из мусорки, из печи — гудит огонь, попадает сквозняк или что-то еще.

Но теперь стало совершенно ясно, что мусорка тут ни при чем, и странные звуки приходят отсюда, из закрытой двери.

Не растерялся лишь Федька, пожал плечом и поднял голову к потолку, вглядываясь в отверстие трубы. Колючий тут же спохватился и велел девочкам забираться первыми. Эмма, с которой уже успела слететь злость и даже немного спеси, торопливо двинулась к Федору. Видимо, тоже захотела поскорее убраться из этой дыры. Может, ведь, правильно мыслить.

— Сначала я, — сказала Таис и облегченно вздохнула. Треклятый вой, наконец-то, заглох.

— Пусть Таис лезет первая, — тут же согласился Федор, — Эмма за ней. Пролезешь, Эмма, в трубу, там сбоку будет поворот, совсем рядом. В него и полезешь. Тай посветит фонариком,

укажет путь. Давайте быстрее, девчонки, а то вдруг дверь откроется и сюда ломануться долбанные роботы — убийцы. Слышали страшилку в детстве? Так это все правда.

Таис знала, что Федька шутит, но голос у него был абсолютно спокойный и с какой-то ленцой. Будто говорил нехотя, всем известные вещи. Эмма дернулась, оглянулась, но не вскрикнула, не задрожала. Язвительным голосом сказала:

— Бред сумасшедших, — и Таис вдруг представила, как по — умному и по — взрослому сощурились красивые Эммины глаза.

Вот ведь какая, так просто не поведется. А Катька бы уже билась в истерике.

— Я полезла, — ловко подтянувшись, Таис исчезла в темном отверстии.

Эмма проворно двигалась следом. Будто всю жизнь только и делала, что лазила по трубам и вентиляциям. Для отличницы и зануды очень даже неплохо.

Оказавшись в родных и безопасных коридорах, Тай отряхнула пайту и бодро зашагала к базам. Остальные сами доберутся. И Эмму свою сами доведут. Хватит с нее приключений. Не день, а сплошная нервотрепка. И вообще в последнее время одни нервотрепки. И все это началось с Эммы, с того самого момента, как она помешала тогда у автомата с чипсами и шоколадом.

Таис ехидно усмехнулась сама себе. Ничего, сегодня на Третьем Уровне Эмме досталось за все хорошее. Напинали ее порядком, и это очень даже хорошо. Это просто здорово.

2.

— Я не верю ни одному вашему слову! — Эммин голос звенел, точно сигнал на магнитной доске, нервно и напряженно, — Этого не может быть! Это вранье!

— Эмм, ну брось, ты видела хоть одного взрослого на Третьем Уровне? Видела? — убеждал ее Колючий.

— Е — рун — да!

— Нет, ты скажи — видела?

— Я не успела ничего увидеть на Третьем Уровне, потому что появились вы!

— А тебе не кажется странным, что Уровень пустой? На Втором Уровне полно народу, а на Третьем — никого?

— На Втором Уровне тоже много пустых коридоров, в которых можно никого не встретить. Моаг — большая станция, нельзя составлять мнение о нем, пройдя парочку коридоров. Вы все жестоко обманываетесь и обманываете других! Идиоты!

— Ого, — тихо свистнула Таис.

Она сидела на перекладинах лестницы, ведущей в собственную спальню, и наслаждалась концертом под названием

"Новенькая Эмма знакомится с жизнью Темной базы". Ну, а что? По — другому этот дурдом никак не назвать. Уже, вон, и Илья стоит и смеется, хотя поначалу все рвался поругаться с Эммкой. Только Катя поглядывает на умную подругу с загоревшейся надеждой в глазах. Неужели думает, что та права? До сих пор надеется, что все это ошибка?

Колючий уже охрип, рассказывая о том, как на самом деле Моаг поступает с выпускниками. Иногда вставляет пару слов Маша, пытаясь убедить новенькую. Но, кажется, все бесполезно.

— Да пусть она уходит, — хмыкнула Таис, — пусть топает на Третий Уровень, ищет там взрослых.

Эмма невозмутимо вздернула подбородок и ответила:

— Давайте вы меня отпустите. У вас и так полно народу. И Илья с Катей уже у вас, — она повернулась к Илье и спокойненько заметила, — я так и знала, что ты связан с детьми подземелья. Не ошиблась в тебе.

— Да ты дура! — взорвался Илья, — Из-за тебя нас с Катей чуть не убили! Мы сидели сутки закрытыми в комнате, и ни один взрослый человек не появился! Зато появился робот, который стрелял в нас!

— В вас или в детей подземелья? — уточнила Эмма.

— И в нас и в них!

— Потому что вы были с ними! Потому что они, — Эмма кивнула на Таис, — представляют настоящую угрозу. Они нарушают законы, они жестоко поступают с детьми. Это они — угроза обществу.

— О, вот теперь стало по — настоящему интересно, — Таис заулыбалась и добавила, — Эмм, подожди, я сейчас сделаю себе чаю. Так лучше будет наблюдать весь этот театр. А после продолжишь, ладно? Давно тут не было такого развлечения.

Колючий метнул на Таис злой взгляд и прошипел:

— Заткнись, Тайка, ладно?

— Ну, уж, нет, Колечка. Я рисковала жизнью ради этой дуры, и я хочу теперь получить свою… Как это называется? Компенсацию, что ли. То есть я хочу развлечься.

Таис спрыгнула с лестницы, подошла к столику, на котором стоял горячий чайник, налила в кружку кипятку, кинула пакетик с заваркой и бросила через плечо:

— Продолжай, Эмма. Не останавливайся. Уверена, что твой бред не меня одну развлекает.

Видимо, Эмма почувствовала издевательские нотки в голосе Таис, потому что замолчала. Но в этом ее молчании очень хорошо ощущалась и горячая ярость, и желание отомстить и неприятие отвратительной действительности. И вот тут Таис ее понимала.

Все правильно, ничего радостного нет на этих базах. Ничего хорошего, никакого светлого будущего.

Вот теперь Эмма узнала, что все ее мечты — это всего лишь мыльный пузырь. Потому пусть лучше злиться, пока не пришли тоска и отчаянье.

С громким шипением и присвистом отъехала в сторону дверь Валькиной и Ниткиной спальни. Темная овальная створка дернувшись, замерла на полпути, и выглянувший Федор резким движением заставил ее отойти до самого конца. После он спустился по лестнице, спрыгнув со второй перекладины, убрал волосы со лба и с легким прищуром оглядел всех, кто собрался вокруг Эммы. Все это время они с Вальком что-то обсуждали, и дверь закрыли, чтобы не слышать Эмминых воплей. Видимо, Валька это уже не развлекало.

— Ну, вы и расшумелись. Развели нюни на ночь глядя. Лучше бы полечили Колючему руку. Слышишь, Колька, пошли ко мне в спальню. У Таис есть мазь, та самая, которую ты раздобыл. Мои-то ожоги почти прошли, посмотри сам.

За ладони Федора Таис совсем забыла. Да и чего о них помнить, если есть мазь? Средство это работало безотказно. Один раз помазал — и все. Ожоги, небольшие ранки подживали вмиг. Даже синяки рассасывались.

— Да ерунда это, а не рана, — пробурчал Колючий, осторожно поворачивая левый локоть. Плечо он перетянул оторванным куском ткани от рубашки, и, видимо, даже думать забыл о ране.

— Вот сейчас и посмотрим. Тай, тащи мазь, — твердо велел Федька.

— Вы бы руки сначала помыли, лекари, — Эмма сморщила нос и слегка наклонила голову. В ее глазах так и читалось — мол, даже таких простых вещей не знаете.

— Ой, Эмм, без тебя мы никогда бы не догадались, — Таис подчеркнула голосом слово "никогда" и хмыкнула, — и как мы только выживали на этих базах без тебя?

— Иди мой руки, — тут же распорядился Федор, — и я сам помою. Эмма права.

Пайту свою Колючий снял с трудом, морщась и кусая губы. Видимо, движения рукой ему все-таки доставляли боль. То, что он назвал легкой царапиной, на деле оказалось глубокой раной с ожогом по краям. Может, из-за ожога крови было не так много, может, из-за того, что Колька сильно перетянул руку лоскутом от рубашки. Но выглядело это так, что Таис поморщилась и отвернулась.

— Ничего себе, — потрясенно прошептал Вовик, стоявший

тут же, рядом, около стола.

Он и Ромик всегда были любопытными, потому боевые раны пропустить никак не могли. Пока Эмма возмущалась, они молча торчали на лестнице своей спальни, но сейчас торопливо спустились, встали около Колючего и Федьки. Хлопали ресницами и потрясенно таращились на перепачканное кровью плечо Колючего.

— Кышь отсюда, — шикнул на них Федор, — ничего страшного. Сейчас обработаем мазью, и все заживет.

— Надо сначала антисептиком обработать, — заметила Эмма.

Ее нисколько не коробил вид раны, она не кривилась и не отворачивалась. Как будто видела и не такое и отлично знает, что надо делать в таких случаях. Умная, ничего не скажешь. Таис так и подмывало сказать, что это все из-за нее, но видя, как из-за всех сил сдерживает стон Колючий, она промолчала.

— У нас нет антисептиков, — Федор помрачнел и нахмурился, — у нас только мазь.

— У меня есть, — выдохнула Эмма, сняла со спины джинсовый рюкзачок с яркими молниями и квадратным монитором сбоку, из бокового кармашка достала коробочку, в которой оказались и антисептики, и вата и лейкопластырь.

— А ты девочка не промах, — Федор улыбнулся, — молодец. Колючему это будет кстати.

— Почему тебя называют Колючим? — спросила Эмма, пока обрабатывала рану.

Делала она это быстро и проворно. Смочила ватку, раз — и убрала с краев раны запекшуюся кровь. Антисептик сам по себе снимал боль, Таис знала. Потому Колючий быстро обмяк и ухмыльнулся:

— Превращаюсь в ежа по ночам. Слышала о таком?

— Опять глупости несешь. Совсем не изменился, таким же болваном и остался.

— А ты такая же зануда, — не остался в долгу Колючий.

— Тогда зачем вы меня увели? Какой вам от меня толк?

— Началось с начала, — хмыкнула Таис.

Она принесла баночку с мазью и теперь просто смотрела, как Эмма и Федор приводили в порядок плечо Кольки. Пытались прочистить рану антисептиком, после смазывали мазью.

— Думаешь, надо забинтовать? — спросил Федор, оглядывая чистую, блестящую от мази рану. Он даже отошел в сторону, будто только что создал невероятную картину и теперь любуется своим трудом.

— Думаю, что надо было зашить, — уточнила Эмма, — такая рана будет долго заживать, и даже мазь тут быстро не справится.

— С зашиванием сложно, — кивнул головой Федор, — Нитка шить, конечно, умеет, но все больше штаны и крутки. Руки ей еще не приходилось штопать.

— Что за глупые шутки? — Эмма поморщилась, вытаскивая из своей коробочки эластичный лейкопластырь, — Мы же говорим не об игрушках, а о жизни человека. Такие раны опасны. Колю надо отвести в медпункт и показать роботам, это самое лучшее, что можно сделать.

— Нет, Эмма, тебе придется перестроиться и принять, наконец, тот факт, что роботам мы не сдадимся. Я понял уже, что словам ты не поверишь, потому мы сводим тебя на Третий Уровень и все покажем. Не сейчас, чуть позже. Сейчас все устали, и Колючему надо отдохнуть. А позже мы пойдем и покажем тебе — что на самом деле есть на Третьем Уровне станции. Договорились? И если встретим там хоть одного взрослого — тут же передадим тебя ему. Я клятвенно обещаю, — Федор хмуро улыбнулся, — да я и сам тут же сдамся ему. Ну, что скажешь?

— Сводите на Третий Уровень и все покажете? Что покажете?

— Все, что сможем. Все, что нам там доступно.

— И если встретите хоть одного взрослого, то отпустите меня?

— Конечно. Верное слово.

— Договорились. Когда это будет?

— Только подождите меня, — вмешался Колючий.

Его плечо, украшенное розоватым пластырем, выглядело теперь не так устрашающе. Да и боль, похоже, отпустила. Он провел раненой рукой, помахал ладонью и улыбнулся:

— Замечательная работа. Это скоро заживет, и тогда я пойду с вами.

— Мало было приключений, — заметила Таис.

Эмма отвернулась, убирая коробочку обратно в свой рюкзак, а когда подняла голову, глаза ее светились решительным огнем:

— Да, договорились. Но! Если вдруг на минуточку — только на минуточку! — допустить, что вы правы, и взрослых нет, то почему на корабле рождаются и рождаются дети? Если Моаг всех убивает, то зачем тогда рождать новых? Где в этом смысл?

— Нигде, — пожал плечом Федор.

— Моаг — очень умный интеллект. Он не станет делать ничего бессмысленного, ты должен это понимать.

— Да, правильно, — Федор кивнул головой, — но все-таки Моаг — компьютер. Большой, умный, но искусственный интеллект. Мы не знаем точно, но, похоже, очень похоже, что его программы замкнуты в цикл. Он просто повторяет один и тот же цикл. А когда цикл заканчивается, он убирает все. Вернее, всех.

Конец цикла — смерть, по его программам. Вот мы и пытаемся понять, что замкнуло его в такой цикл. Что случилось со станцией.

— Если станция неисправна, в Торговой Гильдии наверняка бы узнали об этом. Узнали, что нет взрослых, и прислали бы помощь, — твердо возразила Эмма, — вы не задумывались о том, что Моаг не сам по себе?

— А если нет никакой Гильдии? Уже нет? — глаза Федора стали серьезными и немного злыми, — если вообще нигде нет взрослых? Одни роботы и один искусственный интеллект? Если он так играется с нами? Мы для него — как домашние зверушки, которых он разводит? Ты, Эмма, видела Землю? Не на голограммах, а в окно. Вот, как мы видим космос. Хоть раз видела?

Эмма на мгновенье замерла. В столовой стало очень тихо. Даже мальки замерли, и Вовик перестал шмыгать. Таис вдруг подумала, что на самом деле все отчаянно хотят услышать от Эммы, что — да, она видела Землю и сомневаться в этом нечего.

Но судя по нахмуренному лбу и потемневшим глазам, Эмма планету Земля не видела никогда, как и все остальные дети подземелья.

— Нет, не видела, — четко произнесла Эмма. И больше ничего не добавила.

— И мы не видели. Мы только можем доверять тому, что рассказывают нам Доны Моага. Или не доверять. А мы с некоторых пор им не доверяем. Впрочем, ты сама скоро во всем убедишься. Просто подожди один — два дня. Поход на Третий Уровень — опасное мероприятие. Сейчас два дня крейсеры приходить не будут, и свободных пятнадцатых там будет очень много. Потому сейчас туда вообще не стоит соваться. Ну, а после что-нибудь придумаем.

Эмма посмотрела на Федора, голубые глаза ее, яркие и необыкновенно красивые вдруг на мгновенье подернулись влагой, и Таис увидела скупую слезу, сбежавшую по щеке. Быстро отвернувшись, Эмма вытерла щеку энергичным движением, откинула за спину рыжую, непослушную гриву, ловко перехватила пряди волос тонкими белыми пальцами и так же ловко сплела толстую косу.

В этих ее движениях было столько грации, ловкости и еще чего-то непонятного, что Таис на мгновенье засмотрелась на то, как умело двигались пальцы, перебирая отливающие золотом пряди. А после заметила глаза Колючего, удивленные, большие, полные восхищения и какого-то глупого счастья.

Колючий пялился на Эмму и улыбался. Немного, совсем чуть

— чуть, и от этого его улыбка казалась непривычной. Обычно-то он или смеялся или ехидничал, показывая чуть ли не все свои зубы. А тут — гляньте, какой чувственный, смотрит на девочку и улыбается. Ему-то что от Эммы надо? Он ведь не брат ей, Таис это точно знала.

И Федор тоже смотрит удивленно. Брови поднял, остановился.

Таис зло пихнула его в бок, поморщилась. Спросила:

— Ужинать сегодня будем? Или так и простоим, разглядывая Эмму, заплетающую косу?

Эмма вдруг смутилась, что с ней, видимо, бывало редко, и спросила:

— Что вы тут едите?

— Ага, вопрос по делу. Два прошлых раза, когда я пыталась раздобыть еды, ты мне здорово мешала. Так что сейчас я бы тебя даже и не кормила.

Эмма не глянула на Таис. Повернулась к Колючему, и тот расцвел на глазах.

— Сейчас спрошу у Маши. Маш, что на ужин?

— Илья сегодня лазил за продуктами. Принес хлеба, масла, пряников и немного бананов, — охотно ответила Маша и показала на две плоские буханки хлеба на столе.

— И это все? — удивился Колючий.

— Ну, так первая его охота. Тем более, что он принес четыре буханки хлеба. Сейчас сделаем бутерброды, вам дам пряников — мы свои уже съели.

— Не густо у вас, — невесело протянула Эмма.

— Надо опять на охоту, что ли, — дернулся Колючий.

Вовик хлопнул крышкой чайника и сообщил, непонятно кому:

— Чайник остыл уже. Надо поставить снова. Ставить?

— Я могу раздобыть еды, — вдруг сказала Эмма, — надо просто ночью добраться до моего Лона. Он закажет столько продуктов, сколько надо. Со мной бы пошли человека два — три, помогли унести. Надо заказать растворимого картофеля, пропаренного риса, сухого молока, растворимой каши, много сухарей — они не портятся. Ну, и консервов мясных тоже хорошо бы. И фруктовых консервов. И орехового масла тоже.

— Ничего себе! — распахнул глаза Ромик, — Класс!

— Лоны сдадут нас тут же Моагу, — снисходительно ответила Маша.

— Не сдадут! Эммка права, — Колючий даже поднялся от радости, — в том то и дело, что не сдадут! Лона Эммы я форматировал, он теперь не подчиняется Моагу, на нем стоят программы, блокирующие управление сверху. Лон Эммы теперь

сам за себя. Он действительно закажет продукты и даже подвезет их нам к вентиляционным люкам. Можно прямо сейчас пойти!

— Ну да, прямо сейчас, — Федор добродушно ухмыльнулся, — прямо сейчас я попью чай с хлебом и маслом и отправлюсь спать. Я лично устал за этот день. А вы как хотите. Но проход я делать не буду, не допроситесь.

— Ну, ладно, я сам сделаю, — невозмутимо ответил ему Колючий, — только попозже. Посплю пару часиков. Все равно это надо делать ночью, так удобнее. Лоны же как раз ночью продукты заказывают, на весь день. Ну, и днем тоже немного добирают. Вот везуха, так везуха! Только бы этого Лона никуда не убрали.

— Не уберут, — заверила его Эмма, — этой ночью Сонька ночует одна.

— А у нас есть код пятнадцатых, и мы можем попробовать заблокировать эту вашу с Сонькой комнату, чтобы больше никого не подселяли, — идеи у Колючего так и сыпались, видимо, мысль о еде придавала сил, — Федь, ведь можно так сделать?

— Ну, теоретически — да. Наверное.

Появилась Нитка. Она выглядела немного заспанной и лохматой. Громко ступая, Нитка подошла к столу, дотронулась до чайника и буркнула, обращаясь к Вовику:

— Что, трудно чайник поставить? Орете так, что уснуть невозможно. Нашли место для новенькой?

— Может, к Илье и Кате ее? — неуверенно спросила Маша.

— Я с ней спать в одной комнате не стану, — решительно отрезал Илья.

Эмма дернула плечом и ответила, не глядя на него:

— Я с ним тоже не стану.

— Гляньте, какие нынче дети переборчивые, — пожала плечом Нитка, — а спален больше нет. Пустых, я имею в виду.

— У меня пусть спит, я уступлю ей свою кровать, — спохватился Колючий, — у меня много места. Себе постелю на полу матрас, вон, как Федька.

— Вот и славно, — тут же согласилась Нитка, — и теперь нас тут полным — полно. На следующий год будем просить Овальных, чтобы пустили к себе.

— Да, пустят они, жди, — проворчал Колючий, — они только своих друзей пускают. А друзей у них очень мало.

— Ну, эта болтовня будет долго длиться, — Таис подошла к столу, взяла круглую, немного плоскую буханку хлеба и ловко нарезала несколько вытянутых ломтей, — я делаю бутерброды себе и Федьке, а после иду есть и спать. В душе я уже была. Федьку грязного в спальню не пущу, пусть занимает очередь и моется.

Последнюю фразу она произнесла негромко, скорее для самой себя. Федор помнил правила, которые Таис установила — душ каждый день. Но иногда делал вид, что забывал. И приходилось напоминать.

— Это ты кому говоришь? — спросил Вовик и с шумом втянул в себя воздух.

— Не тебе, это точно. Вас купает Маша, она и напомнит тебе.

— Это она мне, — пояснил Федор, — я хочу спать, потому я первый в душ.

3.

Быстро уснуть все равно не удалось. Сквозь открытую дверь долетала милая болтовня Колючего и Эммы. Эмма рассказывала ему о последних экзаменах, о годовалых детях, которых ей приходилось нянчить, о фильмах и книгах. Они разговаривали так, будто всегда были близкими друзьями, и теперь, встретившись после долгой разлуки, делились впечатлениями и историями.

— Послушай, все хотела спросить, что вы сделали с тем пятнадцатым, что он остановился? — голос Эммы звучал бодро и спокойно.

Будто сейчас вовсе не половина двенадцатого ночи, и будто не они днем лазили на Третьем Уровне и подвергали свои жизни опасности. И чего этой Эмме не спится?

— Мы когда спасали Катю и Илью, завалили одного пятнадцатого. Разобрали его немного. Я тогда увидел разъем у него в шее. Видимо, для флешки. Сегодня я прыгнул на пятнадцатого и вставил флешку в разъем. А Федька уже через флешку отключил андроида.

— Просто отключил?

— Да. Закинул программу, которая автоматически выключает файлы. Это не сложно.

— Да, я знаю. Сама пробовала прописывать такие программы. Но ведь этим программам надо время, хотя бы минуты две — три. А у вас робот отключился довольно быстро.

— Ну, эту программу Федька писал, а он в этом хорошо соображает. Он вообще голова. Да и не так быстро робот отключился. В меня выстрелить успел.

— Умеете вы обращаться с роботами, ничего не скажешь…

— Мы же специалисты, — Колючий, видимо, улыбнулся, судя по голосу, — мы уже профессионально воюем с роботами. Мы давненько занимаемся этим.

Федор повернулся на бок на своем матрасе и пробормотал:

— Понесло Колючего. Напыжился, как пингвин. Тоже мне — специалист…

— Эй, специалист, давай потише! — крикнула ему Таис и тихо засмеялась.

Похоже, к Колючему пристанет еще одно прозвище.

— А вы не подслушивайте там! — донесся ответ.

— Как тут не подслушивать, когда вы орете. Спите уже, давайте.

Таис завернулась с головой в одеяло и поджала ноги. Пальцы в носках все равно оставались холодными. Просто ледяными. Неприятно и мерзко — спать с холодными пальцами ног. Стянув носки, Таис принялась растирать руками стопы, при этом морщилась и отчаянно зевала. Спать хотелось ужасно, даже голова болела. А тут еще эти за стеной со своей болтовней.

Что бы такое придумать, чтобы ноги согрелись?

— Ты чего возишься? — снова пробурчал Федор.

— Ноги замерзли. Придумал бы ты обогреватель специально для нас, а, Федь? Ты же умный…

— Обогреватель для ног, что ли?

— Хотя бы.

— Хочешь, я сам тебя согрею. Лягу рядом, спина у меня теплая. Ты быстро согреешься.

Федька поднялся, сонно взлохматил волосы и перебрался к Таис на кровать.

Они так иногда делали, когда становилось совсем холодно. Прижимались спинами друг к другу, накрывались сразу двумя одеялами. Это помогало согреться и уснуть, но зато становилось ужасно тесно на узкой кровати. Не повернуться, не раскинуться.

Тай еще немного повозилась, подпихивая одеяло под колени, после сказала:

— А мы все-таки молодцы, Эмму спасли.

Сказала тихо, чтобы не услышали в соседних спальнях. Федор угукнул в ответ и тут же задышал ровно и глубоко. Быстро засыпает, ничего не скажешь.

Тайс впихнула ступни под коленки друга и почувствовала, наконец, как приятное тепло охватывает и затягивает в сон. Все, надо спать. Завтра будет новый день и новые хлопоты.

4.

Пахло вареным картофелем и кофе. И еще чем-то вкусным, приятным. Пахло так сильно, что Таис скинула одеяло и села на кровати, пихнув коленями Федора в бок.

Тот буркул что-то о том, что мол, хватит дергаться и раскидывать свои кости, повернулся на живот и сам стукнул Таис рукой по плечу. Ладно, пусть спит. Надо пойти и посмотреть — чем это так здорово пахнет.

Ежась от прохладного воздуха, Таис спустилась в общую

комнату, подошла к обогревателю и хмуро глянула на Вовика, хрустящего вафлей.

— Что ты трескаешь? — спросила и глянула на стол, с краю которого примостилась варочная плитка.

На столе стояли несколько коробок. Больших прямоугольных коробок, полных вафлей и печенек. На полу под столом светлели бока трех больших паков — и Таис тут же угадала по этикеткам, что в одном пакеты с сухим молоком, в другом — с сухим картофельным пюре, а в третьем — пропаренный рис.

— Колючий, Илья и Эмма только что принесли. И сказали, что это не все, отправились еще за коробками, — пояснил Вовик и счастливо заулыбался. Двух верхних зубов у него не хватало, и улыбка вышла смешной и доброй.

— И когда только зубы у тебя вырастут, а, малек? — весело спросила Таис и потянулась за чайником, — Как можно есть столько вафель без зубов? Ты чай уже пил?

— Я кофе пил. С молоком, между прочим.

— Таким как ты, кофе нельзя. Нечего переводить продукты.

— А его полно, этого кофе. Вон, сама посмотри.

Таис тут же глянула на железные, выкрашенные в белый цвет полки на стене и увидела несколько пакетов с растворимым кофе, несколько больших банок с чайной заваркой и даже пару коробочек с какао.

— И как они все это дотащили только?

— Им привез робот. Лон тут был, всего час назад. Сказал, что мы обормоты и ловко устроились, но еды нам надо побольше. Представляешь?

— Робот, который за нас — это просто класс! Вот это хорошие новости с утра. Не зря мы парились вчера с этой Эммой, что ни говори.

Это, видимо, тот самый робот — Лон, кодом которого они столько раз пользовались, чтобы проникнуть в систему Моага. Тот самый, которого форматировал Колючий. Робот вполне может помогать. В программах у Лонов стоит важная и приоритетная задача — защищать своих подопечных. Заботиться о них, лечить, кормить, воспитывать, охранять, купать и все остальное. Так что Лон просто продолжает выполнять свои программы, не отчитываясь при этом Моагу.

Неужели вечная проблема с едой наконец-то решится? Неужели можно не дергаться при мысли, что доели последний хлеб и допили последний чай?

И даже кое — какой приличной одежды можно будет раздобыть, хотя бы корабельной, форменной Моаговской. За корабельную одежду не надо платить бонусами, она полагается

всем детям бесплатно. Пусть это — не модные вещи, но целые и по размеру. Ну, для Таис размер найдется, она не высокого роста. Для Федора и Валька, а также для Машки и Нитки вряд ли, но это уже их проблема. Пусть сами ее и решают.

Таис почему-то вспомнила лоскутную пайту Федора и, вытаскивая горсть мелких печенек из коробки подумала, что, возможно, с кодом пятнадцатых можно раздобыть одежду для взрослых на Третьем Уровне. Вдруг там есть на складах формы? Хотя им не встречалась ни разу взрослая одежда, видимо, Моаг не заказывал.

Но ведь взрослые на этом корабле когда-то были, Федор в этом уверен. Неужели после них не осталось никакой одежды? Или это было так давно, что вся одежда истлела?

Тем старым нейтфонам без голограмм, которые нашел Федор, было лет десять. Может, пятнадцать — не больше. За полтора десятка лет форма не могла истлеть. Это нереально. Значит, где-то на Третьем Уровне вполне можно найти базы с формой для взрослых. Теперь с кодом пятнадцатого можно открыть гораздо больше дверей и проникнуть в те коридоры, в которые раньше им не было доступа.

Появился заспанный Федор, удивленно и длинно свистнул и сказал:

— Все-таки Колючий не усидел, раздобыл продуктов. Молодец, ничего не скажешь.

А вскоре показались Эмма и Колька. Следом шли Катя с Ильей и все четверо тянули коробки и пакеты.

— Надо украсть и отформатировать робота — погрузчика, — пропыхтел Колючий, тяжело опуская на пол свою ношу, — забодаешься таскать такие тяжести.

— Хорошая мысль, — ответил Федор, забирая коробки у Эммы и опуская их у края стола, — что в этих коробках?

— Консервы, — ответил Илья, с грохотом опуская свой груз, — мясо и овощи. Консервированные. Лон сказал, что овощи и мясо есть обязательно. Умный робот, ничего не скажешь.

— Как он отреагировал на появление Эммы? — спросил Федор.

Эмма откинула со лба длинную челку и спокойно пожала плечами.

— Нормально, — она слегка улыбнулась, — сказал, что так и знал, что меня выгонят. А про вас сказал, что вы мелкие нарушители и по вам плачет изолятор. Это же робот, он не станет удивляться. А нам надо сделать так, чтобы к Соне никого не подселяли больше.

— Соня не разболтает? — вмешалась в разговор Таис.

— Может, — Эмма сжала губы и сощурила глаза.

— И что делать?

— Не знаю. Но сюда приводить Соню я не позволю. Она должна учиться и жить в нормальных условиях.

— Я тоже так думаю, — кивнула Таис, — надо убедить ее, чтобы держала язык за зубами. Это ведь не сложно — не болтать.

— Соня нас не видела, она спала. Я и Колючий пришли ночью, и говорили очень тихо. Лон не проболтается, это точно. Еды нам на семидневку хватит, а там видно будет.

— Все-таки ты остаешься с нами, да, Эмма? — с еле заметной ехидцей спросила Таис и снова потянулась за печеньем.

— Еду надо распределить и закрыть. Чтобы не таскали просто так. Кто-то должен отвечать за продукты. Всем всего поровну, — Эмма сделала вид, что не заметила вопроса, повернулась и направилась в спальню Маши.

— Надо поделиться с Овальными и Дикими, — Федор глянул на Колючего и добавил, — они с нами тоже всегда делились.

— Это Дикие делились, что ли? — удивился Колючий.

— Овальные. Ну, а Дикие — тоже люди. Нельзя их оставлять без еды.

— Они не люди, они идиоты, — буркнула Таис.

— Мы с ними тоже поделимся, — голос Федора звучал твердо, — так надо.

— Да, поделимся, — оглянувшись, кинула через плечо Эмма, — еда теперь не будет проблемой. Нет смысла сидеть на коробках и жадничать. Главное теперь — не переедать, сидя над планшетами. А то растолстеете тут в своих подвалах.

5.

Три пачки с сухим картофелем и три пакета с молоком поначалу не казались очень уж тяжелыми. Но пока пробирались полутемными коридорами, руки у Таис затекли, а кисти просто ломило от усталости. И не переложишь ношу на Федора, тот тащил еще больше. К Диким они отправились вдвоем. Федька сказал, что необязательно ходить туда толпой, да и никто больше не проявлял особого желания топать в дальние коридоры Нижнего Уровня, находящиеся на противоположном конце от мусорки.

Пришлось делать изрядный круг, но по — другому к Диким было не добраться — большинство проходов и дверей на Нижнем оказывались намертво закрыты или вообще запаяны.

— Что это за Уровень такой? Зачем он вообще нужен на этом корабле? — спросила Таис у Федора, когда они прошли очередные коридоры и завернули в узкий темный проход.

— Да загадка какая-то, — Федор оглянулся, — не отставай,

пожалуйста. Только не пойму, зачем Диким было забираться в такую даль?

— Помнишь, как они напали на нас недавно? Может, туго им с едой пришлось?

— Сейчас разберемся.

— А вдруг поколотят нас, а?

— Пусть попробуют. Тебя ведь, Тай, так просто не одолеть, да?

Таис только усмехнулась в ответ.

Переступили через высокий порог дверного отверстия — дверь почему-то оказалась сломанной и валялась в коридоре, преграждая путь. Перебрались через нее, спустились на две ступеньки вниз, миновали ряд труб, через который тоже пришлось перебираться. И, наконец, за поворотом открылся проем базы Диких.

Резкий, едкий запах ударил в нос, и Таис зло ругнулась:

— Вот же зараза! Чем у них так воняет?

Она не успела докончить фразу, как что-то толкнуло ее в бок и пронеслось мимо. В сумраке — у Диких горела только одна лампочка в углу базы — Таис не поняла, что это было. Потеряв равновесие, она покачнулась и упала бы, если бы Федор не подставил плечо.

За железным столом, покрытым цветным пластиком, сидел, положив голову на руки, мальчишка. Или уже парень — на вид ему давно исполнилось больше шестнадцати. Грязные волосы свисали слипшимися прядями на самые руки, засаленные рукава коротковатой куртки, истрепанные до лохмотьев, пугали убогим и страшным видом.

— Эй, привет! — позвал его Федор.

Парень не шевельнулся.

Федор осторожно приблизился, качнул боком столешницу и снова позвал:

— Эгей! Ты спишь, что ли?

Парень снова остался недвижим.

— Пацан, ты заболел?

Медленно, очень медленно поднялось лицо, и сквозь слипшиеся пряди сверкнули темные, слишком темные глаза, лишенные белков. И даже, кажется ресниц — в сумраке Таис не смогла рассмотреть. Тонкие губы, приплюснутый широкий нос — не лицо, а гримаса уставилась на них. Секунда — и парень снова опустился на руки и погрузился в сон. Дернулись плечи и замерли.

Таис попятилась, все еще прижимая к себе пакеты с едой. Что это такое? Неужели еще один сон? Быть этого не может. Того, что

она только что увидела — просто не может быть. Как зовут этого парня? Что у него с лицом?

Таис перевела взгляд на Федора и увидела, что тот растерян не меньше. Нахмурившись, он дотронулся ладонью до плеча Таис, слегка отталкивая ее назад, и ругнулся:

— Черт! Что за ерунда?

И вдруг этот странный лохматый парень прыгнул. Точно прижатая пружина, которую внезапно отпустили. Тихо, без предупреждения, он рванулся вверх и оказался с ногами на столе. Присел на корточки, опустив вниз руки, и его страшные темные глаза уставились на Таис. Прямой взгляд его оказался таким странным, что Таис почувствовала, как сумасшедший, безотчетный ужас наполняет грудь и рвется наружу. Еще немного — и она заорет. Будет орать и орать…

Федор вдруг рванул ее за руку и закрыл собой. Вовремя, потому что парень еще раз взвился вверх и прыгнул на них двоих. В лицо ему полетели пакеты с картошкой, брошенные Федькой, и это сбило нападение. Парень рухнул на пол, Федор вытолкнул Таис в коридор и с резким грохотом задвинул дверь. Створка тут же дрогнула от удара.

— Неси быстро ту дверь, что валялась в коридоре! — заорал Федор.

Яростный огонь в его глазах и дикие стуки в дверь заставили Таис придти в себя. Конечно, надо просто припереть дверь, чтобы она не открывалась. А после делать отсюда ноги. Еле подавив желание бежать без оглядки прямо сейчас, Таис с неимоверным трудом притащила тяжелую створку двери, что валялась в соседнем коридоре. Пришлось волочить ее по полу, и она мерзко скрежетала.

Федор держал дверь из последних сил. Пальцы его побелели, на лбу выступил пот. Замковые разъемы тут, видимо, не срабатывали. Щелчка не было, и дверь ходила ходуном под энергичными ударами. Приподняв ту створку, что притащила Таис, Федор закрепил ее на высоком пороге, уперев в небольшую дверную ручку. Отступил на шаг.

Дверь дрожала, но створка не давала ей возможности отъехать в сторону.

— Это его задержит. Пошли, бегом!

В этот момент из бокового коридора показался еще один мальчика. Худой, бледный и какой-то странный. Он остановился, посмотрел на Таис и Федора и хриплым голосом спросил, медленно и с трудом выговаривая слова:

— Вы его видели, да?

— Кто это такой? — быстро спросил Федор.

Дверь еще раз дрогнула под градом ударов.

— Это Жека… он просто заболел… мы думали, что это болезнь… после заразились еще двое. Зря вы сюда пришли. Мы все заболели…

Парень попятился и, прежде чем исчезнуть в проеме, тихо добавил:

— Не ходите сюда.

— Как тебя зовут? — крикнул ему вдогонку Федор.

Ответа не последовало.

— Пошли поскорее отсюда. Он же сказал — заболели все. Федор, пошли, — Таис взяла друга за ладонь и потянула за собой.

Уйти отсюда поскорее. Так жутко ей еще не было, даже тогда, когда пятнадцатый палил в них около лифта. Тогда все было ясно и понятно.

А тут — что-то страшное. И ответа на это страшное нет.

Глава 2. Эмма: коридоры Нижнего Уровня

1.

На узкой скрипучей кровати уснуть невозможно. И кто придумал такие неудобные пружинки, переплетенные в прочную, но шумную сетку? Трясется всякий раз, стоит только пошевелиться.

Скрип — скрип, скрип — скрип. Одеяло слишком колючее и неприятное. Чужое одеяло, казенное, корабельное. У Эммы в ее кающе было такое мягкое, невесомое одеялко из пухового селектика, темно — синее с крошечными желтыми звездами. Удобное, теплое, большое. Можно завернуться с головой, подоткнуть под колени и под пятки.

А тут — коричневое, невзрачное, колючее и громоздкое. И пахнет так странно. Коридорами этими темными пахнет. Как можно жить в этих подвальных коридорах? Вот уж действительно "дети подземелья".

Но хуже всего, если они окажутся правы, и на Третьем Уровне нет взрослых. Бред какой-то. Страшный сон, кошмарное наваждение. Эмме бы и в голову такое не пришло. Нет взрослых!

А кто тогда отдает распоряжения на станции? Кто организовывает производство? Кто отчитывается Торговой Гильдии? Если крейсеры приходят за товаром — а Федор говорил, что они действительно приходят — значит, взрослые должны быть. Хотя бы на этих крейсерах.

Эмма перевернулась на бок, досадливо поморщилась, прислушиваясь к печальным жалобам пружин, и натянула одеяло до подбородка. Холодно тут и голодно. Что это за ужин — хлеб с тонкой прослойкой масла? Разве этим наешься? И смешные два пряника. Два пряника!

А сегодня утром Эмма завтракала яичницей с овощами, несколькими ломтями сыра, стаканом молока и шоколадным печеньем. И его, этого шоколадного печенья было сколько душе угодно. А сейчас два пряника — и все!

Разве могла она подумать, что так закончиться последний день детства? Жуткая драка, Коля, девочка Таис и парень с серыми глазами, которого зовут Федор. Вот, теперь это ее друзья, и ей предстоит с ними жить.

Из этих троих только Федор нормальный. Коля каким был безответственным хулиганом, таким и остался. О Таис и говорить нечего, жестокая, грубая и наглая. Как быстро вылетели у них из

головы все Законы! Как быстро опустились они на примитивный животный уровень. Никакой цивилизации не осталось, самые настоящие дикари. Ни правил, ни Законов, что хотят — то и делают.

Они даже на людей не похожи, как будто застряли в безвременье и никуда не двигаются. Не Второй Уровень детства и не Третий Уровень взросления. А какой-то Нижний Уровень, о котором ничего на станции не известно и о котором и сказать-то нечего.

Вспомнилось, как они собирались лечить рану Коле грязными руками. Такое простое правило — мыть руки — и то им неизвестно. Страшно подумать, что было бы с рукой Коли после их лечения! Занесли бы инфекцию, а после удивлялись, что рука пухнет.

При одном воспоминании о глубокой ране на плече Кольки охватывала дрожь. Как у нее получилось обработать, смазать и заклеить лейкопластырем? Просто она тогда была слишком злой, все в ней так и кипело. С другой стороны кто бы это делал? Бестолковая Таис, которая даже руки не догадалась помыть? Можно себе представить, как бы это выглядело.

Зато Федор среди них самый здравомыслящий. И глаза у него такие… необыкновенные глаза. Почему-то приходит на ум сравнение со сталью. Серый цвет стали.

Спокойные и серьезные глаза умного человека. Как он оказался здесь, на Нижнем Уровне? Если он может писать сложные и дельные программы — как, например, та, с помощью которой они остановили пятнадцатого андроида — то его место в управлении станцией. Он мог бы многого добиться, работая на Третьем Уровне. А вместо этого занимается глупостями тут, в заброшенных коридорах.

Может, потому, что на него плохо влияет Таис? Может, из-за нее он тут? Сошел же с ума Илья и бросился за Катей. Натворил глупостей и сейчас пыжится и делает вид, что Эмма его предала, и он — несчастная жертва. Если бы не закон, Эмма с удовольствием назвала бы его дураком.

Но опускаться до уровня детей подземелья нельзя. Нельзя забывать то, чему учили столько лет. Нельзя забывать закон. Закон — это, можно сказать, единственная ниточка, что связывает ее с миром взрослых людей.

Эмма еще раз повернулась на кровати и прислушалась к дыханию уснувшего Коли. На базе стоит такая тишина, что скрип кровати кажется грохотом. Все спят? Может, пока все тихо, дать деру? Найти выход и рвануть на Третий Уровень. А после направить сюда Донов и взрослых — пусть наведут порядок.

Эмма старалась двигаться очень тихо. Наклонилась над сопящим Колей, нашла на полочке, приделанной к стене, тонкую флешку — она видела, как с помощью такой штуки открывали дверь на базу. Автоматические замки, срабатывают от кода на флешке.

Время на одевание тратить не пришлось, Эмма спала одетая. Ни пижамы, ни чистого нижнего белья — ничего не оказалось на Темной базе. Только новое полотенце да кое — какое постельное белье. И еще пара носков — как будто одна пара носков может поправить ситуацию.

Застегнув липучки на кроссовках, Эмма тихо спустилась по лестнице, стараясь двигаться медленно и осторожно. Не стоит торопиться. Вот двойная дверь, вот разъем.

Дверь тихо заскрипела, открываясь, но Эмма ловко приподняла руками отъезжающую в сторону створку и чуть двинула ее в пазе. Вот так она будет скрипеть гораздо меньше. Еще одна лестница, длинная и неудобная. Дверь на базу закрылась сама, и Эмма едва успела кинуть назад в проем Колину флешку. Брать чужое нельзя, это воровство, нарушение закона. Потому флешку следовало вернуть.

Лишь оказавшись в полутемном коридоре, Эмма вздохнула с облегчением. Кажется, удалось выбраться. Теперь вперед. Где-то тут наверняка должны быть лестницы или лифты. Ведь дети подземелья частенько воровали на Втором Уровне. Значит, проходы есть и их несколько.

Эмма старалась идти по тем коридорам, где горел свет. В темные туннели не сворачивала. И еще старалась считать и запоминать повороты. Потому что хуже баз может быть только перспектива заблудиться на Нижнем Уровне.

Первый поворот, второй, третий. В одном из коридоров Эмма заметила небольшой лаз над трубами. Он сворачивал куда-то в темноту, но там дальше и чуть выше виднелся тусклый свет. Отбрасывал блики на гладкие бока труб и Эмма улыбнулась. Раз трубы блестят — значит, по ним часто лазят, потому и отполировали до блеска. Значит, тут наверняка есть проход. Вот сюда и надо повернуть. Пролезть по трубам — а на них действительно ни пылинки — и туда дальше, к свету. Попасть хотя бы на Второй Уровень, а там уже можно обратиться к Донам за помощью.

Двигаться в темноте оказалось неудобно. Жаль, что нет фонарика, сейчас бы пригодился. Надо, видимо, придерживаться этих самых труб, а они приведут куда надо. Эмма изредка прикасалась к ним рукой и чувствовала мягкую пыль. Здесь, в темных коридорах все в пыли, и эти трубы тоже. Тут, значит,

через трубы не перелазили, очень давно, слой пыли толстенный. Может, повернуться и поискать другой путь? Но еле заметный отблеск света звал вперед. Идти надо туда? На свет? Наверняка туда, раз есть свет, значит есть и проход.

Дорогу преградил еще один узкий лаз, и, пробравшись в него, Эмма оказалась в широком коридоре, похожем на транспортный. Удобная резиновая дорожка, покрытая пылью, намертво сжатые огромные двери ангаров и несколько светящихся ламп почти на уровне пола, маленьких, прямоугольных.

Это был вспомогательный свет — стрелки — панели, показывающие, куда надо везти груз. А основное освещение на потолке — плафоны ртутных лам — не работало. Коридор тянулся абсолютно ровной линией, никаких полукруглых загибов. Видимо, он пересекал и внутренний и внешний круг корабля. Может, он точно ведет в заброшенные крейсерные шлюзы? И там, в этих шлюзах есть еще шатлы? Наверное, старые, вышедшие из употребления. Выкинуть их не решились — все такие собственность Торговой Гильдии. Потому убрали на Нижний Уровень.

Эмма прошла еще немного вперед, удивляясь тому, как гулко звучат ее шаги. Остановилась и пригляделась. На полу лежали останки пятнадцатого андроида. То, что это именно пятнадцатый, можно было понять по форме головы, которая лежала оторванной отдельно от туловища. Покрытое пылью лицо, выдавленные из глазниц глаза, торчащие провода.

Эмма подумала, было, что это дети подземелья орудовали и после перенесли сюда то, что осталось от робота. Но тут же отмела эту мысль. Слой пыли на туловище и на голове был таким толстым, будто эти запчасти пролежали здесь очень много лет.

Пол тоже покрывала пыль, и следы Эммы оставались на ней неясными отпечатками. Этот путь не ведет на Второй Уровень, это точно. Надо поворачивать и возвращаться. Делать тут больше нечего. Бросив последний взгляд на длинный коридор, Эмма хотела уже вернуться, как вдруг заметила что-то странное. Дальше за останками робота лежал человеческий череп и несколько костей.

Эмма осторожно приблизилась. Череп оказался пробитым, как будто в него ударили чем-то тяжелым и острым. Он был не белый, как учебный муляж, а тёмный от какой-то грязи что ли, хлопьями налипшей на него. Оголенные зубы скалились в жутковатой усмешке. Совершенно целыми сохранились только светлые, припудренные пылью, пряди волос. Рядом — развороченная грудная клетка. Выломанные ребра, останки таза. Костей рук и ног нигде не было видно. Кто унёс их, а главное —

зачем?

Эмма вдруг почувствовала, как к горлу подкатила тошнота. Скелет весь был облеплен какими-то темными клочьями. Что это вообще такое? Может, остатки одежды? Или так выглядит кожа, когда… В общем, когда наступает смерть… Судя по всему, скелет очень давно лежал в этом коридоре. Чей он? Кого тут убили? И… кто? Дети подземелья к этой смерти точно непричастны.

Эмма подняла глаза на стену и увидела надпись, сделанную, видимо, рукой. Написано чем-то темным, почти черным. "Они здесь" — два слова, криво накарябанных на стене длинного грузового коридора. Зачем это писать? Кто это — "они"? Крейсеры, которые прилетали с товаром? Или роботы — андроиды?

Эмму пронзила догадка — это написал тот человек, чьи кости лежат сейчас, покрытые пылью. Написал своей кровью, перед смертью. Пытался, видимо, донести что-то важное, если выводил буквы несмотря на предсмертную агонию.

"Они здесь" — это важно? Настолько важно, что надо было писать, макая палец в собственную кровь? Что произошло в этих коридорах? И почему кости лежат отдельно друг от друга? Кто их разбросал?

Вокруг стояла ватная тишина. Такая же плотная, как слой пыли на полу. И в этой тишине Эмме вдруг почудился звук дыхания. Кто-то вдыхал и выдыхал воздух. Медленно, с паузами. Тяжело и длинно.

Бросив последний взгляд на кости человека, Эмма бросилась бежать. Тум — тум — загрохотали ее кроссовки. Но теперь уже не до конспирации, только бы выбраться из этого жуткого коридора. Только бы не потеряться. Вот он лаз — сорванная панель. Оказывается, Эмма пробиралась сюда через систему закрытых коммуникационных ниш. В проломе виднеются ряды труб и какие-то толстые разноцветные кабели, наверное, электрические. Ей нужно влезть туда и двигаться во тьме обратно тем же путем, которым пришла. Только бы не заблудиться и не потеряться! Только бы найти базу!

Лишь оказавшись перед знакомыми темно — серыми стальными створками со странной эмблемой — двумя треугольниками, соединенными перемычкой — Эмма облегченно вздохнула. На базу ей не попасть, двери закрыты. Но тут хотя бы есть люди, пусть и дети подземелья. Тут не так страшно. Можно присесть и подождать, пока кто-нибудь не проснется и не откроет дверь.

"Они здесь"… Фраза засела в голове, точно пароль от программы. Звучит, как приговор, как констатация какого-то

жуткого факта. Кто это загадочные "они"? Почему "они" находились именно в том коридоре? Зачем это сообщение на стене, и — главное — для кого?

Присев на корточки и облокотившись о стену, Эмма почувствовала, что замерзает. Пока лазила по коридорам, холод не особенно донимал. Все-таки движение вырабатывает тепло в организме. А сейчас, сидя у закрытой дери, Эмма поняла, что с удовольствием оказалась бы в кровати с коричневым одеялом. Хотя бы.

А еще лучше в своей спальне, в тепле и уюте. И чтобы на кухне стучал посудой Лон, и пахло бы какао, ореховым маслом и тушеным картофелем.

Глубокий вздох вырвался мимо воли. Сколько тут сидеть придется? Неужели до утра? Который сейчас час?

Глянув на ручные часики, Эмма дотронулась до кнопки. Тут же выскочила небольшая голограммка, закрутились выпуклые цифры. Половина второго ночи. Еще только половина второго! Еще сидеть и сидеть тут под дверью!

Внезапно створки двери дернулись и разъехались в стороны. Показался Колька — перешагнул через порог, остановился. Поднял черные брови, поскреб затылок и спросил:

— Тут удобнее, что ли?

— Глупый вопрос, — ответила ему Эмма, поднялась и зашла на базу.

Колька последовал за ней. Двери закрылись. Наклонившись, Эмма подняла с пола флешку — вряд ли бы ее просто так нашли, залетела в самый угол. Протянула Коле и спросила:

— Как же ты открыл дверь без флешки?

— С помощью планшета. Мы поставили простой замок, его легко открыть, три цифры всего у кода. Тут не от кого запираться. Так, больше тепло бережем, потому двери и замыкаем.

На базах действительно оказалось теплее, чем в коридорах.

— Что ты делала за дверью? — поинтересовался Коля, останавливаясь перед Темной базой.

— Есть хочется ужасно. Думала раздобыть еды, — это не совсем ложь. Она действительно планировала в первую очередь поесть, как только доберется до Второго Уровня.

О неудачной вылазке рассказывать не хотелось. В голове по — прежнему вертелись слова "они здесь" и шевелились в душе неприятные предчувствия. А если дети подземелья правы, и взрослых нет? Эмма допустила такую мысль только на несколько секунд, но разлившийся в душе ужас заморозил посильнее, чем холодные коридоры Нижнего Уровня.

Если нет взрослых, то это катастрофа. Самая настоящая. Беда,

страшнее которой и придумать нечего. И дело даже не в том, что мало еды и холодно в коридорах. И не в том, что коричневые одеяла колются и не красиво выглядят. Дело в том, что тогда не остается ничего настоящего. Ничего, что удерживало бы, ни какой цели, никакого смысла.

Предоставленные сами себе подростки могут натворить таких дел на станции, что и представить себе сложно. И тогда надо выяснить — куда на самом деле делись взрослые?

Глупости все это. Полуночный бред. Взрослые есть, раз приходят крейсеры и забирают готовый товар. Раз привозят еду и вещи — значит, есть цивилизация, в которой управление принадлежит взрослым людям. Надо только разобраться во всем этом. Одно верно — не все просто на станции Моаг. Что-то происходит, только вот что? Дети подземелья этого не знают и объясняют все случившееся по — своему.

2.

— Ты что, искала проход на Второй Уровень? — догадался Колька, устраиваясь на матрасе.

Он только что приготовил две кружки заварного кофе, и горячий напиток почти прогнал холод из рук Эммы. Она внимательно осмотрела блестящую глубокую кружку из нержавейки — вдруг плохо помыли? Кто моет у них посуду? Машины посудомоечной нет, это точно. Эмма видела весь кухонный угол в общей комнате. Помытая руками посуда — это очень негигиенично. И очень неприятно.

Но делать нечего. Надо просто попытаться раздобыть собственную кружку и самой ее мыть.

— Где вы взяли эти кружки? — спросила она у Коли, игнорируя его вопрос. Что искала — это не его дело.

— Они были тут, на этих базах. Постельное белье, одеяла, матрасы — все было тут. Мы так и не поняли, что это за базы. Но жить здесь очень удобно.

Эмма даже не улыбнулась. Ничего себе удобство…

— Надо раздобыть еды, теплых одеял, моющего средства, посуды. Как вы выбираетесь на Второй Уровень?

— Зачем еще теплые одеяла? — поднял черные брови Колька.

— Надо. Как вы выбираетесь? — Эмма повторила вопрос. Что, трудно дать ответ, что ли?

— Есть очень много путей. В — основном, через вентиляционные люки. Отключаем тепловые датчики в нескольких проходах, намечаем маршруты. И действуем по обстоятельствам.

— Зачем датчики отключаете? Разве Моаг не сообразит, что вы именно там, где датчики не работают?

— Не сообразит. Он же не человек. Он воспринимает это как сбой системы, потому, пока датчики не включатся, в этих коридорах даже Донов нет. Хотя если они гонятся за нами — то в отключенные коридоры забегают. Но Доны не опасны, у них в программах заложено беречь детей и не причинять вреда. Убивают пятнадцатые. И последние инъекции делают тоже пятнадцатые.

— Почему именно инъекции?

— Гуманный способ. Под видом необходимой вакцинации перед тем, как приступить к работе на Третьем Уровне. Сначала усыпляют, после останавливают сердце. Все гуманно и безболезненно. Хорошая смерть, если уж на то пошло. Вот у нас такая вряд ли будет. Сашка в прошлом году истек кровью в коридорах, ему прострелили грудь и живот. Он так кричал, что я до сих пор забыть не могу…

— Ты можешь отключить датчики и сделать проход?

— Прямо сейчас? Хочешь все-таки вернуться на Второй Уровень?

— Хочу добраться до своего Лона и еще раз посмотреть карту Третьего Уровня. Я видела там людей, взрослых. Красные точки от тепловых датчиков.

— Видела? — Коля замер на мгновенье, посмотрел удивленно, — Когда?

— Недавно. Позавчера.

Эмма вдруг уставилась на Колю, подозрительно сощурилась и спросила:

— Это же вы вывели Катю и Илью, да? Вы пришли за ними в комнаты на Третьем Уровне?

— Да, мы втроем. Я, Федька и Тайка.

— Значит, это я вас видела тогда на Лонькином мониторе, — сдержать явное разочарование уже не хватило сил.

Значит, это были не взрослые, а все они, дети подземелья. Единственные, кого она вообще видела на корабле. Единственные взрослые — ведь Федора и Таис можно считать взрослыми. Сколько им лет, интересно?

— Я хочу попасть к Лону. Он закажет продуктов, и я возьму нужные вещи. Сделай проход, пожалуйста.

Она отвела взгляд и зачем-то поправила край одеяла на кровати. Кофе в ее кружке потихоньку остывал, но пить его совсем не хотелось.

— Ладно. Проход сейчас будет. Не переживай.

Коля включил планшет, склонился над ним.

— Покажи, как вы это делаете. Я заберу свой планшет… Хотя не заберу, он остался в сумке на Третьем Уровне.

— Планшет для тебя раздобудем, это точно, — не поднимая головы, отозвался Коля, — смотри. Теперь у нас есть код пятнадцатых. Пятнадцать цифр кода — вводим и оказываемся в базе данных Моага. Круто, правда? Могу спорить, что ты тут не была ни разу.

Эмма понимала все, что делал Колька. И то, как он вводил код, и файлы внутреннего сервера Моага. Она хорошо разбиралась в подобных программах, хорошо знала устройство станций наподобие Моага. Знакомая и понятная информация. Глядя, как ловко выбирает коридоры Коля и как просто запускает программу, отключающую датчики, она даже улыбнулась.

— Хорошо разбираешься в информатике, — сказала она ему, — а я думала, что ты так и остался оболтусом.

— Ничего себе — она думала, — фыркнул Колька, — а кто форматировал Лона? Я залез на Третий Уровень раньше тебя. Ну, то есть в карты этого Уровня. А после решил сбежать к ребятам вниз. Я разобрался во всем сам.

— Странно, — Эмма выпрямилась и откинула за спину непослушную гриву волос, — если взрослых нет, и всем управляет Моаг, то зачем он учит детей на программистов? Зачем вообще учит и обещает светлое будущее? Никакой логики, глупость одна. А после вы взламываете его системы.

— Нет тут логики, тебе же Федька сказал, — мотнул головой Колька, — глюки одни, вот что. Моаг следует своим программам, ну а мы можем поступать так, как хотим. Нам необязательно играть в игры Моага, мы не зависим от программ. Потому Моаг нас учит, а мы взламываем его файлы. Такая жизнь. Все, проход готов. Давай, навестим твоего Лона, что ли.

— Ты тоже пойдешь, да? А рука твоя как?

— Вообще не болит. Серьезно. Я могу ей двигать, все нормально. Только махать сильно не могу, но, надеюсь, что это и не понадобиться.

— Отлично. Тогда пошли. Вдвоем, чтобы не привлекать к себе внимания и не разбудить Соню. Ей не обязательно знать, что Третий Уровень только для пятнадцатых.

3.

Не было никакого удовольствия в лазании по вентиляционным шахтам. Узкий, темный проход, в котором даже голову поднять невозможно, тянулся и тянулся. Извиваясь, точно ящерицы — именно так эти твари и двигаются, Эмма помнила из документальных фильмов — они оба ползли очень медленно. Колька впереди, Эмма за ним, стараясь держаться на небольшом расстоянии, чтобы не получить кроссовками приятеля в лоб.

После Коля возился с решеткой — каким-то образом с

помощью магнитной отвертки он заставил открутиться шурупы снаружи. И вот, наконец, Эмма ступила на прорезиненную дорожку Второго Уровня. Теплый воздух, знакомые запахи, тишина и уют. Другая жизнь, в которую у Эммы теперь нет доступа.

Как странно! Как глупо и странно! Она думала, что начинается новая, интересная и насыщенная жизнь. Настоящая жизнь взрослого человека. А на деле вышло, что интересная и насыщенная жизнь закончилась, и началась какая-то ерунда.

Не оглядываясь на Колю, Эмма решительно зашагала по коридору. Она быстро определилась — где находится, быстро нашла нужный туннель. Колька не отставал. Эмма иногда оглядывалась и видела его сосредоточенные черные глаза.

Дверь каюты открыл Лон, привычно свистнул и спросил:

— Выгнали?

— Я после расскажу. Дай, мы пройдем.

Лон посторонился, заметил:

— Взрослые, обычно, не ходят на этот уровень. Вы знаете это, молодые люди?

— Ого, какой болтун, — тихо усмехнулся Колька, — привет. Ты меня помнишь?

— Я всех вас помню, дети, — Лон хитро сверкнул глазами, — где ты обитаешь теперь, Коля?

— Там, где лапы роботов не достанут. На корабле внизу есть еще уровень.

— Что это значит? — ровным голосом спросил Лон.

— Это значит, что я хочу есть, — вмешалась Эмма, — включи чайник. Есть что сладкое?

— Полно. Шоколадное печенье и вафельки. Есть творожный крем и бананы.

— Давай все. Я есть ужасно хочу, и Коля хочет. Там внизу с едой очень туго.

Чай пили на кухне. Коля тихонько рассказывал Лону о Нижнем Уровне и о своей теории о том, что в интеллект Моага попал вирус. Говорил уверенно, короткими четкими фразами.

— Значит, нет никаких взрослых? — зачем-то уточнил Лон.

— Ни одного. Кроме нас, разумеется.

— Я не уверена, что это правда, Лон, — вмешалась Эмма, — похоже на вымысел.

Лон снова наполнил чайник, долил в кувшин молока. После спросил:

— Может, кто-то хочет какао с молоком?

— Лон, что ты скажешь? — Эмма посмотрела на робота в упор, — Есть на Третьем Уровне взрослые?

— У меня нет доступа к такой информации. Когда меня только доставили на эту станцию, она называлась "Млечный путь". Собирали меня взрослые люди, они же загружали программы. По крайней мере, когда мои процессоры заработали, я увидел себя в комнате, полной таких же роботов, и вокруг меня работали взрослые люди. Эмма, ты — второе поколение выросших детей. Правда, пятнадцать лет назад на Празднике Выпускников присутствовал капитан корабля, штурман и еще несколько человек. И на некоторых уроках присутствовали взрослые люди. А так же были люди в детском саду, в отделении малышей. Изменения произошли наверху, на Третьем Уровне, но суть этих изменений я не знаю.

— А про Нижний Уровень ты знал?

— На корабле три уровня. Я это знаю. Но Первый Уровень технический, он предназначен для грузов и для крейсеров. Он нежилой.

— Ты скажи, ты знал, что взрослых уже нет на Третьем Уровне? — требовательно спросил Коля.

— Нет. Я же сказал, что у меня нет доступа к этой информации. Правила поменялись, это так. Но я — всего лишь обслуживающий робот, я не задаю программы и установки. Я только выполняю. Потому обсуждать правила тоже не могу. Моя задача — заботиться о подопечных, что я и делаю.

— Сколько всего лет ты на корабле? — снова спросил Коля.

— Шестнадцать лет. Я же говорил, у меня было два выпуска. Сначала три девочки росли у меня, по очереди попали в Выпуск. После появился ты, Коля, Эмма и Соня. В этом году шестнадцать лет, как я на корабле.

— А когда произошли изменения? Когда взрослые перестали появляться на Втором Уровне?

— Название корабля поменялось четырнадцать лет назад. Два года станция называлась "Млечный путь", после в файлах появился код М. О.XI. Этот код интеллектом станции был переименован в Моаг. Так удобнее для детей и для роботов — Донов. С чем это связано — я не могу сказать. Это не мое дело.

— А когда ты тут только появился, то станция называлась "Млечный путь"? — зачем-то уточнила Эмма.

Все, что рассказывал Лон, казалось таким странным, что не умещалось в голове. Зачем менять название станции? Это сделала Торговая Гильдия? Это их распоряжения? Может, это они убрали всех взрослых с Третьего Уровня, а детей после просто отправляют на Землю? Может, теперь все взрослые на Земле?

У Лона спрашивать бесполезно, он же сказал, что ничего толком не знает.

— Лоны появились на корабле шестнадцать лет назад? А до них кто обслуживал детей?

— Тоже Лоны, но более старые модели. Я — новейшая, усовершенствованная модель. Мой процессор может быть подключен к общим процессорам Моага, это гораздо удобнее.

— Ну, не всегда, — хмыкнул Коля.

— Получается, что взрослые заменили роботов на более совершенные, а сами убрались со станции, — тихо проговорила Эмма, — вот что выходит. Как раз после замены роботов все и случилось. Может, дело в вас? — она посмотрела в блестящие, покрытые тончайшей чувствительной пленкой глаза Лона и намотала на указательный палец прядь волос.

— Вряд ли в нас, — заверил ее Лон, — тогда уж в Донах, их тоже меняли в том же году. Доны более мощные, более интеллектуальные андроиды. Я — всего лишь обслуга. Убрать, накормить, присмотреть, спеть песенку, помочь с уроками. У Донов гораздо более развит интеллект.

— Он правильно говорит, — согласился Коля, — я видел процессор пятнадцатых. Мощная машина, несколько ступеней обработки информации, логический чип, позволяющий разные вариации мышления, даже способность самому выискивать информацию и самому ее обрабатывать. И выводы делать самому. Доны могут даже выбирать собственные программы, правда, в очень медленном режиме. Это надо учитывать, когда форматируешь робота класса Дон. Не все программы он принимает.

Эмма поднялась и прошлась по хорошо знакомой кухне. Ничего тут не изменилось за прошедшие несколько часов. Все так же аккуратно расставлены на полках баночки с чаем, заварным кофе и какао. Все так же подпрыгивает и улыбается смешной слоник на голографических часах.

Но теперь Эмма знала, что за всей этой красотой, покоем и уютом прячутся странные коридоры Нижнего Уровня. И надпись на стене все еще возвещает: "они здесь". Если бы найти ответ хотя бы на этот вопрос — кто эти "они"? Что случилось со станцией?

Лон снабдил их продуктами и даже провез на лифте.

— Вы в сопровождении робота — няньки, — пояснил он.

Оказалось, что некоторые лифты отлично ходят до нижнего Уровня.

— Почему же Доны ни разу не спускались к нам? — удивился Коля, когда лифт, чуть качнувшись, остановился и его двери вежливо разъехались в стороны, открывая сумрак нижних коридоров.

— Потому что у нас нет никаких планов этого этажа. Никаких

данных. Никаких программ. Ничего. Он заблокирован, этот уровень. Я сюда спустился, только потому, что должен вам помочь. Приоритет. Помощь детям — это всегда приоритет для меня. Потому я пойду даже в открытый космос, если надо будет.

— Вот это верность, — заулыбался Коля, в первый раз за все посещение Второго Уровня, — что ж, добро пожаловать на нашу базу. Ты ведь будешь молчать, как могила, да?

— Как космический вакуум, — уточнил Лон и присвистнул.

Он управлял небольшой тележкой с продуктами — в Лонов сразу встраивали специальные датчики, с помощью которых можно было заставлять двигаться грузовые тележки. Коробки с печеньем, вафлями, сухим молоком и картофелем чуть подпрыгивали. Эмма смотрела на них и думала, что попала в какой-то глюченный мир. Если бы можно было просто взять программу антивирусника и вычистить все эти глюки. А после загрузить все установочные программы заново. Заново пережить Выпускной и заново попасть на Третий Уровень. Только чтобы в этот раз там обязательно были бы взрослые. Обязательно.

4.

За продуктами пришлось делать вторую ходку. Просто хотелось быть уверенной, что еды хватит, и она не кончиться внезапно через пару дней. И еще хотелось взять с собой вещей. Любимое одеяло, пару небольших подушек, легкий плед — это уже для Коли, иначе наверняка замерзнет на своем матрасе. Сумка, в которую Эмма так старательно уложила почти весь свой гардероб, осталась на Третьем Уровне. Ее наверняка бросят в мусорку. Жаль вещей, очень жаль. Там столько удобных футболок и пайт.

Но теперь делать нечего, хорошо, что Лон не успел выкинуть те сарафаны и штаны, что Эмма оставила в шкафу. Как попало запихнув парочку пайт и штанов в небольшой рюкзак, Эмма накидала сверху трусов и маек, а также одну пижаму. Время поджимало, до включения основного света осталось совсем немного. Потому сложить все это в аккуратные стопки не удалось.

Бегом к лифту, стараясь не отстать от Коли и Лона. Лифт — это не вентиляционные люки, тут все быстро и удобно. Махнув Лону на прощание рукой, Эмма пообещала:

— Я еще вернусь. Ладно?

— Не забывай. Я приготовлю вам продуктов, так что к вашему приходу все будет готово, — тут же пообещал Лон. Двери лифта закрыли его лицо, покрытое блестящей эмалью, и Эмма вдруг ощутила, как к горлу подступили рыдания.

Только когда Лон исчез из вида, она поняла, что родной Второй Уровень снова остался где-то наверху. А вокруг нее

темные холодные коридоры, хранящие свои старые тайны. Коридоры захватили в плен, из них теперь не выбраться. Одно хорошо — есть еда.

— Пошли, что тут стоять, — напомнил Коля, — тебе не тяжело?

Эмма посмотрела на продукты в своих руках, дернула плечом, поправляя сползающий рюкзак, и ответила:

— Справлюсь, не переживай.

Навстречу им вышли Илья и Катя, помогли тянуть пакеты и коробки. Катя морщилась, принимая у Эммы верхний пак с консервированной кукурузой, но молчала. Илья лишь спросил у нее:

— Справишься, может, помочь?

Илья переживает за Катю, надо же… Эмма хмыкнула, но тут же покосилась на Колю. Тот ведь тоже только что предлагал помощь. И сейчас держится рядом и готов, если что, подхватить остальные два пака с консервами. Тяжело это все тащить, безусловно. Но у Коли в руках две больших коробки, в которых консервы с тушенкой. Куда ему еще добавлять?

На базе вовсю жевали печенье. Накрошили на полу, на столе. Залили все водой, кофе и молоком. Двое маленьких мальчиков лезли в общую коробку прямо руками. Мыли ли они свои руки? Нет, кончено. Кто тут смотрит за чистотой рук у этих мальчиков? Никого вообще это не трогает.

И как теперь есть печенье после этих мальчишек, спрашивается?

Эмма недовольно скривилась, нехотя ответила на вопросы Таис. Та тоже жевала печенье без остановки, будто первый раз в жизнь увидела. Интересно, с такими быстрыми темпами поедания — насколько хватит натащенных продуктов? Они с Колей немало надрывались, прежде чем доставили все это. Хотя, в следующий раз надо будет попросить у Лона его тележку и управление к ней. Коля же толковый, может придумать простенький пульт. Тогда бы не пришлось таскать тяжести.

Направляясь в ванную, чтобы помыть руки, Эмма столкнулась взглядом с Федором. Удивительные у него глаза, серьезные и какие-то… то ли заботливые, то ли сочувствующие. Как будто он понимал все, что чувствовала Эмма в этот момент. Серые глаза и прямые брови.

— Надо поделиться с Овальными и с Дикими, — предложил он.

И Эмма тут же согласилась. Хотя продуктов было жаль, но возражать Федору Эмма не могла. Ей хотелось, чтобы он поговорил с ней, рассказал что-нибудь о базах, о своих планах.

Ободрил и поддержал.

Но вместо этого Федор повернулся к Таис, мягко улыбнулся и чуть дотронулся рукой до ее плеча. И столько в этом движении было чувств, что Эмма чуть не задохнулась. Видать, Таис и Федор давно дружат и хорошо понимают друг друга. И Таис была красивой, это надо признать.

Худенькая, стройная и гибкая, она напоминала дикую кошку. Длинные, растрепанные косы, спускающиеся вдоль скул тонкие темно — русые прядки, и светло — карие, почти медовые глаза, злые и раскосые. Она едва взглянула на Федора, дернула плечом, сбрасывая его руку, и скрылась в спальне. Решили идти на базу к Диким вместе. И Эмма вдруг поняла, что, несмотря на усталость, отправилась бы с Федором куда угодно, хоть в самые дальние и самые темные коридоры Нижнего Уровня.

5.

На полный желудок спалось сладко и уютно. Темно — синее одеяло все еще хранило запахи родной каюты, и Эмма прижималась к нему щекой и представляла, что спит в своей кровати, а Лон на кухне заканчивает ежедневную ночную уборку.

Но долго спать не пришлось. Резкий шум в общей комнате вырвал из дремоты, и Эмма поняла, что ей хочется ругаться. Громко и сильно. И желание это никак не сдержать.

Все! Хватит с нее! Надо навести хоть какой-то порядок на этих базах!

Эмма спустилась с каюты и столкнулась нос к носу с Таис.

— Где все печенье? — резко и быстро спросила девочка с косами и в упор посмотрела на Эмму.

— Привет. У нас теперь новые правила, и все их одобрили. Продукты у нас все растворимые, и готовить может каждый сам себе. Три раза в день Маша раздает порции еды, а к ним и печенье. Готовим уже сами. На завтрак молочное, на обед — картошка с мясом и овощами, на ужин бутерброды и фруктовые консервы. Еду надо распределять и экономить, чтобы хватило хоть на несколько дней. Потому печенье вы получите от Маши на ужин.

— Что за ерунда? Это кто придумал? Ты, что ли?

— Неважно, кто придумал, важно, что все одобрили.

Таис уперла руки в бока, приблизилась. Глаза ее стали совсем узкими, и Эмма подумала, что эта кошка вот — вот прыгнет.

— Кто ты такая, что все тут решаешь? Еще и суток не прожила с нами, а уже командуешь?

Эмма пожала плечом, отошла чуть назад и заметила:

— Ты много поднимаешь шума. У вас такой беспорядок потому, что нет правил и нет Закона. Вы все забыли о Законе,

потому одичали и стали похожими на…На нелюдей. Сама подумай, сколько там осталось до ужина? Часа два — три. Подождешь. Ничего с тобой не станет.

— Я не буду ждать. Я найду еду и поем, — Таис поджала губы и развернулась, после добавила через плечо, — тебе здесь не командовать, поняла?

— Тебе командовать? — хмыкнула Эмма. Теперь настал ее черед ехидничать.

— Здесь каждый сам за себя, и дурацкие законы тут не работают. Никто не заставит меня выполнять законы, ясно? Никто! Я сама себе Закон, ясно тебе, дура рыжая?

Эмма вдруг почувствовала горячее желание оттаскать эту дикую кошку за волосы. Отвозить по полу, чтобы Федор больше не смотрел в ее глаза и не ходил с ней никуда. Надавать ей как следует, чтобы знала. Бить и бить…

Эмма медленно вдохнула воздух и выдохнула. Подняла брови, оглянулась. Перед Таис оказался Коля. Уперся рукой в стену, перегораживая путь, и процедил сквозь зубы:

— Тай, ты успокоишься, или нет? Что опять завелась, как музыкальная игрушка? Сказали тебе — будут правила. Значит будут. Все, заканчивай свои вопли.

Таис не остановилась. Пошла в упор на Колю и отпихнула его плечом. Тот попробовал удержать ее, но тут же получил крепкий удар в раненое плечо, охнул и ругнулся.

— Вот, Колючего поучи выполнять свой Закон, — не оборачиваясь, сказала Таис.

Колька выпрямился, обернулся и врезал Таис по шее. Хорошо врезал, с размахом. Удар оказался таким сильным, что девчонка покачнулась и чуть не отлетела к стене. Вовремя схватилась руками за стоявший стул и буквально свалилась на него.

— Ничего себе, Тайка получила, — почему-то шепотом сказал один из младших мальчиков. Эмма все никак не могла запомнить их имена. Они играли в фантики, но когда началась ссора, прекратили свое занятие и следили за событиями с раскрытым ртом. Нечасто, видать, тут бывают драки.

Эмма слегка улыбнулась Коле, но в этот же момент почувствовала, как ее отодвигают в сторону. Федор подскочил к Кольке — высокий, широкоплечий — и совсем негромко сказал:

— Что, обалдел? Придержи свои руки, понял?

— Нормально. Я и сама могу надавать Колючему, — Таис, красная и совсем не красивая, поднялась со стула, зачем-то облизала тонкие изогнутые губы и подняла повыше голову, — я сама раздобуду себе еды. Раз такое дело, теперь каждый сам за себя, выходит. Или все за Эмму. Пожалуйста, я обойдусь и без

вас.

— Тай, да что ты завелась? — поморщился Федор, — я сделаю проход, и сходишь, притащишь всего, что хочешь. Если тянуть только на нас двоих, то надолго хватит. Это и к лучшему, ораву кормить всегда тяжело. Пошли, что-нибудь придумаем. И не в таких переделках бывали.

Он обнял Таис за плечи, и они оба, гордые и уверенные в себе, скрылись в спальне.

Глава 3. Таис: общее собрание

1.

Носки просохли не до конца, немного влаги осталось в ткани. Таис еще раз потрогала пятки, зачем-то понюхала и вздохнула. Если носков всего три пары, и одна постирана и сохнет, а другая лежит в поддоне душа для стирки, то особенно не повыбираешь. Придется надевать то, что есть.

А есть только вот эта темно — синяя пара, еще не до конца высохшая. Но зато она — махровая, более теплая и более мягкая. Тоже плюс. Надеть носки, штаны и пайту, постирать белье и идти спать. Денек сегодня выдался еще тот. Сначала сумасшедшие Дикие…

При одном воспоминании о послденей вылазке Таис передернуло. Что случилось с Жекой? Что за болезнь такая, от которой глаза темнеют, а черты лица меняются? И прыгучесть развивается? Люди так прыгать не умеют, это точно.

Когда вернулись на базу, Федор рассказал все сначала Вальку. Таис тоже стояла рядом и только кивала да икала от испуга, точно малёк Ромик или Вовик. Нитки в это время в спальне не было, лишь они трое. И Валёк, хмуро почесав переносицу, выдал:

— Что за ерунда? Этого еще не хватало. Думаешь, у них какая-то инфекция?

— Видать по всему, да, — ответил Федор и чуть качнулся на стуле.

— Где они могли ее найти, если мы все на закрытой станции? На Втором Уровне, вроде бы, нет карантина. Никто не болеет, чрезвычайная ситуация не объявлялась.

— Понятия не имею. Валь, надо бы держаться от них подальше, и ребятам сказать. Мало ли что…

— А вдруг вы уже заразились? — Валёк не шутил.

Посмотрел пристально и серьезно, и в голубых глазах его на мгновенье промелькнул страх.

Или Таис показалось?

— Мы там были пару минут, наверное. И к ним не прикасались, — возразил Федор, — вряд ли мы успели подцепить их заразу. Посмотрим, как дальше будет.

— Пока будем смотреть, это расползется по всей базе.

— И что ты предлагаешь? — Федор перестал раскачиваться и взглянул на Валька.

— Ничего, — дернул тот плечом, — пока ничего. Давай завтра соберем всех на общий совет. У нас много перемен,

появилась новая возможность добывать продукты. Теперь еще этот случай с Дикими. Надо все обсудить. Так что, соберем всех с утра и поговорим, — Валек глянул на экран планшета и машинально дотронулся указательным пальцем. Видать, не терпелось продолжить игру.

— Идет, — тут же согласился Федор.

— И не шастайте по базе, сидите в своей спальне, — буркнул вдогонку Валёк, загружая игру на голографический экран.

Потому о Диких никому больше не рассказывали. Но и не до них стало. Вечером получилась хорошая такая ссора с Эммой из-за продуктов.

Таис вздохнула, проворно натянула штаны, пайту, закатал рукава и принялась за стирку. Свои вещи лучше стирать сразу, а то насобирается целая куча грязного барахла, и торчи потом в ванной два часа.

Может, и не стоило ссориться с Эммой, может, она и права, и продукты надо расходовать экономно. Но кто дал Эмме право командовать? Кто она такая? Думает — один раз раздобыла жратвы с помощью Лона — и все? Теперь самая умная и самая главная, что ли? А что ты стоишь сама по себе, без помощи робота? Попробуй, поживи на базах несколько лет, добывая еду воровством и почти каждый день пролезая через узкие вентиляционные шахты. И не только для себя одной, но для всех. Для тех, кто рубится в игры и для тех, что шмыгает носом и постоянно ноет.

Попробуй, порискуй, выводя с Третьего Уровня, из-под обстрелов. Тогда и будешь умничать и решать — кто ест, а кто не ест. А то посмотрите на нее — притащила первый раз еды, и правила устанавливает. Законы свои…

Таис резко выжала носки и футболку и с раздражением швырнула на край душевого поддона. Посмотрим, как Эмма будет стирать свое белье и мыть посуду. Хотя стирать она вряд ли будет, оттащит все Лону и попросит зарядить стиралку. Такие, как она, рук портить не станут. И в вентиляционные люки она больше не полезет, наверняка.

Таис принялась зашнуровывать кроссовки, резко дернула и порвала шнурок. Мелочь, но на глаза навернулись слезы. Вот же черт! И шнурки рвутся, теперь думай, где взять целые…

Дурной сегодня день, это точно. Шагнув к двери, Таис вспомнила про белье, вернулась и развесила вещи на веревки, протянутые около огромного бака с горячей водой. После надавила на широкую кнопку у двери, и та бесшумно отъехала в сторону. Единственная исправная дверь на Темной базе, не скрипит, не застревает и не трясется, как параличная.

— А я тебе говорю, что мы не люди, — голос зазвенел совсем рядом, буквально около короткой лестницы, ведущей в общее помещение.

— А кто же мы? — это Вовик, точно.

О чем это они говорят? Что за болтовня такая?

Таис остановилась, стараясь не шуметь, подошла к самой лестнице и наклонилась. Оба мальчика — Вовик и Ромик — сидели под узкой галереей, огибающей всю общую комнату, и о чем-то негромко разговаривали.

— Если бы мы были людьми, то зачем бы роботам надо было нас убивать? Сам подумай. Мы просто клоны. Неудачные, или не получившиеся. Потому мы доживаем только до пятнадцати лет, а дальше все, сбой. И нас убивают. Чтобы этот сбой не зашел слишком далеко.

— И что, по — твоему, клоны — не люди? Люди, самые настоящие. Просто искусственно созданные. Ведь сейчас всех детей создают искусственно, так какая разница — клон, или не клон. Сейчас вообще все люди — клоны.

— Можешь мне не верить, — Ромик выпятил нижнюю губу и сгреб в кучу свои фантики.

— Почему тогда у Валька не начался сбой, а? — не унимался Вовик, — Он абсолютно нормальный.

— Скоро, значит, начнется.

— Вот и не начнется. Сам посмотришь. И тогда я скажу, что ты — дурак.

— Ругаешься, как Тайка? Не торопись нарушать закон. Законы придуманы не зря, роботы ничего не делают просто так. Закон нам нужен, просто необходим. Его надо соблюдать, чтобы не случился сбой раньше времени. Я тебе точно говорю.

— Откуда ты это взял? Придумал сам, что ли?

— Я просчитал. Догадался. Просто продумал. Сам сравни. У роботов всегда есть четкий план, он делают то, что им запрограммировали. Они не станут ничего делать сами от себя. Это как с пылесосом. Если ты поставил ему в программу работать — он включится и станет убирать пыль. А если не поставил — то он не включится сам и не подумает — что грязно, надо взять и все убрать. Так и роботы — они выполняют программы, которые в них загрузили.

— А если в программы попал вирус, тогда что?

— Тогда будет просто сбой. Система отключится, или сломается. Но ничего от себя делать не станет. Значит, Мога запрограммирован нас убивать. Значит, это с нами что-то не так. Может, мы не люди, может, инопланетяне какие-то.

На этом месте Таис фыркнула и громко велела:

— А ну валите спать, инопланетяне сопливые. А то как наподдам по шее, будете знать, как болтать. Быстро, кому сказала!

— О, появилась, самая деловая… — невежливо буркнул Ромик и задвинулся в тень, — мы еще не доиграли. И спать нам рано. А ты не подслушивай…

— А вы не мелите глупостей… Инопланетяне…

Таис прошлась по галерее до своей спальни, резко прыгнула на кровать и под возмущенный скрип пружин сказала Федору:

— Представляешь, мальки думают, что мы все инопланетяне. Поглупели совсем со своими фантиками…

— Что? — хмуро спросил Федор.

Он управлялся с несколькими роботами в игре, и на голографическом экране перед ним развернулась нешуточная битва. Сейчас говорить ему что-либо бессмысленно, все равно не ответит.

— Ничего. Играй дальше.

Но Федор решительно закрыл игру, свернул голографический экран и отложил планшет в сторону. Поднял брови, и глаза у него стали серьезными и грустными.

— Что случилось? Ты поела?

— А ты?

— Я взял наши порции на ужин. Тебе и мне. Немного ветчины, сухари, горошек консервированный и печенье. Надо только сделать кофе или какао — что хочешь.

— И что, Эмма ничего не сказала?

— Еду раздавала Маша. Она просто принесла сюда нам продукты, пока ты была в ванной. Да ладно, Тай, не стоит из-за еды ссориться. У нас всех один общий враг — это Моаг. Нам надо держаться вместе.

— Правильный какой, — Таис уже не злилась. Федор верно говорит, но ведь это Федор. Он умеет успокаивать, это у него в крови.

Есть хотелось ужасно. Вроде бы надо проявить гордость и самой отправится на поиски еды, но так не хочется куда-то лезть — просто ужас. Хочется поесть и лечь спать. Завернутся в теплое одеяло и слушать, как ровно дышит рядом Федор. Может, поговорить с ним о чем-нибудь перед сном. А после — спать и спать.

— Если мне ночью приснятся эти самые Дикие, — буркнула Таис, — проснусь и буду орать, как ненормальная.

— Ты нормальная. Я сам боюсь, что мне приснится эта гадость. И что могло с ними случиться?

Ответа Федор не стал дожидаться. Поднялся и вышел. Вскоре

вернулся с двумя дымящимися кружками, и Таис, втянув ароматный воздух, уточнила:

— Кофе, да?

Федор кивнул в ответ и пристроил кружки на полке, отодвинув планшет в сторону.

— Как мы уснем, если сейчас напьемся кофе?

— Я буду спать даже после кофе. Ты о чем мне сказала, кода только вернулась из душа? Что-то спросить хотела?

— Да, мальки тут сидели и рассуждали, что мы все инопланетяне, потому Моаг нас и убивает. Ромик это вычислил логическим путем.

Федор усмехнулся и заметил:

— Эти двое даром время не теряют.

— Лучше бы учились быстро слова набирать в программе, чем болтали зря. Я знаешь что думаю… — Таис потянулась за своей кружкой, отпила горячую жидкость и после продолжила, — не зря Эмма завела разговор о Законе. Может, его специально придумали. Закон помогает строить отношения. Как нам говорили — регулирует социум. Благодаря Закону люди могут существовать вместе и не убить друг друга.

— Ты же говорила, что Закон — полная лажа. Обман роботов. То есть, ты думала, что он не работает.

— Ну, я не знаю… С одной стороны бонусов за выполнение правил уже никто не даст, но, может, на Третьем Уровне и не было никогда бонусов. Это как с колыбельными в детском саду. Малышам их еще поют, а школьникам уже нет. Так и с бонусами. Может, выполнение Закона — уже сам по себе бонус.

— Ты хочешь сказать, что если никто никого не станет обзывать и обижать, то это приятно и хорошо? — уточнил Федор.

— Да, жить станет проще, если все придерживаются правил. Нас теперь много, и чтобы не передраться, как вот сегодня, надо соблюдать Закон и дальше.

— А драться первая начала ты, — улыбнулся Федор и слегка хлопнул Таис по макушке, — я всегда знал, что ты — ужасная драчунья.

— Да надоела эта Эмма. Строит из себя… Не хочу сейчас о ней говорить. Пусть общается со своим Колючим, мне все равно… Я хочу сказать о Диких. Я просто подумала, что без Закона люди дичают, как — вон, Дикие. И превращаются в каких-то фриков или чертей… Может, поэтому и были легенды о чертях, помнишь? Валек их рассказывал. Может, все дело в том, что люди не соблюдали Закон?

— Раньше все было по — другому. Сейчас новая Эра, новое сознание. Сама знаешь. Сейчас не осталось причин для

конфликтов и для войн. Десять заповедей — это для детей, для Второго Уровня. На Третьем другие Законы должны были быть.

— Сейчас мы — Третий Уровень, — Таис грустно улыбнулась, — мы — единственные взрослые на этой станции. Потому можем решать, какие Законы выполнять. Мы сами можем решать, никто за нас уже не решает. Ни роботы, ни Моаг.

— Вот, только сейчас ты начинаешь понимать выгоду нашего положения, — сказал Федор и отправил в рот полную ложку зеленого горошка.

— А если Закон действительно помогает остаться людьми, а не превратиться в каких-то… Даже не знаю, в кого… Тогда его надо соблюдать. Так?

Федор кивнул, продолжая жевать.

— Вот в этом-то и вся проблема. Я могу соблюдать Закон по отношению к Эмме, не обзывать ее, не бить, не обижать. Но в глубине души я ее ненавижу. И мне абсолютно все равно, что с ней будет, хоть роботы ее расстреляют, хоть она заблудится на Нижнем Уровне. Меня это не трогает и не волнует. Выходит, что даже если я соблюдаю Закон, я все равно обманываю Эмму, потому что не говорю ей всей правды. То есть, не говорю, что ненавижу ее и что она дура. Обманываю ее и все равно нарушаю Закон. Видишь, какая проблема выходит.

— Тай, я, честно говоря, понимаю с трудом. Далась тебе эта Эмма? Просто поставь себя на ее место. Представь, что ты только что попала сюда со Второго Уровня, из удобной каюты. Тебе обещали классную жизнь, много денег и отличную работу, а вместо этого ты получила фиг с маслом. Темные коридоры и странное общество оборванных детей. Что бы ты думала? Как бы себя вела?

— Ну, не как последняя балда, это точно. И продукты бы не жалела.

— А кто недавно молока пожалел для мальков? — равнодушно напомнил Федор и сунул в рот кусок ветчины.

— Так я же не забирала молоко. Просто высказалась.

— Эмма тоже ничего не забирала. Тай, просто поставь себя на ее место. Тебе легче будет понять ее. Понять — значит, почти принять. Нам следует держаться всем вместе. Враг у нас всех общий, я уже говорил. Потому мне не нравятся эти склоки. Но если Колючий еще раз распустит руки, я ему башку оторву. Не посмотрю, что колючая.

Таис вздохнула, сгребла в кучу посуду.

— Пойду, помою, — сказала и вышла из спальни.

У раковины стояла Катя. Короткие волосы растрепаны, футболка помята. Двумя пальцами — большим и указательным —

Катя держала кружку и осторожно подставляла ее под струю воды. Видимо, боялась забрызгаться. Подержав пару секунд, она пристроила посудину на край стола и со спокойным видом удалилась. Называется — помыла после себя посуду…

Надо или перемывать за ней, или заводить собственную кружку. Потому что пить из кружек, которые мыла Катя, невозможно. Таис уже собралась окликнуть эту Катьку и заставить отмыть кружку как следует, но тут у раковины появилась Эмма. Закатала рукава, открыла кран и медленно и обстоятельно принялась намывать большую белую кружку. Кружку, которой на базе раньше не было. Видимо, Эмма притащила ее из своей каюты.

Узоры из листьев на боках, внизу встроен чип подогревания. В такой кружке кофе не остынет вовсе. Отличная и незаменимая вещь. Эмма долго и тщательно полоскала ее, после закрыла кран и потрясла свою посудину над раковиной, стряхивая последние капли. Ну, что же, мыть посуду эта девочка умеет, молодец.

Таис приблизилась к раковине только тогда, когда Эмма скрылась в Колькиной спальне. Не хотелось встречаться с этой Эммкой. Хватит уже ссор на сегодня. Перемыть посуду — не тяжкая работа. Раз, два — и все сделано. И Катькину кружку заодно отполоскать как следует. Надо научить завтра эту растрепу простым хозяйственным делам. Роботов тут нет, и умение мыть посуду очень даже пригодится.

Чего там Федор говорил о понимании? Как можно понять ленивое мытье посуды? Да никак. Или Катя научиться убирать за собой, или пусть чешет на Второй Уровень и находит себе собственную кружку. И тогда уж хочет — моет, хочет — не моет.

2.

Валёк собрал всех в общей зале. Долго ворчал, что медленно собираются, ругал Вовика и Ромика за ссору и за то, что накрошили кругом сухарей. Торопил девчонок и нервно нажимал на сенсоры планшета. Пришлось ему прервать свою игру, в которую он обыкновенно играл по утрам.

Вылинявшая черная пайта на Вальке сидела смешно и странно. Короткая и узкая, она обтягивала его худой торс и задиралась над поясом штанов, открывая белую кожу на бедрах. Валёк сам был до смешного белокож, зато светлоголубые глаза его, большие и яркие, удивляли длинными черными ресницами. Что-то необычное было в его облике. Таис так и не могла понять, что делало лицо Валька таким привлекательным — то ли глаза, то ли длинные, почти белые волосы. То ли темные брови и черные ресницы.

Нитка — так вообще глаз с Валька не сводила, и делала все,

что он не попросит. Но Вальку надо было совсем мало — возможность играть сколько душе угодно и чтобы под рукой всегда оказывалась кружка с горячим кофе или чаем. И то и другое у него было, потому Таис не сомневалась — этот парень по — настоящему счастлив. Единственный счастливый человек на базе.

Правда, если случалась необходимость что-то делать, то Валёк злился и ругался. Вот как сейчас, когда обозвал мальков болванами и велел срочно подмести пол. Мальчишки надулись, умолкли, схватились за веники, которые, кстати, делал Колька из обрезок веревок и палок, найденных на мусорке.

Когда, наконец, все собрались и устроились — кто на чем — и даже перестали болтать, Валёк начал без предисловий:

— Надо решить пару вопросов и по — быстрому. Значит, так. Первое — Эмма нашла способ добывать много еды. Жратва теперь есть, и ходить на охоту не надо. Разве что только за планшетами и вещами на Третий Уровень… Колючий, заткнись, после вставишь свои умные слова…. Что я хотел сказать? Ага, вспомнил. Вот что теперь. Еда у нас будет по часам, как положено. Завтрак, обед и ужин. Еду выдает Маша, готовим каждый сам для себя. Ну, или как вы договоритесь со своими друзьями. Еда растворимая или консервированная, так что много ума тут не надо.

— А у тебя и нет много ума… — буркнула Таис.

— Ты что-то сказала? — повернулся к ней Валёк.

— И не думала, — Таис невозмутимо покачала головой.

Стоявший рядом и все слышавший Вовик прыснул и тут же получил приличный толчок в бок от Маши.

— Давайте вы не будете меня перебивать, — поморщился Валёк, — в общем, правила немного поменялись, и таскать еду как кому захочется теперь нельзя. Никаких перекусов между едой, никаких крошек. Каждый сам после себя моет посуду. Стол вытирать по очереди.

Можно подумать, Валёк когда-то вытирал стол. Да он понятия не имеет, как это делается, программист, елки — палки.

Валёк продолжал:

— Мы здесь все должны держаться вместе и все такое, ясно? Поэтому если что-то решили вместе, значит так и будет. Потому ты, Тайка, тоже будешь подчиняться общим решениям и нечего качать свои права. Чтобы больше таких драк, как вчера, не было.

— Иначе что? — весело улыбнулась Таис.

— Иначе отправишься искать себе собственную базу.

— Валёк, ты отвлекся, — спокойно напомнил ему Федор, — давай дальше.

— А дальше Эмма хотела сказать насчет Закона что-то, — пояснил Валёк и откинулся на спинку стула.

Эмма сделал такое лицо, будто всю жизнь только и делала, что выступала на разных базах перед глупыми детьми. По — деловому заправив волосы за уши, она сказала:

— Мы должны соблюдать заповеди Закона. Не врать, не ругаться, не воровать.

— Последний пункт очень важен, учитывая, что всю еду мы тырим со Второго Уровня. Умрем с голоду, выполняя Закон? — выкрикнула Таис.

Она сама вчера вечером высказывала похожие мысли о Законе Федору, но теперь, озвученные Эммой, они казались глупостью и каким-то ханжеством. Как можно не воровать, когда все выживают только благодаря воровству? Значит, соблюдать Закон не получиться…

Эмма не смутилась. Уверенно и терпеливо пояснила, обращаясь ко всем:

— Воровать ничего не будем. Все, что нам надо — раздобудет Лон. Эта станция и так принадлежит детям, и в программах роботов заложена необходимость заботится о нас, в программах Лонов и Донов двенадцатых. Это уже не будет воровством, это будет законным использованием ресурсов станции. Получится даже заказать одежду.

Эмма обвела всех торжествующим взглядом, но на Таис не посмотрела. Чуть подняла подбородок и продолжила:

— Закон все помнят, мы повторяли его каждый вечер, пока учились в начальных классах. Если кто-то забыл — я могу напомнить. Бонусов за выполнение Закона выдавать мы не будем, но нарушителей будем штрафовать. Оставлять без еды. За мелкое нарушение — без печенья и сахара к чаю. А за крупное — драку, например, или воровство — оставлять без еды.

— А за убийство? — спросила Таис.

— Кого ты собралась убивать? — ловко перевела стрелки Эмма.

— Почему это сразу я собралась?

— Потому что только ты задала такой глупый вопрос. Заповедей много. Не кради, не лги, не ленись, не ври. Убийство — это не шутки. Надо обладать серьезной мотивацией, чтобы лишить жизни человека.

Таис промолчала. Вспомнилось последнее нападение Диких. Ведь началось у них как раз с нарушения мелких заповедей. Сначала просто ругались и обижали соседей — отнимали вещи, пытались отнять продукты. А закончилось все страшной болезнью, от которой они потеряли и облик и разум. Надо бы еще

поискать информацию в корабельной сети про эту болезнь. Странно, что ни Федор, ни Валёк об этом не подумали.

— Все поняли, да? За нарушение Закона остаетесь без еды.

Эмме никто не возражал. Соблюдать Закон стало привычкой, которую на время оставили, но от которой до конца так и не избавились. Да и больше всего ребят радовала возможность иметь вдоволь еды. Такое трудно переоценить. Посидишь вечерами с ноющим от боли животом и научишься ценить и сухари, и молоко.

— Я все сказала. Валёк, мы можем расходиться?

— Нет, есть еще одна проблема. Большая проблема, — Валёк говорил, не вставая со стула. Смотрел на экран планшета, открывал окошки, машинально дотрагиваясь до экрана, — вчера Федор и Таис ходили к Диким, относили им еду. Дикие заболели какой-то ерундой. Они сами это сказали. Заболели все четверо. Должно быть, вирус. У них что-то с кожей, кожное заболевание, что ли. Что это такое — мы пока не знаем. И где они могли найти этот вирус, тоже не знаем. У меня есть предположение, что это могут быть микробы с мусорки. Дикие там постоянно лазили. Так что ребята, на мусорку больше ни ногой, и за мальками следите. Дверь на наши базы надо закрывать обязательно, девчонок с Овальной базы предупредить. И от Диких держаться подальше. Если вдруг встретите их где — сразу убегайте. Бегите без оглядки — это самое лучшее. А вообще пока лишний раз не болтайтесь по Уровню, сидите здесь.

— Может, этих самых "диких" надо сводить на Второй Уровень для обследования? — предложила Эмма.

— Эмма, хватит уже ерунду пороть, — Валёк поморщился, — они там всех заразят, во — первых, а во — вторых, я лично с ними связываться не хочу. Федор сказал, что они прыгают, как сумасшедшие. Болезнь вызывает какие-то изменения, и Дикие теперь очень опасны.

— И мы так и оставим их умирать? — не сдавалась Эмма.

— А что мы можем сделать?

— Раздобыть антивирусные препараты. И препараты, поднимающие иммунную защиту. Иммунные модули. Это работает и эффективно. Почему на Втором Уровне не бывает эпидемий и болезней? Потому что есть антивирусники и иммуномодуляторы. Мы можем попросить Лона раздобыть их и передадим Диким.

— Вряд ли они смогут поговорить с тобой и понять, что ты от них хочешь, — тихо заметил Федор, — они стали невменяемы.

— Но ведь кто-то из них с вами говорил? Валёк ведь сказал, что они сами сообщили, что больны. Значит, пока вменяемы.

— Только один из них, — пояснил Федор.

— Ну, вот, даже ради этого одного надо постараться. А он сможет передать лекарства остальным. Они все-таки люди, и мы должны им помочь.

Таис хмуро усмехнулась. Правильность Эммы уже начинала раздражать.

— В Законе не сказано, что мы должны помогать людям, — напомнила она.

— Мы взрослые люди, значит, мы несем ответственность за то, что происходит на станции, — снисходительно пояснила Эмма, по — прежнему не глядя в сторону Таис, — и роботы теперь ничего не будут делать за нас. Дикие — это тоже члены экипажа станции. И наш долг помочь им. Это просто и понятно. И еще надо следить за младшими детьми. За тем, чтобы они мыли руки, во время ели и во время ложились спать. И надо дать им хоть какие-то знания.

— Этим всем занимается у нас Маша, — быстро пояснил Валёк, — с этим все нормально.

— Тогда почему они вчера допоздна играли в фантики? У них должен быть хоть какой-то режим.

Маша сидела чуть в стороне. Рядом с ней, прижавшись к плечу, устроилась Кристинка. Тихая и ласковая девочка, она постоянно держалась около Маши. Они все делали вместе — замешивали тесто для блинчиков, мыли кастрюли, вытирали два стола — тот, за которым готовили, и где стояла печка, и тот, за которым ели.

Маша заменила Кристине и мальчикам робота Лона. Точно у нее были программы, в которых приоритетной задачей стояла забота о детях. Она кормила их, купала, ругала за баловство и даже занималась с ними. И все это легко и просто, без вот этого — "соблюдаем законы, мы члены одного экипажа, это наш долг". Машка была классной девчонкой, а Эмма — занудой, которая просто обожает командовать.

Ну, пусть командует, посмотрим, что из этого выйдет.

— Слышали, мальки? — добродушно спросила Маша и улыбнулась, — я же говорила, что спать надо ложиться раньше. Сегодня чтобы без фокусов, а то Эмма за вас возьмется.

Машины слова прозвучали легко и по — доброму, тут же разрядив атмосферу. Хотелось бы посмотреть на то, как Эмма возится с мальками. Стирает, например, их пайты, или учит правильно набирать тексты.

— Я попробую достать антивирусник, сегодня. Коля, поможешь мне? — Эмма повернулась к Колючему.

Тот сидел, склонившись над своим планшетом, и Таис

подозревала, что он просто — напросто играл. Для игры ведь не обязательно создавать голографию, можно и так, на экране. Эффект, конечно, не тот, но все равно можно двигаться по уровню.

— Колючий, ты слышишь?

— Да, — буркнул он, сделал еще несколько движений пальцами по экрану и поднял голову, — что я должен сделать?

— Помочь мне достать лекарства. Ты слышал, о чем мы говорили?

— Да — а-а, — басом протянул Колючий, и Таис фыркнула от смеха.

— Надо достать лекарства для Диких. Проход нужен, и, желательно, сегодня.

— А чем они заболели? — совершенно искренне удивился Колючий.

Валёк не сильно хлопнул его по затылку и коротко пояснил:

— Слушать надо. После тебе Эмма расскажет, сейчас время терять не будем. Хотите— доставайте лекарство, но ходить к Диким не советую. Это опасно. Федь, что скажешь?

— Я к ним больше не пойду. Эти придурки… — тут он запнулся, быстро глянул на Эмму и поправился, — один из них чуть не угробил меня и Таис. Так что, ребята, без нас. Люди они, или не люди, но это опасно.

— А вы уверенны, что не подцепили от них вирус? — спросила Эмма.

Таис вдруг поняла, что хочет треснуть эту зануду, и очень сильно. Так, чтобы охота болтать пропала надолго.

— Если мы опасны, то уже всех давно здесь перезаражали, Эмма, — сказала она, — так что можешь запасаться антивирусниками и на себя.

Эмма вздохнула, повернулась и уселась на свой стул. Скрипнула колесиками стула о пол, и всем своим видом показала, что дела до Таис ей нет никакого.

— Вот и хорошо, — подытожил Валёк, — осталось последнее. Поведем Эмму на Третий Уровень, или нет?

— Поведем, если пойдет, — ответил ему Федор, — надо раздобыть планшет для нее. И надо проверить коды пятнадцатого, вдруг удастся проникнуть в корабельную рубку и связаться с другими станциями. Так что, послезавтра готовим проходы.

— Тогда кто пойдет? — уточнил Валёк.

— Ты пойдешь?

— Нет. Что я там не видел? Но если надо помочь — то, наверное, помогу. Илья и Катя, вы пойдете смотреть?

Катя решительно мотнула головой и отказалась:

— Нет, я боюсь. Не хочу рисковать. Это, ведь, не обязательно?

— Вот и молодец, — похвалил ее Валёк, — это вообще не обязательно. Сиди тут, целее будешь. А Илья идет?

Илья пожал плечами, уклончиво сказал:

— Посмотрим. Если я буду нужен — то пойду.

— Ладно, договоримся. А ты, Эмма?

— Я иду, обязательно, — голос Эммы звенел от уверенности.

— Ну, наверное, пойдут Таис и Федор, как всегда. И Колючий. Значит, пять человек. Нормально, больше и не надо. Главное, чтобы вы не встретились с Дикими и пятнадцатыми. А остальное пустяки.

3.

Таис поднялась со стула, сунула руки в карманы штанов и, шаркая ногами, направилась к своей спальне. Возни с этим собранием почти на два часа, а толку на пятнадцать минут. Можно было и не собираться и не смотреть всем на то, как красуется умница Эмма.

И так ясно было, что от Диких надо держаться подальше, а проход на Третий Уровень готовить заранее.

— А что за дверь, которую мы видели в закутке вчера? — вдруг спросила Эмма.

— Какая дверь? — не понял Валёк.

Он тоже собрался в свою спальню, можно сказать, одной ногой уже стоял на лестнице.

— Когда меня выводили, мы попали в какой-то маленький коридорчик с трубой, через которую уходили со Второго Уровня. И там была закрытая дверь со знаками Моага. Куда она ведет?

— Я тебе говорил за эту дверь, Валь, — напомнил Федор, — еще моя флешка в ее замке сгорела.

— А, эта… Кто ж его знает… Может, ангары какие…

— Если это грузовые ангары, у которых есть шлюзы, то лучше бы нам туда попасть. Надо открыть эту дверь, — решительно сказала Эмма, — вы пробовали?

— Еще как, — ответил ей Федор, — я только сунул туда флешку, как она тут же загорелась. В другой раз рисковать флешкой я не намерен.

— А с помощью планшета? — не сдавалась рыжеволосая.

— Планшет не так просто раздобыть. Рисковать своим я не хочу.

— Думаешь, загорится так же, как флешка?

— Может, не загорится, но программы все полетят. Или плата.

— Флешка загорелась от перегрева, — сама себе сказала Эмма, — значит, напряжение в замке высокое. Его надо просто

снизить, отрегулировать, и все. С планшетом подступать опасно, надо придумать трансформатор с таким входом, как у флешки. И снизить напряжение. Тогда можно будет попробовать планшетом. Или еще раз флешкой.

— Хорошо рассуждаешь, — согласился Федор, — после попробуем. Как вернемся с Третьего Уровня и все успокоятся.

— Вы слышите? — вдруг закричал Вовик, — Слышите, кто-то стучит?

Ребята разом замолчали. Таис подошла к закрытой двери базы. Действительно, кто-то стучал во внешнюю дверь, громко так. Просто тарабанил изо всех сил. Небось, ногами… Кто это может быть?

— Это Дикие, — резко сказал Федор, — больше не кому. Девчонки, давайте в какую-нибудь общую спальню. И закройтесь там. Вы не представляете, на что они способны.

— Это всего лишь больные дети, — попробовала поумничать Эмма.

Маша повернулась к ней и серьезно сказал:

— Они уже давно не дети, Эмма.

Всего несколько слов, но в голосе Маши сквозили такие тревожные нотки, что Эмма не стала возражать.

— Идите к Таис в спальню. Тай, собери всех и присмотри, чтобы дверь была закрыта. Ладно? — распорядился Федор.

Таис кивнула. Это было негласным правилом, в случае опасности все слушались Федора и Таис. Просто и Федор и Таис чаще всего оказывались в сложных ситуациях и обладали опытом. Это ценилось.

— А вы что? — спросила Нитка.

Она молчала все собрание. Ей все уже было знакомо и все надоело, потому она, как и Маша, обычно отмалчивалась.

— Мы пойдем, проверим, — сказал Федор.

Колючий и Илья двинулись за ним. Валёк сначала отнес в спальню свой планшет, после тоже вышел и тщательно закрыл дверь.

Федор вернулся быстро, не успели мальки перессориться, а Эмма — прочесть им лекцию о том, что надо соблюдать Закон, как лохматая голова Федора появилась в дверном проеме.

— Эмма, Тай, пошли. Нужен ваш совет. Только вы вдвоем.

Таис поднялась с кровати, пихнула Вовика и велела:

— Не трогайте тут ничего, ясно? Маш, присмотри за ними.

Эмма уже стояла внизу. Таис заторопилась, спрыгнула с верхних лестничных перекладин и спросила:

— Кого там принесло, Федь?

— Того парня, что сказал нам о болезни Дикого. Просит,

чтобы мы впустили, и несет какую-то чушь. Хотя я ему верю, если честно. Идите, послушайте. Мы говорим через дверь, слышно плохо. Решили с вами посоветоваться.

— Не впускать и все. Что тут советоваться, — хмуро ответила Таис, — Ты забыл, что Жека вытворял?

— В том-то и дело, что Жеки больше нет. Так этот парень говорит. Крендель его зовут, кстати. Так назвался. Настоящее свое имя не помнит.

— Не удивительно, — покачала головой Таис.

Голос из-за двери звучал глухо, слова точно прорывались через вату. Заикаясь и еле ворочая языком, парень просил:

— Быстрее… впустите меня… ну впустите… Они здесь, близко, сейчас придут… Тогда будет поздно, и они сожрут меня… Впустите же…

И так без остановки, как поставленная на повтор музыка.

— Он что, с ума сошел? — спросила Таис и посмотрела на Федора.

Тот встал совсем рядом, у плеча Таис. Не глядя на нее, ответил:

— Непонятно, что с ним. Он говорит, что двое заболевших пацанов съели Жеку. Просто напали и сожрали. Того самого, что прыгал на нас. Сожрали сырым, это он так говорит. Совсем не варили — его слова. Просит впустить и говорит, что они и его сожрут. Что скажешь, Тай?

— Что говорить-то… — Таис почувствовала, как по плечам пробежал холодок, и вздрогнула, — я им верю. Федь, мы же видели этого Жеку. Он бы нас сожрал не вареными, если бы мы вовремя не убрались. Этого Дикого нельзя впускать. Слышите? Его нельзя сюда впускать! У нас тут девчонки и дети, они не смогут защититься, если что. Просто давайте уйдем и оставим его. Он найдет, где укрыться в коридорах. Он их знает получше нас с вами.

Как будто в ответ на слова Таис голос за дверью зазвучал с удвоенной силой, и страх в нем был таким пронзительным, что его почувствовали все.

— Они уже близко, тут… Впустите меня, прошу вас… пожалуйста, помогите мне… помогите мне, пожалуйста…

— Мы должны его впустить, — решительно сказала Эмма, — нельзя его оставить. Ему просто нужны лекарства, и мы их раздобудем. Скорее всего, у него бред, высокая температура и он несет ерунду. Может, это даже галлюцинации. Что вы все стоите так, будто увидели фрика из игры? Это просто мальчик, которому нужна помощь!

— Точно… — тихо проговорила Таис, — он как фрик. Как

черт из сказки. Ребята, не впускайте его, я вам говорю.

Федор оперся рукой о стену и забарабанил пальцами. Он молчал, видимо, не зная, какое принять решение.

— Какие черти? — Валёк поморщился, — Таис, у тебя тоже глюки? Вас-то с Федором мы впустили? Впустили, хотя вы тоже можете быть заразными. Почему его надо там оставлять? У нас есть кладовки, можно закрыть его в одной из них. Сейчас спрячем носы за воротниками пайт, чтобы не подцепить от него вирусов, и заведем его в кладовку. Так даже легче будет после передать через него лекарства. Не надо будет топать к ним на базу.

— Вот и правильно, — тут же согласилась Эмма, — нельзя оставлять человека в беде. Тем более, что он свой.

— Он фрик! — крикнула Таис, — Федь, скажи им!

Федор резко оторвался от стены и, глядя Вальку в глаза, сказал:

— Я против того, чтобы его впускали. Но вы как хотите. Вам принимать решение.

— Открываем дверь, — решительно распорядилась Эмма, — кто боится, пусть отойдет.

Вставили флешку в замок, и створки медленно поехали в сторону. Таис вдруг на мгновенье почувствовала, что уже где-то это видела. Конечно, во сне! Медленно отъезжающие створки двери, и темнота, хранящая свои тайны за ними.

Глава 4. Эмма: фрик

1.

Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана

Буду резать, буду бить. Выходи, тебе водить…

Слова детской считалки отозвались в голове знакомым эхом. Открыв глаза, Эмма увидела низкий потолок серого цвета, обшитый рифленым пластиком. Чужой потолок чужого мира. Повернувшись на бок, она почувствовала, как влажным комом набухло в груди отчаянье.

Только не раскисать! Не рыдать и не жалеть себя! Ситуация — хуже не куда, это верно. Но и в этой ситуации надо что-то делать, а не пускать нюни.

Эмма поднялась, поежилась от неприятного холода и выглянула в общий зал. Двери в спальни тут не запирали, чтобы хоть чуть — чуть проникало тепло от примитивного обогревателя. У стола Илья готовил утренний кофе и, весело улыбаясь двум младшим мальчикам, рассказывал им про месяц с ножиком.

У раковины управлялась с посудой младшая девочка, которую, кажется, звали Кристиной. Вода из крана лилась сильным напором, брызги долетали даже до Ильи, но тот их не замечал.

Эмма вернулась в спальню. Колька развалился на полу, на матрасе и тихо похрапывал. Подушка его отлетела в сторону, одеяло наполовину прикрывало голову, съехав с ног. Рядом лежал планшет — ночью Коля играл до тех пор, пока Эмма не возмутилась и не попросила выключить.

Первым делом надо умыться и приготовить завтрак. Молочная каша, сухари, печенье и кофе с молоком. Растворимые продукты — просто находка. Развести молоко кипятком, залить хлопья — и готово. Вернувшись с едой в спальню, Эмма села на кровать, пристроила тарелки на табуретке и заметила:

— Я могла бы сегодня утром приступить к работе на Третьем Уровне. Зарабатывала бы настоящие деньги, а не виртуальные бонусы.

Колька приоткрыл один глаз и ответил:

— А еще ты могла бы уже сгореть в лучевой печи. Пепел успел бы разлететься в космосе. Тоже перспектива.

— У меня просто в голове не умещается, что все это правда.

— Ты теперь веришь?

— Склоняюсь к мысли, что вы правы. Я еще не до конца убеждена, но если это так, если в Моаге действительно вирус и сбой программ, то все не просто. Гильдия давно бы заметила, что

со станцией что-то не так. Не выходят на связь, не общаются. Давно бы разобрались, в чем тут дело. Если Моаг не исправен, то и на Земле людей нет. Только роботы. Может, мы вообще последние люди на орбите Земли.

— Земли мы не видели, Эмма. Может, мы вообще висим в космосе, последние люди. А вокруг нас такие же станции. Так думают Федор и Валек.

— Тогда это очень плохо. Нам надо захватить управление Моагом. Во что бы то ни стало.

— Хорошая мысль. И мы так думаем.

В дверном проеме показалась лохматая голова Федора. Он посмотрел на Эмму, тепло улыбнулся и спросил:

— Как спалось?

Эмма почувствовала, как внутри разлилась светлая радость. Почему-то убрала волосы за уши и ответила:

— Хорошо. Все нормально.

Ей хотелось, чтобы Федор еще поговорил о чем-нибудь. Рассказал о себе, или поинтересовался, что Эмма знает и умеет.

— Валёк собирает нас всех в общей комнате. Хочет сделать объявления. Спускайтесь оба, и ты, Колючий, — сообщил Федор и ушел.

Радость внутри Эммы потухла. Стало скучно и досадно. Что там за собрание? Решили, наконец, ввести правило мыть руки?

Колька медленно повернулся, сел на своем матрасе и досадливо пробормотал:

— Ну, вот, еще какая-то ерунда. Ради чего собираться? Я и позавтракать не успел.

— Хочешь, принесу тебе завтрак? — вздохнув, сказала Эмма.

И как этого Колю не выгнали и отсюда? Играл допоздна, спал тоже допоздна. Похоже, что все дети на Нижнем Уровне делают то, что им захочется. Вернее, уже не дети, а взрослые…

Давно можно было разобраться, что там на самом деле со станцией. А они играют, спят и воруют. Хорошая жизнь у них, ничего не скажешь. Вырвались на свободу…

— Я сам справлюсь, — Колька рывком вскочил, сунул ноги в кроссовки, накинул на плечи одеяло и направился вниз, к столу и чайнику.

2.

На собрании говорил больше всех парень, чье имя переделали в кличку Валёк. Новые правила касательно продуктов, замечания о вчерашней драке, которые Таис встретила с презрительной улыбкой. Как будто драка была ее личной заслугой и поднимала авторитет в глазах остальных.

Валька слушали в пол уха. Колька играл, Таис шепталась с

Федором, младшие мальчики хихикали и что-то рисовали на бумажках. Илья и Катя помалкивали, сидя чуть в стороне. Катя иногда бросала на Эмму возмущенные взгляды, видимо, до сих пор злилась за так называемое предательство.

Но разве ж Эмма могла знать, как обстоят дела на самом деле?

Вдруг Эмма вспомнила, что хотела поговорить о Законе. Сейчас самое удобное время для этого. Она подошла к Вальку, села рядом и шепнула ему:

— Надо сказать, чтобы соблюдали Закон, иначе драк не избежать.

— Сама говори, — коротко ответил Валёк.

Вот уж не думала Эмма, что придется объяснять необходимость Закона. Но ее слушали, и это было главное.

После Валёк сообщил, что заболели ребята с базы Дикой. Странное название, но на Нижнем Уровне все странное. Валёк предупредил, чтобы от Диких держались подальше и не связывались с ними. И все!

Эмма удивленно глянула на него и не выдержала:

— Может, надо сводить их на Второй Уровень для обследования?

На нее посмотрели с улыбками и снисхождением. Все, даже Маша, спокойная и доброжелательная, хмыкнула и покачала головой. Что веселого в том, что кто-то заболел?

Эмма принялась убеждать, что заболевшим надо раздобыть лекарства. Потому что болезнь может случиться со всяким. И если не помогать своим товарищам, то заболеть сможет каждый, и каждый останется сам по себе, без помощи. Ведь теперь все тут взрослые люди, и должны понимать свою ответственность. Роботы ни за кого ничего делать не станут.

Эмме с большим трудом удалось выбить разрешения сходить на Второй Уровень за лекарствами. Коля, игравший все собрание, рассеяно заверил, что поможет. Ему, как и всем остальным, было наплевать на ребят с Дикой базы.

"Каждый выбирает сам для себя, и каждый отвечает за себя" — вспомнился старый детский девиз. Похоже, на Нижнем Уровне так и живут. Каждый сам за себя. Хотя Валёк только что велел всем держаться вместе.

А после события завертелись с невероятной скоростью. Стук во входную дверь услышал один из младших мальчиков — то ли Вовик, то ли Ромик. Обычный стук в дверь, но переполох поднялся такой, будто случилось нашествие инопланетян. Федор стал совсем серьезным, велел прятаться в каюте Таис и закрыть дверь. Абсолютно нелогично, потому что если пришедшие

одолеют две закрытые двери — самую первую, входную и ту, что вела на Темную базу — то хлипкая створка спальни для них не будет преградой.

Но Эмма уже не вмешивалась. Логику ребят с Нижнего она не могла понять. Да и надо ли?

После Федор вернулся и позвал Эмму и Таис, сказал, что нужен их совет. Пришлось идти за ним в длинный холодный коридор, в котором находилась дверь на Овальную и Темную базы.

У двойных створок топтались все парни, кроме мальков, разумеется. Помалкивал взъерошенный Илья, хмурился Валёк и тихо ругался Колька. Федор посмотрел Эмме в глаза и кивнул на двери, мол, слушай.

Мощные железные створки даже не дрожали, принимая на себя частые и резкие удары. Хорошая, крепкая дверь. Голос из-за нее еле доносился. Слабый голос больного человека, который умолял о помощи. Столько боли и страданий Эмма слышала впервые.

— Помогите мне… пожалуйста… помогите…

Как можно быть настолько черствыми, чтобы стоять и слушать, как человек мучается? Понятно, что этот человек странный, понятно, что он нарушает Закон, но он все-таки человек. И ему надо помочь.

— Он фрик! — бешено закричала Таис.

В светло — карих глазах ее не светилось ни грамма мысли, только страх. Иррациональный, безотчетный страх. Может, так и сходят с ума на этих базах? Несколько лет в сумраке, холоде и голоде — и вот, будешь бояться даже собственной тени.

— Они скоро будут здесь… придут и съедят нас… — донеслось из-за двери.

Похоже, парень бредил. Что-то знакомое кольнуло Эмму. Где-то она уже слышала это. "Они скоро будут здесь… они здесь…"

Ну, конечно, коридоры Нижнего Уровня, по которым она бродила прошлой ночью! Надпись на стене… Точно такие же слова! Или почти такие… Странное совпадение, но ведь это только совпадение. Парень за дверью говорит о своих заболевших товарищах. О ком было написано на стене — теперь уже не понять.

Валёк сунул флешку в дверной разъем, и створки поехали в стороны. Таис попятилась и побледнела, еле слышно произнесла:

— Чертова дверь…

На пороге стоял невысокий, худющий парень. Кожа его поражала какой-то даже не бледностью, а серостью. Рот ввалился, а глаза, наоборот, казались вытаращенными. Огромная черная

радужка заполняла почти все глазное яблоко. Парень трясся и не поднимал головы. Так и зашел, глядя из подлобья, из под спутанных, отросших волос.

— Закрывайте дверь… — проговорил он хриплым голосом, — иначе они придут сюда…

Но и без его советов Валёк знал, что делать. Дверь закрылась, тихо лязгнув. Ребята расступились, Таис и Федор вообще завернули за угол коридора.

— Иди за мной, — велел Валёк и спрятал свой нос в воротнике пайты.

Узкие кладовочки в самом конце коридора, видимо, пустовали. В одну из них поместили Кренделя — так назвал сам себя парень.

— Тут не очень удобно, но позже мы принесем тебе одеяло и матрас, — пообещал Валёк, — что с вами случилось-то?

Крендель опустился на пустующую полку одного из стеллажей у стены, передернул плечами, забубнил:

— Не знаю я, что… стали все ругаться сначала… Жека подрался с Васькой… А после Васька посерел и сдурел… И Клин тоже… как они… сначала ругался и орал, после стал прыгать… А ночью Клин и Васька поймали Жеку и съели… меня тоже хотели, но не поймали… Я ушел от них…

— Что за чушь? Как съели? — не выдержал Валек.

— Да бредить он. Может, еду ему принести, — предположила Эмма, — ты есть будешь, Крендель?

Тот затряс головой и согласился:

— Буду… есть буду… есть очень хочется…

— Сейчас принесем.

Кренделя закрыли на механическую простенькую щеколду. Для кладовок не предусматривалось сложных электронных замков.

— Притащим ему еду, а после лекарства, — распорядился Валёк, — Федь, присмотришь, чтобы его не выпускали?

— Придется, — Федор стоял чуть в отдалении, и в его глазах явно читалось неодобрение. Что ему не нравится? Парень этот, Крендель, еле держится на ногах, вот — вот свалится. Боятся его абсолютно не зачем. А вот вирус может оказаться опасным. Потому лекарства нужны прямо сейчас.

— Коль, надо делать проход, — Эмма повернулась к Коле.

Тот выглядел потрясенным, видимо, внешний вид Кренделя очень его впечатлил. Проведя рукой по коротко стриженной голове, Колька проговорил:

— Что это за ерунда у них? Как называется эта болезнь?

— Надо поискать в сети, но сначала нужен проход, — Эмма

подошла к Коле и дотронулась до его плеча, — Ты слышишь?

Коля вздрогнул, посмотрел на Валька и проговорил:

— Зря мы его впустили. Вот посмотрите ребята. Его жаль, конечно, но у нас тут мальки, девчонки. Если эта зараза расползется, нам всем будет каюк.

Последнее слово прозвучало, как приговор. Эмма вдруг вспомнила кости в пыльном коридоре. Может, тот человек умер как раз от этой болезни? Да глупости это, быть такого не может. До сих пор никто не болел на станции, значит, вируса не было. Он не мог храниться столько времени. Или мог?

— Не дрожи, Колючий, — бросил ему Валёк, — уже впустили. Эмма твоя этого захотела. Так что, вам надо, вы и делайте проход. Если надоест — можете его прогнать.

— Очень логично, — вмешался Федор, — сначала ты его впускаешь, а после говоришь, что не твое дело.

Валёк повернулся и направился к базе. Видимо, посчитал, что говорить больше не о чем.

3.

С лекарствами помог Лон, как всегда. Иммунные модули были в наличии в каждой каюте, их периодически давали детям. Благодаря этим препаратам восстанавливался и активировался иммунитет, и дети не болели. Эмма вообще не помнила, чтобы ее одолевала какая-нибудь хворь. Иногда болела голова от усиленных занятий, как-то раз в коридорах ей продуло ухо, оно заболело к вечеру. Но все это решалось быстро и легко. Ухо Лон закапал обезболивающим, дал иммуномодулятор, и к утру все прошло.

Были еще антивирусные препараты. Ими не пользовались, но про них рассказывали на уроках. Если вдруг на станцию попадет вирус — крейсеры ведь регулярно приходят, и могут завести инфекцию — антивирусные пилюли должны быть под рукой. Эти препараты действовали быстро и уничтожали все известные вирусы, и даже неизвестные. В сочетании с иммуномодуляторами они полностью сводили на нет возможность эпидемий на станции.

Колючий думал лезть за лекарствами сам, но Эмма вдруг поняла, что очень хочет увидеть Лона. Просто увидеть его, прикоснуться и еще раз убедится, что Второй благополучный Уровень все еще существует, а не канул в прошлое или еще куда-то.

Вдохнуть теплый приятный воздух, пройтись по коридорам. Пусть она уже и не имеет право жить там, но есть Лон, и он всегда будет защищать и помогать. Есть все-таки кто-то умный и сильный, кому не безразлична судьба Эммы. И неважно, что это

всего — навсего робот, и он выполняет заложенные в него программы. Наоборот, это большой плюс. В Лоне можно быть уверенной.

Все же остальное оказалось зыбким и непредсказуемым.

Эмма верно рассчитала время, когда у Сони должны были быть общественные работы. Пробралась в каюту, чувствуя себя чуть не преступницей, нарушающей Закон. Хотя в Законе ведь нет пункта о том, что взрослые не имеют право находится на Втором Уровне.

— Странные симптомы, — невозмутимо сказал Лон, хотя он и не умел удивляться, не было таких программ у него, — я не знаю болезни с такими симптомами. Изменения цвета кожи и радужки глаз… А не могли они достать какие-то химические препараты и отравится ими? Как думаешь?

— Я не знаю, Лон. Могли, но они ведь не рассказывают. А там, на Нижнем Уровне может быть что угодно.

— Очень похоже на отравление. Утечек и неисправностей на станции нет, это я точно говорю. Но что может находиться на Нижнем Уровне, я не знаю. Уровень заблокирован, информация о нем уничтожена. Или скрыта.

— Все это очень странно, Лон. Надо разобраться во всем этом, обязательно разобраться. Завтра несколько ребят хотят попасть на Третий Уровень и попробовать с помощью кода пятнадцатого забраться в те отсеки, куда раньше у них не было доступа. Может, найдем мы нужную информацию.

— Попробуйте. Но будьте осторожны. Хотите, я поднимусь с вами на Третий Уровень?

— Нет, Лон, тебе не надо светиться. Ты нам тут нужнее. К тебе теперь никого больше не подселят, Коля забрался в файлы Моага и убрал нашу каюту из списка свободных.

— Только Соня у меня будет?

— Только Соня. Береги ее, ладно?

— Само собой, — присвистнул Лон.

Эмма посмотрела в его блестящие, спокойные глаза и первый раз в жизни пожалела, что Лон не человек. Захотелось вдруг обнять его и прижаться щекой к гладкому корпусу. Но что она почувствует? Холод металла?

Когда Эмма работала с малышами, она заметила, что те очень быстро успокаивались, если прижать их к себе, так, чтобы голова оказывалась на уровне груди. Прижать, погладить по спине и прошептать ласковые слова.

Наверное, когда Эмма была совсем крохой, кто-то тоже носил ее на руках, прижимал к себе и произносил добрые слова. И, наверное, это был не робот. Вот если бы встретить этого человека

на Третьем Уровне…

Вот если бы на Третьем Уровне все было в порядке…

— Мне пора, Лон, — Эмма грустно улыбнулась и поднялась.

Две пластиковые баночки с таблетками лежали в кармане пайты, напоминая, что внизу ждет больной человек, которому эти лекарства очень нужны.

— Будь осторожна, Эмма, — попросил Лон.

— Хорошо.

4.

Блок с каютами огибал Зеленую Магистраль правильным кругом. Каюты находились на втором этаже, на первом — магазины, игровые комнаты и многочисленные туннели, выводившие на Оранжевую Магистраль.

Эмме удалось благополучно миновать туннель, не встретив никого из знакомых — почти все сейчас находились на общественных работах — в садиках, в пекарнях, в парикмахерских. Вид общественной деятельности каждый выбирал для себя сам. Потому, когда на выходе из туннеля Эмма столкнулась с невысокой черноволосой девочкой, которую звали Зоя, и с которой дружила Соня, то просто растерялась.

— Ого, Эмма! Ты откуда? — Зоя остановилась и радостно заулыбалась.

Влипла, ничего не скажешь. И откуда она? От верблюда… Эмма теперь вместе с "детьми подземелья" лазит по пылюке и грязи…

— Привет! — надо улыбнуться как можно спокойнее, — Я с Третьего Уровня. У меня новая работа, я психолог на станции. Вот, получила задание здесь, на Втором Уровне. Так что, я тут буду иногда появляться.

— А люди… — Зоя вдруг запнулась, смущенно потерла мочку уха и закончила, — люди есть на Третьем Уровне?

— Конечно! А где же им быть? Взрослые люди есть.

— Фух! А то Мишка нам рассказывал, что на Третьем Уровне живет только сумасшедший робот…

— Не слушай ты глупостей. Учись и веди себя хорошо. Ну, пока, мне некогда.

Эмма торопливо пронеслась мимо Зои, пересекла Оранжевую Магистраль и нырнула в нужный коридор.

Интересно, откуда эти байки про сумасшедших роботов? Наверняка от "детей подземелья". Их встречали часто тут на Втором Уровне, и они рассказывали, что взрослых на станции нет. Вот как Эмме рассказывала Таис.

Но это ложь. Взрослые есть на Моаге. Просто они не на Третьем, а на Нижнем Уровне, и Эмма не соврала Зои. "Дети

подземелья" и есть взрослые.

5.

Колька ждал ее у лаза в вентиляционную шахту. Нетерпеливо топтался на месте и тихо ругался под нос.

— Что так долго? — напустился он на Эмму.

— После расскажу, — Эмма забралась в шахту ногами вперед и, чувствуя неприветливый холод металла даже сквозь одежду, предупредила, — смотри, не врежь мне ногами в лицо.

— Не бойся, все будет нормуль… — донеслось до нее.

Да, похоже все действительно получилось нормально. Так называемая охота прошла удачно, и нужные лекарства — вот они, в кармане пайты. Колька тоже, по — видимому, был доволен. Он лез следом за Эммой и подкидывал свои дурацкие шуточки. Едва оказались на мрачном Нижнем Уровне, как он заулыбался и предположил:

— Представляешь, сейчас приходим на базу, а Крендель сожрал всех. И вся еда теперь будет наша.

— Это не смешно, — Эмма пихнула Колю в бок и повернулась, чтобы идти на базу.

Коля вдруг положил ладонь ей на плечо, а после легко провел по распущенным и спутанным прядям волос.

— Классная ты, Эмма, — тихо сказал он, и в глазах его промелькнула непонятная радость, — я буду помогать тебе всегда. Вот, как Федор помогает Таис.

Имя "Федор" вызвало странную грусть и разочарование. Федор помогает Таис…

Эмма дернула плечом, резко повернулась и быстрым шагом пошла прочь, закусив губу. Очень хотелось сказать какую-нибудь резкость, но она держалась из-за всех сил. Закон надо выполнять, во что бы то ни стало. "Не обижай" — гласит пятая заповедь. Она не обидит Колю, ведь он, можно сказать, спас ей жизнь. Но как все-таки хочется сказать какую-нибудь гадость…

— Как успехи? — встретила их Маша.

Около нее, за столом сидели трое младших детей — мальков, как их тут называли — и обедали. Или ужинали? Со всей этой нервотрепкой Эмма забыла пообедать. Правда, она перекусила немного у Лона, но совсем чуть — чуть.

— Все хорошо, — коротко ответила она, — лекарства у нас. Как там Крендель?

— Не знаю, — пожала плечом Маша, — Илья носил ему обед. Есть он горазд, это точно. Слопал порцию и попросил еще. Хороший аппетит.

— Пойду, отнесу ему лекарства, — сказала Эмма.

— Подожди, пусть с тобой пойдет еще кто-нибудь. Одна не

ходи.

Эмма кивнула и поднялась в спальню Таис и Федора. Надо сказать, что есть лекарства.

— Вот и отлично, — Федор прервал игру, поднялся.

— Ты куда? — спросила Таис.

— Пойду с Эммой, надо передать этому Кренделю пилюли.

— Корми еще урода этого…

— Я скоро.

Таис догнала их уже у самой кладовки. Вынырнула из-за поворота, прогрохотала кроссовками по полу и отрывисто выдохнула:

— Я с вами…

Федор обернулся. Он молчал всю дорогу, но увидев свою подругу, кивнул и спросил:

— Не боишься, что фрик приснится ночью?

— Боюсь. Эмм, тебе не снятся кошмары?

В голосе Таис слышалась явная издевка. Насмехается, что ли? Эмма коротко глянула на Федора, но тот был серьезен и невозмутим. Лучше не отвечать, чтобы не ввязываться в перепалку. Не до ссор сейчас, хватит уже.

Повернув щеколду кладовки, Эмма замерла, испуганно уставившись на Кренделя. Парень сидел на корточках, упираясь руками в пол. Сощуренные глаза его совсем стали черными, страшными, рот осклабился в подобии улыбки, подбородок выдвинулся вперед. Издав низкое, грудное рычание, Крендель прыгнул на Эмму.

Удар в грудь опрокинул навзничь. Темные глаза Кренделя оказались совсем близко, он дыхнул прямо в лицо Эмме и рванул за горло пальцами. Ногти у него оказались длинными и острыми. Ужас цепко свел скулы, и крик утонул где-то в груди. Но в тот же момент Крендель отлетел в сторону, и руки Федора подхватили Эмму и приподняли.

— Цела? — выдохнул Федор.

— Федор! — закричала Таис.

Крендель прыгнул, точно мячик — попрыгунчик. Резким движением он сбил с ног Федора и отшвырнул к стене. Эмма все еще сидела на полу, опираясь руками, и потому, увидев над собой темные глаза без белков, поняла, что это смерть. "Они здесь…" — пронеслось в голове.

Крендель зарычал, обнажив зубы, и набросился вновь. Руки его сомкнулись на горле, Эмма захрипела, заваливаясь на спину. Вдруг хватка парня ослабла, он дернулся, отпрыгнул, высоко взвизгнув. Присел на корточки, и тут Эмма увидела, как Таис сделала длинный выпад и всадила в грудь Кренделя нож по

самую рукоять.

Крендель вздрогнул и рухнул на пол. Голова его странно повернулась, и веки без ресниц опустились на темные глаза.

— Зараза такая… — проговорила Таис и кинулась к Федору, — Федь, ты как? Слышишь?

Эмма закашлялась, провела ладонью по горлу и увидела на пальцах следы крови. Сон ей снится, страшный сон… В котором дети сходят с ума. И уже не свихнувшихся роботов надо боятся, а детей… Или бывших детей…

— Где Крендель? — глухо спросил Федор, приподнимаясь.

Падая, он ударился головой о стену, и видимо, отключился. Проведя рукой по затылку, он поморщился и спросил, глядя на Эмму:

— Ты как?

Эмма лишь кивнула в ответ.

— А Крендель? — снова спросил Федор и посмотрел на распростертое тело и растекающуюся лужу густой темной крови.

— Крендель умер, — твердо сказала Таис и, опустившись рядом с Федором, положила ножик на пол. Тот самый ножик, которым на базе резали хлеб…

— Ты спасла мне жизнь… — язык, наконец-то, начала поворачиваться, хотя мысли метались в голове, точно бабочки. Слишком быстро, чтобы ухватить и рассмотреть.

— Ну и что? — Таис глянула на Эмму, и впервые в ее взгляде не было злости или ехидства, — Здесь у нас свои Законы. Мы защищаем друг друга, так принято.

— Молодец, Тай, — сказал Федор и встал на ноги, — Эта тварь убила бы Эмму, а после нас с тобой.

— Теперь я его убила. Нарушила Закон…

— На фриков Законы не распространяются…

— Или надо придумывать новые Законы. Что полагается тому, кто покушается на человеческую жизнь? Штраф в виде снятых бонусов?

— Эммку он поцарапал зверски, — Федор наклонился, осмотрел шею, лицо Эммы. Серые глаза его оказались совсем рядом, и Эмма смогла разглядеть зеленоватые лучики, идущие от зрачков.

Она почему-то смутилась, невпопад ответила:

— Вроде да…

— Шея у тебя расцарапана. Пошли, надо смазать мазью. Не бойся, я вымою руки.

— А этот… Крендель… что с ним делать?

— Сжечь в печи, — тут же отозвалась Таис, — упаковать в мусорную тару и оттащить в печь. После надо отдраить тут полы.

— Надо отмывать чем-то специальным, дезинфицирующим. Это же зараза… — заметил Федор.

6.

— Зачем вы его убили? — не понял Валёк, — Напал на вас? Ну, и что? Вас же трое было. Надо было скрутить его, связать, сунуть лекарства. Ничего себе, вы запросто взяли и убили человека! Кто это сделал? Кто всадил в него нож?

— Неважно, — ответил ему Федор.

Таис хмыкнула, вздернула подбородок и громко заявила:

— Это я его убила. Вот так. Взяла и убила человека, представляешь, Валёк?

— Я догадывался, что это ты. Мы должны принять меры и наказать Таис. Так просто спускать это нельзя. Эмма, что скажешь?

Шея уже не болела, после того, как Федор осторожно смазал царапины мазью. Сказал, что синяки пройдут за пару часов, а царапины затянутся только к утру, и придется немного потерпеть. Теперь Эмма стояла в общем коридоре, и говорить ей абсолютно не хотелось.

Она зачем-то закрыла горло рукой и хриплым голосом произнесла:

— Таис спасла мне жизнь. Если бы не она, Крендель задушил бы меня…

— Вот именно, — вмешался Федор, — посмотрите на ее шею. Точно так же на меня и Таис напал их Жека. Они становятся опасными от этой болезни.

— Не обязательно было убивать, Федор! — Валёк повернулся к нему, в голосе его зазвенело напряжение, — Можно было просто связать и закрыть!

— Я бы посмотрел на тебя, что бы делал ты. Я же говорил — он стал очень сильным. И у него появились нечеловеческие способности. Прыгучесть и сила. Он рычал и драл ногтями Эмку! Как по мне, так лучше пусть умрет Крендель, чем Эмма!

— Ну, хорошо, — согласился Валёк, — а убирать кто все это будет? Нагадили на нашей территории, кто будет заразу эту отдраивать?

— Я уберу. И Таис тоже, — не дрогнув, пообещал Федор, — гадость, согласен. Что-нибудь придумаем.

— Двух Диких больше нет, — тихо проговорила Маша, — Что-то нехорошее началось, ребята. Я помогу с уборкой, я верю Федору. Надо вымыть все в перчатках. У меня есть специальное средство, антибактериальное. Убивает все микробы и все вирусы. Вымоем им.

— Валёк, что будем делать, если зараза начнет

расползаться? — спросил Коля, — Зря мы его впустили. Тайка была права.

— Мы не знали, что так будет, — отрезал Валёк, — убирайте, как хотите. И больше никого не пускаем. Федора бы с Таис изолировать надо, вдруг они заразны.

— Все тут уже заразны, — буркнул Илья, — я тоже носил ему еду. Ходил один, между прочим. Если бы он кинулся на меня, то убил бы точно. А после заявился бы в эту комнату. Могло бы все закончиться гораздо хуже.

Эмма не стала слушать дальше. Поднялась в свою спальню, легла на кровать. Но тут же встала, схватила полотенце и торопливо направилась в душ. Смыть с себя все следы от прикосновения Дикого, чтобы не осталось ничего.

Ей не скоро удастся забыть страшные глаза без белков, и узкие губы, растянутые в оскале. Прыжки, рычание… Крендель превратился в зверя. Дикого хищника, который убивает. Что это за инфекция? Помешательство от долгого пребывания в космосе? Или Дикие действительно надышались какими-то химикатами? Может, тут где-то есть склад химических препаратов, которые используют на производстве? А они нашли их и отравились?

Эмма все стояла и стояла под струями теплой воды, пока в дверь не постучали и не напомнили о том, что воды горячей мало. Надо выходить, надо дать возможность ребятам убрать в кладовке.

Мазь Федор оставил в комнате Эммы. Белая круглая банка стояла на полке, поблескивая этикеткой. Расчесав волосы, Эмма села на кровать и снова смазала ранки на шее. После легла и завернулась в любимое одеяло. Хотелось закрыть глаза и не думать. Ни о чем.

Как ей уже надоел этот Нижний Уровень и его проблемы. Почему-то она не удивляется тому, что Дикие заболели. Тот образ жизни, который они вели, неизбежно вел к беде. А что делать, если проблема коснется и Темной базы?

7.

Вечером пили чай все вместе, в общей комнате. Смерть Кренделя потрясла каждого, и тревога висела над столами, обогревателем и казалась почти осязаемой. Говорили немного. Планировали завтрашнюю вылазку наверх, обсуждали коды пятнадцатых. Погибшего Дикого почти не вспоминали. Да и не хотелось.

О смерти Эмма раньше не думала. Это казалось таким далеким, неправдоподобным, что временами представлялось, что смерть не существует вовсе. Сегодня пришлось столкнуться с ней лицом к лицу. Смерть буквально заглянула в глаза, и холод ее

взгляда поселился в душе надолго.

— Таис, откуда у тебя оказался ножик? — тихо спросила Эмма.

Нет, это не было дружбой, скорее перемирием. Она обязана Таис жизнью, и она это не забудет.

— Я уже видела, как нападают эти фрики, потому вооружилась, на всякий случай. И пошла с вами именно потому. Подумала, что если нападет, вам будет сложно.

Эмма кивнула и ничего не ответила. В общем зале было уютно и тепло. Неизменные языки искусственного пламени танцевали предсказуемый танец, пахло кофе и молоком. Мальки хрустели сухарями, Маша и Нитка о чем-то тихо переговаривались. Только Валёк сидел в своей спальне и, видимо, играл.

Федор, как всегда, находился рядом с Таис. Эмма пристроилась недалеко от этих двоих, и, хотя говорила себе, что это потому, что теперь у них есть общая история, все равно понимала — на самом деле ей хочется быть около Федора.

Ей нравились глаза Федора, его редкая щетина и его манера поднимать одну бровь и смотреть со смесью недоверия и добродушной насмешки. Нравились его светло — русые волосы и длинная челка, которую он то и дело убирал со лба. Ей нравился Федор — по — другому свое состояние Эмма не могла назвать.

Но вот почему он ей нравится? Этого Эмма не понимала.

Глава 5. Таис: биение сердца

1.

Упакованный в пластиковые вакуумные контейнеры, мусор, предназначенный для лучевой печи, медленно двигался по конвейеру. У самого устья стоял нестерпимый жар, и пахло странно и неприятно. Хотя на мусорке вообще пахло гадостно, но тут сжигаемый лазером мусор оставлял после себя особую вонь, вонь сгоревшей пластиковой упаковки, пластмассовых деталей, резиновых подошв от старой обуви.

Вчера сюда же положили пакет с останками Кренделя. И Таис стояла и смотрела, как лента медленно продвигалась к устью, как после чувствительные щупальца робота подхватили то, что осталось от Дикого, и зашвырнули в пылающую белым светом печь.

Ей до сих пор чудился запах сжигаемой человеческой плоти, и от этих воспоминаний к горлу подкатывала тошнота. Она всегда подозревала, что сможет убить. Вот так просто — взмах ножом, удар. Горячая ненависть и еле ощутимая радость победы. Жаль ей Кренделя? Нет. Совсем не жаль. Она и Федор остались живы. Эмма тоже. Конечно, Эмма ее раздражает и злит, но ее можно считать своей. Она теперь одна из "детей подземелья", вернее, "взрослых подземелья". Она ведь постоянно напоминает, что все выросли и стали взрослыми.

Так странно, оказывается, взрослые на станции все-таки есть, несмотря на все старания Моага. И эти взрослые — Федор, Таис, Валёк. Колючий и Эмма. Нитка и Маша. И девчонки с Овальной базы. Дикие не в счет. Их, судя по всему, скоро совсем не останется. И можно не паниковать насчет их вируса. Сами друг друга поубивают.

— Таис, ты меня слышишь? — голос Федора еле пробивался сквозь грохот машин и шум конвейерной ленты.

Таис вздрогнула, обернулась.

— Держи, — Федор протянул длинный железный стержень, — это деталь от робота. Небось, от того самого пятнадцатого, что мы вырубили. Пригодится.

Прошлый раз свое вооружение — трубки и палки — оставили на Третьем Уровне, когда скрывались в лифте. Потому теперь снова искали подходящие детали. Федор и Эмме подобрал трубку, тонкую и блестящую. Та рассеяно покрутила ее в руках, что-то говорила — но слова утонули в шуме. Без разницы, что она там рассказывает. Совсем скоро Эмма окончательно убедится в большом Моаговском обмане и, очень может быть, что ей

захочется хорошенько треснуть какого-нибудь робота. Таис до сих пор временами припадает охота крушить и ломать все на этом уродском, придурошном корабле.

Двинулись к лестнице. Первым уверенно топал Колючий, за ним Федор и Илья. Таис держалась около Эммы, так было оговорено заранее. Мальчишки идут впереди, Таис присматривает за Эммой, чтобы та не отстала, не потерялась и вообще, чтобы ничего не случилось.

Громыхнул железный люк, выводивший на Третий Уровень. Пролезли по очереди, сначала парни, после Таис. Эмма поднялась последней, удивленно оглядела совершенно темное помещение и спросила:

— Это и есть Третий Уровень?

— Тихо, — тут же предупредил Колючий, — не шуми. Это маленький коридорчик, отсюда ведет небольшая дверь, а за ней уже будет и Уровень. Но мы наверху.

— Сейчас попробуем код пятнадцатого, я кинул его на флешку Колючего, — пояснил Федор, — вдруг дверь откроется сразу.

Эмма больше ничего не спрашивала. Илья толкнул дверку люка, и та зло стукнула, захлопнув единственный источник света.

— Молодец… — буркнул Колючий, — вам же сказали, не шумите…

Федор зажег фонарик, направил луч на замковый разъем двери. Вставил флешку. Дальше код сработал автоматически, и дверь поехала в сторону.

— Есть, сработало, — обрадовался Колючий, — код пятнадцатого откроет нам немало дверей…

— Будьте внимательны, — предупредил Федор, обернувшись, — девчонки, откройте люк на всякий случай. Если придется драпать…

Таис взялась за холодную скобу крышки, но Колючий уже вылез в открывшийся дверной проем и сообщил:

— Все нормально. Идем. Не копайтесь, девчонки. Времени мало.

План охоты обсудили еще вчера. В первую очередь Федор пробует достать планшеты и флешки. Флешка Федора сгорела, да и для Эммы неплохо было бы иметь свою, чтобы проходить на базу. Если получиться, хорошо бы раздобыть вещей — полотенец, пижам, носков. Даже трусов — трусы тоже нужны. Хотя для Эммы трусы, судя по всему, раздобыл Лон. А вот у Таис нижнее белье совсем истрепалось.

Хорошо бы найти красивые трусики, с кружевами. А не мальчуковые, как в прошлом году. Их Таис до сих пор носила. Это

злило ужасно, но что поделать? Не шить же трусы самой, как это делает Нитка…

— Тай, ты что копаешься? — осторожно позвал Федор. Таис перешагнула порог, оглянулась. Светло и тепло, как всегда. Белые стены, серые дорожки на полу. Чисто до стерильности и тепло до звона. Они вышли у внутреннего круга, в котором по идее находилась капитанская рубка. Белый коридор вел к внешнему кругу, дальше разветвлялся. С одной стороны становился широким, для того, чтобы могли пройти роботы — погрузчики. Там, справа находились ангары для крейсеров, шлюзовые камеры. Еще дальше производственные помещения, где Таис не была ни разу. Там было опасно. Сегодня приходят крейсеры, и пятнадцатые заняты на погрузках.

— Сюда, — позвал Федор, и все двинулись за ним.

Он чаще всех бывал на Третьем Уровне и неплохо разбирался в здешних коридорах. Поворот, еще один полукруглый коридорчик и двери, которые Федор легко открыл, благодаря флешке с кодом пятнадцатого.

— Склад постельного белья, — протянул Колючий, оглядывая стеллажи, — нам ведь нужны простыни?

— Да всем нужны. Берем парочку простыней и полотенец. И еще салфеток, тут паки с бумажными салфетками. Пригодится все. Девчонки, давайте ваши рюкзаки.

Таис не возражала. Много не брали, потому что надеялись открыть еще склады. Так и вышло, чуть дальше нашелся склад с носками, трусами, колготками, майками и тапочками. От крохотных пинеток до больших, мягких, выполненных в виде различных животных. Колючий, дурачась, натянул на ноги тапки с мордами медведей и, выставив ногу в сторону Эммы, угрожающе зарычал.

— Надо взять тапки для младших детей, — сказала Эмма, не обращая внимания на выходку Кольки, — им понравятся животные на тапках. Для девочки сойдут вот эти зайцы, для мальчишек дракончики и мишки. Я сложу себе в рюкзак.

Федор обернулся — он рыскал на одной из полок, видимо, искал что-то для себя — посмотрел на Эмму внимательно и немного удивленно, согласился:

— Молодец, хорошие мысли. Надо младшим взять тапок, теплых носков и трусов. Я о них как-то не подумал.

Эмма прямо засветилась вся. Улыбнулась, взмахнула длиннющими ресницами и принялась укладывать в рюкзак то, что подобрала для мальков. Теперь опять будет делать вид самой умной и догадливой. Да ладно, пусть делает… Может, ей так легче примириться с действительностью. Федор ведь говорил что-

то о том, что надо постараться понять человека. Вот, похоже, у Таис это получается, и она уже почти понимает Эмму…

— Давайте быстрее, — поторопил Федор, — если погрузка закончится, то мы застрянем тут, и придет нам хана…

Теперь для них открывались двери всех складов. Нашли и такой, в котором лежали планшеты и флешки. Колючий даже присвистнул:

— Вот это богатство! Я возьму два… нет, три планшета…

— Зачем? — усмехнулся Федор, — у тебя есть свой. Для Эммы, Ильи и Кати?

— Да, для них же тоже надо… Значит, пять, тогда… Два себе, три для них. Хочу сделать общую голограмму от трех планшетов. Представляешь, как классно играть на таком экране?

— Да, это мысль, — тут же согласился Федор, — надо и себе взять, что ли…

— Слышите, игроки? Я поиграю вам сейчас… Берем то, что надо и валим отсюда. Наверняка щас выберемся и наткнемся на пятнадцатого, — Таис покачала головой и выглянула в коридор.

— Спокойно там? — спросил Федор, рассовывая флешки по карманам.

— Нормально. Пошли.

Почти у самого внутреннего круга нашли огромный склад с сухой едой — печеньем, вафлями в упаковке. Пакетиками кофе, сахара, сухой вермишели и сухого бульона.

— И это надо взять. Запихиваем по рюкзакам, кому сколько влезет, — велел Федор.

Засовывая хрустящие пакетики с кофе в карманы брюк, Таис улыбнулась. Столько всего удалось найти в эту вылазку — просто супер! Прошлые разы им везло только если случайно оказывалась открытой какая-нибудь кладовка. Или парни с помощью планшета взламывали замок, а это занимало много времени, и удавалось открыть всего одну или две кладовки. Потому не всегда находили то, что нужно.

Продукты лежали в огромных паках, еще не раскрытые. Видимо, их совсем недавно получили. И, видимо, дальше полно таких складов с молоком, консервами, крупами и мукой.

— Теперь будем знать, где брать еду, — довольным голосом сказал Колючий и дернул замки молний на своем рюкзаке.

— Лучше всего добывать еду с помощью Эмминого Лоньки, — вмешался Илья, — безопаснее и больше получается.

— Тоже верно, но мало ли что с Лоном может случиться. А тут еда всегда есть.

— Угу, — кивнула Таис, — и пятнадцатые тоже есть. Пошли дальше, времени мало у нас. Видишь, Эмма, пока нам не

встретился ни один взрослый. Ни один! Смотри, пока мы здесь, ищи. Как найдешь — сразу свистнешь.

Эмма ничего не ответила. Закинула рюкзак за спину и вышла коридор. Остальные последовали за ней. Где-то справа слышался легкий шум роботов — погрзучиков — характерный стрекот колес. И все, больше ни звука. Тишина. Ребята тоже старались двигаться осторожно и не шуметь. Даже переговаривались шепотом и короткими фразами. Добрались до гладкой стены с дверями, огибающей внутренний круг. Двери тут были более широкими и одинарными. Мощные створки, опускающиеся вниз, чуть поблескивали. Их покрывало белое напыление пластика, и в углу каждой двери выпуклыми линиями пролегал знак — два треугольника, соединенных перемычкой. Знак "Млечного пути".

— Вот сюда нам и надо попасть. Видите, тут нет звезд Моага, — чуть громче сказал Федор и зачем-то провел пальцами по треугольнику, — вставляю флешку. Надеюсь, что все у нас выйдет.

Флешка легко вошла в разъем, и двери уехали вниз. Слегка щелкнули, словно приглашая войти. Таис замерла, чувствуя, как бешено заколотилось сердце. Дверь открылась! Вот он, проход к корабельной рубке! Может, им даже удастся взять управление кораблем в свои руки!

Зашли медленно и с оглядкой. Самой последней переступила порог Эмма, и дверь с легким шумом поднялась и закрыла проход. Федор оглянулся и сказал:

— Разъем с этой стороны есть. Было бы ужасно застрять тут и не выбраться. Нашли бы после только наши скелеты.

Эмма заметно вздрогнула от его слов, но промолчала. Таис лишь хмыкнула. Вряд ли они бы умерли тут от голода, выходы с разъемом в этих помещениях наверняка есть. И, небось, открывается просто. Это внешние входы тщательно прописывают, а выходы можно и проще делать.

— Смотрите, — вдруг сказал Илья.

На правой стене чуть поблескивала желтым голограмма с надписью "Детский блок".

— Что за детский блок? — удивилась Эмма.

Слева послышались четкие щелчки. Таис пихнула Федора и рванулась вперед со словами:

— Это пятнадцатый!

Остальные заторопились следом. Шаги приближались, и ребята еле успели спрятаться за широкими двойными дверьми. Помещение, в котором они оказались, тонуло в сумраке. Резкий контраст по сравнению с белыми, залитыми ярким светом коридорами. Узкий проход выводил под арку, в большой зал.

Таис медленно ступая, зашла туда и остановилась, пораженная.

Полутемную комнату занимали непрозрачные, похожие на цилиндры, кувезы. К кувезам вели трубки и тоненькие проводочки, и у каждого кувеза находился голографический экран. Таис приблизилась к одному экрану и прошептала:

— Нифига себе…

На экране был ребенок. Крохотный, совсем крохотный. Голова смешная, большеглазая. Кулачки сжаты, ножки — точно соломинки. Но и на ступнях, и на ручках у малыша были самые настоящие пальчики. Ребенок двигался, медленно и смешно. Выпрямлял ножки, прижимал ручки. Жидкость, в которой он плавал, обволакивала его прозрачным компотом. Ну, правильно, Таис же вроде бы учила, что дети растут в специальных водах… Кувезы с жидкостью являлись питательной средой для малышей, а экраны нужны, видимо, для наблюдения.

— Это что, дети? — громко и глупо спросил Колючий.

На него тут же зашикали, Федор обозвал болваном и велел не орать.

— Это дети, — потрясенно проговорила Таис.

Вот где, значит, выращивают детей на Моаге. Они попали в святое святых, в детский блок.

— Это технология называется "живая плоть", — сказал вдруг Эмма, — по ней еще протезы делают. Выращивают клетки для искусственного органа матки, после помещают в кувезы с раствором и обеспечивают поступление витаминов и необходимых минералов. После в эту искусственную матку помещают оплодотворенные клетки человека.

— Откуда ты знаешь? — спросил Колючий.

— Читала статьи. Искала в библиотеке Моага, в сетевой.

Таис повернулась, глянула на Эмму. Как всегда, все она знает. Голову подняла, глаза серьезные, пряди волос за ушами. Вылитая профессорша. А сама еще из детского возраста не выросла. Нацепила украшений, будто не на охоту собиралась, а на танцы. К чему было вешать на шею цепочку с божией коровкой? Детский сад какой-то…

— По этой технологии еще хотели запустить производство роботов, но Международный Сенат наложил вето на эти разработки. Роботы должны отличаться от людей, по закону… — добавил информации Федор, разглядывая голограммы и значки программ на нижней панели.

— И правильно, а то поди, разбери, где робот, а где человек, — тут же согласился Илья.

— Да, это привело бы к путанице. Да и затраты слишком большие. На это просто не стали выделать денег.

— Много тут кувезов, но они не все заняты, — сказала Таис, — а давайте посчитаем, сколько детей будет уже через…

— Через полгода, — подсказала Эмма, — надо девять месяцев для того, чтобы клетки стали человеческим детенышем. А этим гораздо больше, чем три месяца. Некоторые станут взрослыми уже месяцев через три — четыре.

— В этом году уже привозили новых детей на Второй Уровень? — спросил Колючий, проходя между кувезами и рассматривая голограммы.

— На нашу половину Уровня — да, — ответила ему Эмма, — а на другую половину еще нет. Видимо, позже привезут. Иногда так бывает, иногда не всех детей сразу привозят. Хотя, я всегда думала, что сколько выпустили пятнадцатилетних, столько и привезли.

— Здесь четыре кувеза с подросшими детьми. Значит, еще четверых детей доставят на Второй Уровень. В наш выпуск было девять человек, — пояснил Федор, — а спаслись только четверо, я, Нитка, Рита из Овальной и еще один парень, который сейчас у диких. Остальные погибли. Следующие выпуски были поменьше, но выводить удавалось не всех.

— Неужели и этим малышам жить придется не больше пятнадцати лет? — спросила Таис, но ответа на вопрос не ждала. Ответа ведь и не могло быть.

— Видимо, Моаг сам контролирует состояние малышей, — задумчиво произнесла Эмма, обходя кувезы и вглядываясь в экраны, — здесь самый лучший материал, самые здоровые оплодотворенные клетки. Будущее человечества.

— Но кто-то же за этими кувезами присматривает? Робот-то здесь есть? — спросил Илья, тоже разглядывая детей на экранах.

— Наверняка. Потому заткнитесь и не болтайте, — тихо велел Федор.

— А что это за звуки? — спросила вдруг Таис, — Слышите? Подойдите поближе к этим штукам. Ритмичные, точно толки. Ты слышишь, Федь?

— Кажется, да, — ответил Федор.

— Это имитация сердечного стука. Раньше детей вынашивали женщины в себе, внутри своего тела. Ну, давно еще, до Эпохи Последствий. Представляете, как было неудобно… И ребенок все девять месяцев слышал материнское сердцебиение. Ну, и то, как пища переваривается в желудке, как проходят пищевые массы по кишечнику…

— Мама перданула, ребенок услышал, — фыркнул Колючий.

— Тебе же сказали — тихо, — поморщился Федор.

— Это положительно влияет на эмбрион, потому, видимо,

здесь тоже сделали имитацию звуков внутри человеческого тела. А сердцебиение — это то, что ребенок слышал постоянно.

— Моаг обманывает бедных детей с самого начала существования, — хмыкнула Таис, — детишки думают, что это сердце матери, а это всего лишь запись звуков. После детишки думают, что кому-то нужны на Третьем Уровне, а окажется, что никому. Абсолютно никому. Вранье кругом.

Она приблизилась к одному из голограммных экранов и шепотом добавила:

— Тебя обманывают, малыш. Мамы нет рядом, никого нет. Только пятнадцатые, которые тебя рано или поздно убьют.

Ребенок на экране внезапно повернулся, взмахнул ручками и слабо дернул головой.

— Ты слышишь меня? — спросила Таис.

Она знала, что не слышит. Через стенки кувеза вряд ли пройдут звуки голоса. Но хотелось думать, что слышит. Хотелось донести до этого малыша, что он не один, что не только роботы рядом.

— Надо что-то сделать для этих детей, — Таис обернулась к Федору.

— Что мы сделаем? — буркнул Колючий недовольным голосом. Видать, ему не понравилось, что Федор его отругал.

— Надо разобраться с Моагом. Чтобы он, хотя бы, прекратил производить новых детей.

— Да пусть производит. Чем нас больше, тем лучше. Надо вывести еще хотя бы десяток да напасть на пятнадцатых на Третьем Уровне. Мы теперь знаем, как их отключить. У нас все выйдет, — уверенно произнес Колючий.

— Восстание против машин, — уточнила Эмма.

— Тихо вы, — велел вдруг Федор, — кто-то идет.

Скрыться не успели. С противоположной стороны через еще одну арку прошел Дон-12, остановился и без всякого выражения спросил:

— Кто вы такие и что тут делаете?

— Валим отсюда! — рванулся Колючий и нырнул под ту арку, через которую они прошли.

— Мы — дети со Второго Уровня, — вдруг заговорила Эмма, — мы хотели найти взрослых людей и поговорить. Тут есть взрослые? Ты должен отвести нас к ним.

Дон-12, оглядев всех детей, сказал так, словно не слышал слов Эммы:

— Вас не должно здесь быть. Я вызываю Дон — пятнадцать. Вы в их компетенции, они знают, что с вами делать.

Эмма открыла, было, рот, но Федор дернул ее и потащил в

проход. Таис рванулась следом, последним выскочил Илья.

— Тут через минуту будет пятнадцатый, валим. Мы все нашли, что надо, — бросил Федор на ходу.

Колючий уже топтался у той двери, через которую они попали во внутренние помещения. Сработала флешка в разъеме, и дверь открылась. Колючий высунул голову и тут же отскочил. Прошипел выстрел, совсем рядом сверкнула пробитая обшивка.

— Закрывай дверь! — крикнул ему Федор.

Но Колючий уже и сам догадался. Хорошо, что двери в этих отсеках работали быстро. Схватив флешку, Колючий припустил за остальным. Таис оглянулась на него и подумала, что пятнадцатый откроет дверь за считанные секунды, у него ведь код. Потому надо найти поворот, иначе они здесь просто отличная мишень.

Федор, видимо, это понимал, потому что завернул в первое же ответвление и позвал убежавшую вперед Эмму. Коридорчик привел в круглый зал с высокой галерей, ведущей на еще один уровень. Некогда было разбираться, что это за уровень, все кинулись по металлическим ступеням наверх, поднимая ужасный грохот своими кроссовками. Таис лишь мельком заметила полукруглые диванчики и овальные столики, расположенные в зале.

Галерея, наподобие той, что находилась на Втором Уровне, только гораздо меньше, огибала весь зал. Из нее вели несколько проходов — коридорчиков, и Илья, обогнавший всех, заскочил в ближайший. Федор и Колючий остановились, поджидая Таис и Эмму и только после того, как обе девчонки оказались в коридоре, тоже последовали за ними.

— Это тупик! — донеслось из глубины коридора.

Илья вернулся, покачал головой и добавил:

— Тупик, там только двери и все. Он никуда не ведет.

— Быстро выбираемся! — велел Федор. — Быстрее, пятнадцатый рядом!

Снова выскочили на галерею, кинулись к лестнице. Колючий, за ним Эмма, следом Илья. Таис споткнулась на пороге, выбегая из коридора, и растянулась, хлопнувшись коленями и животом на пол. Ковровое покрытие немного смягчило падение, но ладони засаднило, и заныли колени. Федор вернулся и подал руку.

— Давай, Тайка, давай… — проговорил торопливо.

Тишину зала разорвал выстрел. Закричала Эмма, и Таис, поднявшись, увидела, что эти трое едва успели спуститься и завернуть в какой-то проход.

— Эй, ты, железка! — крикнул Федор, — Мазила долбаный!

Рванул поднявшуюся с пола Таис за руку и затянул в еще один поворот на галерее. Отдышался и тихо сказал:

— Надо дать нашим уйти. Возьмем робота на себя. Ладно, Тай? Я справлюсь, а ты уходи за поворот, вон туда.

— Дули тебе. Вместе будем, — решительно ответила ему Таис, — пошли за поворот и нападем на него вместе. Если он пойдет сюда.

— Пойдет, — заверил Федор и, высунув свою трубку из коридорного проема, стукнул ею по стене. Тут же полыхнул выстрел, и когда Федька втянул свое нехитрое оружие обратно, раскаленная трубка слабо светилась красным.

— Горячая, зараза, — Федор отбросил ее и тряхнул рукой.

— Все равно она нам пригодится, — Таис натянула рукав пайты на ладонь, подняла трубку и заторопилась в конец коридора.

Коридорчик, в котором они оказались, напоминал буку Т с короткой верхней перекладиной. Два поворота, один напротив другого, парочка закрытых дверей в каждом. Разъемов у дверей не было, только пластиковые небольшие панели. Федор открыл крышку одной, свистнул и сказал:

— Это сенсорная панель. Отпечатки пальцев, или ДНК — не знаю. Роботам туда вход заказан, видать. Но и нам не пройти.

Таис ничего не сказала, прислушалась, и, схватив Федора за рукав, прошептала:

— Сработало. Идет сюда. Слышишь?

Федор кивнул, распорядился:

— Сначала нападу я, а после ты попробуешь вогнать ему в шею трубку. У них слабое место на стыке головы и туловища. Позвоночник. Если нарушить связь, робота парализует. Давай, попробуем…

Таис напряглась, прислушиваясь. Федор отпихнул ее за себя, пригнулся.

Едва показался блестящий бок, Федька прыгнул вниз, обхватил колени пятнадцатого и дернул. Робот покачнулся, и тут бы Таис и заскочить ему за спину, но она прозевала. Упустила нужное мгновение, а когда бросилась вперед, андроид почти восстановил равновесие, развернулся и выстрелил.

Горячей волной обожгло плечо, Таис отшвырнуло к стене. Уши заложило, и в голове остался лишь тонкий звон. Кажется, она закричала. Кажется, прижала руку к горящему жуткой болью плечу.

Федька исхитрился и в момент выстрела пробрался под роботом и с силой всадил трубку тому в шею. Еще раз, еще. Пятнадцатый развернулся, ударил Федьку рукой и завалился на бок. Федор тоже упал, но тут же поднялся, бросился к роботу. В руках у него оказалась магнитная отвертка. Не обращая внимание

на конвульсии пятнадцатого, он быстрыми движениями вскрыл его голову, рванул схемы и тонкие проводки. Пятнадцатый дернулся и огоньки на его туловище погасли.

Федор, перепрыгнув через поверженного андроида, кинулся к Таис, наклонился, отогнул ворот пайты, осматривая рану.

Таис закричала от боли, но Федор, тяжело выдохнув воздух, заметил:

— Жить будешь. Не вопи. Надо куда-то убраться отсюда и обработать твою рану. Ты же взяла с собою мазь?

Таис еле кивнула.

Прямо за спиной Федора белел прямоугольник двери с закрытой пластиком панелью сбоку. На полу, под дверью кто-то краской нарисовал знак "Млечного пути". Два хорошо знакомых треугольника. Они всегда обозначали хорошее. Добрый знак, убежище, спокойное место.

Белые линии рисунка оказались перед глазами Таис. Время для нее загустело, растянулось. И казалось, что обутые в кроссовки ноги Федьки двигаются слишком медленно. Вот, он наступил на линии, вот облокотился чуть ниже сенсорной панели. Знак сиял, напоминал, указывал. На что?

— Федь, посмотри, что у тебя под ногами, — тихо проговорила Таис.

— Уходим, Тай, после. Я сейчас перевяжу рану тебе и помогу подняться…

— Под ногами. Посмотри, Федя, — язык еле поворачивался. Боль застилала темным и выворачивала плечо.

Федор, наконец, посмотрел вниз.

— Знак. Ну, и что?

— Зачем он тут? Зачем, Федь? Для того, чтобы увидели… мы должны его увидеть…

— Я не понимаю, Тай. Тут много старых знаков.

— Дверь за знаком. Попробуй открыть.

Федор оглянулся. Резко открыл крышку панели.

— Ладно, попробуем. Хуже не будет, — сказал и приложил ладонь к сенсорному экрану.

Это оказался датчик ДНК. Он загорелся голубым, и через пару секунд произнес, показав данные:

— Федор Шереметьев. Вход свободный.

Глава 6. Эмма: я не хочу умирать…

1.

О том, как выращивают детей, Эмма читала очень много. Но одно дело читать, и совсем другое — видеть своими глазами. Тайна жизни открылась перед "детьми подземелья", когда удалось проникнуть во внутреннее отделение Третьего Уровня.

Третий Уровень, пустой и тихий, обрушил последние мосты надежды. С каждой открытой кладовкой, с каждым пройденным коридором Эмма все больше убеждалась — "дети подземелья" оказались правы. Все так и есть, как они сказали. Ни одного человека на весь уровень. Ни одного!

Под конец, когда рюкзак за спиной отяжелел от вещей и еды, она мечтала встретить хотя бы робота. Эмма готова была броситься к нему с вопросами. Не станет же он стрелять в девочку, как только увидит ее. Роботы вообще не должны стрелять в детей. Доны 12 запрограммированы на то, чтобы охранять, учить, лечить. На заботу о детях запрограммированы.

Но Федя велел прятаться от роботов, и Эмма его слушала. Потому побежала за всеми и даже обрадовалась, когда удалось открыть те двери, которые не открывались раньше. Вдруг там есть люди?

Но и во внутреннем круге их ожидали пустые коридоры и тишина. Бежевые дорожки на полу, по краям которых змеились замысловатые узоры. Вместо прямоугольных ламп на потолке — фирменные светильники, правда, немного устаревшие, но не потерявшие свою красоту и оригинальность. Стены отделаны панелями под дерево, двери — а их было очень мало — имели стеклянные вставки и казались произведением искусства. Тут все делалось для людей, роботам такая красота ни к чему. Куда же тогда могли деваться хозяева этих коридоров? Может, действительно Моаг всех убил?

Залезть бы в сервер этого гиганта да раскопать всю информацию. Просто пальцы чешутся от одной только мысли об этом.

Коридоры загибались мягким полукругом, и, пройдя несколько шагов, Эмма удивленно спросила:

— Что за детский блок?

Желтая голограмма с четкими оранжевыми буквами сияла теплыми отсветами. "Детский блок" было написано на ней. Что за детский блок может быть на взрослом уровне, там, где находится корабельная рубка? Детей тут точно не может быть. Или все-таки есть?

Таис вдруг обернулась к Федору и, прошипев: "пятнадцатые!" рванулась вперед, точно дикая кошка. Только косы запрыгали по спине. Ее паника передалась остальным, и вот, уже все торопятся, бегут туда, куда указывала желтая голограмма. В детский блок.

Проскочили самораздвигающиеся, стеклянные двери и оказались в большом помещении с высоким потолком. Лампочки в нем горели через одну, и в сумраке загадочными квадратами светились голограммные мониторы. Ряды странных приспособлений, напоминающих бочонки, и почти у каждого — голограмма. Едва перешагнув порог, Эмма уставилась на одну из них.

Младенец! Совсем маленький человеческий младенец. Его лицо, руки и пальцы уже сформировались, но глаза все еще оставались закрытыми и слишком большими. Оттого он походил на какого-то сказочного персонажа. Карлика с огромной головой и такими же большими глазными яблоками, скрытыми полупрозрачными веками без ресниц.

Младенец был безобразным, но в этом его безобразии виделось странное и непонятное величие. Начало человеческой жизни. Начало мысли, начало действий — все дремало в зачатке в этом странном существе.

Эмма читала о новейших технологиях, она следила за новостями науки. "Живая плоть" — вот как называется способ выращивания живых человеческих клеток. Основано это на принципах клонирования. Эмма коротко поделилась своими знаниями. Остальные ее слушали, разглядывая голограммы и тихонько переговариваясь между собой.

Вдруг Таис спросила:

— Слышите, что это за звуки?

Эмма прислушалась. Ну, конечно, имитация сердцебиения. Все ведь должно быть по — настоящему, даже те звуки, что слышат дети. Наверняка им даже записывали человеческую речь, основы языка дети постигают еще будучи в материнской утробе. Так странно, как женщины раньше носили в своих животах детей? От одной мысли об этом по коже пробегали мурашки. И вот это существо внутри ворочалось, двигалось, било по ребрам. А после вылезало из крохотного отверстия между ног, причиняя страшные муки.

Ни за что на свете Эмма не согласилась бы стать инкубатором для человеческого существа. И что только двигало женщинами? Почему они решались на эти муки? И ведь многие рожали не одного ребенка, а несколько. Ладно, в совсем древние, дремучие века не было средств предохранения, но уже позже, перед самой Эпохой Последствий возможности избежать зачатия

были у всех. И, тем не менее, люди рожали и рожали.

Объяснить это можно только одним — инстинктами. Как вот у дельфинов. Инстинкт оказывался сильнее доводов рассудка. Люди все еще находились в процессе эволюции, еще не до конца перестали быть животными. Потому и поступали, как животные.

Еле заметный стук в кувезах казался монотонным и раздражающим. Но ведь как все продуманно! Как совершенно! Эмма с удовольствием работала бы над такими вот технологиями. А приходится сидеть на Нижнем Уровне и тратить время… на что? На какую-то ерунду.

Нет, надо обязательно разобраться в том, что происходит на станции!

2.

Лон 12 появился внезапно. И опять бросились бежать. Эмма попробовала узнать правду от него, но, видимо, конкретно этот робот был запрограммирован только на заботу о зародышах в кувезах. До остальных детей ему не было никакого дела.

Опять бег, опять погоня. Это начинало сильно надоедать. Сколько можно убегать? Может, надо просто сдаться роботам и после поговорить с ними? Привести логичные доводы, потребовать, чтобы устроили встречу с людьми. Они же все-таки люди, и роботы должны им подчиняться!

Пересекая огромный круглый зал, Эмма отметила про себя, что диваны тут оббиты искусственной светлой кожей, а на матовые стеклянные крышки журнальных столиков нанесены тонкие узоры. Современная лазерная технология, узоры должны чуть светиться в темноте и создавать голографическую подсвету пространства.

Этот зал, видимо, создан для отдыха. И создан для людей, роботам-то ни к чему такие узоры и такие диваны. Роботы вообще не пользуются диванами. И голограммами не любуются. Им все равно.

На каждой ступеньке резиновое покрытие бежевого цвета. Торопливо поднимаясь по лестнице, Эмма не могла отделаться от мысли, что все в этих помещениях удобно и красиво. Третий Уровень, созданный для людей, должен выглядеть именно так.

— Здесь тупик! — сообщил Илья, выбегая из какого-то коридора.

Эмма, поднявшись на галерею, остановилась, огляделась. Коридоры, галерея — все как на Втором Уровне. Тут, по идее, должны быть жилые каюты. Только людей в них нет.

Остальные ребята метались, как мухи в детской игре — бродилке. Федор велел убираться с галереи, предупреждал, что пятнадцатый близко. На мгновение, на одно мгновение Эмма

подумала, что неплохо было бы тут спрятаться. Переждать, пока пятнадцатый уйдет — забиться в какой-нибудь уголок и пересидеть. А после жить тут, в этих удобных каютах. Сидеть на этих диванах и любоваться игрой голографических линий, что узорами пролегают на матовых столешницах. При потушенном свете с небольшой высоты галереи это наверняка окажется великолепным зрелищем.

Но мысли промелькнули и исчезли. Эмма уже бежала вслед за Колькой, и тот торопил ее и постоянно оглядывался.

— Не отставай, Эмма, — просил он.

Привязался, точно длинный волос к пижаме. Сзади раздался негромкий грохот, и, оглянувшись, Эмма поняла, что Таис упала. Растянулась, так и не успев спуститься с галереи. Федор вернулся за ней, и в этот момент из входной арки показался пятнадцатый. Не раздумывая, он поднял руку, и выстрел шипящим звуком прорезал воздух.

Совсем рядом вспыхнула обивка диванчика, и Эмма, почувствовав жар за своей спиной, отпрыгнула и закричала. Колька тут же оказался рядом.

— Тебя не задело, — прошипел он, схватил ее за руку.

В это время что-то крикнул Федор, отвлекая робота. Потому следующий выстрел направился в другую сторону. В сторону Федора. Эмма, растеряно икая, чувствовала, как ноги становятся ватными, а тело слабеет. Ее затошнило, но Колька, тряхнув за руку, потянул за собой, и через минуту они оба оказались в длинном коридоре, полутемном и низком. Где-то впереди улепетывал Илья и даже не оглядывался.

— За ним, — хрипло велел Колька, и они оба устремились в сумрак коридора.

Илья выскочил в светлый проход, который, видимо, и был тем самым коридором, из которого двери вели во внешний круг. Раздался выстрел. Как в чудовищном сне Эмма увидела разлетающиеся брызги крови. Увидела, как упал на спину Илья, как прозвучали еще выстрелы. Медленно, слишком медленно летели красные капли, оседая на стенах и на бежевой дорожке. Медленно дергался Илья, подпрыгивая в такт выстрелам.

— Стой, — прозвучал над самым ухом голос Кольки, — нам туда нельзя!

— Куда? — бестолково спросила Эмма, не в силах оторвать взгляд от распростертого на полу Ильи.

— Сюда, Эм, мы сюда, — пробормотал Колька и вдруг из-за всех сил стукнул Эмму по спине, — не смотри туда, ясно? Давай, гляди, куда полезешь.

Вентиляционная шахта в этом низком коридоре

располагались совсем невысоко. Колька без труда дотянулся и с помощью магнитной отвертки ловко снял решетку. Еле слышно стукнули шурупчики, но в этот звук добавились щелчки шагов. Совсем рядом, очень близко от них двигался робот. Тот самый, что только что убил Илью.

— Лезь, давай, — Колька еще раз тряхнул Эмму и буквально толкнул к прямоугольному отверстию в стене.

Машинально и неловко Эмма подтянулась, забралась внутрь и только оказавшись в тесноте и темноте вдруг поняла, что надо двигаться и побыстрее. Иначе их поджарят в этом коридоре, как колбасу на гриле.

— Колбаса на гриле, — пробормотала Эмма и заработал локтями и коленями.

Следом залез Колька и прошептал:

— Как только увидишь поворот или еще что-нибудь, тут же поворачивай. Иначе нам каюк.

Но Эмма и сама понимала, что надо делать. Поворот, вернее, вертикальная шахта, оказалась ближе, чем они думали. Просунуть ноги, повиснуть на руках. И поживее, чтобы и Колька мог тоже спастись. Уже сейчас, пока она висит, а после летит вниз, робот ее не достанет. Уже не достанет. И жареной колбасой Эмма не станет.

После опять куда-то ползли, и пространство прекратило свое существование. Только узкие, неудобные прямоугольные вентиляционные шахты. Сзади пыхтел Коля, и Эмма была благодарна ему, что он рядом.

— Поворачивай, — подсказывал он, — скоро выберемся.

Эмма не боялась, что они не выберутся. Упорно пробиралась вперед и пыталась прогнать из головы мысли о том, что Илья погиб, да и Федор с Таис вряд ли выберутся. На этой охоте погибло трое. Хорошо, если она и Коля вернутся на базу. Наконец, впереди показался скудный свет, просачивающийся через решетку.

— Нам туда, — велел Коля.

— Там безопасно? — торопливо спросила Эмма и подумала, что Колька об этом вряд ли знает. Вдруг выберутся и попадут прямо в лапы пятнадцатого?

— Это Второй Уровень, Эм, тут мы в безопасности. Двенадцатые не убивают. Держи отвертку. Поднесешь ее к решетке и нажмешь на желтый диод. Шурупы сами отвалятся. Давай, не бойся.

Чуть теплый длинный цилиндрик удобно лег в ладонь. Эмма машинально нажала на светящуюся желтым кнопочку. Щелкнули шурупчики, и прошипел за спиной Колька:

— Решетку придержи! А то грохнет сейчас. Прислушайся, чтобы было тихо. После только лезь.

Повезло, что вентиляция на Втором Уровне находится около пола. Иначе пришлось бы вылезать и прыгать вниз головой, руками вперед. В узкой шахте ведь не развернуться. Эмма, как черепаха, перебирая согнутыми руками, отползла в сторону и села, прислонившись спиной к стене. Рядом пристроился Коля и тяжело выдохнул. После тихо сказал:

— Ушли все-таки. Повезло нам.

Эмма ничего не ответила. Она думала о Федоре и Таис, и отчаянье росло внутри, точно пена в стиральной машине. Наверняка эти двое тоже погибли. Перед глазами возникли брызги крови, и Эмму передернуло. Неужели Федор лежит сейчас в коридоре, а вокруг него густым морем растекается кровь? Только что был Федор, улыбался, шутил, помогал, а теперь нет его. Ни шуток, ни помощи — ничего. Что осталось от человека? Груда костей и мяса?

— Эмма, сиди тут и никуда не уходи, — голос Коли выдернул из потока мрачных мыслей, — я сейчас. Буквально на минуту.

Эмма вздрогнула и схватила его за руку.

— Не оставляй меня, — лихорадочно проговорила и поняла, что не может остаться одна даже на пару секунд.

— Тут есть автомат рядом. Узнаешь коридоры? Я сейчас принесу нам с тобой какао с молоком. Передохнем и станем дальше пробираться к своим.

Он выдернул ладонь и торопливо зашагал по прорезиненной дорожке. Эмма подогнула под себя ноги, уперлась ладонями в пол и почувствовала, как дрожать пальцы. Ее колотит, сердце стучит где-то в горле и кажется, что даже волосы на голове шевелятся.

От этого можно сойти с ума. Просто сойти с ума и все. Вот, как Дикие. Может, они тоже пережили подобное, кто его знает… Ничего теперь не ясно, все перевернулось с ног на голову. Все стало непредсказуемым и страшным.

Почему роботы растят и берегут зародышей, но убивают выросших детей? Что это за глюк такой? Что за глупость? Где тут логика? Моаг ведь программируемый интеллект, он должен следовать хотя бы элементарной логике!

Коля вернулся быстро, как и обещал. Подал с кружку с дымящимся какао, опустился рядом. Достал из рюкзака пачку вафель, резким движением разорвал и протянул Эмме.

— Держи. Подкрепимся немного и передохнем.

Эмма кивнула, взяла осторожно, двумя пальцами вафельку да так и застыла, бестолково глядя на поднимающийся от кружки

прозрачный, еле заметный дымок.

— Ты еще долго будешь помнить смерть Ильи, — заговорил вдруг Коля, — я до сих пор иногда вижу во сне, как умирает Сашка. Или слышу его крики. Хотя бы Илья умер сразу, не мучился.

Эмма почувствовала, как по пальцам пробежала дрожь. А Федор умрет сразу? Руки дрогнули, и какао пролилось на штаны.

— А помнишь, — снова заговорил Колька, — помнишь, как мы играли в детстве?

Он достал из кармана салфетку и принялся отчищать Эммины брюки от какао, не переставая разговаривать.

— Помнишь, какую собаку мы делали? Электронного Бобика помнишь?

Эмма кивнула, нахмурилась, уточнила:

— Это который хвостом умел вилять и гавкать?

— Ну, да. Мы каждую ночь заряжали его, а днем строили палатку, и он был нашим псом. Я тогда первый раз в жизни написал собственные программы. Разработал и внедрил в свое изобретение.

— Да, мы еще просили Лона заказать нам детали для этого пса.

— Здорово было тогда. Правда, функций у пса было мало, я не умел еще тогда задавать в программе множество функций.

— Да он только ездил на колесах, гавкал и хвостом вилял, — еле заметно улыбнулась Эмма.

— Зато тебя это приводило в восторг.

— Потому что это был наш первый с тобой робот. Мы его сами собрали.

— Первый и последний, — хмыкнул Коля, — после я решил написать программы для Лона. Дополнительные функции.

— Ну, да. Ты хотел научить его шутить. У тебя получилось. Лонька ужасно доставал меня своими подколками. Робот — шутник. Только тебе могло придти такое в голову.

— Я еще мечтал создать такую программу, чтобы роботы могли улыбаться. Но как-то не дошли руки.

— А где тут рукам доходить на ваших базах-то…

— Зато я создал новую игру. Все теперь в нее играют. Вернемся на базу, я тебе покажу. Тебе понравится.

— Мне не нравятся игры. Я все хотела спросить. Почему ты тогда ушел на Нижний Уровень? Что ты узнал? И как ты узнал?

— Предчувствие — как состояние души, — непонятно проговорил Колька и тут же пояснил, — мне удалось отключить Лона и форматнуть. Загрузить собственные программы. И так получилось, что одна из моих программ вступила в конфликт с

картой связи. Потому я отключил Лона от связи с Моагом. То есть Лон в корабельную сеть зайти мог, а получать установки от Моага не мог. Напортачил я, конечно. Зато после смог залезть в карты Третьего Уровня. Каждый день лазил и не видел ни одного человека там. Потому я подкараулил одного из ребят с нижнего и пораспрашивал. И ушел к ним. Тем более, что за мои проделки меня могли просто усыпить, не дожидаясь пятнадцати лет. Опасно на этой станции, Эмм, очень опасно.

Эмма, по — прежнему глядя на дымок, ползущий из кружки, прошептала:

— Я не хочу умирать…

— И не умрешь. Мы выбрались, с нами все в порядке.

Эмма покачала головой, подняла глаза на Кольку и медленно и внятно произнесла:

— Коля, с нами не все в порядке. Это не порядок. Мы выжили только чудом, и в следующий раз чуда может не быть. А остальные не выжили. Федор, Таис… Где они?

— Федька не так прост. Возможно, он вернется вечером. Он и Тайка. Тайка так наверняка жива, она же как кошка — везде пролезет, везде успеет. Удачливая она девчонка. Эм, вот посмотришь, вернутся они вечером.

— А если нет?

— Знаешь что? Нам надо возвращаться на базу.

Колька опустил глаза, сжал пальцы в кулак и стукнул о пол. Прошипел с тихой яростью:

— Я докопаюсь до Моага. Отомщу за всех наших. Клянусь, отомщу. Запущу вирус в эту гадину, такой, что все тут встанет.

На мгновение Эмме показалось, что глаза Кольки стали влажными, но в ту же секунду он поднялся и очень спокойно распорядился:

— Пошли, пока нас не засекли. Надо рассказать нашим о том, что случилось.

— Как же мы выберемся?

— Обычно. Здесь тоже отключали датчики. Федор запустил программу с отсрочкой, так что датчики отключились полчаса назад. У нас есть время. Уходим, Эмма.

3.

Запах железа, ржавчины и пыли раздражал. Эмма пару раз чихнула и скрестила на груди руки, стараясь сохранить тепло. Колька уверенно шагал впереди, изредка оглядываясь и дотрагиваясь до руки Эммы теплыми пальцами. Он хорошо разбирался во всех этих одинаковых поворотах, черный рюкзак его на спине подпрыгивал в такт шагам. Тяжелый, полный рюкзак.

Только вот вряд ли обрадуются на базе тому, что удалось раздобыть. Слишком дорогую пришлось заплатить за это цену.

— Все нормально, скоро будем дома, — негромко проговорил Коля, нагибаясь и проходя в очередной низкий проем.

Эмма последовала за ним. Здесь коридор разветвлялся, расходился двумя дорогами вправо и влево.

— Нам направо, так ближе. Хотя и через левый ход тоже можно добраться до базы, — пояснил Коля.

— Не ходите туда! — проговорил кто-то за спиной.

Оба оглянулись. Темнота коридора скрывала фигуру говорившей. Но это точно была девочка. Высокая и тоненькая, с прямыми длинными волосами. На голове — капюшон зеленой пайты. Короткие брюки подвернуты.

— Там они. Идите более длинным путем. Там двое Диких, они опасны и могут убить, — спокойно пояснила девочка.

— Откуда ты знаешь, Дина? — спросил девочку Коля.

— Я их видела. Мы теперь стараемся быть осторожными, в этих коридорах по одному не ходим. И меня ждут Инна и Рита, — девочка мотнула головой назад, показывая, где ее ждут, — двое Диких заскочили в короткий коридор, может, даже добрались до базы. Смотрите, не ходите туда.

"Они здесь…" — странным эхом прозвучало в голове Эммы. Снова вспомнился заброшенный ангар и останки человека. Эти слова были предупреждением, вот что! Точно так же, как сейчас их предупреждала девочка Дина. Когда-то давно тот человек, что погиб, предупреждал своих друзей. Только кто эти загадочные "они"? Не дикие же, правильно?

— Значит, пойдем другим путем, — тут же согласился Колька, — и побыстрее. Спасибо тебе, Дин. Иди к своим. Мы зайдем к вам вечером.

— Нет! Не заходи. Вы ведь все заражены этой болезнью, что у Диких. Смотрите за собой. К нам не приближайтесь, мы пробуем найти для себя другую базу. Подальше от вас и от Диких. Инна не хотела, чтобы я с вами разговаривала. Потому я ухожу. Счастливо, Коль. Я только хотела предупредить тебя, ты нам всегда помогал. Береги себя, хорошо? Пока.

Девочка не стала дожидаться ответа. Развернулась и скрылась в темноте, ступая тихо и осторожно.

— Нормальные, а? — проворчал Колька, беря Эмму за руку и увлекая в длинный коридор, — Считают, что мы заразные. Да сами они заразные, мокрицы глупые.

— Они тебя хорошо знают? — спросила Эмма.

— Я дружу с ними… вернее, дружил… Они с Овальной базы. Хорошие девчонки, спокойные. У них есть свои секреты, они

всегда умудрялись как-то раздобыть еды. Даже выручали нас не раз едой. Правда, секреты свои не раскрывали, хитрые. Самая старшая из них — Рита, ей почти восемнадцать. Остальные ее подружки, они вместе занимались на кружке рисования. Рисуют они здорово, вся их база расписана красками. Столы, стулья. Здорово. Они сами для себя нарисовали карты, прикольные такие. Я частенько играл с ними…

Эмма вдруг подумала, что они идут и спокойно разговаривают, будто ничего не случилось. Будто не погиб Илья, и Федор с Таис не затерялись на Верхнем Уровне… Это неправильно, это очень неправильно. Надо что-то делать. Надо как-то почтить память Ильи. Не забывать о нем, думать, жалеть…

Потому что он исчез, и ничего после него не осталось. Ничего! Неужели и Эмме суждено вот так сгинуть на уровнях неисправной станции, и никто о ней не вспомнит? Все так же будет продолжаться жизнь, так же будут ребята болтать, пробираться по коридорам, пить кофе и есть печенье. А ее, Эммы, не будет…

Это не правильно! Так не должно быть!

— Можно было бы попросить у них карты поиграть, — продолжал Коля, — но теперь они не дадут. Боятся заразиться от нас, дурехи.

— Какие карты, Коля, — медленно проговорила Эмма, — как ты можешь думать об игре? Только что мы потеряли Илью, неизвестно, что сталось с Федором и Таис.

Колька остановился, обернулся. Черные глаза его оказались очень близко. Глубокие, темные, серьезные.

— Я помню, Эмма. Я помню. Я просто не хочу, чтобы ты сейчас погрузилась в депрессию, понимаешь? Нам надо продолжать жить. Держаться нам надо, ты поняла? Справится с ситуацией, а не раскисать. Надо рассказать Кате про Илью, надо суметь утешить ее. Надо найти слова и не впасть в панику. Потому что никто нам не поможет, Эмма. Никто не придет и не поможет нам. Потому мы не станем думать сейчас про Илью. Мы запомним его, мы запишем его имя — у нас на базе есть специальная стена, куда мы заносим имена всех, кто погиб. Даже тех, кого не смогли вывести. Погибших гораздо больше, Эмма. И если бы мы тебя не вывели, твое имя давно было бы в том списке. Мы обречены. И каждый новый день, который удалось прожить — он отвоеван у Моага.

Коля говорил, и его голос чуть дрожал от напряжения. Эмма вдруг поняла, что он прав, но легче от этого не стало. Наоборот, суровые слова "мы обречены" показались приговором. Действительно, кто знает, что ожидает их впереди? Сколько еще

удастся прожить, прячась на Нижнем Уровне?

Эмма съежилась, пытаясь сохранить тепло, чуть отстранилась от Коли и прошептала:

— Пойдем, что тут стоять…

4.

Им повезло, они не встретили Диких рядом с дверью, ведущей на базы. Но Эмма немного успокоилась только тогда, когда железная дверь закрылась за ними, и Колька, отряхнув штаны, сказал:

— Ну, вот, мы и дома.

Ничего себе, дом теперь у Эммы. И в страшном сне такое не могло присниться. Надеяться теперь не на что, она побывала на Третьем Уровне, и сомнений не осталось.

Громкие голоса слышно было даже из-за закрытой двери. Как только створка отъехала в сторону, Эмма увидела Валька, трясущего одного из младших мальчиков.

— Да оставь ты его в покое! Что ты завелся! — возмущалась Маша.

За ее спиной стояла Кристинка и второй мальчик и сердито переглядывались.

— Я уже сказал, что жрать надо аккуратно! Опять насвинячил по всей комнате! — заорал в ответ Валёк и снова тряхнул мальчишку.

— Эй! Слушайте! — велел всем Коля и обвел взглядом общую комнату.

К нему тут же развернулись все, и даже Нитка прекратила шить и поднялась со ступенек. Валёк поморщился, но ничего не сказал.

— Илья погиб. Его подстрелили, — быстро произнес Коля, после добавил чуть глухо, — Таис и Федор тоже не вернулись. Мы не знаем, что с ними. Они отстали, и мы их не видели.

Эмма оглядела базу, открытые двери спален, ставшие серьезными лица ребят. Только сейчас она поняла, что до последнего надеялась встретить тут Федора и Таис. Думала, что те сумели выбраться и теперь ждут ее и Колю на базе.

— Федька и Тайка погибли? — вдруг спросил Валёк.

— Мы не видели. На нас напали сразу два робота. Я и Эмма ушли просто чудом. Вообще-то, если бы не вентиляционная шахта, мы бы сейчас тоже были мертвы. Мы попали в западню, за нами шел робот, и впереди тоже оказался пятнадцатый. Илья бежал первым, потому его подстрелили сразу. А мы успели залезть в шахту.

Горько и неожиданно заплакала Катя. Закрыла лицо руками, опустилась на пол. Худые плечи ее затряслись мелкой дрожью,

тонкие прядки волос упали на лоб и на пальцы. Маша кинулась к ней, обняла и что-то зашептала.

Эмма почувствовала горячий ком в горле и поняла, что не сможет сдержать рыданий. Рванулась в их с Колькой спальню, упала на кровать и прижалась лицом к родному и такому приятному одеялу. Нет конца этому ужасу, нет конца… Все только начинается…

Рядом присел Коля, погладил по спине и робко произнес:

— Все будет хорошо…

Эмма не ответила. Она оценила и его заботу, и его жалость. Только что толку? Ничего уже не будет хорошо, вот в чем дело. Ничего не будет хорошо…

База словно замерла. Весть о гибели друзей сразила всех. Не заводили своих игр мальчишки, не напевала песенки Кристинка. Только из спальни Валька доносились еле слышные звуки игры.

До самого ужина ждали, что вот — вот придут Федор и Таис, но ожидание оказалось напрасным. Накрывая на стол позже обычного, Маша негромко произнесла:

— Так и не пришли Федя и Тая.

Простая фраза, но она, точно бомба, взорвала тишину базы. Ее услышали все, и Эмма почувствовала, как оборвалось что-то внутри, заныло тяжело и нестерпимо. Не пришел Федор. Не увидит она больше его серые глаза с желтоватыми лучиками, не услышит спокойного голоса, не почувствует одобрения и заботы.

Она вспомнила, как тогда, на Третьем Уровне Таис споткнулась и растянулась на полу, и Федор кинулся к ней без промедления, без задержки. Он таким и был, этот Федор. Готов был помочь каждому, и Эмму тоже поддерживал. Но больше всего он помогал Таис. Видимо, ему тоже нравилось смотреть на нее, и ее глаза тоже нравились…

А теперь Федора нет. Эмма поймала себя на мысли, что больше переживает за Федора, чем за Илью и вздохнула. За Ильей убивается Катя, плачет до икоты. Не успокоилась до сих пор, и Нитка все отпаивает ее мятным чаем.

Зато возле Эммы хлопотал Колька. Велел принять душ, а после сам помог завернуться в одеяло и принес горячий ужин. Две тарелки с картофельным пюре и горошком, немного консервированных абрикос, кружки с горячим какао и пачки с вафлями.

— Ешь, пока горячее, — велел и пристроился рядом на кровать, — вот увидишь, еще вернется Федька. Я его знаю, он всегда что-нибудь придумает. Да и Тайка не дура. Ну, подумай сама, разве может Тайка погибнуть? Вспомни, как она пырнула ножом этого Дикого. Ты бы погибла, а она — нет. Тайка —

страшный человек, с ней лучше не воевать.

Как ни странно, но слова Коли утешали и навевали покой. Сонливость и странное отупение. Эмма не очень верила его словам. Тайка, конечно, боевая девчонка, но что ее ловкость против оружия пятнадцатых? Илья даже понять ничего не успел, как оказался мертвым. Два выстрела — и много красных пятен…

Эмму передернуло, она мотнула головой и посмотрела на Кольку. Тот, видимо, все понял и тут же перевел разговор:

— Хочешь еще какао? Чайник, наверное, не успел остыть. Хотя, наверняка, весь кипяток из него давно выхлюпали. Вон, топчутся около стола мальки…

— Почему вы называете их мальками? — Эмма задала вопрос просто так, чтобы хоть немного отвлечься.

— А как их еще называть? Малышня ведь и есть малышня. Зря на них Валька орал. Странный он какой-то, бледный и нервный.

— Я сама схожу за какао, мне надо руки помыть после абрикосов, — Эмма скинула одеяло, поежилась, сунула ноги в кроссовки и, не зашнуровывая, спустилась вниз.

Рядом с раковиной стоял Валёк. Тяжело опираясь руками о стол, он слегка покачивался, опустив голову.

— Подвинься, я наберу воды, — попросила его Эмма. Пустой чайник в нее в руках казался совсем легким.

Валёк оглянулся и глухо сказал:

— Что-то нехорошо мне стало.

Он был бледным, потным и каким-то странным. Глаза, окруженные темными кругами, увеличенный зрачок, заполняющий почти всю радужку.

Эмма уронила чайник и отскочила.

— Ты что, заболел? — почти прокричала она.

Валёк мотнул головой и пробормотал:

— Я не знаю… нет, наверное…

Эмма кинулась к спальне, но на пороге уже стоял Колька. Он бегом приблизился к Вальку, обнял его за плечи и твердо сказал:

— Пошли, я помогу тебе лечь. Обопрись на меня. Если хочешь, и кофе тебе принесу, или воды.

— Нет, не надо… тошнит меня что-то…

— Пойдем, я устрою тебя на постели. Эм, где там твои пилюли? Тащи сюда, быстро!

Валька закрыли в спальне. Коля запретил Нитке находиться там, велел перебраться в комнату к Кате.

— Это временно. Лекарства у нас есть, так что завтра Валёк будет здоров. Ладно, Нитк, не смотри на меня так. Забирай те вещи, что тебе нужны и уходит отсюда.

Нитка молча прошла в глубь спальни, села на вторую кровать — у них стояли две кровати — и Эмма услышала, как она твердо произнесла:

— Я останусь тут. Вдруг Вальку понадобиться помощь?

— Ну, как хочешь. Только выпей таблеток на всякий случай.

Эмма тоже выпила и антивирусные, и иммуномодуляторы. Во рту стало горько, и к горлу подкатила тошнота. Теперь заболел один из них. И как быстро распространился вирус! Вчера только пришел к ним Крендель, а сегодня уже слег Валёк. Что же будет дальше? Хоть бы лекарства помогли, они же должны помогать!

Нет в мире такого вируса, против которого не работали бы антивирусники. Можно принять двойную дозу, Вальку Коля скормил сразу две таблетки. Маша раздала таблетки младшим и даже умудрилась уговорить Катю выпить чаю и принять пилюли.

Эмма, забравшись с ногами на кровать, тихо раскачивалась и глупо пялилась на собственные ноги в серых махровых носках. Новеньких, мякеньких. Рядом с кроватью стоял рюкзак, Эмма так и не разобрала его. Полностью набитый вещами, он казался круглым и пузатым. На квадратном мониторчике высвечивалось время, имя Эммы и программка для кода.

Вдруг Эмма вздрогнула. В общей комнате кто-то из мальков прочитал стишок:

Вышел месяц из тумана

Вынул ножик из кармана.

Буду резать, буду бить.

Выбирай, кому водить.

Илья любил приговаривать этот стишок. Странный и бессмысленный. "Буду резать, буду бить… выбирай, кому водить…"

А кому теперь водить-то? Разве это игра? Это не игра, это какой-то глюк. Бессмысленный глюк.

Колька, расстроенный, вернулся в спальню и опустился на матрас. Он уже не утешал и не обещал, что все будет хорошо. Молча встряхнул свое одеяло, молча снял кроссовки, носки и плюхнулся на матрас.

— Коля, помнишь ту дверь, закрытую? Вы, когда меня выводили, попали в тот коридорчик. Ну, где флешка у Феди сгорела?

— Помню, — коротко ответил Коля, перевернулся на спину и посмотрел на Эмму.

— Давай завтра откроем ее. Вдруг это выход? Вдруг там есть челноки, и мы сможем убраться на Землю?

— Давай откроем, — Колька вздохнул, после сказал, — устал я. Давай спать, что ли…

Эмма собрала волосы, заплела в одну косу и, взяв пижаму, вышла. Переодевалась она в ванной, неудобно было при Коле стоять в трусах. Торопливо натягивая на себя штаны, она оглядывала белые стены и чувствовала, что тоска давит на грудь так, что и вздохнуть невозможно.

Почему-то отчаянно захотелось увидеть Лоньку. Прикоснуться к его холодным бокам, услышать его наивные шутки и почувствовать себя в безопасности. Захотелось вернуться домой и забыть все, что случилось с ней в последние несколько дней. Забыть навсегда, как страшный сон.

Натягивая пижамную кофту, Эмма задела кулончик с божьей коровкой, и тот слабо мотнулся на шее. Прижав его ладонью, она загадала желание. Пусть Федор и Таис вернуться на базу, живыми и невредимыми.

Глава 7. Таис: обещай меня убить…

1.

— Сначала очистим рану, Тай. Не дергайся, потерпи чуть — чуть. Здесь все у них есть, даже скобы, чтобы зашить. Мазью помажем, и все заживет…

Федор попытался снять пайту с Таис, но для этого надо было двинуть раненое плечо. Боль просто разрывала, даже вдох давался с трудом.

— Не трогай… не трогай, пожалуйста, — взмолилась Таис, заваливаясь на бок.

Она не могла рассмотреть, куда они попали. Все в красном тумане, плечо жжет и дергает, голова гудит и к горлу подкатывает тошнота. Таис и подумать не могла, что может быть так больно.

— Пайту надо снять, иначе я ничего не увижу. Давай, Тай, давай, поднимайся. Тут есть комнатка, на ней диван. Нам будет удобнее там.

Федор вдруг наклонился, подхватил Таис на руки и понес. Плечо дернуло так, что Таис закричала, взмахнула рукой. За ней тянулся след красных капель, на брюки Федора, на ковер.

Бесконечный кошмар… безвыходный кошмар… что теперь делать?

— Вот тут, на диване тебе будет удобно, слышишь, Тай? — уверенно произнес Федор, устраивая ее поудобнее.

Подсунул под голову подушку, после достал откуда-то ножницы. Раз — раз — и пайта оказалась порезанной на куски, которые Федька ловко убрал. После вернулся с ватой, коробкой каких-то тюбиков и пакетиков и водой в пластиковой миске. Заговорил ласково и тихо, словно с маленькой девочкой:

— Нормально все будет. Кость, вроде, цела. А болит так, потому что лучевой выстрел. Обожгло тебя больше, чем поранило. Тут и зашивать почти нечего, две скобки поставим — и красота будет. Не бойся, сейчас все будет хорошо.

— Кровь, тут кругом кровь… — пробормотала Таис, глядя на свои ладони.

— Ну, в тебе не молоко течет. Логично?

Федор вытер кожу вокруг раны смоченной в воде ваткой, после смазал все антисептиком. Боль немного утихла, и Таис, повернув голову, посмотрела на собственной плечо. Кожа обожженная, красная. И глубокая борозда, словно росчерк огромного бардового фломастера. Таис поморщилась и проговорила:

— Гадость какая-то… терпеть не могу кровь…

— Я тоже. Отмоем после все. Тут мы в безопасности. По всей видимости, это чья-то каюта. Была когда-то. И тут есть все: аптечка, посуда, вода горячая. Даже белье есть, правда, оно слежалось и пахнет не очень. Такое ощущение, что развалится от прикосновений.

Федор говорил бодро и весело. Смазал кожу вокруг темной раны мазью, и боль отступила почти совсем. После достал плоскую машинку со скобками — приспособление для зашивания ран. Скобки рассасывались сами, и обладали способностью ускорять восстановление клеток. Новейшие технологии. Хотя сейчас и скобки не ставили, заливали средством, которое называлось "прошивка". Залил любой порез, рану или дырку, и через пару дней все зарастало слоем новых клеток. Даже шрама не оставалось.

А после скобок шрам останется наверняка. Хорошо хоть не на лице…

— Две скобки тут хватит, — уверенно сказал Федор, внимательно осмотрел обработанную и зашитую рану, и добавил, — сейчас залепим лейкопластырем и попьем кофеек. У нас же с тобой есть запасы в рюкзаках…

— Ну, да, у меня даже чистые вещи есть, — срывающимся голосом проговорила Таис и откинулась на подушку.

Тошнота все еще стояла в горле, а руки оставались липкими от собственной крови. Штаны, майка, диван — все было в красном, теплом и липком.

— Вот и отлично. И тут наверняка что-то есть. Сейчас отмоем тебя, и я поищу.

Осторожно, стараясь не дергать, Федька закрыл рану марлевой салфеткой, после заклеил лейкопластырем.

— Красота. Лейкопластырь какой-то детский, с рисунками. Но был только такой. Посмотри, нравится?

— Нет, — буркнула Таис и попробовала подняться.

Стены качнулись, в глазах на короткое время появился туман. Но тут же все стало на свои места. Комната просторная, с диванами, планшетами — большими, мощными. С беленькой лазерной печкой и раковиной. Кофеварка, соковыжималка. Даже маленький гриль для мяса.

Две двери — за одной Таис заметила коричневую керамическую плитку и розовый край раковины. За другой, прикрытой, видимо, была спальня. Хотя, кто знает…

— Это каюта, — пояснил Федор, заметив, как Таис оглядывает комнату.

— Я хочу помыть руки, — проговорила Таис.

— Я помогу. У тебя в рюкзаке вещи? Те, что ты на складах прихватила? Давай посмотрим, что там.

Он резко нажал на экранчик сбоку Таисиного рюкзака и молнии разъехались. Вытряхнул содержимое прямо на ковер, вытянул пару чистых маек, пижамную пайту, полосатую, со смешной картинкой. Улыбнулся.

— Пойдет. Пошли, я приведу тебя в порядок.

— Может, я сама…

— Без разговоров. Не хватало, чтобы ты грохнулась там в обморок, и я накладывал скобы еще тебе на голову. Пошли, а то ты еле на ногах стоишь. Бледная, как наволочка на той подушке, где только что лежала. Крови из тебя вытекло порядочно, скажу я тебе…

Федор, поддерживая Таис, завел ее в ванную. Щелкнул рожком крана, быстро задал нужную температуру. Медленно и осторожно стянул с Таис майку и выкинул в угол. Немного неловко было стоять перед ним голой по пояс, но голова кружилось, плечо немного ныло, и действовать раненой рукой Таис не могла. Как бы она помылась сама?

А Федор даже не смутился, будто каждый день купал девушек в душе. Намылил гелем для душа мочалку и осторожно стал обтирать тело и руки Таис.

— Не замерзла? — хмуро спросил, повернулся, сполоснул мочалку и уже чистой снова обтер Таис по пояс.

Лезть в душ полностью Таис не могла. Она поняла, что еле стоит, стены качаются и на глаза наплывают слезы.

— Ты что, плачешь? — удивился Федор, — Все же закончилось хорошо.

— Я устала, — пробормотала Таис, — и замерзла.

— Вытирайся… Вернее, придется тебя вытирать. Все вечно приходится делать за тебя… Да не дергайся, я осторожно…

Федор натянул чистую майку на Таис, снова подхватил ее на руки и отнес в соседнюю комнату, которая действительно оказалась спальней. Устроил на широкой кровати, накрыл пледом. Сам сел рядом и сказал:

— Вот, теперь можешь спать…

— Не могу. Мне не спиться…

— Я сейчас сделаю чай. Кофе тебе не нужно, а то точно не уснешь. А отдохнуть надо, Тай. Подожди.

Вернулся он с двумя смешными кружками, розовыми и пузатыми. Дымок лениво поднимался из них и Таис вздохнула. Кажется, действительно все обошлось… кажется, они живы и даже в безопасности… вот она, удача…

— Я напою тебя, — распорядился Федор, — не двигайся…

— Я не парализованная, сама попью, — Таис села на кровати. Плечо совсем перестало болеть, тошнота прошла, и вдруг захотелось есть. Ужасно.

— Я бы сейчас что угодно съела, даже холодную картошку… — протянула она, беря кружку из рук Федора.

— Я бы тоже. Я тут достал вафель и печенек. Чуть позже сделаю пюре из картошки. У меня в рюкзаке полно пакетов с пюре и вермишелью. С голоду не умрем.

— А что будем делать тут?

— Да посмотрим. Время есть, роботы сюда не сунуться, их определяющее устройство не пустит. Здесь только для людей, Таис. Хорошо придумано, ничего не скажешь.

— Это точно. А ловко мы сделали того робота, да, Федь?

— Да молчи уже, воительница. Хорошо, хоть живы остались. Надеюсь, что ребятам удалось уйти. Нам-то с тобой повезло, мы в безопасности, а каково остальным? Добрались они до Нижнего Уровня, или нет?

— Давай не будем сейчас об этом, ладно? И так гадостно.

— Зато мы увидели детей. Я имею в виду те кувезы с младенцами, — Федор улыбнулся, — маленькие такие…

— Ну, да, и их тоже обманывает Моаг. Материнского сердца-то нет, Федор. Есть только электронные звуки, и все. И роботы рядом. Обман с самого начала. Вранье одно вокруг этих детей. И вокруг нас тоже.

Таис помолчала, после тихо сказала:

— Я устала от этого вранья. Устала от безнадеги. Федь, ну вот, попали мы в закрытые каюты, и что? Никого тут нет. Вещи есть, вода теплая, постель, даже кружки и кофеварка. А людей нет. Куда все делись, черт возьми? Повымирали, что ли?

Федор поставил опустевшую кружку на пол, сел рядом и притянул к себе Таис. Прижал и тихо сказал в ухо:

— Глупыш, мы же еще ничего не осмотрели в этой каюте. Только кровь с тебя смысли и кружки нашли. Придет время — поищем. Сейчас тебе нужен отдых. Поесть и поспать. После осмотримся и придумаем, что делать.

Руки у Федора были теплые, сильные. Таис пристроила голову на его плечо и поняла, что хочет уснуть и не думать ни о чем. Просто спать и чувствовать, как совсем рядом стучит сердце Федора.

— Знаешь что? — вдруг улыбнулась она, — у тебя сердце настоящее. Не искусственное, не электронное. Настоящее сердце, и я слышу, как оно бьется. Вот во всем этом Моаге только ты настоящий, Федька.

— А про себя что, забыла? У тебя, вроде как, тоже в жилах не

смазка, я в этом только что убедился, — засмеялся Федор, — у тебя тоже настоящее сердце.

— Я бы не хотела, чтобы мои дети слушали электронные звуки Моага.

— Ну, а что же делать? Так должно быть, дети так лучше развиваются.

— Я бы хотела, чтобы они слушали мое сердце.

— Тогда надо носить детей в себе. Тогда надо каким-то образом зачать ребенка. По старинке. Ну, ты же учила историю, знаешь, что раньше обходились без электронных сенсорных симулянтов. Натуральная жизнь была с натуральным сексом.

— Ага, знаю… Как думаешь, Федь, у нас бы получилось заняться сексом?

— Балда ты, Таис. Видать, крепко ударилась головой. Спи давай, горячая девчонка.

2.

Темный коридор заканчивался тупиком. И закрытой дверью. Железной, большой и двухстворчатой. Мигнула вверху лампочка, словно приглашая следовать дальше, и створки медленно поехали в стороны. Не скрипели, не дрожали. Двигались исправно, и темнота за ними выползала наружу, точно живое существо. Тянула щупальца и бесшумно приглашала войти.

Войти надо. Обязательно надо войти за эти двери. Таис это понимала очень хорошо. Но ноги не двигались. Оказалось невозможным заставить себя сделать хотя бы первый шаг. Чувствуя, как стекает по спине струйка пота, Таис переступила с ноги на ногу, вздохнула.

И вдруг из темного проема выскочил Дикий. Без криков, без шороха. Молча вынесся живым мячом и уставился на Таис. Черные, без белка, глаза его вперились, точно лазерные лучи. Он приблизился и улыбнулся, обнажая заостренные зубы.

Таис не выдержала и закричала.

— Тебе что, приснилось что-то? Тай, открой глаза! — Федор стоял рядом и тряс за здоровое плечо.

Увидев его, Таис вздохнула, протерла глаза и села на кровати.

— Сон дурацкий приснился, — проговорила негромко, — долго я спала?

— Немало. Я не будил тебя, думал, что тебе надо хорошенько отдохнуть. Есть будешь?

Таис кивнула и попробовала встать. К ее удивлению, она чувствовала себя неплохо. Плечо не болело, голова не кружилась. Немного шатало от слабости, но если сходить в туалет и поесть, то и это пройдет.

После Федор устроил ее на диване, поставил перед ней тарелку с горячим картофельным пюре, чашку кофе и пачку все тех же вафель.

— К картошке ничего нет. Но и за это спасибо. Иначе нам бы пришлось нелегко — пояснил Федор, укрывая ноги Таис пледом, — я тут кое-что нашел, Тай. Ты поешь, а после я тебе включу.

Федор вдруг посмотрел ей в глаза и совершенно серьезно сказал:

— Я знаю, что случилось на Моаге.

— В смысле? — не поняла Таис.

— В прямом смысле. Я знаю, что тут случилось. Нашел последнюю запись штурмана, Андрея Шереметьева. Это мой отец, Тай, представляешь? Я увидел собственного отца, и даже узнал, как звали мою маму.

— И как?

— Лиза. Шереметьев называл ее Лизой.

— Так включай, чего ждать?

— Тай, поешь сначала. Это не простая информация. Я хочу, чтобы ты поела, выпила весь кофе и была готова слушать.

— А успокоительных мне не надо выпить?

— Надо бы. Только я их не нашел. Я бы сейчас сам напился успокоительных…

— Все так плохо? — осторожно спросила Таис.

— Ты даже себе не представляешь… Давай ешь, я не включу, пока не увижу пустую тарелку…

— Чего это ты решил строить из себя заботливого Лона? Без тебя решу, сколько мне есть.

Федор не ответил на подколку. Уселся рядом с диваном на покрытый ковром пол, сплел пальцы обоих рук, сжал и сказал с неожиданным накалом в голосе:

— Фигня одна, Таис. Одна фигня…

— Ну, это я и так знаю. Заинтриговал ужасно. Сейчас доем, а кофе уже буду пить, когда буду слушать. Как ты нашел эту информацию?

— Просто включил один из планшетов. Остальное запустилось автоматически. Сразу появился голограммный экран от трех планшетов. Большой такой. И на нем включилась запись. Внизу побежали буквы — на всеобщем и на русском. Сама увидишь. Тебе надо увидеть это самой.

Картошку Таис съела мигом. Отодвинула тарелку и коротко сказала:

— Включай.

Большой экран засветился зеленоватым, прозвучали

неизвестные позывные, поплыли и соединились вместе три треугольника, выросла между ними перемычка.

— Торговая гильдия "ТрансСеверКорпорейшен", станция "Млечный путь", капитан Лехонцев Владислав — прозвучало в записи.

Ну, да, именно так называлась торговая гильдия, которой принадлежал Моаг, Таис это знала.

Появился человек в форме. Его глаза вдруг показались странно знакомыми, будто видела их Таис, и не раз.

— Говорит первый штурман станции "Млечный путь" Андрей Шереметьев, — представился человек.

Ну, конечно! Это отец Федора, те же черты лица, такой же разрез глаз и даже форма бровей до удивления похожа. Волосы только потемнее, да скулы пошире. Правда, выглядит человек так, будто только что вернулся из боя. Бровь рассечена, на шее длинная царапина, уходящая под воротник.

— Перед тем, как уехать, я оставляю отчет. Если наш челнок не доберется до станций, или если со мной и моей женой что-то случиться — запись событий я оставляю на этот случай. Из экипажа и взрослого населения станции "Млечный путь" в живых остался только я, Андрей Шереметьев и моя жена, Шереметьева Лиза. Списки погибших, списки зараженных и медицинские файлы с отчетами, анализами и выводами я прилагаю к этой записи.

Таис нервно дернулась и машинально положила руку на раненое плечо. Значит, все-таки вирус… Но у них должен быть другой какой-то вирус, столько лет прошло. Не мог же один и тот же вирус столько времени дремать где-то на станции…

— Семь недель назад, 14мая 18–го планетного круга по орбитальному летоисчеслению к станции "Млечный путь" подлетел челнок. Позывные его принадлежали станции "Гончие псы", что находится на орбите Марса. На челноке оказался всего один человек. Он был без сознания и был поражен странной болезнью. Кожные покровы его были бледно — серого цвета, радужка темная и увеличенная. Человек находился в стадии глубокой дистрофии. В сознание человек так и не пришел. Мы оказали ему медпомощь, поместили в изолятор, взяли анализы. В составе его крови оказались серьезные изменения. Человек умер через два дня, нам не удалось узнать его имени.

Таис слегка толкнула Федора и спросила:

— Выходит, что это — та же болезнь, что у диких?

— Слушай, — ответил тот.

Андрей Шереметьев продолжал рассказывать:

— 17 мая заболели две медсестры. Первые симптомы

заражения у них были разные, у одной высокая температура и головная боль, у другой рвота и слабость. Предположив, что это инфекция человека с челнока, мы изолировали заболевших.

Мы допустили несколько ошибок в самом начале распространения инфекции. Потому что вирус, с которым столкнулись, не имеет аналогов, такого мы еще не встречали. Проявления заболевания могут быть разными, и мы не сразу составили верную клиническую картину. Это обошлось нам в десятки человеческих жизней. Самый первый признак заболевания можно отследить еще до видимых внешних перемен. Вирус, который завез нам человек с "Гончих псов" невероятно агрессивен. Встраиваясь в человеческую клетку, он меняет информационный код и вызывает необратимые изменения в организме. Первым признаком заболевания являются эмоциональные реакции человека. Повышенная злость, раздражение, гнев и ярость. Сначала у многих появились необоснованные вспышки раздражения. У нас произошло несколько крупных ссор, и мы списали это на всеобщую усталость и сниженный иммунитет.

Мы стали давать иммуномодуляторы людям, но вирус умел приспосабливаться, и иммунная система принимала клетки, пораженные им, за свои собственные.

18 мая одна из заболевших медсестер умерла. Вторая оставалась живой, но болезнь изменила ее внешность. Кожа посерела, выпали ресницы, увеличилась и потемнела радужка. Изменился состав крови. История болезни полностью описана в одном из прилагаемых к судовому журналу файлов.

Нам пришлось приковать заболевшую к кровати из-за слишком агрессивного поведения. Успокоительные не помогали, а механизмы и особенности вируса мы еще не знали. Мы тогда много не знали.

Сделав анализы, наши врачи поняли, что вирус меняет и состав крови, и клеточный состав тканей. Фактически, вирус перестраивает весь организм, перепрограммирует его. Наши антивирусные препараты оказались слишком слабыми и не действовали. Они даже не замедляли процесс.

Мы доложили о ситуации в управление Гильдии. Нам ответили, что примут меры и предложили подождать и понаблюдать за ситуацией.

Спустя четыре дня, 22 мая у нас было десятеро заболевших. Мы все еще не могли определить признаки инфекции. Начиналось по — разному. У некоторых открывалась рвота, озноб. Некоторые слепли и сразу умирали. Некоторые держались дольше всего, но если процесс заражения начинался, то он уже не

останавливался.

Нам не сразу удалось выделить вирус, то есть определить, как он выглядит в чистом виде и как ведет себя. Но то, что мы увидели, поразило нас. Вирус существовал в двух формах. Внутри человека он перестраивался на работу с человеческим клетками, и поражал все клетки — крови, мягких тканей, легочной ткани, клетки мозга. То есть вирус перестраивал все клетки организма. Во внешней среде вирус обретал другую форму и дублировал сам себя. Дублирование происходило с огромной скоростью. И когда мы это поняли и взяли замеры воздуха в коридорах всех трех уровней, то оказалось, что вирус распространился по всей станции.

29 мая, спустя семь дней после заражения первые одиннадцать заболевших преобразовались полностью. Стадия перестройки человеческого организма занимает одну семидневку. Это еще одна наша ошибка, мы слишком поздно поняли суть действия вируса. Вирус полностью менял организм, терялась память, менялось сознание. Заболевшие не узнавали никого, не вступали в контакт и вели себя точно так, как ведут агрессивные животные.

Слово "животные" неприятно резануло по ушам, Таис дернула ногой и проговорила:

— Бред какой-то…

— Слушай, — снова попросил Федор.

— Заболевшие превращались в животных, агрессивных и обладающих невероятными, нечеловеческими способностями. Мы долго не знали, как назвать это перерождение. Мы старались помочь до последнего. Всю серьезность положения мы поняли только тогда, когда шестнадцать заболевших — на тот момент их было больше, но полностью изменились только шестнадцать человек — выломали двери медчасти и напали на людей. После их нападения мы потеряли семерых человек. 29 мая, ровно через семь дней после появления симптомов первые десятеро заболевших, и с ними те, кто еще не полностью изменился — шестнадцать человек — выломали двери медчасти и напали на персонал. Голыми руками — если можно так назвать то, во что превратились человеческие руки — они убили четверых работников медчасти, врача и его помощника. Мы пробовали остановить нападение и поймать заболевших. Нам это не удалось. Во время стычки были повреждены коммуникационные платы, отвечающие за связь. Починить их не удалось. Стая заболевших обосновалась в этих отсеках, одолеть их не получалось.

Таис казалось, что Андрей Шереметьев смотрел прямо на нее. Он, видимо, устал, этот взрослый человек, устал и потерял

надежду. Ровным, строгим голосом он говорил об ужасных вещах. Но самое страшное — Таис знала, что он говорит правду, все так и есть. Сомневаться не приходилось.

— Изменившиеся после инфицирования вирусом становились необычайно агрессивными. Как я уже сказал, они не реагировали на человеческую речь, не боялись опасностей. Они сбивались в стаю и охотились на людей. Питались сущности только живым мясом. Твари имели необыкновенную способность к восстановлению. Раны на них заживали очень быстро, убить их можно было только поразив в сердце или отрубив голову.

Инфицирование происходило очень быстро. 39 мая половина экипажа была заражена. Вирус не поражал только детей и некоторых взрослых, которые оказались невосприимчивы к нему. Мы успели обследовать всех детей, и ни у кого не выявили генетических изменений в клетках. Наличие вируса в крови было у каждого. Вирус у детей не активировался, находился в спящем состоянии. Нам так и не удалось понять причину этого. Наш трехлетний сын Федор тоже оказался заражен, в его крови мы обнаружили наличие неактивного вируса.

Мы перепрограммировали роботов и закрыли весь Второй Уровень. После этого с детьми оставались только новейшие роботы класса Лон и класса Дон 12. Никто из людей или из существ не мог проникнуть на Второй Уровень. Мы сделали это, чтобы избежать внезапных признаков болезни у людей и их нападения на детей. Сохранение детей было приоритетной задачей для нас, и нам это удалось.

На Нижнем Уровне станции находился отряд спецназовцев для сопровождения крейсеров и для охраны станции от нападения пиратов. Весь отряд — 15 человек — за редким исключением, оказался поражен вирусом. Твари пришли к нам наверх и уничтожили часть не заболевших. У нас началась самая настоящая война. Мы оказались бессильными против тварей.

Твари обладали способностью очень быстро двигаться, и роботов — пятнадцатых оказалось слишком мало, чтобы оказать сопротивление. Охотились твари стаей, двигались тоже стаей и держались всегда вместе. Наиболее слабых из своих убивали и съедали. Убить их оказалось очень сложно. Мы нашли в арсенале лазерные мечи, и только с их помощью удавалось срубать головы тварям. Мы называли пораженных вирусом чертями, мы не смогли подобрать другого названия.

Тем, кто остался здоровым, то есть нескольким десяткам уцелевших, пришлось скрыться во внутреннем круге Третьего Уровня.

10 июня мы закрылись во Внутреннем Круге Верхнего

Уровня. Замки дверей нам удалось переделать на определитель ДНК, так, чтобы двери срабатывали только для людей.

Очень скоро у нас не осталось ни одного робота — пятнадцатого. Твари переломали их всех. Они нападали стаей и буквально драли технику на куски. Некоторые из них погибали, но, судя по всему, у этого вида животных отсутствует инстинкт самосохранения.

Мы внимательно наблюдали друг за другом, чтобы не пропустить первые признаки заболевания. Мы уже поняли, что инфицированных следует убивать сразу, пока не произошли необратимые изменения. Никто из нас, уцелевших, не желал превратиться в агрессивную тварь. Мы составили договор, по которому обязывались усыплять тех, у кого начнутся признаки болезни. Это было тяжело, все уцелевшие были частью команды, мы много лет работали вместе и хорошо знали друг друга.

Мы не сразу пришли к мысли убивать заболевших, но другого выхода у нас не было.

Шереметьев чуть отклонился назад и сказал с внезапно вспыхнувшей горечью:

— У нас не было другого выхода! Еще одна ошибка, которую мы допустили, и которая слишком дорого обошлась для нас — это то, что мы не сообщили о вирусе сразу на Землю. Сообщение было послано только в Гильдию, которая не отреагировала должным образом. Поначалу это не казалось чем-то из ряда вон выходящим, но во время первой же стычки, когда сбежала первая партия изменившихся, мы выстрелами повредили коммуникационные платы, отвечающие за связь. Починить их мы не смогли, хотя и пытались. Что-то блокировало выход сигналов со станции. Мы были заперты во внутреннем круге Третьего Уровня станции, и мы не могли попасть к поврежденным платам связи.

Мы были в безопасности в каютах Третьего Уровня. Но у нас не хватало продуктов, потому приходилось время от времени выбираться в общие коридоры, отбиваться от стаи и добывать продукты из кладовой. Почти каждая такая вылазка нам стоила человеческих жизней.

Во время одной из таких охот мы смогли захватить пленного. Отрубили ему ноги мечом и утащили к себе. Наблюдали за ним несколько дней. Выяснили, что при температуре меньше +15 градусов он становится менее агрессивным, обмен веществ в его организме замедляется, и тварь впадает в спячку. Отрубленные ноги у твари отросли за семь дней. У этих организмов поразительная способность к восстановлению и поразительная агрессивность. Пленного мы убили, мы уже не могли рисковать и

оставлять у себя полностью здоровую особь.

Таис наклонилась к Федору и тихо сказала:

— Они тоже охотились. Вот откуда повелось это, на самом деле…

Федор ничего не ответил, да и не надо было. И так все становилось на свои места, с безжалостной ясностью, с убийственной логичностью.

— Мы ждали крейсеров. Раз в два месяца приходили крейсеры с Земли, забирали продукцию и привозили продукты и вещи. 25 июня должны были придти два крейсера. Нас осталось слишком мало, и мы не смогли бы удержать стаю от нападения. Мы не могли позволить людям из крейсера попасть на станцию, им грозило заражение инфекцией. Если будут заражены люди на крейсерах, то зараза очень быстро охватит всю Землю.

Необходимо было связаться с Землей, и необходимо было обезопасить станцию. После того, как мы достаточно изучили поведение тварей, мы разработали план. Мы знали, что любая вылазка опасна для жизни, и знали, что многим из нас придется дорого заплатить за этот план.

Среди тех, кто укрылся во Внутреннем круге, не было ни одного случая заболевания. Вирус в крови был у каждого, но он не переходил в активную форму. Мы пытались понять, почему, мы пробовали проводить определенные опыты. Вся необходимая аппаратура для этого у нас была. Выводы, которые мы сделали, могут показаться странными. Но это — единственные выводы, которые удалось сделать. Единственная зацепка.

18 июня, спустя месяц после того, как носитель вируса оказался на станции, нас осталось двадцать один человек. Двадцать один человек выживших, не погибших и не заболевших. Изменился весь командный состав, и капитан Лехонцев Владислав тоже. Только я, моя жена Лиза и старпом Игнатьев, его жена и его взрослый сын, офицер Игнатьев Сергей — это все, кто уцелел из командного состава.

Мы пытались понять, как действует вирус, пытались исследовать его поведение в различной среде. Мы пришли к выводу, что вирус активируется при выработке определенных гормонов. Потому, видимо, у детей он находится в спящем состоянии, и активируется только с наступлением полового созревания.

Мы также поняли, что не все подвержены действию вируса. В определенных организмах ему не хватает условий для активации. Мы анализировали и думали. Наши выводы могут показаться странными. Нас осталось мало, мы стоим на грани гибели. Мы понимаем, что столкнулись с очень страшным врагом, против

которого у нас нет оружия. Все наши опыты, все наши исследования тут на станции не дали определенных результатов.

Но мы нашли то, что оказалось общим у всех незаболевших. В первую очередь уцелели семейные пары, отношения которых были крепкими и стойкими. Другими словами — семейные пары, которые любили друг друга. Мы проанализировали всех, кто изменился. И всех, кто остался. Не изменилась ни одна пара влюбленных. Все влюбленные друг в друга люди оказались невосприимчивыми к вирусу. И не изменились женщины, у которых были на Втором Уровне любимые и желанные дети.

Я хорошо знал команду людей, с которыми доводилось работать. И среди нас, уцелевших, оказался психолог станции, Ирина Команская. Она немало общалась с людьми станции, и знала личную информацию каждого. Уцелели матери и некоторые отцы, любящие своих детей. Другими словами, каждый, кто испытывал устаревшую, почти изжившую себя эмоцию под названием "любовь", оказался невосприимчив к вирусу. Видимо, под действием этой эмоции в организме вырабатываются вещества, блокирующие размножение вируса.

Другой причины — почему не все поддались действию вируса — мы не нашли. Выживает только тот, кто любит.

Шереметьев сделал паузу. Таис молчала, Федор тоже.

— 19 июня мы привели в исполнение наш план. Мы решили увести стаю на Нижний, пустующий уровень. Твари постоянно обитали вверху, там, где охотились на нас. Мы решили вывести стаю вниз, закрыть в отсеках и понизить температуру настолько, чтобы все особи впали в спячку. Удастся их вылечить, или нет — мы не знали. Нашей задачей было обезопасить станцию. Потому несколько наших продумали маршрут, по которому будут уводить стаю вниз. Кто-то должен был стать приманкой, чтобы остальные последовали за ним. Я стал одним из тех, кто увлекал стаю за собой.

Мы продумали маршрут, пятеро наших спустились вниз и устроили замки на шлюзовых коридорах и отсеках. Там, где находились челноки спецназовцев. Замки мы устроили таким образом, чтобы их случайно никто не открыл. После того, как двери закрывались и замки срабатывали, напряжение на них повышалось настолько, что любая вставленная флешка уничтожалась.

Из тех пятерых, что приготавливали ангары на Нижнем Уровне, вернулся только один человек. Остальные погибли. Стая учуяла их присутствие внизу, спустилась и устроила охоту. Нас осталось всего семнадцать человек. И мы совершили свою охоту. Она оказалась последней почти для всех. Уцелел только я и моя

жена Лиза. Лиза сильно ранена, но лекарства у меня на исходе. Стая заперта внизу, на Нижнем Уровне. Я проверил весь Верхний Ярус, роботы проверили Средний. Ни одной твари не осталось. Все заперты внизу.

Сегодня 20 июня 18 планетного круга. Связи с людьми у нас по — прежнему нет. Станция по — прежнему заражена. Воздух станции полон вирусов, которые продолжают дублироваться. Детьми на Среднем Уровне занимаются роботы, программы будут работать по — прежнему. Наш трехлетний сын Федор тоже находится среди детей. Мы не видели его уже больше четырех недель. Мы ничем сейчас не можем помочь ни нашему сыну, ни остальным детям. Наша задача — сохранить хотя бы детей и сохранить результаты наших исследований. Мы не можем допустить, чтобы крейсеры зашли на станцию. Потому мы хотим вылететь на челноке навстречу крейсерам с кодом тревоги М. О.Х. I. Точно такой же код присваивается станции.

Лиза слишком плохо себя чувствует, я не знаю, смогу ли довести ее до людей. Она не приходит в себя уже второй день. Я должен попробовать спасти ее и вывезти со станции. Ради Лизы и ради детей я попробую выбраться на челноке.

Вот, пожалуй, я рассказал все. Мне придется оставить детей — их чуть больше сотни. Придется оставить станцию без взрослых. Стая заболевших надежно заперта внизу. Роботов — пятнадцатых у нас уже не осталось. Но я рад хотя бы тому, что удалось сохранить жизни детям. Мы не потеряли ни одного ребенка. Удалось сохранить даже тех, кто все еще находится в кувезах. Программы станции и сам сервер работают исправно. Мы запустили самоопределение станции, теперь все решения интеллект станции будет принимать сам, на время отсутствия взрослых. Интеллекту корабля присвоено имя Моаг — по начальным буквам кода.

Производство работает исправно, никаких нарушений не было. Благодаря тому, что производство хорошо изолировано от жилых отсеков, удалось избежать проникновения туда тварей.

Все-таки, мы думаем, что вирус напрямую связан с человеческими гормонами. По какой-то причине его блокируют испытываемые людьми чувства сильной эмоциональной привязанности. Настолько сильной, что люди не мыслят жизни без объекта привязанности. Так называемая любовь. Почему так происходит — мы не успели понять до конца.

Я заканчиваю запись, и мы уходим. И если есть Бог — да поможет Он нам и нашим детям.

Андрей замолчал, глядя в экран. После вдруг сказал чуть дрогнувшим голосом:

— Я очень люблю свою жену Лизу и люблю нашего сына Федора. Если мы больше не увидимся, если я не вернусь или погибну или изменюсь — я хочу, чтобы Федор это знал. Чтобы осталась хоть какая-то память о нас. Мы всегда любили тебя, сын.

Запись закончилась. Лишь внизу пробежали последние слова — буквенная запись чуть запаздывала. И Таис увидела знакомую фразу. "Мы — сердечко — тебя".

Что значит сердечко? Любовь, что ли?

3.

— Вот теперь все ясно, — сказал Федор, не глядя на Таис, — теперь все встало на свои места.

— Это значит… — Таис не решалась продолжить фразу.

Она даже не решалась думать об этом. Невысказанная, не принятая мысль висела буквально в воздухе. И Федор озвучил ее с режущей ухо безжалостностью.

— Это значит, что вирус не в Моаге, Таис. Вирус в нас. Это мы носители вируса, мы — глюк этой станции. Я еще кое-что нашел. Моаг же все записывал. Все, даже как перерождались и гибли люди. Все записано, оказывается, раньше на Моаге были не только тепловые датчики, но и голограммные камеры. Мой отец и мать успели уехать на единственном оставшемся челноке. Я так и не понял, что с ними сталось. Но через дней десять тут появился крейсер с роботами. Людей не было. Роботы перепрограммировали станцию, загрузили новые программы, привезли новых пятнадцатых, гораздо больше, чем было раньше. Лазерных мечей привезли, парализующих гранат. Я видел, как они сгружали ящики с оружием в одну из кладовых. Они запустили полностью автоматическую программу для Моага. Старые программы заботы о детях они убирать не стали, потому что для этого надо было бы полностью форматировать станцию, а это дорого и сложно. Они просто замкнули старые программы в круг, чтобы Моаг снова и снова их выполнял. И добавили новых. Станция теперь была ориентирована только на производство. Ну, а дети зачинались, выращивались по старым программам, а после вступала в силу новая программа, и детей усыпляли. Как раз в тот момент, когда они достигали полового созревания. В пятнадцать лет. Вот и все, Тай. Нас посчитали, видимо, за животных. За тварей, а не за людей. И потому можно нас плодить, а после усыплять. Как побочный продукт производственной станции. Как крыс, которые размножаются на складах, а после их травят. Люди на станцию не заходили, все делали только управляемые роботы.

Так что, по меркам людей тут все в порядке. Станция работает, производство налажено, крейсеры приходят. Даже привозят еду и вещи для детей — потому что все это в

программах Моага. Чтобы не было сбоев в программах и в производстве, потому что сама знаешь, для Моага дети — это приоритет. Выполнение основных программ — это приоритет. Рождение и сохранение детей — основные программы. А уничтожение подростков — это, видимо, уже добавленные. Второй этап программ. И Моаг их выполняет.

— Значит, на Земле знают, что у нас произошло? — спросила Таис, все еще пытаясь понять то, что уже давно понял Федор.

— Про Землю не знаю, но люди, приславшие роботов и присылающие крейсеры — они знают точно.

— Ты же их не видел, этих людей.

— Я слышал голоса, когда люди управляли роботами. Голоса с точек связи у роботов. Смотрел запись. Думаю, что это люди. Хотя, кто его знает…

— Значит, для людей мы уже как бы… и не люди… что ли?

— Видимо, так.

— А что твой отец говорил про любовь?

— Что не изменяется только тот, кто любит.

— Что это за любовь такая? Это то, что заставляло людей заниматься сексом?

— Ну, про секс, как раз, отец ничего не говорил. Он говорил про эмоциональную привязанность. Помнишь, запись на старых нейтфонах? Знак "сердечко" означает любовь. Ну, я так думаю теперь. То есть, когда люди говорили о любви, они ставили такой знак.

— Почему? При чем тут внутренние органы?

— Не знаю. Это не понятно, но это и не важно. Важно то, что уцелеют только те, кто любит. Так сказал отец, — Федор пожал плечами.

— Тогда мы все обречены, — горько усмехнулась Таис, — никто из нас не умеет любить. В пору искать первые признаки заболевания. Дикие-то уже заболели. Причем все. Какие там признаки, Федь? Отмотай-ка запись…

— Подожди, Тай, — Федор вдруг повернулся к ней и посмотрел в глаза.

От его взгляда по коже Таис побежали мурашки. Непонятное чувство горело в таких знакомых чертах Федора. Все его лицо вдруг засветилось — Таис не могла понять, что это. Мягкий свет нежности, дружбы, и еще каких-то чувств — не понять.

— Я понял, Тай. Я многое понял. Ты знаешь, я раньше всегда думал, что мы что-то упустили из истории человечества. Жили наши предки трудно, тяжело. Болели, воевали. Но что-то позволило им прожить много тысяч лет. Что-то удержала человеческую расу от самоуничтожения. И я не мог понять — что.

Только сейчас вот, кажется, начинаю понимать… В общем, сложно говорить об этом, Тай. Я думаю, что я люблю тебя. Я это понял только тут, когда слушал своего отца. Я очень сильно люблю тебя, Тай.

Таис смотрела в его глаза, такие близкие, такие знакомые, и не узнавала своего друга. Она даже не могла подобрать название тем чувствам, что горели в его взоре. Но слова Федора пронеслись мимо сознания, точно роботы уборщики, что снуют по коридорам.

— Хорошо, Федь. Но я никого не люблю. Все меня только злят, ты понимаешь? Я злюсь, и иной раз готова дубасить и крушить все вокруг себя. Что там твой отец говорил про агрессивность? Может, я уже все? Начинаю перерождаться? Может, я уже становлюсь чертом?

— Да подожди ты, не гони. На что ты злишься? Просто подумай сейчас, что тебя злит?

— Ну… то, что все, чему нас учили, оказалось неправдой. Как бы тебе объяснить… все, на что я надеялась и во что верила — вдруг перестало существовать и работать. И осталась одна пустота. Ни правил, ни закона. Ничего не работает и ничего не имеет смысла. Бессмысленно все.

— Так это нормально — злиться на это. Я тоже иногда злюсь, и первое время очень злился. На меня ты злишься?

— Нет, Федь. Ты же друг. Ты — мой друг, я не злюсь на тебя.

— А на Эмму?

Таис замерла, закрыла глаза и почувствовала, как стекает по щеке слеза. Мотнула головой и сказала:

— Нет. Теперь мне всех жаль. Мы все погибнем тут, и даже выводить детей со Второго Уровня теперь не имеет смысла. Для них действительно гуманнее умереть от инъекций, чем так, как умер Крендель или Жека. Или превратиться в животное.

— Разберемся с этим. Мы с этим разберемся. Надо рассказать нашим, Тай.

— Федь, обещай мне одну вещь.

— Какую?

— Обещай, что убьешь меня, как только заметишь первые признаки болезни. Не хочу жить фриком. Обещаешь, Федь?

— Ты не станешь фриком, Тай. Ты им не станешь. Моей любви хватит на нас двоих. Ты мне веришь?

Таис улыбнулась через силу и вытерла мокрые щеки.

Глава 8. Эмма: дверь

1.

Нитка причитала, как ненормальная. Глаза вытаращены, руки дрожат.

— Я не знаю, что делать. Не помогли лекарства, вообще не помогли! Коля, что же делать-то?

Колька только проснулся, сидел на матрасе и непонимающе мигал. Эмма тоже спросонок не сразу поняла, в чем все дело. Протерла глаза, убрала за спину непослушные волосы, потерла нос.

— Чего ты орешь? — спросила хрипло и раздраженно.

И не поспишь с этими ребятами подземелий.

— Валька рвет с утра. Он вообще не может даже кружку воды выпить. Зеленый стал, на ногах не стоит. Коль, он же умрет так…

— Не болтай. Сейчас посмотрю.

Тут до Эммы, наконец, дошел смысл того, что говорила Нитка. Лекарства не помогают. Валёк не то, что не поправился. Наоборот! Все стало плохо, очень плохо, судя по словам Нитки.

Эмма быстро поднялась, схватила штаны — она спала в пижаме — и, сказав: "Сейчас!" — кинулась переодеваться. У нее у самой задрожали руки, пока натягивала пайту и застегивала молнию. Если антивирусники бессильны, то это уже не вирус. Это что-то другое. Потому что лекарства помогают против всех вирусов. Против всех, это Эмма точно помнила.

Валька она нашла сидящим на кровати. Голова опущена, руки худые. В комнате все пропахло рвотой, и Эмма сама чуть не блеванула, как только прошла в спальню.

— Валёк, ты как? — спросила осторожно и тут же подумала, что зря сюда пришла. Она наверняка подцепит заразу. Валёк, наверное, сейчас просто рассеивает вокруг себя инфекцию.

И что это за инфекция?

Валёк не ответил. Поднял голову, и Эмма с ужасом увидела, что радужка его глаз стала почти черной и огромной. Белка не видно, одна чернота. Лицо посерело, губы ввалились. Валёк хотел что-то сказать, но язык не повиновался ему, и получились лишь какие-то мычания.

— Черт бы побрал этих Диких! — ругнулся за спиной Колька, — Нашли же заразу, придурки. Валька надо обязательно напоить. Хоть чуть — чуть. У него же обезвоживание, совсем посерел. Иначе он умрет без воды.

Нитка мотнула головой и сказала:

— Я сделала ему чай. Ночью его рвало, но он не будил

меня… А утром я встала и увидела, что ему еще хуже… Я думала, что он поправится после лекарств.

Эмма увидела на стуле кружку с еще теплым чаем, взяла ее и приблизилась к Вальку.

— Давай попьешь немного. Ложечку принесите, ребята. Попробуем его отпоить ложечкой.

Руки у Эммы все еще дрожали. И зачем она лезет сюда? Надо держаться подальше от Валька, от всей этой компании… Надо вернуться к Лону и отсиживаться в каюте… Где угодно, только не тут, на Нижнем Уровне…

Нитка сунула чайную ложку, Эмма присела, сказала Кольке:

— Тебе надо будет засунуть его в душ, воняет рвотой невозможно.

После попробовала еще раз заговорить с Вальком:

— Давай еще раз попробуем. Немного попьешь, и все. Давай?

Валёк резко выпрямился, схватил Эмму за запястья, сдавил и рванул в сторону. Кружка полетела на пол, Эмма завалилась, стукнувшись коленями о край кровати. Валёк размахнулся и врезал бы Эмме по голове, если бы его руку не перехватил Колька.

— С ума сошел, что ли? — заорал он.

Валёк накинулся на Колю, но Эмма успела подняться. Вдвоем они еле одолели бушующего друга, уложили на постель. Колька прижал его руки к кровати и велел:

— Нитка, неси веревки или пояса, что там у вас есть! Быстрее!

Нитка, плача, притащила какие-то подтяжки, и Колька ловко связал ноги и руки Вальку.

— Бред какой-то… — пробурчал он, отходя в сторону и, повернувшись к Эмме, велел, — иди, вымойся. Я после тебя. Потом тут помою и его переодену. И надо выпить что-нибудь для иммунитета. Давай быстрее!

Эмма кинулась в душ.

Одежду выбросить, в ней ходить уже невозможно. Лон раздобудет новой, если что… И тереть, тереть мылом руки, лицо… Даже нос внутри вымыть мылом…

Глядя, как убегает пена в блестящий от воды сток, Эмма подумала, что Федор все-таки не вернулся. И Таис тоже. Они не пришли, потому что их уже просто нет. Ни Федора, ни Таис. И скоро, видимо, не станет Валька. Что происходит? Что происходит на этой станции?

Эмме казалось, что она перешла на новый уровень игры, и все правила поменялись. А те бонусы и жизни, что она заработала раньше, теперь вдруг стали недействительны. Как играть на

новом уровне? А уж тем более, как выиграть?

Эмма перекрыла рычажки кранов и подумала, что не хочет играть. Вообще не хочет. Убираться надо отсюда, это единственное верное решение. Надо открыть ту дверь, в проеме которой сгорела флешка Федора. Ту самую дверь, за которой могут находиться челноки. Завести челнок и вылететь на Землю. Туда, где есть взрослые, которые смогут помочь.

Вот что надо сделать, и немедленно! Вот прямо сейчас она и пойдет к двери. Нечего больше ждать, надо действовать.

Колька долго возился в комнате Валька, после долго торчал в душе. Вернулся взъерошенный и молчаливый. Сел на матрас, посмотрел на Эмму, спросил:

— Как ты?

— Никак.

— Ясно. Есть будешь?

— После. Давай поговорим. Коль, надо что-то делать.

— Ну, да. Надо. Надо пойти и записать имя Ильи на стене памяти в коридоре.

— Почему только Ильи? А Федор? — Эмма произнесла имя Федора и запнулась. Стало горько до невозможности и захотелось орать и пинать все, что подворачивается под руку.

— Я не видел Федьку и Тайку мертвыми. Потому и не верю в их смерть.

— Но они же до сих пор не пришли!

— Мало ли что. Они могут быть ранены, могут застрять где-то в коридорах, закрыться в кладовках. Что угодно может быть. Надо вернутся на Третий Уровень за ними. Этим я и собираюсь заняться. Сегодня второй день крейсеров, сегодня еще можно попробовать.

— Ты с ума сошел, Коль? Хочешь тоже погибнуть? Даже не думай, я не пущу тебя.

— Ты не пустишь? — Колька усмехнулся и посмотрел как-то странно, с удивлением и радостью, что ли.

— Не пущу. Ты — мой друг, я за тебя тоже немного отвечаю.

— Ладно, посмотрим. Давай поедим, а там видно будет. Но на Третий Уровень надо сходить по любому. Надо узнать, что с ребятами.

— Хорошо, сходим. Но давай сначала откроем те ангары, помнишь? Которые закрытые. Ту дверь, в замках которой высокое напряжение.

— Зачем? — совершенно искренне удивился Колька.

Эмма понизила голос и сказала:

— Коль, надо выбираться со станции. Надо найти взрослых, надо понять, что тут происходит. Мы пробовали разобраться во

всем, попав на Третий Уровень, но у нас ничего не вышло. Значит, надо поискать здесь, внизу. Почему дверь закрыта? Не потому ли, что там челноки, и выход? Может, поэтому интеллект корабля и заблокировал дверь?

— Думаешь, это сделал Моаг?

— Уверена. Хотя, тут много непонятно. Моаг контролирует роботов, и роботы доброжелательны к детям. Опасны только пятнадцатые. Может, глюк в блоке, что отвечает за робототехнику? Может, получиться на челноке облететь станцию и найти возможность попасть в серверную?

— Ничего себе, планы у нее… — буркнул Колька, — давай поедим. После посмотрим.

— Я бы вообще улетела на Землю, — вдруг сказала Эмма, — не хочу тут оставаться. Даже возвращаться сюда не хочу.

— Да, я понял, — кивнул Колька и тяжело спрыгнул вниз, прямо с верхней ступеньки лесенки.

2.

Эмма не заметила вкуса еды. Прожевала все, запила безвкусным кофе. В голове крутилась только одна мысли — о дверях. Что бы она отдала за возможность выбраться со станции? Да что угодно. Десять лет жизни отдала, только бы умотать отсюда, чтобы не слышать, как орет привязанный к кровати Валёк, как плачет Нитка. И Катя тоже плачет. Маша, хмурая и растерянна, ругает мальков и велит им сидеть в каюте.

Ни Федор, ни Таис так и не вернулись. Колька, может, и тешит себя надеждой, но Эмма очень хорошо понимала — друзей нет, потому что их нет в живых. Моаг убил их. Тела сжег в крематории. Моаг выполняет заданные программы, вот и все. Но кто их задал, эти программы?

— Пойдем, посмотрим на дверь? — попросила она, как только Коля перемыл после себя посуду.

— Что, прямо сейчас?

— Почему нет? Проход туда готовить не нужно. Взяли да пошли. Сейчас соберу рюкзак.

— Зачем рюкзак?

— На всякий случай. И планшет возьму. Тоже на всякий случай.

Планшеты лежали в углу каюты сиротливой и никому не нужной стопкой. О них вообще забыли после вчерашних происшествий.

— Сейчас, я подготовлю тебе планшет, — сказал Коля.

Возился он недолго. Вскрыл заднюю крышку, подсоединил в один из разъемов флешку, запустил голограммный экран от флешки и, увеличив на нем главную плату, что-то сделал с ней.

— Вот, теперь Моаг не увидит этот планшет, когда он будет работать. Вернее, сигналы услышит, но примет их за сигналы Лона.

Эмма кивнула. Восхищаться работой Кольки уже не было сил.

— Говорить никому не станем, куда пошли, да? — спросил Колька, когда Эмма натянула лямки рюкзака на плечи.

Она мотнула головой. А кому говорить? Маше и Нитке? Или Кате, которая с утра ходит, точно сомнамбула, и не реагирует ни на кого?

Потому вышли молча. Что-то крикнула вслед Маша, но ни Колька, ни Эмма ей не ответили. Уже шагая по коридору, Эмма подумала, что если за дверью действительно окажутся ангары с челноками, то она с удовольствием уберется с Моага. И никогда больше не вернется.

Пришлось пробираться по трубе, после прыгать вниз, в темноту. Луч фонарика скупо освещал пыль на полу, странные потеки на стенах и оплавленный остаток флешки в разъеме. Следом за Эммой прыгнул Колька, ругнулся, отряхнул штаны.

Эмма хотела напомнить о законе, но передумала. Вряд ли закон может защитить от вируса. "Вирус злости", вот как можно назвать эту заразу. И правила от этого не помогают. Вряд ли защитишься от болезни, если просто будешь стараться быть хорошей.

Или защитишься?

— Как думаешь подключаться к разъему? — спросил Колька, наведя фонарик на дверь.

— А ты как думаешь?

— Надо вскрыть разъем и посмотреть, что там.

— Давай. Я бы тоже так сделала.

Эмма присела на корточки, наблюдая за действиями Коли. Тот, с помощью магнитной отвертки поднял крышку панели, тонкую, полупрозрачную. Вместе с ней выскочил и намертво припаянный оплавок.

Эмма глянула на квадратную, маленькую плату, включила планшет.

— Я хочу попробовать сама, — пояснила Коле.

— Ну — ну. Давай, пробуй.

У нее все получилось. Снизить напряжение в цепи не такое уж и сложное дело. Теперь любое устройство, подключенное сюда, не загорится пламенем от того, что тут гораздо больше вольт, чем надо.

А дальше даже флешка не понадобилась. С помощью планшета Колька запустил программу, взламывающую файлы замка. Десять минут — и готово. Дверь щелкнула, и створки

поехали в стороны. Исчезли в стене золотистые звезды Моага.

За дверью оказалась темнота. Абсолютная темнота.

— Хорошо бы найти хоть какой-то рубильник, чтобы включить свет, — заметила Эмма.

Вдруг над их головами послышалось шуршание, вскрик, и за их спинами приземлился кто-то, выскочивший из трубы. Эмма дернулась от неожиданности, оглянулась.

Это был мальчишка. Малек, коротко стриженный, худой и решительный.

— Я с вами, можно? Я точно с вами, вы не отправите меня назад, — торопливо заявил он.

— Ты что, обалдел? — возмутился Колька, — С чего ты с нами? Это не игрушки тебе, давай возвращайся. Быстро, я сказал!

Мальчишка вдруг присел, мгновенно юркнул между Эммой и Колькой и нырнул в проем двери. Отбежал в темноту и оттуда крикнул:

— А ну, верните меня? А, что, слабо, да?

— Вовка, я поймаю и набью. Клянусь собственным планшетом! — закричал Колька.

Эмма, дотронувшись до его плеча, попросила:

— Не ори. Мало ли что за дверью. Мы уже не отправим его назад, бесполезно. И гоняться за ним не будем. Надо сказать ему, чтобы вел себя нормально, не орал и не убегал. Тогда возьмем его с собой.

— Да я прибью паршивца! — буркнул Колька, но уже гораздо тише.

После позвал:

— Вовик, ты где?

Они зашли за дверь, оглянулись и посветили фонариком. Вовик темноты, видимо, не боялся. Стоял в одном из поворотов — коридор разветвлялся на три прохода — и нагло улыбался.

— Я тут. Я слышал, как вы говорили, что хотите улететь на Землю. Я с вами. Я тоже хочу на Землю.

— Болван, — выдохнул Коля, — мы сначала посмотрим, что в этой части уровня. Никуда мы не собираемся лететь. Давай, топай назад.

Вовик отступил назад, в темноту и оттуда прокричал:

— Я не уйду! И не заставите! Я тоже хочу уехать отсюда! А вы решили сбежать. Для меня должно хватить места в челноке, я маленький, много места не займу…

— Вот же дурачок, — Коля направил свет фонарика в лицо Вовки и бросил, — да топай с нами. Нечего тебе делать — давай, иди с нами. Полазь в темноте и грязищи. А Машке я скажу, чтобы отмывала тебя с мылом и дезинфицирующими средствами.

Эмма не стала ничего говорить. Конечно, с Вовиком будет лишняя возня, но не возвращаться же из-за него. И не бегать за ним по непонятным коридорам. Пусть идет, черт с ним… Кажется, она уже сама начинает ругаться…

Они пошли дальше. В этих коридорах было заметно холоднее и пахло странно. Эмма не могла понять, что за запах. Еле уловимый, немного кислый… Или это только кажется?

Коридоры тянулись полукругом, в них попадались странные комнаты, похожие на каюты. Все они были открыты и пусты. В некоторых фонарик Кольки высвечивал кровати без матрасов, столы, стулья и даже выключенные планшеты. Но запустение и пыль — вот все, что можно было там увидеть. Люди давным — давно ушли отсюда, и теперь все эти каюты пустовали.

Склады, широкие коридоры с плотно закрытыми дверями ангаров.

— Надо попробовать открыть один, — проговорил Колька.

Вовик, который все еще держался на некотором расстоянии от них, заметил:

— Сейчас? Давайте сейчас откроем. Вдруг там челноки?

— В этих ангарах могут быть челноки. Вполне. Но сначала просто все осмотрим, — ответил Колька, водя фонарикам по стенам, — я не могу понять, зачем закрыли эту часть корабля? Тут вообще ничего нет. Ничего, чтобы представляло опасность. Ну, кроме челноков, разумеется. Хотя вовсе не факт, что и челноки тут есть. Потому что все шлюзы устроены на Третьем Уровне, там, куда приходят крейсеры.

— Тогда почему вы не открываете?

— Да подожди ты, — отмахнулся Колька, — надо осмотреться сначала.

Эмме вдруг стало страшно. Темно и тихо тут кругом, но кажется, что мрак этот дышит. Вдыхает и выдыхает воздух. Живой мрак, неприветливый, опасный.

"Они здесь… они здесь… они здесь…" — завертелось в голове. Как поставленный на повтор файл с песней. Эмма замедлила шаг, почему-то схватилась рукой за стену. Пальцы коснулись труб, которые в этих коридорах не прятали внутрь. Трубы и еще что-то непонятное.

— Коля, посвети сюда фонариком, — попросила Эмма.

Беспокойный луч запрыгал по стене, выхватил ряды покрытых пылью труб и человеческие кости на них. Кисти рук, длинные кости предплечий. Они просто лежали на трубах, словно кто-то заботливо пристроил их в надежде скоро забрать.

Эмма чуть не заорала от страха, затрясла рукой, которой касалась труб, яростно потерла ей об штаны.

— Что это такое? — тут же подскочил Вовик.

— Это человеческие кости, — жестко сказал Коля, — и это значит, что тут погиб человек.

— Отчего погиб? — не унимался Вовик.

Он приблизился к трубам, открыл рот, и его бледное лицо показалось призрачным и нереальным.

— Рот закрой, — не выдержал Колька и пихнул малька в бок, — и не суйся сюда. Это значит, что тут кого-то убили, оторвали ему руки, разнесли тело по частям и раскидали по коридорам. Вот что это значит. Возможно, тут хранятся неисправные роботы. Надо быть настороже, друг от друга не отходить.

— Как это — оторвали руки? — промямлил Вовик, таращась на кости так, словно это был новый уровень игры на планшете Валька.

— Ну, не сам же человек оторвал себе руки и положил на трубах, чтобы не потерялись. Вот и оторвали, как видишь. Не вопи. Пошли отсюда. Надо быть внимательнее, и все. Эмма, ты в порядке?

— Почти — еле слышно ответила Эмма.

Она теперь не сомневалась — загадочные "они" все еще здесь. Это "они" убили тех людей, чьи кости ей довелось видеть на Нижнем Уровне. И наверняка это не последние кости, которые они находят.

Все так и оказалось. Буквально через несколько шагов под ногами оказался человеческий череп. Полностью истлевший, без волос, с треугольником вместо носа и радостной улыбкой целых зубов.

Вовик опять принялся что-то спрашивать, но Колька толкнул его и зло велел:

— Молчи, а то врежу. Молчи и не тарахти тут. После поговорим. Переступай, если снова увидишь череп. Вдруг это был один из членов команды. Видимо, взрослые тут и находятся. Вернее, все, что от них осталось.

Эмма не говорила ничего. Она еле — еле справлялась с желанием повернуться и бежать отсюда. Бежать без оглядки. Эта мысль буквально сверлила мозг. Пока не поздно, надо сматываться. Пока не поздно…

Широкий коридор вывел к открытым ангарным дверям. Створки был опущены до самого пола, от них тянуло холодом, и доносились странные звуки. То ли тихое бормотание, то ли сопение.

Все трое остановились, Коля оглянулся и велел:

— Я первый зайду. После Эмма.

Бледная полоса света поползла по полу и выхватила из темноты нечто странное. В первый момент Эмма даже не сразу поняла, что это такое. Свернувшись клубком, на полу дремали какие-то создания. Большие, больше человеческого роста, невероятно костлявые и совершенно голые. Они напоминали собак — точно так же торчали ребра, чуть покрытые слабой шерстью, точно так же выгибались спины. Но присмотревшись, Эмма вдруг поняла, что это не собаки. У неизвестных созданий были круглые головы с немного выдвинутой челюстью, широко посаженные и едва прикрытые веками глаза и маленькие, приплюснутые носы. Челюсть казалась самой значительной частью лица. И еще довольно большие уши, расположенные по бокам головы, точно так же, как у людей.

Эмма не успела сказать ни слова, как фонарик в руках Коли поднялся вверх, и перед тремя ребятами показался целый зал, полный спящих животных.

— Один, второй, третий… — тихо проговорил Коля, — вот, в кого должен был превратиться Крендель.

Колькины слова громким выстрелом прозвучали в голове Эммы. Ну, конечно! Серая кожа, веки без ресниц, рот, лишенный губ… Это очень похоже на первые симптомы болезни… Значит, все взрослые превратились в монстров? И теперь они, дети, тоже в них превращаются? Поэтому роботы убивали всех подросших? Чтобы не стали зверями?

— Они здесь, — тихо произнесла Эмма, и почувствовала, как внутри огромной дырой расползся ужас.

— Ничего себе, — тихо пробормотал Вовик, и вдруг оступился.

Видимо, что-то попало ему под ноги, он свалился вниз и заорал диким голосом.

Колька тут же ринулся к нему и закрыл рот рукой. Но было уже поздно. Ближайшее к ним животное подняло веки и уставилось на Эмму черными глазами без белков. Оно просто вперило взгляд, точно прилипло. Не моргало, не двигалось.

— Бежим! — приказал Колька и дернул Эмму за руку.

Все трое припустили по коридору, громко топая ногами и чувствуя, как ужас замедляет шаги и вытряхивает внутренности на изнанку. Только бы выбраться отсюда! Только бы выбраться…

Пронеслись мимо какие-то повороты и развилки. Двери, трубы. Свет от Колькиного фонарика плясал в припадке безумного страха, выдирая из темноты куски коридоров. Где же выход? Неужели они так далеко забрались?

— Куда теперь? — еле пропыхтела Эмма, оглянувшись.

Колька держался за ней, словно прикрывая. Он мотнул

головой, выдохнул:

— Теперь прямо.

Горло засаднило, в глазах сгущалась темнота. Эмма остановилась, перевела дух, оглянулась:

— А где Вовик?

Колька тоже остановился. Повел фонариком за спиной. Пустой коридор. Тихо, и слышно, как оглушительно стучит собственное сердце.

— Отстал, — проговорил Коля, — ты давай выходи. Прямо — прямо и первый поворот направо. Там будет выход. А я вернусь за ним. Заблудился, наверное…

— Пошли вместе.

Хотелось прибить этого Вовика… Хоть бы с ним было все в порядке. Можно же ведь умереть от ужаса, оставшись одному в этих темных коридорах.

— Вовка! — тихо позвал Коля, — Вовка!

Эмма явственно услышала громкое шлепанье по железу, а после слабый мальчишечий крик. Рванулась вперед и тут же остановилась. А если на Вовку уже напали? Если эти твари дерут ему горло, как вот совсем недавно Крендель царапал Эмму?

Колька опередил ее, еще раз позвал, и Вовка ответил.

— Я тут, он не пускает меня… — раздалось совсем рядом.

Колька повернул, спустился на пару ступенек вниз, предупредил:

— Ступени тут, не свались…

Бледный свет фонарика запрыгал по рифленым полосам железного пола, продвинулся далеко в темное пространство.

Совсем рядом раздалось яростное шипение, Колька развернул фонарик на звук. Вовка стоял, прижавшись к стене круглого зала, а перед ним, повернувшись корпусом к Кольке и Эмме, подпрыгивала крупная тварь. Наверное, та самая, что смотрела на Эмму тогда, в первом большом зале.

— Пошел вон! — крикнул Колька.

Животное прыгнуло, но движения его были медленными, какими-то вялыми. Будто не хватало сил, или оно — это животное — еще до конца не поняло, что хочет. Прыжок вышел невысоким, Колька отскочил в сторону, тварь плюхнулась на пол, растянув лапы в стороны. Колька тут же подскочил к ней и двинул фонариком по голове несколько раз.

Эмма, наконец, вышла из ступора, приблизилась. Пнуть ногой? А если укусит?

— Что стоишь? — Колька не обернулся. Еще раз стукнул животное по голове и выволок в коридор. Тут же вернулся обратно, сообщил:

— Сейчас очухается и опять нападет. Пошли быстрее!

Вовик дернулся и вдруг заорал:

— Они тут! Опять!

В проеме двери послышалось ворчание, и бормотание. Оглянувшись, Эмма увидела, как луч фонарика осветил показавшиеся в проеме морды животных. Отступила назад, перевела взгляд на Колю. Что теперь? Что делать теперь?

— Держитесь вместе, — велел Колька, — идите сюда все. К середине. Надо как-то обмануть их и выбраться к двери.

Он быстро провел фонариком по стенам. Высокий зал, похожий на шлюзовый ангар. Только челноков в нем не оказалось. Несколько широких грузовых тележек, которыми умеют управлять Доны. Колька рванулся к тележке, перевернул ее. Эмма и Вовка кинулись за ним. Тележка послужит укрытием, хоть и ненадежным.

Животные замешкались в коридоре. Раздался дикий визг, звук разрываемой плоти, чавканье.

— Жрут своего, того самого, которому я надавал по башке, — пояснил Коля.

Эмму чуть не вырвало. Желудок подпрыгнул к самому горлу. Твари поганые… уроды… чтобы им всем сдохнуть…

— Чтобы они сдохли, — буркнул Колька.

— Смотрите, вон туда, — сказал вдруг Вовка.

Эмма подняла голову, луч фонарика послушно переместился на стену, куда указывал малек.

С краю стены, под самым потолком проходил небольшой железный мостик. К нему, видимо, вели лестницы, но сейчас их не было. Только небольшой обломок.

— Если залезть, то, может, не достанут, — пояснил Вовик.

— Быстро, — распорядился Колька, — пока они жрут.

Он велел Вовке лезть себе на плечи, после подтолкнул его, подсадил — и мальчишка, уцепившись за остатки лестницы, забрался на мостик. Следом полезла Эмма, а после, с огромным трудом втянули Кольку. Остаток лесенки, что свисал с мостика, оказался подвижным, и его подняли наверх. Оглянулись. Мостик небольшим полукругом проходил через половину зала, и лишь один проем в стене зиял чернотой. Дверь оказалась запертой, но Колька вставил флешку, и створка отъехала в сторону.

За спиной все еще раздавалось чавканье, урчание и хруст костей. От этих звуков Эмму тошнило и трясло. Вдруг совсем рядом темноту прорезал пронзительный вой. Разнесся по залу, эхом отдался от стен. Колька посветил, и все трое увидели, как под мостиком сидит одно из животных и, задрав голову, провожает воем ушедший обед. Или ужин — поди сейчас,

разберись…

— Обломалась, гадина, — буркнул Колька.

— А если и тут они? — предположил дрожащим голосом Вовик.

— Сами себя закрыли, что ли? Вряд ли.

Сначала нашли комнату с пультами, видимо, для ручного управления шлюзами. После увидели еще одну закрытую дверь. Колька открыл ее, нашел рубильник и включил свет.

Это оказалась жилая комнатка с несколькими дверями. Эмме бросилась в глаза нержавеющая раковина, встроенная в стол, лучевая печь, и стол, заставленный какими-то приборами. Все покрыто пылью, все устаревшее, запущенное.

— Что это за комната? — пробормотал Вовка.

— Это все из-за тебя! — Эмма повернулась к мальчику и залепила ему звонкую пощечину, — если бы ты, идиот, не увязался за нами, мы бы тут не застряли! Что теперь делать? Ждать, когда нас сожрут?

— Эм, ты чего? — не понял Колька.

Но Эмма чувствовала, что злость нахлынула на нее такой высокой волной, что выплыть казалось невозможным. Ну, зачем, зачем надо было увязываться этому мальку с ними? Она еще раз замахнулась и поняла, что сейчас будет лупить и лупить пацана.

Коля перехватил ее руку, мягко обнял за плечи и заставил сесть на кожаный диванчик.

— Спокойно, девочки и мальчики. Не впадаем в панику. Мы живы, мы кое-что узнали. А это дорогого стоит.

— Что делать будем? — всхлипнула Эмма.

— Сейчас разберемся. Оглядимся тут. Что за комната, что тут есть. По — крайней мере, тут есть чайник и вода. Видимо. Вовик, проверь кран.

Вовик нажал на головку крана, и вода исправно застучала о раковину.

— Вот, уже живем. Сейчас гляну чайник. Эмм, ты только не горячись, не трать силы на малька. Ему все равно мозги не вернешь, только устанешь зря. А ты, Вовик, сполосни чайник, набери воды. Мы запаслись едой на всякий случай. Сейчас перекусим и что-нибудь придумаем. Заодно и согреемся, тут холодина страшная. Небось, не больше десяти градусов.

За стеной все еще слышался отвратительный вой. Эмма поняла, что ее колотит дрожь, трясутся руки и ноги. Невозможно успокоиться, просто невозможно…

Пока малек возился с чайником, Коля осмотрел комнату, заглянул в соседние двери. Нашел планшет на столе около приборов. Включил, постучал пальцем по экрану, открывая какие-

то файлы. Вдруг прочел вслух:

— Лехонцев Владислав, капитан станции, против проекта Гильдии. Собирается поставить в известность Совет станции. Думаю, не успеет. У него уже появились признаки заболевания, а развивается эта гадость очень быстро. Так что, завтра утром капитан может собственное имя не вспомнить. И Совет не созовет…

— Что это? — Эмма подняла голову, — Что ты читаешь?

— Записи какие-то на планшете. Поэтапный отчет. В виде писем. Их отправляли прямо отсюда, с этой рубки. А дубликаты остались. Надо почитать. Эй, Вовка, чайник закипел? Мы, видать, тут надолго застряли. Потому время для чтения у нас есть.

Часть третья. Я тебя люблю…
Глава 1. Таис: нападение

Две тысячи лет война
Война без особых причин
Война дело молодых
Лекарство против морщин

В. Цой "Звезда по имени Солнце"

1.

— Думаешь, твой отец добрался до Земли? Или до соседней станции?

— Не знаю. Но в Гильдии знают, что происходит на Моаге. И их это вполне устраивает. Раз они просто прислали роботов, поддерживающих производство, и загрузили новые программы на сервер, значит, для них важна продукция, которую выпускает станция. А мы — как побочный глюк производства. Издержки производства, видимо. Полное форматирование станции займет много времени и сил, и роботы с этим не справятся, это должны делать люди. Станцию надо останавливать, дезинфицировать. Детей эвакуировать… Или убивать… В общем, проблематично. А так всем удобно и хорошо. Станция работает, продукция выходит.

— А мы, вроде как, и не люди…

— Ну, да. Таис, мы для них, наверное, не люди. Хотя по положению Всеобщей Конституции мы можем привлечь Гильдию к суду. Подать на них в суд за сокрытие информации. Если, конечно, доберемся до Земли.

— Если не превратимся во фриков, — тихо проговорила Таис.

Обхватила колени руками, сглотнула комок в горле. Рыдать нет смысла. Теперь вообще все теряет смысл.

— Какие первые признаки болезни? — спросила, не глядя на Федора.

— Можно посмотреть. Но я эту запись четыре раза слушал. Могу ответить на память. Раздражение и злость. Агрессия. Это какой-то вирус агрессии.

— Может, у меня уже начинается…

— Тай, не пори чушь. Перестань глупить. А то сейчас кинешься в ванную и начнешь осматривать кожу и глаза. У тебя все в порядке. И с глазами и с кожей. Веришь мне?

— Федь, у нас же все злятся, а я — так больше всех. Меня же злыдней считают на базе. Вот порадуются, когда я стану прыгать

и кусаться.

— Так, все! Хватит кваситься. Давай еще кофе с печеньем. Успокойся, ничего с тобой не станет. Я знаю, Тай, просто знаю — и все. Ты всегда мне доверяла, даже в опасных ситуациях. Можешь сейчас доверять? Ты мне доверяешь? Ведь у меня — как ты говорила — настоящее сердце. Я не обманывал тебя никогда.

— Ну, хорошо, я доверяю. И что?

— И тогда успокойся. Мы найдем выход. Обязательно. Теперь мы знаем правду, знаем — что на самом деле происходит на станции. А это — огромный плюс, поверь.

Таис еле кивнула.

Федр сделал ей еще кофе и заставил пить, пока горячее. Держал в руках печенье, и смешно приговаривал:

— Давай, трескай. Тебе силы нужны. Отец тут в каюте оставил целый арсенал мечей, вооружимся против пятнадцатых, когда будем пробиваться обратно. Уже проще будет.

— Против лучевых пистолетов-то?

— Так у нас раньше вообще только железяки были против пистолетов. А лучевым мечем можно далеко достать, это тебе не трубка от магнитной доски.

— Ладно, посмотрим.

— Я еще нашел списки у отца на планшете. Помнишь, мы находили такие на карте памяти пятнадцатого. Разобрался в них. На самом деле всего четыре списка. Список погибших — и мой отец с матерью в нем. Не знаю почему, может, потому что не долетели…

Федор поднялся, сделал себе кофе, после пристроился у планшета и вывел на экран ряды файлов.

— Смотри. Вот список погибших. Вот список тех, кто изменился. В него Моаг занес и всех детей подземелья. То есть интеллект станции подразумевает, что все, кого не усыпили — рано или поздно — изменяться.

— Вот и я о чем…

— Тай, да перестань. Это же Моаг, он выполняет программы. О любви он ничего не знает. То есть, у него нет даже предположения, что у кого-то вирус не активируется. Потому мы все в списках больных — или изменившихся, как их там правильно называть…

— Ну, дальше?

— Третий список детей, с этим все понятно. А есть еще четвертый список, он у отца на планшете только, видимо. Список тех, на кого вирус не подействовал. Список незаболевших. В этом списке и мой отец с матерью, и старпом, и психолог. Я всех нашел. И вот что я сделал.

Федор улыбнулся и продолжил:

— Я перевел наши с тобой имена в список тех, кто не заболел. В список здоровых. И запустил этот список в Моаг. Пусть добавится к информации. Пусть Моаг подумает, зараза такая, что не все идет по спискам у него.

— Ну, а нам-то что?

— Ничего, в общем-то. Нам надо вернуться к своим и все рассказать.

— Может, отец твой написал, что нашли какое-то лекарство? Не писал он такого?

— Нет, я такого не видел.

— А жаль. Очень. А моих родителей нет в списке незаболевших?

— Твою фамилию Моаг не изменял. Ты Зобова, да?

— Была, по идее.

— Сейчас посмотрим.

Федька прокрутил на экране список, еще раз. Пожал плечом.

— Вроде нет ни одного Зобова.

— Тогда ищи в другом списке. Сам знаешь, в каком.

— Сейчас… Да, нашел. Поисковик нашел сразу. Твои, Тай, в списке изменившихся.

— Класс! Мне был годик, когда все это случилось. Выходит, что мои родители очень даже живы, и бегают внизу, в закрытой части Нижнего Уровня. Ничего себе!

— Может, и нет…

— Может, и да! И, выходит, что мои родители не любили меня. И друг друга тоже не любили. Потому и я не могу никого любить. Не передалось мне такое умение.

— Тай, ну успокойся, ладно? Ты ведь цела? Ты не переменилась!

— А вот сейчас переменюсь, — Таис скорчила зверскую рожу и сделала вид, что вот — вот прыгнет на Федьку.

Тот засмеялся, сел рядом, повалил Таис на подушку и сказал:

— Надо рассказать все нашим. После придумаем — что делать. Что-нибудь обязательно придумаем, Тай.

— Слушай, Федь, а откуда Закон взялся? Отец твой ввел, что ли?

— Нет, отец о Законе ничего не говорил. Видимо, это уже инициатива Моага. Тут, видишь ли, какой момент вышел. Люди нас списали со счетов полностью, мы идем в расход по любому. Но Моаг-то за нас отвечает. У двенадцатых и у Лонов мы в приоритете. Потому, видимо, Моаг решил подстраховаться от того, чтобы дети не озверели заранее. Ну, пришел к этому логическим путем. Возможно, что где-то в извилинах его сервера

гуляет информация, что те, кто любит — те не перерождаются. Только Моагу не понятна сама фраза "любовь". Роботы не испытывают эмоций, они просто выполняют программы. И Моаг, видимо, решил задать программу для детей.

Федька усмехнулся и продолжил:

— Это мои предположения, конечно, я не уверен точно. Но все похоже на то. Я поискал в сети — откуда взялись эти Десять Заповедей. И нашел, что давно была такая религия. Она, может, и сейчас есть на Земле — кто его знает. Христианство. Помнишь, мы учили религии?

— Не помню уже. Мы много всякой ерунды учили, разве все упомнишь?

— Ну, да. Я тоже не очень помню. Так вот, Десять Заповедей были там. Очень похожи на наши. Правила, которые надо выполнять. Только Моаг одно упустил. Одна из Заповедей была о любви. Люби Бога и людей — что-то в этом роде. Ну, как бы, главная Заповедь, что ли. А от нее уже все остальное. Вот Моаг и запустил эти Десять Заповедей — как программы для детей. Он просто пытался вырастить нас так, как умел. Дал нам все, что мог. Его нельзя винить, это не его вина, что люди нас бросили. Фактически, Моаг — единственный во всей вселенной, кому мы хоть немного нужны. Вот так, Таис.

— Радостно, ничего не скажешь…

— Нам надо найти подход к Моагу, вот что я думаю. Надо сделать его нашим союзником. Только я пока не придумал — как. Потому что, видимо, Тай, помощи от взрослых мы не дождемся. Понимаешь? Мы не нужны никому, ни Гильдии, ни Земле — если Земля, конечно, есть.

— Федь, но почему любовь? Почему именно тот, кто любит — тот и не заболевает?

— Не знаю. Я не стал смотреть медицинские файлы и файлы исследований. Может, после посмотрю, конечно. Но я ничего не смыслю в биологии и химии. Я программист, ты знаешь. Математика, геометрия и информатика — в этом я разбираюсь. Физику хорошо знаю. Но все остальное для меня — темный лес. Потому я не знаю. Это, может, Эмма бы разобралась. Вот кого надо сюда.

— Да, Эмка же умная. Она бы что-нибудь наумничала, это точно.

— Уже не злишься на нее?

— Зачем она мне сдалась? Я и думать забыла о ней. Ты, наверное, прав, я злюсь вообще на ситуацию. А все остальные под руку попадаются. А вот ты, почему-то, не злишься.

— Потому что я верю, что мы справимся. И мне нравится

свободная жизнь. Я хочу сам принимать решения, а не подчиняться искусственному разуму. Понимаешь меня?

— Что тут не понимать? Только дорого нам придется платить за свою свободу.

Федька поднялся, прошелся по каюте — от его шагов поднялась еле заметная пыль с давным — давно не чищенного ковра.

— Знаешь еще, что я понял, — сказал он, — что Гильдия заправляет всем. Никто без ее разрешения не может покинуть станцию. И даже количество детей, которое рождалось на станции — и это тоже регулировала Гильдия. И еще я понял, что были какие-то пираты, которые могли напасть на станцию. От них защищались с помощью военных. Пятнадцатые появились чуть позже, и почти сразу у нас начался вирус. И вот, что меня смущает, Тай…

Он остановился у кресла, облокотился на него и грустно улыбнулся.

— Смотри. Появились более усовершенствованные роботы, а чуть позже у нас появляется вирус и все взрослые меняются. Хотя, некоторые от вируса погибают. Некоторые погибают, умирают, Тай. И меня все время преследует мысль — а не Гильдия ли устроила тут вирус?

— Зачем это ей?

— Я не знаю точно. Очень много неизвестных в этом уравнении. Хотела уничтожить всех людей на станции, а после сказать, что — мол — был вирус? Роботы вполне справляются с производством и без людей. Для Гильдии это было бы гораздо дешевле — если бы станцию обслуживали только роботы. Может, поэтому они запустили сюда вирус. А он повел себя непредсказуемо на орбите. То ли из-за изменений в гравитации, то ли еще из-за чего. Мутировал вирус. И мы получили то, что получили.

— Ну… звучит логично… И что теперь?

— А теперь Гильдия замалчивает это. Потому что нарушение Всеобщей Конституции и все такое. Теперь это хранится в тайне. Гильдия могла объявить, что станция опасна для людей, и здесь только роботы. Потому о нас никто не знает.

— Но это только предположения. Настоящей правды мы не знаем.

— Надо узнать. Но если все так, как есть, то нам надо добраться до Моага и перепрограммировать его. Сделать своим союзником. И взять управление станцией в свои руки. Предъявить свои права. Гильдия будет вынуждена считаться с нами.

— А что делать с теми, кто внизу? С изменившимися? И что

делать с теми, кто будет еще меняться? Дикие меняются, не забудь. Где-то скачут на Нижнем Уровне. Еще одна головная боль.

— Согласись, небольшой процент изменившихся.

— Подожди, еще придет время.

— Уже пришло. Из наших не изменился никто. Нитка и Валёк любят друг друга, они отпадают.

— Федь, ты сам веришь в то, что говоришь? Нитка может и того… любит, как ты говоришь. А Валёк любит только свой планшет. Вот посмотришь, придем — а он как напрыгнет на нас…

Федька почесал переносицу и хмуро глянул на Таис. Не сказал ничего, но и так понятно, то он согласен.

— А кто еще у нас любит? Маша мальков, пожалуй, — продолжила Таис, — и еще знаешь кто? Илья и Катя друг друга тоже любят. Держаться все время вместе, смотрят друг на друга так, будто рядом больше никого нет…

— Я понимаю их, — улыбнулся Федор.

— Да ты что? — Таис хмыкнула, — Ты на меня так не смотришь.

— А ты хочешь, чтобы я на тебя так смотрел?

— Не смеши, — Таис шутливо пихнула его в бок, — Они же еще дети, им всего лишь по пятнадцать лет. Какая там любовь?

— Какая бы ни была — но она сохранит их от превращения во фриков.

— Тебя вот сохранила, — вдруг совершенно серьезно сказала Таис и посмотрела на Федора.

Ведь ему почти двадцать лет. И он не изменился, не одичал. Действительно любит ее? Как странно… Интересно, что он испытывает? Каково это — любить человека? Приятно, интересно, хорошо?

— Меня сохранила ты, Тая. А я сохраню тебя. Вместе мы справимся, — ответил Федор, легко прикоснулся к ее плечу а после прижал к себе.

— Что будем делать? — спросила Таис.

— В смысле?

— Сейчас что будем делать?

— Да ничего. Попьем еще кофе, посмотрим — что тут есть. Тебе нужен отдых, потому никуда сегодня не пойдем.

— Решил тут переспать до завтрашних суток, что ли?

— Думаю, да.

— Не, Федор. Нам надо выбираться, и поскорее. Кто его знает, что там с нашими. И завтра крейсеров не будет, все пятнадцатые станут нас караулить. Застрянем на два дня, оголодаем, отощаем. А наши будут думать, что нас убили.

— Уже, наверное, думают.

— Ну, да. Мы же не вернулись. А должны были еще вчера вернуться. Сколько времени я спала? Долго? На Втором Уровне уже давно включили, небось, верхний свет.

— Да, ты спала прилично так. И я тоже немного вздремнул. Ну, ладно, пойдем сегодня, только ближе к концу дня. Тебе надо отдохнуть. Ты же не забывай — придется прорываться.

— А, может, попробуем добраться до корабельной рубки? До Моага?

— Надо продумать этот момент. Вдруг попадем? — Федор кивнул и добавил, — тут есть подробные схемы Верхнего Уровня. Вот эти комнаты — это жилые каюты персонала. А большой круглый зал, через который мы пробегали — это Зал Отдыха. Там всякие планшеты, автоматы должны быть с едой и много чего еще.

— Понятно, — буркнула Таис.

— А рубка в другой половине внутреннего круга. Ближе к производственным отсекам. Можно попробовать и туда добраться. Если получиться, конечно. А через эту каюту есть выход к детскому блоку. Сразу. И оттуда, от детского блока есть проход к лифту, который опускается на Второй Уровень. Короткий путь домой, так сказать. Если не выйдет пробраться к рубке — можно воспользоваться им. Что скажешь?

— А что говорить? Нормально. Куда-нибудь попадем… Федь, я точно не изменилась?

— Тай, ты не исправима, — улыбнулся Федор, — пойди в ванную и посмотри на себя. Девчонкам зеркала надо иметь под боком обязательно.

— И пойду. И посмотрю. И зубы почищу. Со вчерашнего дня не чистила.

— Тут, думаешь, есть нормальная зубная паста?

— А что, нет?

— Тай, тут же около пятнадцати лет не жил никто. Паста есть, но пятнадцатилетней давности. Лучше не пользуйся, мой тебе совет.

— Отлично, ничего не скажешь…

2.

Таис первый раз взяла в руки лазерный меч. Тяжелая рукоять лежала в ладони удобно и хорошо. Покрытая ребристой резиной, чтобы не скользила, она быстро согрелась, и плоские датчики под пальцами засветились зеленым.

Первый красный датчик позволяет выехать клинку на полную длину. Таис легко прикоснулась к кнопке — и тут же выстрелил длинный луч, ударился в стену и выжег черную полосу.

— Ого! — усмехнулся Федор, — Ты поаккуратней с этой

штукой. Регулируй длину, там две зеленые кнопки для этого.

Таис нажала на вторую и увидела, как медленно сократился луч. Вторая уменьшила его ширину, сделав тонким, как спица.

— Неплохо, — Таис улыбнулась, — с такой штукой фрики не страшны. Надо только научиться ею пользоваться как следует.

— Ага. "Как следует" — ключевое слово. Отойди подальше от стены и пробуй еще раз.

— А ты?

— И я тоже.

Но много махать оружием не вышло. Плечо у Таис все еще болело. Федор поменял повязку и сообщил, что края раны срастаются, и через пару дней все будет как новое. Но пока что рана давала о себе знать. Немного, только когда Таис двигала рукой или плечом. Пережить можно, но мечом особенно не помахаешь.

Снова поели картошки и попили кофе. Снова посмотрели запись Андрея Шереметьева, после Федор скинул ее на свой планшет. И подробные карты всех трех уровней станции. И позывные для связи с Гильдией.

— Зачем тебе эти позывные? — не поняла Таис.

— На всякий случай. Вдруг пригодятся.

— Да и так вышли бы на связь, лишь бы эту связь найти.

— Нет, Тай, так просто я бы не вышел на связь с Гильдией. Это может быть опасно. Где гарантия, что они не пришлют сюда отряд пятнадцатых и не укокошат нас всех?

— Думаешь, они так могут сделать?

— Да они уже так делают, Таис! Это они запустили дополнительную программу — убивать детей после пятнадцати лет. Нет, тут надо действовать очень осторожно и продумать каждый шаг. Единственная возможность для нас — это добраться до Моага и заручиться его поддержкой. Вернее, — Федор улыбнулся, — перепрограммировать его немного. Чтобы он подчинялся нам, а не Гильдии. И тогда можно будет перекрыть все шлюзы и начать переговоры с Гильдией.

— А о чем говорить, Федь?

— Тут все сложно, Тай. Надо узнать, нет ли лекарств от этого вируса. И договориться, что Гильдия будет и дальше получать продукцию только в обмен на лекарства. Как-то так.

— А если они откажутся?

— Ну, тогда станция будет наша. Но нам придется обходиться без еды и одежды. Это ведь Гильдия присылает еду и одежду на станцию.

— Издержки производства им дорого обходятся…

— Ну, это неизвестно. Может, одежда довольно дешева. И

продукты тоже. Мы сейчас не можем это знать.

Федор покрутил в руках меч, заставил луч уехать в рукоять и спросил:

— Ну, что, готова? Идем?

— Вниз, к своим? — уточнила Таис.

— Да, к своим. Вернее, сначала пробуем проникнуть в капитанскую рубку. А если не выйдет — возвращаемся в эту каюту и выходим к детскому блоку. А оттуда сразу на лифт и на Второй Уровень. Ну, будем действовать по обстоятельствам.

— Как всегда, — кивнула Таис.

Пайта Таис оказалась испорченной. Потому Федор, полазив по ящикам и шкафам каюты, нашел старую джинсовую рубашку. Хрустящую и противно пахнувшую шкафами и пылью. Пришлось натягивать ее. Были еще пара форменных курток, с шевронами и голограммными нашивками. Но Федор сказал, что по этим голограммам очень легко вычислить — где находится человек. Потому куртки отпали сразу.

— Ты и в этой рубашке хорошо смотришься, — заверил он, помогая просовывать руки в рукава.

— Слушай, ты же помнишь, что обещал убить меня, если я заболею? — напомнила Таис, — Если только начну изменяться. Ты ведь убьешь меня?

Федор нахмурился, отвернулся. После сказал:

— Да, я помню. Но я не обещал.

— Тогда обещай.

— И ты обещай. Если не станет тебя, то я тоже изменюсь. Мне ведь некого будет любить. Значит, убивать придется и тебя и себя. Только такой договор.

— Хорошо. Идет. Договор, — выдохнула Таис, положила руку на плечо друга и еще раз подтвердила, — Договор.

— Если живем — то вместе, — уточнил Федор, — если умираем, то тоже вместе.

— Да. Договорились.

Федор приложил ладонь к небольшому пульту у двери, и створка открылась.

Какое-то время не двигались. Прислушивались, после Федор осмотрел коридор.

— Вроде никого. Пошли, что ли… — велел он.

Прямо напротив двери темнели пятна крови. Таис поморщилась. Вот, так и остаются потеки и следы на стенах и на полу. У той закрытой двери, в которой сгорела флешка Федора, были похожие пятна. Наверняка тоже чья-то кровь.

Федор взял Таис за ладонь и решительно повел вперед, ступая тихо и осторожно. Выглянул за поворот, велел:

— Постой тут, я гляну.

— Я с тобой.

— Слушайся, сказал же тебе. Вдруг придется удирать. Так хоть под ногами не будешь путаться, — зло прошептал Федор, и Таис поняла, что сейчас не до перепалок.

Замолчала, глядя, как осторожно продвигается вперед ее друг.

Федор лишь слегка приблизился к выходу из коридора, и тут же вернулся обратно. Торопливо подтолкнул Таис и велел:

— Топаем обратно в каюту. Тут не выйти.

Теперь уже торопились. И лишь когда щелкнула, закрываясь, дверь, Федор пояснил:

— Пятнадцатые караулят в Зале. Видимо, подозревают, что мы можем где-то прятаться.

— Своего поломанного робота убрали.

— Ну, а чего им не убрать его?

— Что теперь?

— Теперь через детский блок попробуем. Вдруг получится.

В каюте был маленький коридорчик с кладовочкой и ровным прямоугольным зеркалом. За кладовочкой находился узкий проход и дверь, белая, простая. С таким же определителем ДНК. Федор приложил ладонь, створка уехала в стену.

Выбрались, огляделись. Здесь все было спокойно. Сумрак, пульты. Чуть в стороне стеклянная дверь, за которой виднелись кувезы.

— Давай направо. Тут лифт, прямо рядом с нами. Он тоже должен срабатывать только для человеческого ДНК. Роботы им не могут пользоваться.

Узкая, прозрачная кабинка с белым полом бесшумно раздвинула дверки и слегка дрогнула, когда в нее зашли Таис и Федор. Полупрозрачные кнопки зажглись желтым светом. Федор нажал среднюю, и лифт двинулся вниз. Через полминуты они уже выходили на теплый и такой родной Второй Уровень.

Длинный туннель приветливо встретил ярким светом лампочек и отдаленным шумом.

— Разве не должны все ложиться спать? — удивленно спросила Таис, — Чего так шумно? Праздник какой, что ли?

— Не знаю, — пожал плечом Федор, оглянулся, — пошли, надо выйти к нашей трубе, где есть проход.

Они прошли немного вперед, завернули за поворот. Шум усилился, и теперь уже явно слышались крики, вой и громкие глосса роботов.

— Что-то случилось, — тут же сообразил Федор, — посмотреть бы, но только осторожно. Чтобы нас не заметили.

Туннель вывел к школьным коридорам — как раз туда, где находились комнаты для сдачи экзаменов. Свет за стеклянными дверями не горел — в конце дня там все равно никого нет. Но зато ярко полыхали лампы над Оранжевой магистралью. Длинной цепочкой растянулись роботы — Доны, перекрывая проход дальше, к внутреннему кругу с детскими каютами и Зеленой магистралью. А на роботов, с рычанием и странным посвистыванием наскакивали…

Таис остановилась, пораженная. Почувствовала, как встают дыбом волосы на голове и холодеют ноги и руки.

Твари, нападающие на роботов, прыгали, точно резиновые мячи. Заскакивали на стены, отталкивались, снова нападали. Так быстро, что невозможно было усмотреть за этим мельтешением. Худые, поджарые, покрытые редкой белесой шерстью. С вытянутыми мордами и длинными цепкими пальцами, точно у обезьян.

Только это не обезьяны…

— Кто это?

Едва Таис произнесла фразу, как почувствовала, что летит в сторону. Федор резко оттолкнул ее и выхватил меч. Совсем рядом приземлилось одно из животных, зарычало и тут же снова прыгнуло.

Тварь метилась прямо на Федора, но напоролась на сияющий луч меча, завыла и откатилась. Луч выехал на всю длину, Федор махнул рукоятью, но тварь уже отскочила и еще раз кинулась. Кровь сочилась из ее раны скупыми каплями, но это, видимо, совсем не мешало. Федор еще раз ударил мечом и еще раз.

Отлетела в сторону отрубленная лапа, но тварь сделала еще прыжок. Правда, не так быстро, но сила, с которой она отталкивалась, вынесла ее чуть выше головы Федора. Он уклонился, махнул мечом и разрезал животное пополам. Две половинки упали на пол, и кровь потекла густой смолой. Даже не потекла — медленно поползла, поблескивая и отражая свет лампочек.

— Таис, доставай меч! — крикнул Федор.

И вовремя, потому что появилась еще одна тварь. Прыгала она так быстро, что невозможно было понять — куда она прыгнет и как приземлиться. Федор и Таис встали спиной друг ко другу, выставили лезвия лазерных мечей вперед. Таис до отказа нажала на первую зеленую кнопку — чтобы луч стал как можно длиннее. Это оказалось одним из преимуществ.

— Убить их можно, только отрубив голову или разрубив пополам, — быстро напомнил Федор.

Но рубить голову у Таис не выходило. Она поднимала меч, но

каждый раз слишком поздно, тварь оказывалась уже в другом месте. Зато успевал Федор. Каждый его удар достигал цели, кроша животное на куски. И, в конце концов, отрубив ему обе передние лапы, он размахнулся и снес животному голову. Та покатилась, щелкнула последний раз челюсть.

— Хорошо получается, — пробормотала Таис.

— Надо предугадывать их движения, — быстро проговорил Федька, — и бить чуть раньше. Высчитывать траекторию прыжков. Если на нас нападут двое — нам будет конец. Пробуй, Тай.

— Давай уйдем отсюда, Федь, давай на лифт, — Таис заметила, как еще одна тварь повернула к ним башку и зарычала.

— Мы не можем оставить детей. Доны ничего не предпринимают, стоят, как болваны. Ни одного не убили, — Федр взмахнул оружием и отразил еще одно нападение.

Животное зарычало, яростно замотало башкой. Кровь из рассеченного плеча тянулась тягучей каплей, свисала отвратительной соплей и черными точками усеивала резиновое покрытие Оранжевой магистрали.

Той самой магистрали, по которой Таис столько раз каталась на магнитной доске, столько раз ходила в школу и бегала в догонялки с друзьями.

Злость вспыхнула внутри ярче лезвия меча, Таис чуть выступила вперед и ударила несущееся навстречу ей животное. Луч бесшумно пропорол живот и вышел около плеча. Федор одним махом срубил голову, и зло сказал:

— Три!

— Что? — не поняла Таис.

— Посмотри! К нам двигаются сразу трое!

Таис подняла вверх оружие и поняла, что не справится. Сразу с тремя им не справится. Они неслись, выставив вперед челюсти, и темные, почти черные глаза их, лишенные зрачка и радужки, казались бессмысленными и равнодушными.

— В туннель! — велел Федор.

Они успели отступить и спрятаться в коридоре. Встали у стен. Едва появились первых два животных — резанули лучами по низу, по лапам. Кровь растянулась веером темных капель, растеклась блестящей лужей. Отрубленные конечности еще дернулись, но на них сверху уже приземлилась третья тварь.

Федор еще раз махнул мечом, но не успел. Животное скакнуло на стену над его головой, оттолкнулось и вцепилось бы Федьке в голову, но напоролось на лезвие Таисиного меча. Завыло, свалилось, зацепив плечо Федора.

Тот дернулся, повернулся. Отрубил голову упавшему животному. Таис приблизилась к одному из тех первых тварей,

которым отрубили передние лапы. Снесла и ему башку, поморщилась и почувствовала приступ тошноты от вида крови и разрубленных жил.

— Сюда! — Федор потянул ее в сторону, за поворот.

Они оба припустили, слегка оглядываясь, повернули и вышли снова на Оранжевую магистраль. К тому месту, где Доны перекрыли тварям путь. Здесь двенадцатые раз за разом отражали прыжки животных, выставляя вперед руки и отбрасывая назад нападавших.

У двух роботов уже торчали разодранные провода из плеч и рук. Пятеро роботов с одного края Магистрали, и пятеро с другого. Не очень много, и на каждого приходилось по три — четыре животных. Чуть дальше, за поворотом — такие же звуки. Видимо, там тоже идет бой.

— Сколько же их всего? — пробормотал Федор и ударил ближайшего фрика.

Таис не ответила. Она не очень понимала план друга, но тоже вступила в бой. Вдвоем они одолели одного, после другого. Нырнули за спину двенадцатого.

— Убивайте их, что стоите! — заорал Федор.

— Доны-12 не созданы для убийства, — невозмутимо ответил робот и вновь отбросил назад нападающее животное.

— Идиоты, — буркнул Федор, — так и будете стоять кругом, пока они вас не вырубят? А как же охрана детей? Это же приоритет!

— Вас тут не должно быть, — ответил Дон, не оборачиваясь.

— Этих тварей тоже не должно быть! Откуда они?

— Кто-то открыл дверь Нижнего Уровня. Видимо, кто-то из ваших.

Сразу двое животных насело на голову Дона. Вцепились когтями в шею, в плечи. Зарычали, яростно пытаясь разодрать металл.

Пальцы Донов, тонкие, гибкие, сделанные из теплой резины, не могли причинить видимого вреда. Пытаясь отцепить от себя визжащих тварей, Дон лишь портил резину на своих руках да напрасно тратил энергию.

Тремя взмахами меча Федор лишил голов и этих тварей.

— Нет от вас толку! — крикнул он, — Надо спрятаться. Всем спрятаться. Где дети?

— Все, кого удалось увести — во Внутреннем круге, за Зеленой Магистралью.

— Тогда надо опускать решетки. На туннелях ведь есть решетки! Отступайте, иначе — смотри!

Федор указал на поверженного робота, голову которого в

порыве ярости отдирали трое фриков. Дергали зубами за торчащие из шеи провода, выдирали пластины из груди.

— Моаг должен отдать приказ! — ответил двенадцатый.

— А без приказа? Сами можете принимать решения?

— Мы подчиняемся интеллекту корабля.

— Ну, хоть раз подумайте сами!

Двенадцатый кивнул. Повернул слегка голову, велел:

— Уходите в туннели. Мы за вами.

Таис попятилась. Оцепление, созданное роботами, оказалось прорванным, и с левой стороны напало сразу двое животных. Снова засверкали мечи, но теперь твари были осторожнее. Они наскакивали на робота одновременно и очень быстро. Прыжок — и Дон покачнулся. Федор ударил мечом, но животные очень быстро отпрыгнули, издали короткий рык и прыгнули еще раз. Высоко и быстро. В то же время с боку напали еще двое.

Таис отступила к туннелю, рубанула лучом. Сил у нее почти не осталось. Раненое плечо дергало пульсирующей болью, руки слабели. Ей и Федору удалось забежать в туннель, но Дон, рядом с которым они сражались, рухнул на пол, и на него тут же набросились твари.

— Закрывайте решетки! — прокричал Федор, из последних сил удерживая нападающих.

То ли роботы получили приказ сверху, то ли сообразили сами — но большая часть отступила в туннели. С легким шипением опустились энергетические решетки, закрывая проход во внутренний круг.

Таис видела, как прыгнули на решетку сразу две твари, видела, как заискрили тонкие прутья. Слышала дикий визг обожженных животных.

— Сюда вам не добраться, — буркнула она и потерла больное плечо.

— Ты как? — устало спросил ее Федор.

— Жива. Откуда столько тварей?

— Видимо, наши открыли дверь внизу. Ту самую, к которой ведет труба. Помнишь? Это за ней были спрятаны фрики.

Глава 2. Эмма: вышел месяц из тумана…

1.

Чайник в этой заброшенной каюте оказался встроенным в кухонный электронный агрегат. И чайник, и кофеварка и тостер и даже небольшая хлебопечка. Просто задаешь программу, а агрегат уже сам набирает воды — он подключен к водопроводу — сам готовит на выбор кофе, чай, какао или капучино. И даже вежливо спрашивает — не испечь ли булочки к чаю.

Хотя тут же сообщает, что для булочек нет муки и сахара. И молока тоже нет.

— Ну, нет и не надо, — торопливо ответил ему Колька, — давай то, что есть. Уже сам бы сообразил, раз болтать умеешь.

— Нужен заказ, — отозвался агрегат.

Колька высыпал растворимый кофе из пакета в загрузочный лоток. В ответ ему мигнули маленькие желтые диодики на панели, и агрегат заработал.

— Устаревшая штука, — хмыкнул Вовик, оглядывая громоздкую автоматику, занимавшую целый угол комнаты, — и неудобная.

— Почему неудобная? — не согласился Колька, — Как раз очень удобно. Обычно обслуживают Лоны, готовят кофе и чай и вообще часть еды. И им в помощь всякие мелкие приспособления на кухне, типа тостера или блинницы. Но Лон большой, болтливый и все докладывает Моагу. А эта штука докладывать ничего не будет. Безопасная. Нам бы такую на базу — было бы в самый раз.

— Но она тоже ведь болтает? — не унимался Вовик.

— Это можно пережить. Зато она не указывает — как надо жить. Не диктует всякие правила. Понимаешь, малек?

О чем они говорят? Какой смыл сейчас рассуждать о машинах, когда они застряли здесь, в заброшенных коридорах и столкнулись с чем-то странным и… и страшным.

— Что это за звери? — тихо спросила Эмма, — Откуда они взялись? Коль, как ты думаешь?

— Вообще не думаю. Я не знаю. Надо почитать письма — может, тогда станет ясно. И осмотреть тут все надо.

— Так давай и осмотрим.

— Успеем. Времени у нас сколько хочешь.

— Почему ты так говоришь? — не поняла Эмма.

— Застряли мы тут, видимо. И непонятно — как выбираться.

И животные эти теперь вылезут наверх и по трубе — на Второй Уровень. И это большая проблема, — Колька хмуро почесал затолок.

— Получается, что дверь была специально закрыта так, чтобы ее не могли открыть. Чтобы сразу не открыли, — догадалась Эмма.

— Ну, да. Так и получается, — Колька кивнул, — но мы-то этого не знали.

— А ты заметил, что глаза у них совсем черные, и похожи на глаза того самого дикого… Кренделя… — вдруг сказал Вовик, обращаясь к Коле, — И прыгали они так же. Может, это от них идет инфекция? Пробралась, зараза, по вентиляционным проходам. Вот, дикие и подцепили.

Колючий не ответил. Проворно сполоснул те несколько железных кружек, что нашел в шкафу, и сунул их в кофейный агрегат.

— Давай-ка нам кофе, и поскорее, железяка, — распорядился.

После повернулся, глянул на Вовика и тихо сказал с потрясающим спокойствием в голосе:

— Да. Ты прав. Я заметил. И понял. Эти твари, возможно, и являются источником инфекции. Только неясно — откуда они тут взялись?

— А вдруг это инопланетяне? Прилетели на своем корабле и атаковали станцию? И всех взрослых перебили? — спросил Вовик и глаза его стали круглыми и смешными.

Колька фыркнул в ответ:

— Ты сам как инопланетянин. Это ведь животные, они не то, что корабль водить — они разговаривать не умеют. Рычат и воют — слышишь?

За стенами действительно время от времени раздавался протяжный вой. Долгий и нудный, он резал слух и вызывал страх. Вернее, не страх, а дикий ужас.

Эмма даже думать не могла о том, чтобы вернуться в темные коридоры и попробовать выбраться. Они застряли тут. И надолго. И все из-за этого Вовика, из-за этого болвана, который увязался за ними! Хотел он, видите ли, добраться до Земли!

Коля раздал каждому по дымящейся кружке. Эмма втянула запах и поморщилась. То ли кружка чем-то пахла, то ли вообще в этой комнате странный запах. Но кофе потерял свой аромат. Коричневая горячая вода… Такое невозможно пить. И непонятно — что это за кружки, и кто с них пил…

Согревая пальцы, она держала кружку, но так и не решилась отпить из нее. Колька тем временем достал пачку печенья и одну пачку с сухими макаронами. Пояснил:

— Не знаю, сколько придется тут торчать. Потому еду надо экономить. Сейчас немного подкрепимся и все.

— Я есть уже хочу, — тут же согласился Вовик и шумно хлебнул кофе.

Эмма подумала о том, что малек глотает эту противную коричневую жидкость, и почувствовала, как к горлу подступил спазм. Невозможно пить этот кофе! Невозможно и все.

Колька сунул ей несколько печенек, Эмма машинально откусила одно и явно почувствовала на языке привкус железа. Понятно, она просто надышалась здешней вонью, и теперь вся еда ей кажется противной. А вдруг это не просто вонь? Вдруг это какие-нибудь газы, которые вызывают болезнь?

Как она подумала? Болезнь? Та самая болезнь, что была у Кренделя?

— Коля, я думаю, что эти животные — бывшие люди, — Эмма подняла голову и посмотрела на друга, — Они просто заразились вирусом. Тем самым, что был у Кренделя и у остальных диких. Все пропавшие взрослые тут, на этом Уровне. Видимо, Моаг закрыл их здесь, потому что они стали представлять угрозу.

— Ну, да… И что, они тут столько лет прожили и не ели ничего? — недоверчиво хмыкнул Вовик.

— А ты заткнись! — прикрикнула на него Эмма, — Без тебя разберемся!

Она понимала, что слишком резка, что нельзя так грубо разговаривать с ребенком, но ничего не могла с собой поделать. Раздражение и гнев увеличивались, точно пена в кружке с капучино. Вот — вот перельются через край.

— Да что сейчас гадать? — ответил Коля и пожал плечами, — Надо прочитать письма, что отправлялись с этого планшета. Тут была какая-то отдельная ветка связи, видимо. Разберемся сейчас. Пока что пейте кофе. И ты, Эмма, тоже. Надо согреться всем, чтобы никто не заболел. Лекарств мы с собой не брали, потому лечить простуду будет нечем.

Эмма глянула на свою кружку и поморщилась. Сделала несколько маленьких глотков, пытаясь справиться с тошнотой. Она не хочет сидеть здесь, в этой грязной и заброшенной каюте. Не хочет дышать этими запахами и не хочет слушать, как воют странные твари! Она просто не хочет!

Уж лучше в темных базах, лучше прятаться на Третьем Уровне. Что угодно лучше, даже смерть от инъекций, наверное. Если бы не этот Вовик, они бы успели уйти. И даже дверь закрыть успели… Все из-за этого малька… убить его мало… и зачем, зачем только он увязался за ними?

— О, что тут есть! — крикнул из соседней комнаты Вовик, —

похоже на лабораторию, что ли…

— Не лазь нигде! — тут же велел Колька, прошел за ним и сообщил, — да, какая-то заброшенная мини — лаборатория. Компьютеры специальные, штуки всякие — разные… Хочешь посмотреть, Эм?

Не хотелось ни вставать, ни смотреть. Было холодно, тошно и неприятно. И безнадежно, все безнадежно…

— Оружия там нет? — глухо спросила Эмма, — Нам надо думать, как выбраться отсюда.

— Есть. Пара лучевых пистолетов и пара лучевых мечей. Ого, какие штуки! В жизни не держал такого оружия! Вовик, руки убери!

— Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана… Буду резать, буду бить, выходи, тебе водить… — продекламировал Вовик и, подпрыгивая, вышел из лаборатории.

От знакомой песенки Эмму передернуло. Она сделала еще несколько глотков и отставила кружку. Пить это невозможно. И печенье тоже есть не возможно.

Показался Колька. Повертел перед лицом Эммы рукоятью меча, плюхнулся в кресло и взял в руки планшет. Пояснил:

— Эти каюты — рубки управления агнаров, через которые принимали грузовые крейсеры. То ли здешние ангары были запасными, то ли еще что. И здесь была связь. Раньше. Не знаю, как сейчас. Каким-то образом письма отсюда уходили и приходили. Правда, в определенное время — дата отправки на письмах одна и та же. Вот, послушай, Эм, что написано в одном из первых писем: "Ваше предложение очень лестно для меня и гонорар вполне устраивает. Но не кажется ли вам, что это довольно жестоко — оставлять без помощи людей, в то время когда есть — как вы говорите — препарат, замедляющий развитие инфекции? Можно было бы помочь людям и после провести исследования вируса".

Колька посмотрел на Эмму и сказал:

— Не очень понятно. Речь идет о вирусе, о том, что есть лекарства и о том, что эти лекарства не дают людям. Вроде так. Что думаешь?

Эмма едва кивнула в ответ. Ей стало совсем плохо. Так плохо, что она еле сдерживала рвотный позыв. В глазах все плыло, а во рту она ощущала явный привкус железа.

"Вышел месяц из тумана…" — навязчиво крутилось в голове…

Колька снова уткнулся в планшет и через минуту воскликнул:

— Тот, кто писал, тоже заболел! Он пишет, что инфекция у него развивается очень быстро. Его все раздражает, особенно

яркий свет и другие люди. И у него постоянная тошнота. На следующий день к станции подлетел маленький челнок на автопилоте. Ну, так ему сказали, что прилетит. И в челноке должны быть таблетки. Это в ответном письме ему написали. И еще сказали, что в челноке будет банковский код к счету. Счет на этого заболевшего человека. Правда, не указывается ни имени ни фамилии. Они очень осторожны. И он их никак не называет. Короче, Эмма, они попросили профессора остаться на корабле и понаблюдать за развитием вируса. Как он будет себя вести. За это ему хорошо заплатили и обеспечили лекарствами. И еще сказали, что всю связь со станцией заблокируют. Только с ним будут выходить на связь в определенное время. Но не разговорами, чтобы не светиться в эфире. А письмами. То есть они ему будут писать, а он им. Он должен был раз в два дня отправлять доклад. Слышишь, Эмма? Что-то не совсем понятное… Надо разобраться во всем этом…

Эмма вскочила и бросилась в ванную. Торопливо нажала кнопку в стене, из панели выехал беленький, сияющий унитаз, только что сполоснутый ароматным дезинфицирующим раствором. Работает автоматика даже здесь, на Нижнем уровне.

Ее вырвало в этот сияющий белизной унитаз. Она торопливо нажала смыв, но как только запахло цитрусовыми — ароматизация моющих средств — как ее снова вырвало.

"Буду резать, буду бить… выходи, тебе водить…" — все звучали в голове знакомые строчки.

— Эмма, ты в порядке? — раздался за спиной Колькин голос.

— Нет, — тихо пробормотала она.

О край унитаза легко стукнулась божия коровка — кулончик на счастье. Эмма прижала его ладонью. Медленно выпрямилась. Повернулась к зеркалу.

Прямоугольник над раковиной отразил бледное лицо с покрасневшими глазами. Радужка глаз голубая, зрачок расширен. И ни одной веснушки на лице…

Эмма выставила вперед руки, глянула на бледную кожу, на немного посиневшие ногти. Подозрение окатило ее, как вода из душа.

— Я тоже заболела, — еле слышно проговорила Эмма.

Коля посмотрел на нее — глаза серьезные, ошеломленные. Закусил губу. Потом вдруг заговорил торопливо и не совсем логично:

— Нет, этого не может быть. Или, иначе мы все заболеем. Пойдем, я помогу тебе сесть в кресло… Или тебя опять тошнит?

Эмма молча отвернулась, открыла кран, сполоснула лицо теплой водой. В том, что она заболела, сомневаться не

приходится. Это факт, это так и есть.

Вода торопливыми каплями стекала с тонких длинных пальцев, с серебряного колечка на безымянном пальце левой руки. Совсем скоро это колечко окажется ненужным и забытым. Как и все то, что волновало и имело значение. Скоро Эммы не станет, а вместо нее появиться…

Появиться отвратительное животное, питающееся мясом…

Эмма еле успела мотнуться к унитазу. Ее опять вырывало, но в голове все еще крутился образ сырого мяса. "Буду резать, буду бить…" Да что к ней привязалась эта глупая песня!

— Эмка что, заболела? Как Крендель? — уточнил где-то за спиной Коли Вовик.

Уточнил громко и безжалостно, с детской непосредственностью называя вещи своими именами. Тут же схлопотал от Кольки по затылку.

Эмма развернулась и поняла, что сама хочет отдубасить малька. Бить ногами сильно и долго. Потому что это все из-за него, это он виноват во всем. Раздражение на миг захлестнуло, Эмма сжала пальцы в кулак, глубоко вздохнула.

Нет! Она не станет кидаться на людей, как Крендель. Надо успокоиться и отвлечься. Перестать думать о Вовике. Хоть песню вспомнить, что ли… Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана… И лучше всего пойти и лечь, потому что сил стоять почти не осталось.

— Я лягу, — тихо сказала и вернулась в каюту. Рухнула на оббитую искусственной кожей кушетку.

Колька заботливо пристроил у нее под головой рюкзак. Было холодно и неудобно, не смотря на заботы друга. Сейчас бы принять душ, надеть чистую пижаму, и лечь в кровать, под теплое одеяло. У себя в каюте, на Втором Уровне. И чтобы рядом был Лон, шутил, помогал. С ним всегда было хорошо и безопасно, с роботом Лонькой. Он всегда знал ответы, он делал все так, как надо. Заботился, кормил, поил, оберегал. Он всегда оказывался рядом. Если бы Лонька сейчас был здесь, может, он что-нибудь бы и придумал…

Эмма закрыла глаза. Сна не было, был какой-то дремотный туман. В марево этого тумана врывались голоса Кольки и Вовки, но не ясно и не четко. Как развивается болезнь? Что должно происходить? Почему люди меняются настолько, что начинают бросаться и кусаться?

Она тоже должна так измениться? Но кусаться Эмма ни за что не станет. Просто не станет — и все. И никто ее не заставит. Да лучше умереть, чем превращаться в зверя!

Колька, видимо, взялся за планшет. Стал читать, некоторые

куски зачитывал вслух. Его голос пробивался сквозь туман, точно бледный луч фонарика в темноту коридоров.

— Лекарства, которые прислали ему, содержали эндорфины. Эмм, ты знаешь, что это такое? Профессор написал, что это гормоны счастья.

Эмма еле кивнула, не открывая глаз. Счастье… Была ли она счастлива? Конечно. У нее была хорошая счастливая жизнь. Рядом с ней росла Соня — и сейчас растет, правда, уже не рядом. Они играли вместе, Соня рассказывала свои нехитрые детские секреты. Эмма всегда поддерживала Сонино увлечение рисованием, и они так часто рисовали вместе. И на планшетах, и просто красками на бумаге. Они были счастливы обе. И Лон тоже всегда был рядом. Хвалил или ворчал — все равно Эмма знала, что Лон защитит, заступится, подскажет и поможет. У нее, Эммы, столько в жизни было этих самых гормонов счастья.

— Этот профессор и сам заболел и потому ушел в эти каюты. Спрятался тут. Этот ангар был закрытым, им уже не пользовались, потому что оборудовали новые грузовые ангары на Третьем Уровне. И потому он ушел сюда и после доложил, что надежно укрылся.

Эмма почувствовала, что проваливается в сон. Засыпает, и дурнота медленно проходит. Что если она проснется уже страшным монстром? Только не это… только не превратиться в животное. Она ведь человек, она всегда была человеком… Она не может стать прыгающей тварью, не может заболеть.

2.

Ей ничего не снилось. Но все равно сон казался спасением. Отдыхом, короткой остановкой на непонятном и страшном пути. Слишком короткой остановкой…

Резкий грохот, прозвучавший над головой, выхватил Эмму из дремоты. Она подскочила и уставилась на валяющуюся на полу кружку и растекающуюся коричневую жидкость. Подняла глаза. Вовик — дырявые руки — уронил на пол кружку, полную горячего кофе. Теперь стоит, пялит на Эмму глаза и шмыгает носом.

Это ужас, а не ребенок, просто ужас какой-то… И почему заболела именно Эмма, а не этот бледный недоросток с всклоченными волосами? Кому он вообще тут нужен? Кто бы о нем переживал?

— Что, не можешь держать кружку в руках? — зло прошипела Эмма и сама удивилась своему голосу.

Тихий шепот ее буквально наливался яростью. Злой, горячей, сумасшедшей. Вот сейчас бы дать этому мальку как следует… Буду резать, буду бить…

Эмма закрыла глаза. Легла на постель. Вот, вот оно —

начинается. Превращение в животное. Сначала хочется кого-то прибить, а после желание воплощается в жизнь. Так, что ли? И Крендель чувствовал то же самое? Что там Колька читал с планшета? Вирус вызывает нервное истощение и как следствие — сильное раздражение и гнев. Точно, как у нее, все один в один.

Раздражение и гнев. Это то, что она давно испытывала. Только не могла понять, что с ней. А, оказывается, вот что. Значит, надо не поддаваться этим чувствам. Бороться с ними. Бороться изо всех сил. Вовик — всего лишь маленький мальчик. Такой же, как Соня. Соня тоже роняла кружки, разливала какао, опрокидывала тюбики с краской и даже как-то разлила сок прямо на тапочки Эммы. Ну, и что? Это обычная детская неловкость. Все дети такие. И у Вовика наверняка есть старший брат или сестра, которые помнят о нем и жалеют его. Если только эти старшие брат и сестра не сожжены в крематории Моага. Если только…

Ну, конечно! Вот почему Моаг убивает детей! Вот он, ключ к загадке! Моаг знает о болезни, потому и убивает всех. Чтобы не превратились в диких зверей.

Но у Моага ничего не вышло. Дети все равно выжили, и все равно превращаются… Потому что нет выхода… нет выхода…

Буду резать, буду бить… выбирай, кому водить…

Страшная слабость охватила Эмму. Она отвернулась к стене и уже не прислушивалась к тому, как Колька ругал Вовика. Пусть делают, что хотят. А она будет спать… ей очень хочется уснуть и увидеть во сне Лона. Услышать его теплый, ласковый голос, его шутки. Позавтракать вместе с ним на кухне… Есть хочется, очень хочется… Чего-нибудь жирного и сытного.

— Тошнота, слабость и сонливость. Вот то, что я испытываю уже второй день…

Колькин голос доносился издалека, точно сквозь плотную штору. Или сквозь окно. Эмма улавливала некоторые фразы, и они запечатлевались в ее голове, точно строчки из Илюхиной песни. Тошноту и она испытывает. Тошнота, слабость. Все сходится, все точно. Сколько ей еще осталось времени?

Времени вообще было мало. Очень мало. Всего пятнадцать лет жизни. А ведь несколько дней назад она думала, что начинается самая лучшая пора. Начинается работа на взрослом уровне. Новые обязанности, новая ответственность. Ей только не хотелось расставаться с Соней, и она очень переживала по этому поводу. Переживала и нервничала. Заходила в Сонину спальню по ночам, слушала, как тихо дышит сестра и думала о том, что не скоро они встретятся снова.

— Большая часть команды поражена вирусом. Изменения происходят очень быстро, буквально за семь дней…

Да, теперь все изменилось. На самом деле все оказалось не таким… Не таким, как думала Эмма. Хотя взрослые ведь есть на станции, просто они выглядят немного по — другому. Выглядят как звери. А Третий Уровень заняли роботы. И никого не пускают. Вся власть у роботов, так? Или у тех, кто задает программы роботам?

В этом сложно разобраться, а у Эммы сейчас слишком болит голова. Но разгадка близка. Еще немного — и они будут точно знать, что же случилось на станции.

— Вирус постоянно меняется. Приспосабливается к новым условиям и не спешит губить организм хозяина. Это невероятно устойчивый и невероятно агрессивный штамп вируса, — Колькин голос казался глухим и далеким.

Зачем он все это читает? И так ясно, что вирус вызывает агрессию. Иначе почему дети нападают друг на друга? Все они поражены страшным вирусом, но ведь можно бороться. Не сдаваться так просто, не пускать в себя агрессию и злость. Можно бороться и остаться человеком…

Мысли путались. Эмма то засыпала, то вновь выныривала из омута дремоты. И тогда она слышала голоса Кольки и Вовика, слышала звуки шагов, скрип передвигаемых кресел. Даже шум воды в раковине. Но глаз не открывала, яркий свет резал зрачки и усиливал головную боль. Вызывал новый приступ тошноты, а Эмма чувствовала, что у нее совсем не осталось сил, и она не добежит до туалета.

— Она умрет? — донесся голос Вовика.

— Не болтай ерунды, — это уже Коля отчитывает малька, — Мы что-нибудь сейчас придумаем. Я найду информацию, ведь профессор этот не умер, остался живым и, судя по всему, благополучно убрался со станции…

О чем они говорят? Какой профессор?

— Я остался один среди животных. Их заперли на Нижнем Уровне. Двери закрыты, спуститься вниз я не могу. Меня караулят внизу десятки опасных тварей. Это все, что осталось от команды. У меня нет сведений — остался ли кто-то в живых, или нет.

Но Эмма не одна и никогда не была одной! О ней всегда заботился Лон, с ней была Соня. А последние несколько дней с ней рядом были дети подземелья. Коля и Федор помогали, оберегали. Жизнь спасли Эмме. И даже Таис немного помогала, когда пыталась убедить Эмму, что Третий Уровень необитаем.

В этом-то и все дело. Ей помогали, ее поддерживали. Прочная связь с людьми была у Эммы. Всегда была. И в самом начале этой связи стоял Лон. Ведь началось все с его доброты.

Эмма снова заснула. Последнее, что она помнила, это фраза,

которую произнес Коля. То ли прочитал с планшета, то ли еще что.

— Таблетки мне помогают. Они сильно замедлили течение болезни. Но процесс перерождения все равно идет вперед. Медленно но верно. Мне необходимо выбраться со станции.

3.

— Эмма, слышишь меня? Открой глаза! Эмма, ну открой же глаза!

Ее трясли за плечи. Сильно трясли. С трудом разлепив веки, Эмма сощурилась от яркого света и тут же опустила ресницы.

— Слышу, — пробормотала, удивляясь, что двигать языком очень тяжело. Оказывается, для того, чтобы говорить, тоже нужны силы.

— Давай-ка, выпей это. Эмма, открой рот.

Что сделать? Эмма послушно открыла рот и почувствовала на языке холодную, плоскую таблетку. Гладкую и безвкусную.

— Это просто вода, Эмма. Выпей воды. Запей таблетку. Давай, Эмм, у тебя должно получиться…

Вода. В кружке просто вода. Холодная и неприятная. Сделав пару глотков Эмма откинулась на рюкзак и пробормотала:

— Отстань… пожалуйста…

— Вот видишь, Вовик, никакой она не зверь. Ни нападает и не дерется… а ты выступал — не буди, а то нападет… Болван ты. Иди лучше кружку после себя сполосни.

О чем это Колька говорит? Эмма попыталась сообразить, но не смогла. Сон снова затянул в себя, темный, бессюжетный. Спать, спать… просто спать и ни о чем не думать. Если бы еще не было так холодно…

Кажется, последнюю фразу Эмма проговорила вслух, потому что Колька тут же переспросил:

— Холодно? Тебе холодно? Сейчас что-то придумаем.

Эмму чем-то накрыли. Она не могла посмотреть — чем, но благодарна улыбнулась. И заснула.

4.

Колька сидел, наклонившись над самым столом. Брови сведены, лицо хмурое. У него абсолютно черные волосы. Или все-таки темно — русые? Худое лицо, высокие скулы. Его, кажется, называли на базе Колючим. За что? За ежик волос?

Эмма совсем недавно обрабатывала ему рану на плече, которую Колючий получил из-за нее. Не побоялся роботов.

— Твое плечо зажило? — собственный голос показался Эмме хриплым и глухим.

Колька поднял голову, улыбнулся. Так ясно, так радостно, что Эмма заулыбалась в ответ.

— Ну, наконец, — проговорил он, — как ты? Ты спала больше десяти часов. Мы же дыхание твое слушали и пульс меряли. Как ты? Встать сможешь?

Эмма дернула плечом и заметила, что укрыта Колькиной пайтой. А сам он сидит в одной футболке с длинным рукавом. Ежится, обхватывает плечи. Бледный, с синими губами.

— Зачем ты разделся? — спросила Эмма.

— Нормально все. Не бери в голову. Я не мерзляк. Хочешь чаю? Или кофе? Или картошки — пюре? Мы специально берегли еду для тебя.

Эмма поднялась, села. Голова немного кружилась, но уже не болела. Все стало ясным и четким. Комната, в которой горели только пара лампочек у стола. Несколько кожаных кресел с подлокотниками и откидывающимися спинками. На одном спал Вовик. Свернулся калачиком, подтянул к подбородку колени.

— Будешь есть? — снова спросил Коля.

Эмма кивнула, после уточнила:

— Так сколько я спала? Больше десяти часов, что ли?

— Да, разморило тебя. Вроде помогают те таблетки, что мы нашли тут.

— Какие таблетки?

— Я прочел все письма профессора. Расскажу тебе после. Его, видимо, сожрали фрики. Не выдержал одиночества и спустился к ним вниз. Это, наверное, его руки мы нашли на трубах. Прикинь?

Эмму передернуло.

— Давай, не будем о руках на трубах, — тихо попросила она.

— Да. Извини. Болтаю лишнего. Это я от радости. Мы уже думали, что потерям тебя. Сердце у тебя почти не билось, когда нам удалось запихнуть в тебя таблетку. И то, только с третьего раза. Первые два раза ты не приходила в себя и таблетку не глотала.

— Покажи, что за таблетки?

— Вот они. Мы нашли тут в шкафу.

Белая пластиковая вакуумная коробочка стояла на самом краю верхней полки. Эмма дотронулась до маленькой кнопочки сбоку, и из отверстия выскочила овальная таблетка, покрытая оболочкой.

— Тебе надо пить их каждый день. По одной таблетке. Они помогают, видишь?

— Значит, у меня все-таки этот вирус?

— Да. Я тебе расскажу все. Только давай, сначала покормлю.

— А ты сам? Ты спал? Ел?

— Поем. После посплю. У нас времени полно. Мы прочно застряли тут, Эмм.

Глава 3. Таис: Мартин

1.

Рыжего лохматого паренька звали Егором. Он сидел на самом краю оббитого искусственной кожей дивана. В одном ухе у него торчала прозрачная капелька наушника, а за спинкой дивана стояла магнитная доска. Рядом с Егором пристроился белоголовый круглолицый Кир (видимо, по — настоящему его звали Кириллом, но все мальчишки обращались к нему только как к Киру).

Таис плохо знала этих ребят. Когда она жила на Втором Уровне, то им было не больше одиннадцати лет, и обитали они на противоположной стороне. А значит, и учились в других классах, на той же стороне.

Собрались на совет в маленьком парке, на расставленных в круг диванах. За спинами шелестели невысокие лимоны. Пахло еловой хвоей, а Кир постоянно перекатывал в ладонях ладную еловую шишку. Совсем еще маленькие елочки в кадках стояли напротив того дивана, на котором сидели Таис и Федор.

Четырнадцатилетних мальчишек оказалось всего четверо. Егор, Кир. Коротко стриженный Димка да веснушчатый Сенька с черными, спускающимися до самой шеи патлами. Старший класс. Четырнадцатилетние.

Девчонки, их одноклассницы — пятеро симпатичных девочек — держались в стороне. Перепуганные, растерянные.

Остальным детям велено было сидеть в каютах и не выходить. За ними присматривали бдительные Лоны. И правильно. Нечего сеять панику и путаться под ногами.

Таис откинулась на мягкую спинку диванчика, вытянула ноги. Немного ныло плечо — надо будет сходить в медотсек и сменить повязку. В висках стучало. Или это сердце так колотиться, что отдает в висках?

Страх и напряжение все еще не отпускали. И Таис иногда оглядывалась на вход в соседний туннель. Там, отделенная энергетическими решетками, бесновалась стая. Животных лишили законной добычи, и теперь твари выли и рычали, бегая по магистрали. Бросаться на решетки уже не пробовали, поняли, что это чревато.

— И что, вы дадите нам мечи? — недоверчиво прищурился Егор.

Он смотрел на Федора, а не на Дона — Мартина. Будто Федор был главнее всех роботов. Мартин протестующее поднял руки и возразил:

— Детям нельзя давать оружие.

— Мартин, ты знал о вирусе? Понимал, что происходит с выпускниками на Третьем Уровне? — жестко спросил Федор.

Мартин был главным роботом. Самым главным. Таис это всегда подозревала. Сейчас в экстренной ситуации управление Уровнем взял на себя он. Велел всем детям сидеть в каютах, а Лонам никого не выпускать. И он собрал старших ребят на площадке в парке. На Федора и Таис он посматривал равнодушно, спокойно. Будто ничему не удивляясь. Да Мартин и не умел удивляться…

— Я знал. Остальные роботы нет, — ответил Мартин.

— Не жалко тебе было детей-то? — зло крикнул Егор.

Федор рассказал им в нескольких словах все о страшных тайнах станции. Теперь и мальчишки и девчонки смотрели на Мартина так, словно он был чудовищным монстром, кошмарным глюченным роботом из страшных снов.

— Моаг всего лишь выполняет программы, — ответил Мартин, — и остальные роботы тоже.

— Ничего себе программы. Убивать после пятнадцати лет! — нервно дернулся Кир.

— Ну, а если бы не убивали, то тут бегало бы гораздо больше животных, — хмуро пояснила Таис.

— Мы заботились о вас. Мы делали все, что требовали программы. Но ваш жизненный цикл довольно короткий. Пятнадцать лет — и все. Дальше начинаются необратимые изменения. Потому ваш жизненный цикл надо было завершать. Но мы учили вас, воспитывали, берегли. То есть, делали все, что заложено в программах, — ответил Мартин.

— Ничего себе — маленький жизненный цикл! Люди живут около ста лет! Вы же сами учили нас этому! — крикнул мальчик, которого все называли Димкой.

— Так и есть. Но по строению ДНК вы остаетесь людьми только до пятнадцати лет. Позже начинаются изменения, благодаря которым вы перестаете быть людьми, — тут же пояснил Мартин.

— Не надо предъявлять роботам никаких претензий, — Федор поднялся с диванчика, обвел взглядом собравшихся, — их вины тут нет. Они исправно выполняли заданные программы. Дело в людях. В нас, в конце концов. Гильдия позволила станции производить новых и новых детей. Гильдия оставила тех, кто уже родился, без помощи. И Гильдия поставила программу — убивать всех, кому уже исполнилось пятнадцать лет. Так что претензии мы можем предъявить только Гильдии. Мартин, слышишь?

— Я слушаю тебя, — кивнул Мартин.

— Вы же должны защищать детей, правильно? Это ваша главная задача.

— Правильно.

— Тогда, может, вызовем пятнадцатых на этот уровень? Чтобы они перебили всех тварей?

— У пятнадцатых свои программы. Другой цикл. Они не подчиняются Моагу. Пятнадцатыми управляет Гильдия. Если они и спустятся сюда, то будут стрелять во всех, даже в детей. Для них важна безопасность станции и производства.

— Тогда надо попробовать увести стаю наверх, на Третий Уровень. Там пятнадцатые их и перестреляют, — рассеяно проговорил Федор.

— Или перепрограммировать пятнадцатых. Хотя бы парочку перепрограммировать, — подсказал Димка.

— Это значит, что их надо отключить от главного сервера станции. Чтобы загрузить новые проги, — со знающим видом сказал рыжий лохматый Егор.

— Да, рыжий дело говорит, — тут же согласился с ним Димка.

— Мартин, но ты же можешь вызвать пятнадцатых, верно? Моаг знает уже о том, что происходит? — попробовал уточнить Федор.

— Интеллект корабля? Ты имеешь в виду это? — Мартин повернулся к Федору, — Проекция главного интеллекта корабля сделана на меня. Можно сказать, что я представляю станцию Моаг. Так что, Моаг знает о том, что происходит. Но пятнадцатые мне не подчиняются. Я не управляю ими.

Таис поднялась с диванчика, откинула за спину растрепанные косы. Мартин и есть Моаг? Да быть не может! Вот это да!

Федор длинно свистнул и тихо проговорил:

— Ничего себе… Надо же…

— Ты, Мартин, Моаг? — Кир подскочил, зачем-то обошел Мартина, покачал головой, — никогда бы не подумал.

— Я не совсем Моаг. Сервер находится не в моей голове. Я лишь служу проводником для Моага, — пояснил Мартин, — Я могу вызывать пятнадцатых, но не могу ими управлять. Существует опасность, что Гильдия посчитает расходы слишком большими и уничтожит всех детей Второго Уровня вместе с животными. А, может, просто заблокирует весь уровень.

— Нет, нельзя связываться с Гильдией. Надо как можно быстрее справиться с ситуацией самим. И захватить всю станцию, — решительно сказал Федор, — надо продумать, как мы будем действовать.

— Но мы ведь все превратимся в этих животных… —

проговорила невысокая девчонка с большими темными глазами. Коротко стриженная, черноволосая.

Да, дети начинают понимать, что твари за туннелями — не единственная проблема. Девчонка спросила совсем тихо, но после ее вопроса все замолчали. Дрожь прошла по телу Таис, и захотелось закричать, заорать, только бы прогнать из головы назойливые мысли.

А, может, среди этих тварей прыгают сейчас и ее родители?

— Пора гасить свет. Детям надо спать, — вдруг сказал Мартин, — а вас я хочу пригласить поужинать в столовую детского сада. Сейчас детей укладывают спать, и они мешать не станут. Вы сможете подкрепиться, и мы решим, что делать дальше.

— Ты собрался советоваться с нами? — удивился Федор.

— Почему нет? Ситуация сложная, и решения, которые мы примем, определят судьбу станции. На этот счет у меня есть определенные указания. Я должен раскрыть вам всю правду.

— Кто дал такие указания?

— Штурман станции, Андрей Шереметьев. Твой отец, Федор.

2.

На стол накрыл садиковский Лон. Быстро расставил тарелки, притащил прямо из хлебопечки две пиццы — горячие, ароматные, щедро залитые сыром. Поставил миску с бананами и почищенными дольками апельсинов. Большую глиняную миску с шоколадным печеньем, тарелку с булочками и тарелку с колбасой. А еще глубокую кастрюльку с вареной картошкой и горшок с мясной подливой.

Таис отвыкла от такого количества еды. Последние несколько часов она вообще не думала о пище. Битва, фрики, прошлое станции занимало все мысли. И только сейчас, когда она ощутила невероятно вкусные запахи сыра, сдобы и ароматных трав, которыми была щедро приправлена мясная подливка — только сейчас она поняла, что страшно голодна.

Вот именно — что страшно. Самое подходящее слово. И сейчас будет есть и есть, без остановки. Прямо как эти дурацкие фрики.

Жуткий голод — вот что она испытывает. Может, она уже начинает перерождаться?

Таис быстро поднялась и метнулась в ванную комнату. Зеркала в садике вешали на уровне поясницы, — для того, чтобы малыши могли дотянуться до них. Потому Таис пришлось присесть.

Она долго рассматривала собственное лицо. Глаза, губы, уши. После сполоснула щеки прохладной водой из крана.

— Все нормально с тобой, Таис, — послышался за спиной веселый голос Федора, — глаза на месте. Нос тоже. Поверь, с тобой все нормально.

— Смеешься? — Таис глянула на Федора и поднялась, — Я просто так хочу жрать, что подумала — не превращаюсь ли во фрика.

— Я тоже хочу есть. Пошли, а то остынет.

В столовой уже принялись за еду. Таис села на свободное место, Лон тут же насыпал ей полную тарелку картошки с мясом. Красота! Хорошо все-таки жить на Втором Уровне, в удобных каютах. Жить в тепле и сытости. Вот если бы им удалось захватить станцию, то голодной жизни пришел бы конец. Наверное…

Напротив Таис, на стене располагалась большая голограмма — смешные плюшевые медвежата, поющие песенку и танцующие. Развлечение для малышей. Чтобы глазели, пока едят. Столики довольно низкие, хотя это и столовая старшей группы. Лоны сдвинули их вместе, чтобы было удобнее.

Мартин стоял рядом с голограммой. Еле слышная песенка — звук мелодии приглушили — и двигающиеся мишки за его спиной навевали уют и покой. Хорошо здесь. И всегда было хорошо…

— Как получилось, что дети Второго Уровня ничего не знали о том, что их родители стали животными? — спросил Егор.

Мартин тут же ответил:

— Дети к тому времени находились под опекой новейших роботов. Вашим родителям нравилось, что мы о вас заботимся, и что можно переложить на нас всю ответственность. Это оказалось очень удобным. Потому ваши родители появлялись на Втором Уровне довольно редко. Уровень был закрытым, чтобы дети не убегали и не слонялись по станции. Поначалу у меня был циркуляр — напоминать родителям о детях. Даже ролик был — вспомни о своем ребенке и навести его. Мы показывали этот ролик во время завтраков и обедов в общей столовой. Но вскоре управление станцией решило, что дети в надежных руках, и навещать их не обязательно. Кто хочет — тот навещает. А кто не хочет — может и не навещать. Тем более, что решение о зачатии ребенка принималось Управлением Гильдии, а уже после выбирались родители. И родителей зачастую не спрашивали — хотят они ребенка или нет. Положено было воспроизводить население станции, так было надо. И многие говорили, что ребенка не хотели и понятия не имеют, что с ним делать. Потому дети оказались полностью в распоряжении роботов.

— Следуя той теории, что рассказал Федор, выходит, что не

все родители могли любить, — вдруг сказала темноглазая девчонка.

— Жанка в самую точку попала, — фыркнул Егор, — выходит, что наши родители сначала разучились любить.

— А потом прилетел челнок с инфицированным человеком, и станция оказалась заражена, — невозмутимо сказал Мартин.

— И уцелели только те, кто умел любить. Так рассказал нам Федор, — закончил Егор.

— Это значит, что нам срочно надо научиться это самой… любви… — добавила Жанка и убрала короткие темные волосы за уши, отчего стала похожа на хорошенького мальчика.

— А почему Гильдия просто не уничтожила фриков? Спустились бы вниз и всех расстреляли… — спросил Димка. Он сидел рядом с Егорм и постоянно покачивался на невысоком детском стульчике.

— Зачем? Лишняя трата сил и ресурсов. Фрики — как вы их называете — оказались закрытыми на Нижнем Уровне. Не исключалась возможность, что они просто умрут от голода, — пояснил Мартин, — никто не предполагал, что вы возьмете и откроете дверь внизу.

— Ну, да. Нас же положено было убивать, — жестко сказал Федор.

— Да, вас положено было убивать. Чтобы не увеличивать количество животных, — так же жестко ответил Мартин.

— Что же нам теперь делать? — жалобно спросила Жанка, — где тут выход? Ты должен что-нибудь придумать, Мартин. Я не хочу умирать в пятнадцать лет…

— Никто не хочет умирать. Мы должны что-то придумать, — Егор быстро глянул на Жанну и продолжил, — подумать только, те твари, что прыгают на Оранжевой магистрали, могут быть нашими родителями.

— Они и есть наши родители, — ответил Федор, — и в наших жилах течет кровь с вирусом фриков. Тут уж ничего не поделать. Так, Мартин?

— Вы все заражены. Вы все являетесь носителями вируса, — тут же подтвердил робот.

— Потому ни один представитель Гильдии сюда не сунется. И если бы удалось добраться до управления станцией и перепрограммировать пятнадцатых, то можно было бы поговорить с Гильдией. Поставить свои условия. Может, у них уже есть какое-нибудь лекарство от этого. Может, болезнь не только на нашей станции, но и на других тоже, — Федька говорил громко и четко. Словно печатал слова в программе планшета.

— А ты, Мартин, знал, что только те, кто умеет любить, не

заболевают? — вдруг спросила Жанна. Дернула худеньким плечом, выпрямилась, убрала волосы со лба.

Белокожая, тоненькая, звонкоголосая — она чем-то напоминала Эмму. Только выглядела чуть добрее и проще.

— Мы не знали причину того, что не у всех активируется вирус. Точных данных у нас нет.

— Почему вы никогда не учили нас любить друг друга? — не унималась Жанна.

— Я думал, что это вам не нужно. У вас слишком короткий жизненный цикл, потому лишнему вас не учили. Только общим образовательным программам. Я дал вам Закон, чтобы держать в рамках. Закон — как сумма правил, следуя которым вы сможете остаться управляемым социумом.

— Но ведь защищает от болезни не Закон, а любовь, — уже чуть тише проговорила Жанка и почему-то посмотрела на Егора.

Тот еле заметно улыбнулся ей, и зеленые глаза его засветились какой-то спокойной радостью.

Таис посмотрела на Жанку, после на Егора. Слегка пожала плечами. Может, и не все потеряно для детей Второго Уровня. Может, они, все-таки, умеют любить, просто еще не знают об этом. Шанс выжить есть у всех, даже у нее, Таис. Надо только научиться этой самой любви. Научиться чувствовать то, что чувствует Федор.

— Послушайте, — вдруг сказал Федор, — вам удалось спасти всех детей?

Этот вопрос крутился и у Таис в голове. Только она не решалась его озвучить. Все ли дети спаслись, или фрики получили свою порцию на ужин? Дети на ужин… Как чудовищно это звучит. Родители поедают своих детей на Уровнях космической станции.

— У нас есть проблема. Часть детей — двенадцать человек — укрылись в классах за Оранжевой магистралью. С ними два робота Дона, они передают сведения мне постоянно. Сейчас все целы, но пищи у них нет. Добраться до еды они не могут. Под дверьми караулят изменившиеся особи.

— А… — Жанка проговорила совсем тихо, — трое ребят погибли, я сама видела. С противоположной стороны Магистрали. Сколько всего погибли детей?

— Четверо. Нам не удалось их сохранить.

Таис молчала. Федор тоже. Оба слишком хорошо понимали, как погибли дети.

Аппетит пропал. Она держала в руках кусочек пиццы и чувствовала, как к горлу подкатывает ком. Полакомились все-таки родители своими детьми…

— Их что, сожрали фрики? — глупо спросил Димка и мигнул. Уставился на Мартина бестолково и наивно.

Видимо, он все еще надеется, что роботы легко разрешат эту проблему, как они решают все остальные вопросы на станции. Только вряд ли. Таис уже поняла, что роботы далеко не всемогущи. И кое-что придется делать самим.

— Не болтай, — одернул Димку Федор, — не пугай девочек. Погибли дети — и все. Надо сделать так, чтобы больше никто не пострадал. И надо увести тех, кто застрял за Оранжевой магистралью.

— Ну, да. Только как это сделать? — хмуро спросил Кир и отодвинул от себя почти полную тарелку. Тоже, видимо, расхотелось есть. Поешь тут, слушая отдаленный вой ненасытных тварей.

— Придумаем. Завтра придумаем, с утра. Сейчас я устал и хочу спать, — ответил Федор, — И Тайка тоже. Послушай, Мартин, значит, вы напоминали родителям, чтобы они навещали своих детей. Но почему? Вам-то какое дело до этого? Ты же компьютер, тебе вообще не важно, что чувствуют взрослые люди.

— Дети скучали по своим родителям. Плакали. Потому мы и просили взрослых приходить сюда почаще. Уже после родители, которые не планировали навещать своих детей, приняли решения вовсе не показываться детям. Чтобы дети не знали, что значит общение с мамой и папой и не скучали. После появления новейших роботов пришло распоряжение сократить рождаемость вдвое. Тогда дети появлялись только у тех, кто этого хотел. Это было в последний год перед заражением.

— У меня есть брат. Его Ромка зовут, — вдруг заговорил Сенька, — он исчез уже давно. Он с вами? Или пропал где-то на станции?

Сенька спросил, а сам даже не посмотрел на Федора. Отвел глаза, провел пальцем по лежащему рядом с ним планшету, будто ему не терпелось начать игру. Будто все ответы он собирался искать там, в глубинах корабельной сети.

— Ромка есть у нас. Колючий его привел. Ну, Колька, который жил с Эммой Раум. Эмма тоже у нас, нам удалось ее вывести. И Эмма, и Илья и Катя. Все выпускники этого года уцелели. Мы увели их из-под твоего носа, Мартин, — Федор хмыкнул.

— Мы не отвечаем за Нижний Уровень. И за Верхний тоже. Вы увели детей из-под носа Гильдии. Так будет вернее. Что ж, если вам удается каким-то образом избегать заболевания — я рад. На самом деле.

— Не ври, железяка. Ты не умеешь радоваться, — оборвал его

Федор, — нам бы разобраться в твоих программах хорошенько. Чуть позже, наверное. Мы тут сможем поспать? Я прямо падаю с ног. И Тайка тоже устала.

— У тебя кровь на плече. Видимо, ты ранен, — напомнил ровным голосом Мартин.

— Это царапины. Уже все засохли, — Федор глянул на правое плечо, после спросил, — найдешь мазь от ран и марлю? Таис была ранена пятнадцатым вчера на Верхнем Уровне. Ей надо сменить повязку.

— Вы сражались с пятнадцатыми? — спросил Кир. В его голосе явно прозвучал восторг.

— И не раз. Поверь, мы в таких переделках бывали, что тебе и не снилось, — ответила ему Таис и немного улыбнулась.

— Ничего себе у вас жизнь! — восхитился Кир.

Небось, тоже переиграл в игры, и теперь идеализирует сражения и приключения. Наивные дети все они. Какие же наивные дети…

— Все не так здорово, как тебе кажется, не обольщайся, — буркнула Таис в ответ, — давайте спать, что ли. Где у вас душ? Я бы помылась и прямо тут на ковре завалилась…

— Найдем постели. У детей есть свои каюты, они могут вернуться к себе, — напомнил Мартин, — а для вас двоих найдем свободную каюту. Это не проблема. И мазь найдем. Все у нас есть, слава Богу.

— Слава кому? — Федор дернулся и как-то странно посмотрел на Мартина.

— Профессиональное. Так говорил твой отец, Федор. Я запоминаю некоторые фразы людей. С тобой решил говорить так, как говорил твой отец.

— И что? Он говорил "слава Богу"?

— Да, была у него такая поговорка.

Федор сжал губы. Посмотрел на край своей тарелки. После тихо сказал:

— Спасибо тебе, Мартин.

— Твоему отцу спасибо. Хороший он был человек.

— Почему ты не отсылаешь нас наверх? На Верхний Уровень? — снова спросил Федор, — Это же должно быть у тебя в программах? Меня и Таис. Всех, кому больше пятнадцати, вы должны отправлять наверх.

— Кому больше пятнадцати, но меньше шестнадцати. Вы взрослые люди, ты и Таис. И вы в списке незаболевших. В безопасном списке. Я не имею право распоряжаться вами.

— Ого! — удивленно произнесла Таис.

Федор сам смазал затягивающуюся рану Таис мазью, сам заново наложил повязку.

Они сидели в небольшой каюте, в которую их отвел Мартин. Спальня, зал и кухня — каюта на одного человека. Рождаемость, видимо, еще раз сократили, потому что Мартин показал несколько штук пустующих кают. И даже предложил Лона в помощь.

— Никаких роботов, Мартин. Мы научились справляться со всем сами. Так что, ты свободен, — тут же отказался Федор и закрыл за Мартином дверь.

Таис улыбнулась при этих словах. А ведь Федька прав. Года два — три назад Таис ничего не могла сделать без роботов. Даже еды себе приготовить. Ни вещи постирать, ни раны перевязать. В обморок просто упала бы от вида крови — и все.

А сейчас она и Федор полностью самостоятельны. Они со всем справятся сами.

Так и вышло. Федор, осмотрев рану, сказал:

— Все отлично, Тай. Затягивается. Скобы начали рассасываться. Через денек — другой останется только шрам на память. Не болит плечо?

— Почти нет. Иногда только чешется немного.

— Значит, заживает. Вот и славно. Как говорил мой отец — слава Богу.

— Будешь теперь повторять эту фразу?

— Ну, да. Хоть что-то от отца. Хоть пара фраз да запись на планшете. Если бы он сейчас бы с нами — все было бы по — другому. Гильдия, наверное, убила его. Или фрики — не знаю. Его и мою мать. Зря он оставил станцию, зря. Ему надо было быть с нами.

— Зато он оставил нам послание на планшете. И ты его прочитал. И даже переместил наши имена. А Мартин думает, что так и надо.

— Да я болван. Надо было еще покопаться в планшете. Перерыть все папки. А я так был потрясен сообщением отца, что особенно нигде не лазил. Все обдумывал то, что он сказал.

— Ну, может, надо было остаться там, в каюте и еще поискать информацию?

— Так ведь ты сказала, что надо уходить, — Федор слегка улыбнулся.

— Это я виновата?

— Ты была права. Хорошо, что мы спустились и помогли Донам. И хорошо, что мы взяли с собой лазерные мечи. Вооружим завтра ребят и отправимся спасать тех, кто застрял за Оранжевой Магистралью.

— Фу, что опять полезем к этим тварям?

— Так надо. Но ты останешься. Пойдут только мальчики.

— Ну, уж дули. Я тоже пойду. Я буду с вами — и все. И не отговоришь.

— Упрямая девочка, — Федор улыбнулся, стянул с себя пайту и подошел к зеркалу.

Огромное зеркало висело в спальне на шкафчике. Рядом с ним поблескивал маленький мониторчик, благодаря которому можно было управлять верхними полками. Обычный детский шкафчик и обычное зеркало. Царапины на плече Федора выглядели не страшно. Не глубокие, не длинные.

Фрик всего лишь зацепил немного когтями.

Федька торопливо смазал их, после оглядел внимательно плечо. Высокий, широкоплечий, сильный. Надежный и умный. Вот то, что Таис могла сказать про Федора. Она знала его очень давно, с детских лет. Их связывали совместные игры, охота, долгие холодные ночи на Нижнем Уровне. В самые отчаянные моменты Федька был рядом.

Но Таис ничего к нему не испытывала такого особенного. Ничего, что можно было бы назвать таинственным словом "любовь". Что это значит? Что значит — любить? Что чувствует Федор к ней, к Таис?

Непонятно. Совсем непонятно.

Таис подошла к Федьке, тоже оглядела царапины, тихо спросила:

— Не болит?

— Все нормально, — серые глаза Федьки оказались совсем рядом.

Знакомые глаза. Федор смотрел на Таис внимательно и заботливо. Как старший брат, как старший друг. Так было всегда. Ну, почему, почему он уверен, что любит? Откуда у него эта уверенность? Как он почувствовал?

— Ты о чем думаешь? — спросил Федор и подозрительно сощурился, — У тебя такое лицо, будто ты продумываешь план охоты. Все нормально?

— Думаю, как ты узнал, что любишь меня, — тут же выпалила Таис. И подумала, что никогда не скрывала от Федора свои мысли, даже глупые. Она была откровенна с ним в самые тяжелые времена. Это — по умолчанию, это не обсуждалось. Федору можно доверять, и Таис это знала.

— Тай, я спать хочу ужасно. Давай потом про любовь поболтаем. Ты первая в душ? Помощь тебе нужна?

— Сама справлюсь с мочалкой. Да, я первая. Я тоже хочу спать… просто запуталась я с этой любовью…

— Давай после распутаемся… Хотя… Знаешь что? Если ты до сих пор не заболела, значит ты любишь.

— Знать бы только — кого?

— Тай, ты смешная… Ну, не Валька же. И не Колючего.

— Это точно.

— Ну, вот. Путем простого логического мышления приходим к выводу, что ты любишь меня, — Федька нагло улыбнулся и слегка хлопнул Таис по спине.

— Ничего себе, какой ты самоуверенный… И что мне теперь делать?

— В смысле?

— Ну, что делать, когда любишь другого человека? Твой отец не оставил указаний на этот счет? Что значит — любить кого-то? Вот не могу этого понять…

Федор как-то странно посмотрел на Таис, после дернул плечами и честно признался:

— Я и сам не знаю. После разберемся. Когда справимся с фриками.

— Но одну загадку мы все-таки разгадали. Мы знаем, что случилось на Моаге.

— Это точно. Значит, двигаемся вперед, не стоим на месте.

После душа оба улеглись спать. Таис, как всегда, на кровати. Федор притащил из зала диван и устроился на нем. Удобно, тепло и хорошо, как в детстве.

— Надо будет застолбить эту каюту для себя, — пробормотала Таис, устраиваясь поудобнее.

Но Федор ничего не ответил. По его ровному дыханию стало понятно, что он спит. Таис тоже порядком устала, но сейчас, когда опасности и трудности остались позади, когда удалость уйти и от пятнадцатых, и от фриков и даже заручиться поддержкой Моага — сейчас сон пропал. Просто исчез непонятно куда.

В голове крутились какие-то мысли, перед глазами то и дело появлялись оскаленные морды тварей, мерещилось рычание и стук челюстей. Заныло раненое плечо. Немного, совсем чуть — чуть, но эта слабая боль назойливой занозой врезалась в сознание. Что теперь будет? Что теперь будет со всеми детьми?

И удастся ли спасти тех, кто застрял за Оранжевой Магистралью? И что случилось с ребятами с баз? От вопросов голова шла кругом. Как они там все? Как Эмма, Илья? Как Маша и мальки? И почему оказался открытым отсек в которыми находились твари? И почему твари не поумирали от голода за пятнадцать лет?

Таис повернулась, свесилась с кровати, потянула края одеяла

Федора. Но тот не шевельнулся. Сейчас он не скажет ничего. Не стоит его будить, завтра все будет ясно. Завтра…

Таис поднялась, прошлепала в ванную. Встала перед зеркалом и долго рассматривала собственное лицо. Глаза, нос, губы. Все на месте. Все как всегда. Она не превращается. Пока нет.

Федор, конечно, уверен, что Таис его любит, но он вообще добрый, этот Федор. И как он догадался, что сам чувствует любовь?

4.

— Надо просто отформатировать всех садовников. Так, чтобы они управлялись на расстоянии, через пульт. И выпустить их вперед, — Егор решительно взлохматил рыжую челку, потер кончик носа и зачем-то провел ладонью по краю столешницы, — пусть они выедут вперед и расчистят нам путь. А после пойдут Доны и сделают коридор, по которому уже двинемся мы.

— Дельно, — тут же согласился с ним Федор, — очень дельно. Отформатировать можно, но долго. Возни на полдня, если не больше. У нас есть эти полдня, а, Мартин? Как там дети?

— Голодные, но живые. Пока все нормально. Вода и туалеты у них есть, это же кабинеты школы. Но автоматов с пищей нет. Они до них добраться не могут.

Сидели опять в столовой. Опять плясали смешные медвежата на стене, а где-то в коридорах слышались голоса детей. Плач, пение, крики. Спокойные голоса Лонов.

На галерее, за дверьми, толпились дети — двенадцати — тринадцати лет. Заглядывали в окна, стучали иногда в двери. Их не пускали. Решили, что пока не стоит их вмешивать. Мартин и Федор решили. Хотя Димка и сообщил, что мальчишки — его друзья, и они сильные и не будут "ссать" — как он выразился. Мартин строго глянул на него и велел не выражаться. На что Димка возразил, что закон не нарушал и никого не обзывал.

— А слово "ссать" обозначает, что человек обсыкается от страха, — невозмутимо пояснил он.

— Вот, и не ссы, — фыркнула Таис, — а малышню подключать не будем. Пусть топают и смотрят свои мультки. А то торчат тут под окнами, сорят фантиками от жвачки. И куда только их Лоны смотрят?

— Полдня форматировать садовников? — Кир пожал плечами, — Это смотря сколько штук форматировать. Мне хватит и двух часов на двух роботов. Димка тоже умеет, и Егор. И Жанка с Иркой тоже не дуры. Их тоже можно попросить.

— Ну, спасибо, что мы не дуры, — ехидно прищурилась светловолосая девочка с убранными в два хвостика волосами. Два

смешных коротких хвостика за ушами. А в ушах — сережки — цепочки с блестящими камушками на концах.

Хорошенькая и веселая девчонка, видимо ее и звали Ирка.

— Да пожалуйста, — щедро улыбнулся Кир.

— Вот потому детей брать и не надо, — мрачно заметила Таис, — потому что любую работу превратят в склоку. Сейчас не до улыбок, слышите? Хватит болтать. Если Ирка и Жанка могут работать с роботами — значит, пусть работают. Федор тоже знает программы. Вместе быстро справимся. Я в этом деле — пас, я в школе плохо училась.

Егор весело глянул на Таис и заметил:

— А выглядишь ты довольно умной…

— Главное, чтобы ты дураком не выглядел, — невозмутимо парировала Таис.

Во внутреннем круге оказалось семь роботов — садовников. Они были невысокими — по пояс Таис — но зато у каждого робота имелось по четыре руки разной длины. Еще у них имелись лопаты, ножницы и короткие ножики.

Первую пару настроили Федор и Егор. Запустили их. Слушалась теперь машина только программ — пультов, установленных на планшеты. То есть садовниками теперь можно было управлять вручную.

— Рулить этим всем придется не нам, — заметил Федор, — мы будем заняты немного другим. У меня есть мечи, и я их раздам тем, кто пойдет с нами. Ну, четверых мальчиков хватит. Или вообще троих — может, кто-то испугается.

— Думаешь, мы испугаемся? — прищурился Егор.

— Не знаю. Но заставлять никого не буду. Решайте сами. Вполне можно остаться и управлять садовниками.

— Мы все пойдем, — решительно сказал Кир, — все четверо. Девочки пусть уж сидят над пультами.

— Никак не могу понять, почему вы решили ввязаться в это дело — спасать детей? — вдруг сказал Мартин, — У вас же нет программ, вы свободны в своем выборе. Это опасное занятие, фрики могут ранить или убить. Зачем вам все это?

— Потому что мы люди, железяка, — хмуро сказал Федор, — мы взрослые люди, и мы принимаем решения сами. Мы помогаем своим. И точка.

— И нам их жаль, — добавила Жанка, — кроме нас кто им еще поможет? Вы же не можете убивать, вы не приспособлены к этому. И бросать вас на фриков тоже жалко. Если все погибнете — мы останемся одни.

Таис поразилась такой простой и ясной мысли. А ведь действительно — что делать, если не останется ни одного

робота? Ну, она и Федор справятся, это понятно. А остальные? А малыши? Нет, Донов тоже надо беречь, это союзники и помощники. Кроме них никто не позаботиться о детях со станции Моаг.

— Жалость — это чувство, которое могут испытывать только люди, — пояснил Мартин, — это вне понятий роботов.

— Вот как только роботы начнут жалеть, так сразу станут превращаться в людей, — пробормотал, не отрываясь от планшета, Кир. Он возился над очередным садовником.

— Роботы никогда не станут людьми, — возразила Таис, — но зато люди могут превращаться во фриков. В этом-то и проблема.

5.

Фрики накинулись на садовников сразу, как только поднялась решетка одного из проходов. Лезли прямо через тонкие, поднятые кверху руки. Ножницы и ножи кромсали их плоть, рвали на куски, но фриков это не останавливало. Они проваливались вниз, к колесами роботов и тут же поднимались и перли буквально по гладким блестящим головам.

Живая, неуемная голодная масса зверей. Рычащая, двигающаяся, кипящая жаждой. Твари хотели есть, и им было без разницы — лопать собственных детей или друг друга. Жажда еды, видимо, затмевала остальные инстинкты.

Но все-таки садовники замедляли движение стаи. А у входа животных встречали мальчишки с мечами. Рубили, не жалея сил. Густя кровь, вопли, отрубленные головы. Таис уже не обращала на это внимание.

Удалось немного продвинуться за внутренний круг. Садовники выдвинулись на Оранжевую магистраль. Одного фрики разворотили, выдрав руки и скрутив голову. Твари оставались тварями, они не использовали для сражения деталей поломанного робота. Только собственные руки — лапы, челюсти и ноги. Этого им хватало вполне.

Несколько Донов выбрались вслед за садовниками и постарались сделать что-то вроде коридора — встать так, чтобы за ними могли пробраться мальчишки с мечами. Как-то добежать до классов, а после провести детей обратно.

— Быстро перебегаем! — велел Федор, — Таис, ты рядом со мной.

Таис кивнула. Они прикрывают друг друга, это понятно.

Сейчас, когда детей с мечами было больше, и немного помогали садовники, стало легче. Но и твари стали посмелее и посильнее. Парочка, сделав отчаянные прыжки, приземлились за головами садовников и тут же прыгнула на Егора. Сразу оба. Егор

махнул мечом, но мимо. Федор, повернувшись, два раза резанул оружием, так быстро, что Таис только удивилась. Головы животных покатились на пол, Федька переступил через них и коротко велел:

— Быстрее надо, Егор.

Казалось бы, что сложного — преодолеть небольшой участок магистрали, прикрываясь за роботами? Но Сенька встал, как парализованный и даже забыл, что у него в руках лучевой меч. Прикрыл голову руками и таращился на пару фриков, раздирающих Дона.

— Что стоишь, дурень? Бей их! — Таис ударила, фрик успел отскочить и тут же снова прыгнул.

На этот раз он перемахнул через голову андроида, видимо, догадавшись, что железная штука никак не может быть пищей, и ничего на нее тратить время. Дону удалось схватить фрика за ноги, иначе Таис пришлось бы нелегко. Прыжок животного был остановлен. Взмах мечом — и голова отвалилась от туловища. Теперь бежать дальше, не останавливаться. И тащить за собой обалдевшего Сеньку.

Таис уже рубила оружием просто так, не прицеливаясь. Пара движений лазерным клинком — и снова вперед. Воздух чуть посвистывал, рассекаемый лучом, брызгала кровь, летели отрубленные части животных. Скрипели колеса роботов, орал впереди Федька. Он и Егор пробились — и вот, уже почти проложен проход из роботов. Фрики, нападая, встречают заслон из садовников и Донов. И только после напарываются на лазерные лучи.

Ударив еще раз, Таис завернула в узкий коридор. Тут уже было легче, фрики нападали только где-то впереди, и с ними успешно справлялись пацаны. А сзади прикрывали роботы. Наконец, добрались до классов. Тут, у двойных дверей собралась часть стаи, карауля добычу.

Животные накинулись одновременно. Больше десятка тварей тут же завалили одного из Донов, что шел впереди, и мечи Федора и Егора не успевали рубить.

— Сенька, включай меч! — крикнула Таис, поворачиваясь и отбивая атаку, — быстрее!

На них напало сразу трое, после присоединился четвертый. Рванули за больное плечо, толкнули в грудь. Зубастые пасти оказались совсем рядом. Если бы Сенька хотя бы вступил в бой! Хотя бы чуть — чуть помог!

Таис замахала лучом быстро и яростно, собрав последние силы. Только бы не упасть… Сенька уже упал, и четверо тварей тут же насели на него. Жуткий крик утонул в яростном вое.

Таис не могла ему помочь, не успевала. Она держалась из-за всех сил, но тварей было слишком много, и они не уставали. И даже раны от меча не останавливали их.

Кто-то потянул Таис в бок, и блестящий лазер обрушился на головы тварей, разрубая их пополам. Мозги и кровь разлетелись, забрызгивая все вокруг.

— Давай, Тайка, не сдавайся, — послышался голос Федора, — помоги же!

Федор поднимал и опускал меч, и ни один удар не проходил впустую. Твари отступили. Федор ударил еще раз и поразил лучем в сердце лежащего на полу Сеньку. Таис только глянула один раз и тут же отвела глаза. Сеньке уже не помочь, так хоть не будет мучиться… и живым его твари не станут есть… хотя, уже ведь ели…

Отступили за плотное, бронированное стекло дверей. Щелчок — и все оказались в безопасности. Даже часть роботов — садовников. Таис вздохнула, опустилась на пол и беззвучно заплакала.

6.

— Где Сенька? Почему ты не помог ему? Зачем ты это сделал? — Кир заорал сразу, как только закрылись самораздвигающиеся двери.

Их обступили дети разного возраста — от шестилеток до десятилеток. Что-то пытались спросить, но их голоса перекрыли вопли Кира.

— Ему было уже не помочь, — устало и тихо проговорил Федор.

Забрызганный темной кровью, поцарапанный, лохматый, он опустился на пол рядом с Таис и сжал в руке рукоять меча.

— Мы бы помогли! Надо было затащить его внутрь! — не унимался Кир.

— И что? — Тайка подняла голову и вытерла слезы, — И что дальше? Он бы истек тут кровью! Кричал от боли час за часом. Мы бы даже не смогли дотащить его до внутреннего коридора! Ему разорвали всю грудную клетку! Ты видел, что с ним сделали фрики? Так хоть он не будет страдать… Федька правильно сделал.

— Вы просто струсили! Вы трусы! — Кир, красный и грязный, надвигался на Федора, угрожающе подняв меч.

— Прекратите панику! — вдруг резко сказал один из Донов, — это Мартин, я связался с вами через робота. Федор поступил правильно, ему и Таис не удалось бы уйти, если бы он попробовал вытащить Сеню. Тогда погибло бы трое человек. Если вы будете ссориться и позволите панике одолеть вас — вы

погибнете все. Надо принять решение — как вы будете действовать дальше.

— Как действовать… — тихо выдохнул Егор, — никак. Как мы проведем этих малявок? С ними только два Дона. Мы потеряли двух роботов — Донов и двух садовников. И одного парня. А сколько потеряем на обратном пути?

— Потеря роботов не страшна. Детали роботов собирают на этой станции, хочу просто напомнить вам, — сказал Дон голосом Мартина, — но детей терять нельзя. Надеюсь, что вы это понимаете.

— Конечно понимаем, железка, — вздохнул Федор.

— Детей тоже производят в кувезах, — едва слышно пробормотала Таис.

— Надо придумать план, — сказал Егор, — план, по которому мы выведем детей и ни одного не потеряем. Сколько фриков нам удалось убить и ранить?

— Убили пятерых, наверное, — ответил Федор, — раненых можно не считать. Они восстанавливаются очень быстро. Даже отрубленные конечности вырастают.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросил Егор.

— Я же рассказывал о записях отца. Оттуда.

Таис подняла голову и тихо сказала:

— Я могла бы увести стаю за собой на магнитной доске. А вы бы пробрались во внутренний круг. Надо просто придумать маршрут для меня. Безопасный маршрут. Тут же работают датчики, и Мартин может сказать — какие коридоры свободны от фриков.

— Это мысль, девочка, — тут же отозвался Мартин, — если тут есть у кого-нибудь наушники, я бы имел с тобой связь и подсказывал — куда поворачивать.

— Лучше стаю уведу я, — резко возразил Федор.

— Ты нужен здесь. Ты и Егор — единственные, кто может действительно сражаться. Все равно это совместная охота, и работать будем вместе. Магнитные доски тут должны быть, это же классы. В них все должно быть.

Глава 4. Эмма: записи профессора

1.

Из крана в ванной капала вода. Редко, но звонко и методично. Видимо, что-то начало портиться в механизме кранов. Эти звуки навевали смутную тоску и безысходность.

Эмма держала в руках горячую миску с растворимым пюре и торопливо ела. Она здорово проголодалась за то время, пока валялась больная. Запах кофе уже не вызывал тошноту, наоборот. Хотелось пить его и пить. Кружки три горячего, крепкого кофе. И жаль, что к нему нет молока.

В большом диспетчерском кресле с колесиками и высокими подлокотниками сидел Вовик. Качался из стороны в сторону, махал выключенной рукоятью меча и иногда опасливо косился на Эмму. Скрипели колесики, чуть потрескивала обивка кресла.

— Еды у нас немного осталось. Мы же не запасались надолго. Потому надо бы экономить. Будем есть по полпорции, что ли… — невесело сказал Колька, — и кофе тоже в обрез. А вафли остались только для Эммы, Вовка и я свою долю уже съели.

Колька поднялся и вытянул из своего рюкзака две небольшие пачки. В каждой по четыре вафли. Положил на стол и велел Эмме:

— Тебе сейчас надо хорошенько подкрепиться. Потому пей кофе и ешь вафли. А после будем думать, что нам делать.

Эмма кивнула. Спросила:

— Что-то не слышно ихвоя. Ушли они, что ли? Вы не смотрели?

— Эм, никто не ходил смотреть. Ты болела, Вовик малой. Я не рискнул вас оставить, даже несмотря на то, что есть мечи. Вдруг со мной что случиться, а вы тут совсем беспомощны.

— Я бы надавал этим… чертям… — буркнул Вовик и перестал качаться, — я тоже хочу вафель, — грустно добавил он.

Эмма перевела взгляд на бестолково — яркие пачки, что лежали на столе. Она бы съела все и прямо сейчас — так хотелось есть. Пожалуй, еще никогда в жизни она не испытывала такого голода. Или это следствие того, что она заболела? Но ведь таблетки должны помогать… Надо почитать письма этого профессора, что он писал про эти таблетки?

— Вовик, возьми одну пачку вафель, — сказала Эмма и поставила опустевшую миску рядом с собой на кушетку.

— Эмма, тебе самой нужно есть! — возмутился Колька, — Мы уже съели свою долю, и Вовке даже досталось чуть больше.

— Да какая разница, Коль, четырьмя вафлями больше, четырьмя меньше. Несколько вафель меня не спасут, а он

ребенок. Такой, как наша Сонька, ты же помнишь ее? Хорошо, что с ней все в порядке, и она сейчас в тепле и сытости…

Эмма произнесла это и вдруг уставилась на Кольку, потрясенно мигнула и проговорила:

— Мы же выпустили этих… чертей… мы же их выпустили, и они ушли наверх! Потому и тихо у нас! Они пробрались через трубу прямо на Второй Уровень!

С убийственной ясностью Эмма поняла, что все так и есть, и что Колька думает то же самое. В его черных глазах мелькнуло выражение обреченности и вины. Они втроем, как дураки, открыли дверь, которую ни в коем случае нельзя было открывать! Навлекли беду на всю станцию!

— Что теперь делать? — бестолково пробормотала Эмма.

— Читать письма профессора. Я их прочел все. Если хочешь, расскажу.

— Что это даст?

— Знания. Эмма, мы должны в этом разобраться. Ты же хотела понять, что случилось на станции.

— Ладно, говори.

— Тут вот что случилось. Станцию поразила какая-то болезнь. Не знаю, откуда она взялась, профессор этого не писал. Видимо, раньше у него была другая связь с Гильдией, не через письма. Но письма — отчеты профессор стал писать уже тогда, когда укрылся здесь. Он почувствовал первые признаки болезни, и остальные люди на станции стали заболевать. И Гильдия предложила ему укрыться в заброшенных ангарах. Тут действительно к тому времени ничего уже не использовалось, потому что оборудовали новые на Третьем Уровне. Ему стали присылать небольшие челноки — автопилоты. С едой и лекарствами. А он писал отчеты. То есть он просто считывал информацию с сервера станции, у него был доступ. Он подробно описывал болезнь. У всех почти одинаковые симптомы, такие же, как у Кренделя. Ну, у всех поднималась температура, начиналась рвота. Трясло всех. После менялось сознание. Он там подробно все описывал и научным языком. Я не стал вникать. Суть в том, что вирус всех изменял. И все становились животными. И вот те черти, которых мы открыли — это и есть взрослые станции. Прикинь, Эм?

Колька покрутился немного на кресле, просмотрел что-то на планшете и продолжил свой рассказ:

— Ну, а Гильдия сказала, что у них нет достаточно лекарств, что это очень дорого и не в интересах Гильдии — лечить заболевших станции. И что, вроде, у них нет вакцины или чего-то, что дало бы полное выздоровление. И они будут помогать только

профессору в обмен на доклады. Вот он им и докладывал все подробности. Даже то, как эти твари поубивали часть незаболевшего экипажа.

— А что, были те, кто не заболел? — удивленно спросила Эмма.

— Да, были и такие. Только профессор не мог понять, почему. Он сказал, что не заболевают дети и некоторые взрослые. Только не понятно, почему. Так что, видимо, Вовику пока болезнь не грозит.

— А ты? Ты как себя чувствуешь? — Эмма тревожно оглядела Кольку.

Тот не изменился ничуть. Такой же смуглый, худой. И даже улыбка у него такая же наглая.

— Со мной все в порядке, не бойся. Слушай дальше. После профессор написал, что оставшиеся члены экипажа каким-то образом загнали всех чертей сюда, на нижний отсек и заблокировали дверь. Профессор даже не смог добраться к этой двери. Он остался запертым вместе с чертями, прикинь? Так ему, козлу, и надо! Он умолял Гильдию вывезти его отсюда, но те сказали "до свидания" и даже отвечать на письма перестали. Он какое-то время прожил с этими чертями. Медленно сходил с ума тут в одиночестве. А после спустился вниз. Написал что-то типа — эти животные — мои сородичи. Мои товарищи и все такое. И написал, что он сам — часть их. "Они — это я", — вот что он написал. Так что, те кости, что мы видели в коридорах тут — это, видимо, профессорские. "Сородичи" обглодали и раскидали. Как тебе история?

— А дальше что?

— Ничего. Больше ничего. Все свои исследования профессор отправлял Гильдии. А что решила Гильдия — непонятно. Вдруг там тоже все превратились в чертей, и теперь программы на всех станциях работают одинаково, под управлением роботов? Пойди, разберись.

— "Они — это мы" — пробормотала Эмма, разглядывая опустевшую кружку.

— Что ты говоришь?

— Да ничего. Просто ты прав, мы должны разобраться во всем этом. Таблетки помогали профессору, значит?

— Да. Но со временем с ним стали происходить некоторые изменения. То есть он не стал чертом, но, например, у него стали быстро заживать раны, он стал чувствовать разные запахи, даже далеко отсюда. Улавливать самые тихие шорохи. В темноте стал хорошо видеть. То есть стал таким чудо — человеком. Ну, по — крайней мере, он так о себе писал. Первое время, когда еще не

заперли чертей тут внизу, он выходил и лазил по темноте и все нюхал и определял. И удивлялся своим новым способностям. Ну, и все это, понятно, докладывал Гильдии. А те ему еды и таблеток присылали и присылали, пока он не перестал их интересовать.

— А он просил, чтобы его забрали? — уточила Эмма.

— Слезно умолял. Писал, что стал незаразным. Благодаря этим таблеткам, типа, он перестал распространять вирус и теперь вовсе не заразный и не опасный. Даже исследования свои им отправлял. Так что, Эмма, ты теперь тоже не заразна, не бойся. И я не заразен, я тоже решил пить эти таблетки. На всякий случай, для профилактики.

— Нам уже без разницы — заразные мы или нет. Гильдия забирает товары и присылает продукты и одежду. Значит, они знают о том, что у нас твориться. Значит, их это вполне устраивает. И на помощь нам никто не придет. Нам надо… Надо самим помочь себе… Жаль, что профессор погиб, он бы сейчас очень пригодился нам.

— Мне он не нравится.

— Что? — не поняла Эмма.

— Говорю, что не нравится мне этот профессор.

— Это точно, — подал голос Вовик, — он предатель.

— Почему? — удивленно спросила Эмма, — А что ему оставалось делать? У него был выбор — или стать животным, или выполнять работу для компании, с которой у него и так был контракт. Ну, я думаю, что у него был подписанный контракт с Гильдией, они наняли его для работы на станции. Тут ясно, что надо выбирать. Просто Гильдия его бросила, не выполнила своих обязательств. Или профессор четко не оговорил обязательства Гильдии, сейчас уже не понять.

— Дело даже не в этом, — Колька крутанулся на стуле, после пояснил, — я прочел все его отчеты. Ну, медицинские термины пропускал и научно составленные доклады. А так он все время писал о себе. Особенно в последнее время. "Я стал лучше видеть…", "Я чувствую новые смеси запахов и могу определить, откуда они…" и все в таком роде. Только о себе. Он не переживал за команду, не жалел их. Вообще ни о ком не думал. Даже не ясно, были ли у него дети на Втором Уровне. А ведь наверняка были, он не молодой, а клетки для зачатия детей берут у всех и воспроизводят каждый генотип, это обязательно. Чтобы не потерять. Наверняка у него были дети, но он вообще ни разу не написал про них. Все о себе да о себе. Он чуть позже завел собственный дневник, тут же, на планшете. Это уже когда Гильдия перестала ему отвечать. И записывал все свои ощущения.

— Может, у него действительно не было детей, мы ведь не

можем точно знать, — медленно проговорила Эмма.

Какие-то мысли крутились у нее в голове, но она не могла до конца оформить их. Ухватить и понять суть.

— То есть, никого не было у профессора. Никого, кто был бы ему дорог. Ни друзей, ни детей, ни жены. Сам для себя… — пояснил Колька, — мне кажется это странным.

Эмму вдруг осенило. Когда она лежала тут больная, когда ее одолевало наваждение, она думала о Соне. О Соне и о Лоне. И сейчас думает о них. Переживает, волнуется. Это ведь держало ее, помогало не стать зверем. Не кидаться, не рычать. Не убивать. Мысли о родных людях, вот что помогло остаться человеком. А у профессора, выходит, не было этих родных людей.

Эмма кивнула и тихо сказала:

— Мне помогло то, что я думала о Соне. Помнишь ее? Это удерживало. Не знаю, почему.

— Мысли о тех, кто дорог, всегда удерживают, — кивнул Колька, — я когда раньше ходил на охоту, любил пробираться к окну каюты, где вы жили. Если удавалось, конечно. И наблюдать за тобой и Соней. Мне нравилось смотреть, как вы что-то делаете вместе. И я мечтал когда-нибудь рисовать и играть вместе с вами. Мне не хватало вас, очень не хватало.

Эмма удивленно посмотрела на Кольку и спросила:

— Почему же ты не вывел нас раньше?

— Я сначала вывел мальков, Ромку, Вовку и Кристинку. А после ребята запретили выводить малышей. Сказали, что о них надо заботиться и учить, а лучше всего это сделают роботы. Они были правы. Нижний Уровень — не место для детей.

— Правильно, между прочим, — Эмма вздохнула, — я немного понимаю профессора. Это просто его работа. Интересная работа, за которую ему хорошо платили.

Она посмотрела на невымытую миску из-под пюре и сказала:

— Я бы, наверное, на его месте поступила так же.

— И забыла Соню? Не наговаривай на себя, — Колька поднялся, взял Эммину миску и кружку и ушел в ванную мыть посуду.

Она и не наговаривала. Она просто знала. Знала, что поступила бы так же. Ну, может забрала бы к себе Соню и Лона, для помощи. После торговалась бы с Гильдией, чтобы вывезли хотя бы младшую сестру из этого ужаса. Но она точно была уверена — еще совсем недавно работа на Гильдию была для нее желанным приоритетом. Тем более, работа над интересными проектами.

2.

Времени у них было сколько угодно. Можно было читать

письма, разбирать профессорские доклады и научные отчеты. Играть в игры — чем Вовик и занялся. Еды было мало — это да. И не слышно было чертей за стеной.

С одной стороны это немного радовало, может, удастся выбраться отсюда. С другой — Эмму одолевала тревога. Эти твари наверняка наверху. Конечно, с детьми роботы и пятнадцатые. Скорее всего уже перестреляли всех животных. Ну, или большинство. Сообщили в Гильдию, что твари выбрались на свободу.

— А вдруг они опять загонят сюда стаю и закроют двери в эти отсеки? И запрут нас вместе с животными? — спросила Эмма Колю.

Тот пожал плечами и ответил:

— Откроем. Мы ведь открыли один раз дверь. Откроем и второй. Меня беспокоит другое. Мы не можем быть уверенными, что несколько животных не бродят тут в темноте и не караулят нас. Вдруг они умные и все продумали?

— Ты думаешь о том, получиться ли у нас выбраться? — уточнила Эмма, — Насколько это опасно?

— Именно об этом. Надо все рассказать нашим. Теперь мы хотя бы частично знаем, что тут случилось.

— Прежде чем уходить, я хочу снять всю информацию с планшетов. Тут может быть то, что нам пригодиться, — Эмма поднялась.

Ее немного качало, но в целом самочувствие было хорошим. Ни тошноты, ни лихорадки. Таблетки помогали, но ведь их наверняка осталось не так много. Каждый день по одной таблетке — так писал профессор. Для нее и для Кольки. А если они вернуться на Темную базу — то и для тех, кто стал заболевать. Насколько хватит этих таблеток?

Почему одни поддаются вирусу, а другие нет? И почему дети остаются здоровыми? На Втором Уровне этой заразы нет. Никто из детей ни разу не болел ничем подобным.

Эмма сказал, что примет душ, и ушла в ванную. Сделала горячую воду — настолько горячую, что струи немного обжигали. Долго стояла и чувствовала, как согреваются ее пальцы на ногах, колени, плечи. Подумалось о том, что нет смены одежды. Вообще никакой. Ни трусов, ни маек.

Трусы она выстирает и повесит тут. Но что делать дальше — абсолютно непонятно. Без еды и без вещей долго не протянуть. Надо выбираться. Найти подходящий момент и уходить. Оружие у них есть, они могут дать отпор. Главное, чтобы животных было не так много.

Не было даже полотенца, чтобы вытереться. Какое-то время

Эмма просто стояла на разогретой от воды плитке и трясла мокрыми волосами, отжимая с них воду. Как же все неприятно…

Наконец она, вздохнув, взяла майку и вытерлась ею. Голову, плечи, грудь, ноги. После кинула майку на пол душевой кабинки — постирать. Натянула трикотажные теплые спортивные штаны с карманами и удобной резинкой. Хорошо, что на ней были именно эти штаны. Они мягкие и удобные. В джинсах без трусов было бы вообще отвратительно.

Водолазка, трикотажная пайта с карманами и капюшоном. От пайты пахнет коридорами Нижнего Уровня. Ее выкинуть бы надо, а она все еще натягивает этона себя. Потому что тут точно неоткуда взять другую одежду…

Приблизившись к зеркалу над раковиной, Эмма долго рассматривала свое лицо. Снова появились веснушки на коже, бледные и редкие. Большие глаза смотрели испуганно и потеряно. Под глазами — синяки, будто она не спала несколько дней. Но в целом и в общем, Эмма не изменилась, только похудела и побледнела. И даже подурнела — можно сказать.

Вернулось раздражение и злость. Но теперь Эмма не собралась предаваться этим чувствам. Что толку злиться? Надо действовать. Действовать и выбриться отсюда. У них должно получиться. Все у них должно получиться…

3.

— Сегодня первый день без крейсеров. То есть сегодня крейсеры не приходят, — сказал Колька, как только Эмма вышла из ванной.

— Ну, и что? — пожала она плечами.

— Ничего. Это я просто так вспомнил и подсчитал. Не хочется забыть, какой сегодня день.

— Посмотри по планшету. Да хотя бы по планшету профессора.

— На нем Вовик игру нашел.

— Ты бы не разрешал ему играть. Мы еще не скинули себе информацию. Вдруг что-то заглючит, модель планшета старая.

— Модель старая, но выпускалась тут, на этой станции. А это значит — безупречное качество и долгие года службы. Помнишь рекламный слоган, который звучал иногда по утрам на Втором Уровне?

— Я-то помню. Удивительно, что ты его помнишь.

— Второй Уровень я никогда не забуду. Точно так же, как и Первый.

— Хочу посмотреть, что там в лаборатории, — пояснила Эмма, наскоро заплела влажные волосы в косу и прошла за стеклянную, самораздвижную дверь.

Комната явно не предназначалась для лаборатории. Столы, стулья, погасшие экраны на стене. Видимо, тут была небольшая столовая и комната отдыха для персонала. Несколько диванчиков, оббитых цветным кожзаменителем, мини — планшеты, видимо с книгами и фильмами. Прозрачные капельки наушников на столиках. На самом широком столике — большой планшет, несколько электронных микроскопов, видимо, подключенных к планшету.

Эмма дотронулась до экрана, и тут же появился голограммный монитор, на котором выпуклыми разноцветными папками повисли многочисленные файлы. Все распределено по цвету и датам. Научные работы — от бледно — голубого до синего цвета. Чем позже дата — тем насыщеннее цвет. Профессор, видимо, любил порядок.

Эмма тоже всегда держала свои папки на планшете в порядке, но до такой системы не додумалась.

Зеленые — это дневник. Эмма просмотрела пару записей.

…Ходил сегодня в коридоры номер четыре — Си и пять — Си. Ориентировался без фонарика. Проводку тут, видимо, нарушили, а восстанавливать некому. Не до проводки сейчас. В темноте я вижу отлично. Но еще лучше чувствую. Запахи складываются в четкую картинку. Трубы пахнут железом, пылью и немного ржавчиной. Стены пахнут железом, людьми — совсем немного. Но каждые человеческие отпечатки на стенах я чувствую с потрясающей точностью, и даже могу сказать, как давно тут проходил человек. Ни одних новых отпечатков я не встретил…

Эмма еда прикоснулась пальцем к следующей папке, чуть более зеленой, чем предыдущая.

…Не спал всю ночь. Слышал вой за стенами. Далеко отсюда, но все равно кажется, что рядом. Все переливы, все интонации сливались в долгую песню. Иногда мне кажется, что я понимаю, о чем они поют. Это песня голода. Им хочется есть, хочется свободы, хочется чего-то странного и непонятного… они тоскуют, только не могут понять — по чему. То ли по своему прежнему облику, то ли по свободе. На меня тоже давят стены, замкнутые пространства, электрический свет, который имитирует дневной, но на самом деле таковым не является. Не могут электрические ртутные лампы заменить свет солнца. Я хочу на Землю. Скорее бы исследовательский интерес Гильдии закончился, и меня отправили обратно. Хочу уехать отсюда. Последний раз я был на Земле, когда мне было меньше десяти лет. Моя семья согласилась тогда участвовать в научных разработках на станции. У них не было другого выхода. Тогда ни у кого не было выбора. Работы у отца давно не было, с квартиры нас попросили съехать, и мы

последние три года жили в общей ночлежке. Я до сих пор помню — коридор "Аш", проход-17 кровати 24, 25, 26 и 27. Для меня, родителей и младшего брата. После того, как родился младший брат, вступил в силу Закон о принудительной стерилизации и обязательной сдачи клеток для искусственного зачатия детей.

Эмма оторвалась от текста и шумно выдохнула воздух.

Слова о принудительной стерилизации звучали не так хорошо, как учили об этом в классах. Но с другой стороны — какой выход? Работы нет, средств к жизни тоже. Какой смысл рожать еще детей, если — судя по рассказу — родители профессора жили за счет дотаций Международного Сената. Вернее, этим занималось одно из отделений Сената — Партия Социального Обеспечения.

И семья профессора согласилась работать на станции. Все правильно, и им еще повезло. Видимо, у родителей было приличное образование и соответствующая подготовка.

Как странно звучат в этих рубках слова об образовании и подготовки. Вот прямо сейчас Эмме не поможет ни образование, ни та подготовка, что у нее есть. А владение оружием очень бы пригодилось.

Эмма вздохнула и кликнула на следующую папку.

…Поднимался до Верхнего Уровня. По вентиляционным люкам — это самое безопасное. Стая караулит уцелевших, запертых во Внутреннем Круге. Переговариваются эти животные короткими ультразвуками, но я улавливаю эти звуки. И, кажется, даже понимаю. Мне показалось, что я понимаю, как они обращаются к вожаку. Интересно, кто стал у них вожаком? Кем был вожак в прошлой жизни и почему сейчас стая его слушается?

Значит, ультразвук. Кажется, так общаются дельфины. Запись очень короткая, но поставлена отдельным файлом, чтобы можно было быстрее найти, что ли?

Эмма просмотрела еще несколько записей. Он описывал охоту чертей, которую ему довелось наблюдать. После написал, что стая реагирует на него, как на своего, видимо, потому, что у него поменялся запах. В одной из записей профессор написал, что у него получается слышать короткий свист и ультразвуки, что издают животные. Он писал, что рычание — это предупреждение, своеобразная демонстрация ярости. Вой — коллективная песня, в которой должен участвовать каждый член стаи, иначе его изгонят. А свист и короткие ультразвуки — это общение. Животные общаются между собой.

За спиной Эммы появился Колька. Коротко спросил:

— Нашла что-то стоящее?

— Ты не разбирал файлы на этом планшете?

— Так, глянул немного. Тут почти то же самое, что у меня, в той комнате, — Колька мотнул головой, — профессор продублировал информацию. Только не знаю, зачем.

— Ну, может, он планировал забрать с собой маленький планшет. А большой оставить тут — его неудобно перевозить, и, к тому же, он подключен к микроскопам, — предположила Эмма, — Смотри.

Она кликнула еще на один файл дневника.

… Мне удалось записать некоторые звуки, что издают животные. Я начинаю понимать их. Звуки, означающие "опасность" и звуки, означающие "еда тут" очень похожи. Интересно было бы проанализировать этот язык — как он образовался.

— А где у него записанные звуки? — спросил Колька, обошел Эмму и принялся перерывать папки на экране.

— Да не суетись, — Эмма поморщилась, — он оставлял ссылки в конце каждой записи. Ссылки на его исследования и записи. Вот потому и файлы разных цветов — он знал, в какой записи какая ссылка. Все у него связано и четко. Смотри, вот сиреневые цвета — это звуковые записи языка.

Колька тут же открыл самый верхний файл бледно — сиреневого цвета. Еле слышные щелчки — и все.

— Тут ничего нет, — разочарованно протянул он.

— Потому что это — ультразвук. Надо включать адаптер. Программа у него тут есть такая, специальная. Но сам он отлично обходился без нее. Да и нам она не нужна, мы все равно не понимаем язык этих животных. Зато тут есть профессорский перевод. То есть, мы можем — ну, к примеру — скинуть на свои планшеты запись тревоги и когда будем выходить из этих коридоров — включим ее. Это разгонит всех животных.

— Отличная мысль, Эмка! — Колька удивленно глянул на нее, — ты просто гений!

— Я знаю, — невозмутимо ответила Эмма, — но я еще хочу посмотреть тут все и почитать. А после пойдем.

— Да, нам некуда торопиться. Наших уже всех съели…

— А, может, и не съели. Если помнишь, то наши закрывались от диких. Базы на замке. Так что, вряд ли твари добрались до наших. На Втором Уровне роботы, об этом нечего переживать. Пятнадцатые, наверное, уже перестреляли половину стаи. Тем более, если сегодня нет крейсеров. Я хочу все тут разобрать, все, что он делал. Это интересно. Это просто уникальная информация. Но сначала я разделю оставшиеся вафли и сделаю себе еще кофе. Сколько у нас пакетов с пюре?

— Три пакета пюре и три — вермишели. И один кусок

колбаски, совсем небольшой.

— Мы вполне можем еще провести одну ночь тут. Прочитать файлы, отдохнуть и окончательно убедиться, что черти убрались отсюда. Поужинаем, позавтракаем и будем пробираться к своим. Пойду, приготовлю себе кофе и поделю вафли.

4.

В каждой пачке оказалось по четыре вафельки. Всего восемь, ровно на троих никак не разделишь. Потому Эмма решила каждую вафлю разделить на три части. По восемь частичек каждому — поровну и удобно. Пока автомат готовил кофеек, она взялась за ножик.

Язык животных — это же просто супер! Вот молодец профессор! Можно понять, во что стали превращаться люди на станции. Можно разобрать научные работы. Просто масса возможностей!

Ножик соскользнул, Эмма вскрикнула и подняла ладонь. Неглубокий порез, но все равно неприятно. Интересно, есть ли тут заживляющая мазь? С собой она не брала, не успела запастись у Лона, а ту, что была на Темной базе, взяла Таис.

Эмма открыла дверки шкафчиков, проверила ящики. Нет, тут мази точно нигде нет, даже на полке с таблетками. Почему профессор ей не запасся?

Она направилась, было, в лабораторию — столовую, как вдруг остановилась. Палец перестал болеть. Вообще. Она осмотрела руку. Порез исчез, как будто его и не было. Даже шрама не осталось.

Ей что, все приснилось, и она не резала себе палец?

Эмма вернулась к столу. Так и есть, на гладкой столешнице остались следы крови. Пара небольших капель. А палец целехонький. Эмма нервно потерла лоб, посмотрела на играющего и вполне веселого Вовку.

Что там Колька говорил о быстро заживающих ранах профессора?

Глава 5. Таис: последняя охота

1.

Она очень хорошо знает эти коридоры. Не раз приходилось спасаться бегством, уносить ноги, на ходу выбирая маршрут. Потому лучше нее никто не справится с этим делом. Никто не уведет фриков за собой…

Федька пытался возражать, но неубедительно и не ясно. Ворчал, что это бредовая идея, что это верная гибель. Но Мартин, по — прежнему связывающийся с ними через одного из двух Донов, что оставались в классах с детьми — Мартин просто сказал:

— Отличное решение. Самое верное. Это спасет несколько жизней.

— Да! Зато мы потеряем Таис! — заорал на него Федор.

— Как только что потеряли Семена, — Кир вдруг подскочил и презрительно добавил, — наших, значит, можно терять, а ваших нет?

— Заткнись, Кир, — тихо бросила пацану Таис, — я пойду, и нечего тут выступать. Мартин, пусть бы меня чуток прикрыли роботы. Пекари, механики и уборщики. Этого добра ведь полно на Втором Уровне. И ты управляешь ими. Ведь да, управляешь?

— Прикроем, — коротко ответил Мартин, — продумаем маршрут. Выбери себе доску, такую, чтобы удобно было. И давайте, решим, по какому маршруту пойдет Таис.

— А если стая за ней не последует? — спросил с сомнением в голосе Егор.

Он растянулся на полу, привалился к стене, и на щеках его светлыми дорожками пролегали следы пота. Или слез, кто знает…

— Ну, значит, не последует, — пожала плечом Таис, — тогда придется вам прорываться.

— Эх, сюда бы гранаты какие, — невыразительно буркнул Димка, — мы бы их всех раскидали в два счета.

— Гранат у нас нет, — невозмутимо ответил Мартин, — есть боевые головки, но они подходят только для космического боя, для защиты станции от нападения пиратов.

— А что, бывали и такие? — удивился Федор.

— Бывали, но давно. Последние несколько лет нападений не было.

— Мартин, составляй маршрут, хватит болтать, — попросила Таис и направилась к небольшой раздевалке, где ровными рядами стояли магнитные доски.

Одинакового темно — синего цвета с белыми разводами и белыми диодами, с одинаковыми темно — синими рулями, эти доски не были личными именными. Они находились в классах, как дополнительные транспортные средства, и на каждой доске черными буквами поблескивали адреса классов — цифры коридоров и названия туннелей.

Таис выбрала тонкую, легкую доску. На такой могут ездить только умельцы. Она разгоняется слишком быстро и слишком хорошо, и отлично вписывается в повороты. Но на ней надо уметь устоять. Таис умеет. Она умеет управляться даже с самыми опасными и скоростными досками, ей не привыкать.

— Вот эта подходящая, — проговорила она и терпеливо подождала, пока доску осмотрит Федор. Проверит, насколько транспорт слушается руля и насколько он надежен.

— Может, я с тобой? — спросил он тихо, не поднимая глаз. Настолько тихо, что услышала его только Таис.

Она положила ладонь на его руку и ответила:

— Ты нужен тут. А вдруг не вся стая уйдет, и вам придется пробиваться? Ты просто проверь маршрут, который выберет Мартин. Ты же в этом разбираешься…

— Проверю, обязательно, — Федор еле заметно кивнул и глянул на Таис. В глазах его мелькнула затаенная мука переживаний. Знакомая, привычная.

Так всегда. У них в последнее время так всегда. Опасности и сложности. Но они ведь ни разу не расставались в последнее время. Во всех опасностях были вместе. И вот, теперь Таис уходит на охоту одна…

— Да поможет тебе Бог, — сказал Федор, отдавая магнитную доску. Фраза его отца почему-то показалась теплой и какой-то… заветной, что ли… Фраза, связавшая поколения.

— Ну, если Он помогает — то пусть всем нам поможет, — согласилась Таис.

2.

Сначала за двери выбрался один из Донов и пара садовников. Расчистили немного проход от визжащих и прыгающих тварей. После Таис сунула в ухо наушник, встала на доску и рванулась в приоткрытые двери. Она умела брать разгон с ходу, едва оттолкнувшись ногой от пола. Доска еле заметно завибрировала и, слегка наклонившись, унесла вперед.

— Стая пошла за мной? — спросила Таис, в надежде услышать ответ от Мартина.

— Пошла. Не оглядывайся и не останавливайся. Прямо и второй поворот. Торопись. Чуть дальше будет пекарня, там их встретят, — тут же ответил Мартин.

Да, стая понеслась за ней. Прыжками. Подвывая от предвкушения интересной забавы. Загонять добычу гораздо интереснее, чем убивать просто так.

Таис слышала за спиной дыхание множества глоток. Слышала, как глухо стучат по резиновому полу лапы. Она не оглядывалась — скорость, с которой приходилось двигаться, не позволяла оглядываться. Чтобы не напороться на стену. Просто вперед, по траектории круглых лампочек — пятачков, сливающихся в одну линию.

Нужный поворот, еще один поворот. Мартин оказался прав, едва Таис миновала пекарню, как открылись двери и выкатились крепкие, квадратные роботы — пекари. Вытянули неловкие руки, приспособленные для того, чтобы управляться с тестом. Дальше Таис не видела — унеслась вперед. Только слышала, как лапы животных ударили о металлические корпуса.

Моаг теперь на их стороне. На стороне "детей подземелья". Он помогает спасаться… кто бы знал, что все так получиться? Кто бы знал…

Маршрут выверен и точен, Мартин постарался. Таис опять повернула в туннели. Это удлиняет путь и дает время остальным. Драгоценное время быстренько вернуться во внутренний круг.

— Получается? — спросила Таис и тут же услышала утвердительный ответ.

— Тебе не придется долго кататься, девочка, почти все добрались. Давай, поворачивай направо, еще раз направо и попадешь на Оранжевую магистраль.

Таис снова услышала за спиной преследователей. Часть из них благополучно миновала пекарей, и теперь неслась со всех лап, пытаясь догнать ускользающую добычу. Но добыча так просто не сдается. В этой охоте побеждает сильнейший, и Таис собиралась стать победительницей.

Оранжевое полотно магистрали, поворот. Нужный туннель. Решетка оказалась поднятой. Доска въехала внутрь на огромной скорости. Тормозить, теперь тормозить…

Палец соскочил с кнопки тормоза, доска налетела на ряд скамеек за туннелем. Таис рухнула вниз, чувствуя жгучую боль в раненом плече, и счастливо улыбнулась, видя, как несется к ней Мартин. Но робота опередил Федор. Отшвырнув все еще гудящую доску, он хмуро спросил:

— Забыла, как тормозить, что ли? Шишек, небось, набила…

— Все целы? — спросила Таис. Поднялась, поморщилась. Потерла раненое плечо.

— Целы. Все. Молодец, девчонка! — кивнул Федор и, наконец, улыбнулся.

3.

— Вот это ты даешь, Тайка! — мотнул головой Егор.

Улыбнулся, набрал с подноса бутербродов себе на тарелку и снова повторил:

— Отличная охота! Ни разу не видел, чтобы так гоняли на досках. Кроме Магнитной пятерки, разумеется. Эти ребята где-то у вас, внизу, да?

— Их не удалось вывести. Не всех получалось спасать, — ответил Федор.

Они снова сидели в столовой детского сада, лопали бутерброды, а Таис наслаждалась покоем. И немного знакомым чувством хорошо выполненной работы. Да, пусть теперь все восхищаются ей. Она действительно ловко умеет кататься на досках. Раненое плечо ее снова обработали заживляющей мазью, и боль исчезла. Хорошо было сидеть за столом, медленно тянуть горячее какао и жевать бутерброды с сыром, колбасой и шпротами.

— Почему не удалось вывести? — удивился Егор. Как-то странно посмотрел и моргнул. Рыжие ресницы едва прикрыли лихорадочный блеск зеленых глаз.

— Потому что они не захотели. Сами отказались, еще и наваляли нам. Из-за них погиб один из наших ребят. Не всегда получалось выводить людей. Нам ведь не верили.

Который раз приходится рассказывать. Который раз приходиться оправдываться. Они ведь действительно старались, делали что могли. Но не все в их власти, не все!

Таис сощурила глаза и закусила губу. Так и хотелось наговорить колкостей, и она сдерживалась из последних сил. Не вывели, потому что Магнитные ребята оказались дурнями. И все! Это — единственная причина. Но пойди, скажи так, и тут же на тебя обрушиться шквал негодования.

Егор заметно погрустнел. Спрашивать ничего не стал, просто пробормотал негромко, словно самому себе:

— Выходит, Магнитной пятерки больше нет… И я их никогда больше не увижу… А там был мой старший брат…

Он глянул из-под рыжих прядей коротко и быстро, и отвел глаза. Так смотрят в минуты сильной душевной боли. Но кому сейчас не больно? Смерть совсем близко, почти рядом. Прикасается, трогает и нагло улыбается в лицо. Кто знает, кого она утащит в следующий раз? Все они тут заложники смерти, все несвободны.

— Что будем делать теперь? — спросила Таис, стараясь поменять тему.

— Мы можем с помощью такой же охоты увести этих тварей

обратно на Нижний Уровень, — вдруг сказал Кир, — может быть и получится. И запереть их там. А дальше жить, как жили…

— Угу, и превращаться в животных, — хмыкнула Таис.

— Это мысль, — поднял голову Федор, — это отличная мысль! Давайте так и сделаем. Заманим тварей за собой вниз. Продумаем маршрут. Даже если и не все уйдут, оставшихся можно поубивать. Уже легче будет.

— Ты серьезно? — Таис нахмурилась.

— Серьезнее некуда. Это отличная мысль. Нам только — знаешь что? Нам понадобиться пятнадцатый, чтобы пристреливал оставшихся. Не хочется уже рисковать детьми. А стаю уведем за собой мы с тобой. Что скажешь?

— Опять мотаться на досках? Только не сегодня, Федь. Я устала.

— Я и не говорю, что сегодня, Тай. Давай завтра. Чего ждать? Если Гильдия обнаружит тут такие непорядки, они могут уничтожить всех. Абсолютно всех. Мы не можем так рисковать.

— Зато по — другому можем рисковать… А пятнадцатого как раздобудем?

— Как всегда. У нас ведь есть опыт. Помнишь программы, что я писал для пятнадцатых? Те самые, что останавливали его?

— И что?

— И то! Мы воспользуемся ими. Отключим пятнадцатого и перетащим сюда. Перепрограммируем. Если получиться. И заставим работать на нас.

— Ну, да. Это вообще просто. Как нефиг делать, — Таис невесело усмехнулась, — и когда этим займемся?

— Да вот, можно отдохнуть и отправиться на Третий Уровень. Отсюда, из внутреннего круга ходит лифт. А там уже, через Третий Уровень доберемся до наших внизу и проверим, живы ли они.

Таис не ответила. Понятно, что рябят внизу надо проверить, вдруг им нужна помощь. Понятно, что надо что-то делать со всеми этими тварями на Оранжевой магистрали. И, понятно, что делать придется Таис и Федору. Больше некому. Хотя Егор тоже парень не промах. Боевой и храбрый. Но силы у него не те. И ловкость не та. Хотя, в помощники его взять можно.

— Кто пойдет с нами? — спросила она и повернулась к Федору, — Нам нужны будут помощники.

— Поищем добровольцев, — пожал плечом Федор.

— Я пойду, — тут же вызвался Егор.

— Они пристрелят тебя, как только им будет удобно, — буркнул Кир и решительно положил локти на стол, — никто из наших с вами больше не пойдет. Или защищать своих, или пошли

вы все вон!

— Развел сопли, болван! — шумно выдохнула Таис, — Что ты знаешь об опасности? Где ты бывал вообще в жизни? Что ты видел, кроме мультиков у себя в каюте и игр на планшете? Ну, погибли бы мы вместе с Федором и вашим Сенькой, и что? Вам стало бы легче и проще? Да вы бы без нас тоже там погибли. Пожрали бы вас фрики, вместе с сопливой мелюзгой! Разнылся он, как девочка… Пристрелят, пристрелят… А ты слышал, как долго можно умирать? Кричать и кричать от боли? Ты слышал, как кричат от боли? И никто не может помочь, потому что помочь невозможно? Ты смог бы убить Сеньку в классе, когда увидел бы, что его внутренности разорваны, и нет даже мази, чтобы убрать боль? Ты бы убил его, глядя в глаза?

Гнев кипел, как вода в чайнике. Горячий, яростный гнев. Обжигающий пар. Прорваться — и станет проще. Легче. Пусть этот пацан слушает…

— Тай, уймись, — тихо попросил Федор, — прекрати. Он тоже прав. Нелегко жертвовать одним человеком ради нескольких. А Сенька был их другом. Им тяжело сейчас. Нам всем тяжело. Если никто не хочет с нами — мы отправимся вдвоем. Дело должно быть сделано, и точка.

— Я пойдут с вами, — твердо произнес Егор и зло отбросил с лица пряди волос, — я пойду и помогу вам. Только проговорим правила. В каком случае спасаем, а в каком спасаемся сами.

— Давайте проговорим правила. Тут все просто, — тут же согласился Федор, — прикрываем друг друга, это раз. Выручаем друг друга, это два. Работаем на задачу — это три. И стараемся уцелеть, это четыре.

— А если — как сегодня? Когда кто-то ранен, и чтобы спасти придется рисковать жизнью? Как тогда? — четко спросил Егор.

— Рискуем, только если риск оправдан. Если видно, что не спасем, и риск не оправдан, и срывается все дело — тогда не спасаем. Ясно теперь? Устраивают правила?

— Устраивают. Но действует это для всех. И если Тайка попадет в переплет, и ее не выйдет спасать — значит, не спасаем.

— Я для себя оставлю возможность отдать жизнь за Таис. Это мое личное решение.

Голос Федора звучал глухо и тихо. Слова шуршали, точно обертки от конфет.

— Я уцелею, — Таис положила руку на ладонь Федора, — я уцелею для тебя. Обязательно. А ты для меня. И Егор тоже должен уцелеть.

— Когда пойдем? — спросил Егор.

Договорились идти после обеда. Хотя обед — уже вот. Совсем

близко. Уже стучат ложками малыши в соседней комнате, пахнет гороховым супом, сухарями и ванильным печеньем. И еще немного котлетками с зеленым луком. Поесть что ли на прощание?

4.

В этот день все делали быстро. Обед, короткий отдых. Обсуждение плана вместе с Мартином. И вот, они уже едут в узком лифте наверх, на Третий Уровень. Лифт для доставки продуктов, и совсем недавно в нем спустили коробки с мукой, молоком, сухим картофелем и сухофруктами. Федор даже помог немного с разгрузкой, чтобы было быстрее.

Лифт полз медленно. Или Таис это только казалось? Скрипнули слегка, открываясь, дверки. И вот, уже слепит глаза белизна коридоров Верхнего Уровня. Так же тихо тут и так же спокойно. Едва выбрались, как послышались четкие шаги. Шаги — щелчки. Раз, раз, раз. Словно отмеряли расстояние коридоров.

— Пятнадцатый, из левого поворота, — определил Федор, — Таис, приготовила флешку?

Таис кивнула и почувствовала, как заныло плечо. Ей предстоит вставить флешку в разъем у робота на шее. И это нелегко, у нее и в дверные разъемы не всегда получалось всунуть с первого раза. Это Колючий специалист по таким делам, а не она.

Но страха уже не было. Да и разве можно пугаться управляемого программами робота после стаи разъяренных диких животных? Вжимаясь в стену у поворота, Таис поняла, что уже не боится пятнадцатых, и, наверное, никогда не будет бояться.

Черно — белый блестящий корпус выплыл из-за поворота. Не мешкать, как прошлый раз! Прыжок — и Таис повисла на спине андроида. Где тут разъем?

Робот повернулся, но на него с другого бока налетели сразу двое. Федор и Егор ударили со всей силы в бок. Пятнадцатый отразил их удар, но покачнулся и опустился на колени. Поднял руку с оружием. Таис, наконец, удалось сунуть флешку в отверстие, она чуть переместилась и всем туловищем навалилась на бок робота. Так, чтобы рука с лучевым пистолетом оказалась прижата к низу. Зашипел выстрел, прожигая резиновое покрытие пола. Мимо, не попал ни в кого. Робот попытался поднять руку, но движения его замедлились. Слишком тяжело повернулась голова, и машина застыла, бессмысленно глядя на Таис.

— Готово, — буркнул, поднимаясь с пола, Федор, — молодчина, Тайка. Тащим его в лифт. Быстро, пока не появились другие.

Неожиданно тяжелый робот не разгибался вообще. Так и

пришлось затягивать его в двери — опущенным на колени, с вытянутой рукой и повернутой головой.

— Вот же тяжелая зараза, — пробормотал Егор, когда двери лифта закрылись, и они поехали вниз.

— Хорошо охотиться, когда Моаг за нас, — усмехнулся Федор, — лифт приехал, двери открылись. И мы смотались, будто нас и не было на Третьем Уровне. Отлично.

Таис лишь усмехнулась. Кто бы мог подумать, что интеллект корабля станет помогать детям — изгоям. А вот, поди ж ты… Хороший у них помощник. Глядишь — что и получится. Жили бы тогда на станции, жили — не тужили. В удобных каютах, вместе с детьми. Поставили Гильдии свои условия. Может, что придумали бы и с этим дурацким вирусом. Мечты просто радужные. Надо всего лишь загнать тварей туда, где они были. И кто их все-таки выпустил? Кому мозгов хватило на такую глупость?

На Втором Уровне их обступили ребята. Малышня, понятно, сидела по каютам или играла в какие-то кошки — мышки, организованные Донами в парке. Но дети старше десяти лет уже поджидали у лифта. Девчонки пищали, обсуждая робота, пацаны уважительно поглядывая на Федора, Таис и даже на своего Егора, приговаривали что-то вроде: "Ничего себе…", "Вот это бандура…" и "Как им управлять теперь…"

— Детвора, а ну кышь отсюда, — велел им Федор, — не до вас сейчас. Мартин, ты где?

Вскоре показался и Мартин. Видимо, он был занят, как обычно, где-то в детском саду. И, как обычно, он не удивился. Спокойно похвалил и сказал:

— Перетащим его к вам в каюту, Федор. Ты знаешь, что надо достать операционный диск, прежде чем загружать программы?

— Знаю. Уже доставали, — бросил Федор и распорядился, — затащите его вы, а то мы забодались тягать эту железяку. Первый пункт плана выполнен, айда отдыхать. Я хочу в душ, есть и спать. Думать и форматировать буду после. Пошли, Тай. Или у тебя другие планы?

5.

Все есть. Все! И несколько шампуней на выбор, и несколько гелей для душа. Тут же стиральная машина, и не надо уже тереть собственные носки и трусы. Да, и трусы Мартин принес нормальные. Девичьи, одни в смешной горошек и пару штук в полоску. Даже прокладки — ежедневки приволок, хотя Таис его и не просила.

Федор, глянув на коробки, удивленно спросил:

— А это что за ернуда?

— Не твое дело, — с улыбкой ответила ему Таис, достала

одну прокладку и понюхала, — это цивилизованная жизнь, вот что это. Вещи, с которыми можно чувствовать себя человеком.

— Видимо, я то-то не догоняю, — Федор улыбнулся и потянул через трубочку сок из стакана.

— Да что тут догонять. Жить без ежедневок и нормальных трусов конечно можно, но это не нормальная жизнь.

Таис долго стояла в душе, после с наслаждением выкинула свою одежду и натянула все новое. Хорошо, что она невысокого роста, и хорошо, что худенькая. Трикотажные спортивные штаны с кулиской на талии сидели просто отлично. И футболка. Полосатая футболка с длинными рукавом. Не вытянутся, не застиранная. Новенькая, пахнущая складом и этими вот каютами.

Распустив волосы, Таис вышла из ванной. Зачем-то встала перед зеркалом в коридорчике и долго рассматривала сама себя. Вроде нормально она выглядит. Сейчас, в новых вещах и без этих глупых косичек она похожа на взрослую девушку. Худенькую, глазастую. Какую-то немного напряженную, будто внутри у этой девушки сжатая пружина, готовая вот — вот выстрелить. И чем она понравилась Федору? Непонятно. Вот Эммка — та красивая. Просто картинка, а не девчонка. Даже движения у нее особенные. Мягкие, плавные, царственные.

А она, Таис, вся резкая, быстрая. И злая. Вот, самое точно определение для нее. Злая.

— Все проверяешь, не стала ли фриком? — спросил за спиной Федор.

Теперь он направлялся в душ. Стянул с себя футболку и стоял в одних коротких и нелепых джинсах и улыбался.

— Нет, просто смотрю на себя и думаю, как же хорошо выглядеть как человек, а не как "ребенок поздемелья".

— А, так ты все тряпкам радуешься? Тай, я страшно рад, что ты рада.

— Не смейся. Хочу жить тут, и чтобы без фриков. И чтобы Мартин меня слушался. И чтобы я делала все, что захочу.

— Хорошие желания, — Федор кивнул, — выйду из душа, и вместе посмотрим, как устроена голова у пятнадцатых.

— Так мы же уже знаем, вроде? Мы же смотрели.

— Теперь посмотрим, можно ли там все перестроить.

Федор дернул Таис за кончики мокрых волос и совсем тихо прошептал:

— Ты красивая в этих новых тряпках. Но я тебя люблю даже когда ты в старых штанах.

Таис кивнула и вдруг поняла, что чуть не сказала ему: " Я тебя тоже…"

Что это? За компанию хотела отшутиться? Или она

действительно немного любит Федьку?

После душа Федор сделал какао для себя и для Таис. Сделал сам, по привычке. Принес шоколад, и оба устроились на диване. Успокаивающе тикали часы, где-то за окном шумели дети. Совсем скоро будет отбой, выключат верхний свет, закроют двери кают. За стенами внутреннего круга по — прежнему отвратительно выли фрики. Сегодня они остались без добычи, и придется им с этим смириться.

Таис отломила ломтик шоколадки, засунула за щеку и улеглась на подушки за спиной Федьки. Пусть сам копается в пятнадцатом, ей все равно в этом не разобраться. Махать мечом она умеет, гонять на доске умеет. А вот разбирать программы для роботов не очень. Программы для нее— темный лес. Поговорка есть такая про темный лес. Таис леса только в фильмах видела, да на уроках учила. Потому можно сказать — темные коридоры, так будет точнее.

А хорошо бы остаться на Втором Уровне. Победить всех фриков и вернуть себе права хозяев станции. Заказывать новую одежду, принимать крейсеры на Верхнем Уровне, играть со здешней малышней. Отличная бы была жизнь, Федьке бы точно понравилось. Он бы писал программы для роботов, следил за производством и был бы главным. Хотя — нет. Главным бы был Валёк, тот любит, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним.

Ну, и что? Пусть Валёк. Все равно жизнь бы у них была классной и интересной. Каждый вечер они с Федькой пили бы какао тут, в этой каюте, каждый вечер она бы принимала душ и кидала одежду в стиральную машину. И уже не надо было бы бояться, что поймают роботы, или закончиться еда. И фриков не надо было бы бояться. Только бы самим не превратится во фриков…

Таис не заметила, как уснула. Свернулась калачиком за спиной Федора, накрылась клетчатым мягким пледом, и теплый уютный сон затянул, закутал, закрыл. Ей снилась погоня на магнитных досках, только убегала она почему-то от Эммы и Колючего. Петляла по коридорам, доска опасно кренилась, а сзади догоняли двое. Молчали, и в этом молчании было что-то пугающее и неприятное…

Разбудил ее Федор. Пихнул в бок, требовательно потряс.

— Да посмотри, что я сделал. Тайка!

— Ну, что? — пробормотала она, убирая с лица пряди растрепавшихся волос.

— Я загрузил в пятнадцатого установочные программы от двенадцатого. Теперь андроид будет считать себя двенадцатым,

представляешь? Только добавлю сюда парочку новых программ для владения оружием для того, чтобы он мог убивать фриков. Придется еще повозиться немного. Но зато у нас будет свой пятнадцатый! Здорово, да?

— Так ведь это…

Таис хлопнула ресницами, почесала шею и не совсем в тему сказала:

— Хочу еще какао. Ты молодец, если эта штука будет еще и стрелять по фрикам, то это вообще здорово. Расскажи Мартину, он удивиться…

— Тайка! Мы уведем отсюда фриков! А кто не захочет уходить — тех перестреляет пятнадцатый…

— Только если они сами его не слопают. Небось так оголодают за ночь, что накинуться на все, что движется, не разбирая — железо это или нет.

— Ну, с этой игрушкой они так просто не сладят. Это им не учителя — Доны. Тут робот, созданный для боя.

— Так у него же мозги двенадцатого. Будет дуплить и думать — можно убивать или нет.

— Не будет. Не должен. Сейчас пойдем и испытаем, пока детвора в каютах, и никто не мешает.

Таис поморщилась, прошла на кухню и уже оттуда прокричала:

— Может, ну его? Завтра уже будем думать?

— Робота надо приготовить сейчас. Завтра не будет времени.

Пришлось идти вместе с Федором на Зеленую магистраль. Смотреть, как, подчиняясь новым программам, пятнадцатый входит под управление Моага. Расчет Федьки оказался верным, андроид действительно считал себя двенадцатым. Испробовали его способность стрелять по фрикам — робот сделал пару выстрелов через решетку.

— Хорошая работа, — сказал Мартин, — ты, Федор, очень похож на отца. Тот тоже горазд был на разные выдумки.

— Пятнадцатый прикроет нас. Сейчас выключим его, потому что источник питания пятнадцатых находится на Третьем Уровне, и заряжать мы его не сможем, пока. А там видно будет. Завтра попробуем увести отсюда стаю и закрыть ее внизу. А пока что мне надо спуститься вниз, проверить наших и заодно осмотреть замки на тех самых дверях, за которыми были фрики. Можно ли эти двери снова закрыть, или придется устанавливать новые замки.

— Возьми на всякий случай запасные платы, поменяешь, если замки пришли в негодность. Я отключен от Нижнего Уровня, потому помочь тебе ничем не смогу, — сказал Мартин.

— Я так и сделаю, — согласился Федор.

— Ты же собирался отдохнуть? — хмуро напомнила Таис.

Дети почти все спали. Из ребят Второго Уровня были только Егор и Жанка. Восхищались немного пятнадцатым, жевали фруктовые конфеты и тихо переговаривались в сторонке. Небось, их грела мысль, что все отправились по каютам, а они теперь достаточно взрослые, чтобы не спать и участвовать в серьезных обсуждениях.

— Прямо сейчас отправишься вниз? — встрепенулся Егор.

— Да. Там и переночую. Нечего время тянуть.

— А как ты пройдешь мимо фриков? — Жанка удивленно хлопнула ресницами и перестала жевать конфету.

— Через Верхний Уровень. Там есть проход к мусорке.

Таис вздохнула и спросила:

— Что, вообще никак нельзя подождать? Куда спешить-то? Фрики отсюда никуда не денутся, так и будут выть и слюнявть магистраль. Внизу наши наверняка закрылись на базе, трескают печенье, пьют кофе и рубятся в игры. Что спешить?

— Они считают нас погибшими, Тай. Наверняка считают. И ничего не знают о том, что происходит со станцией. Вдруг кто-то из наших заболел.

— Если кто и заболел, то это Эмма. Она точно никого, кроме себя, не любит, — уверенно хмыкнула Таис, — и вообще, любовь к себе — это считается за любовь, или нет?

Федор усмехнулся, но не очень весело.

— Эмма вряд ли заболела, — рассудительно сказала Жанна, — она очень умная и всегда знает, как надо поступать. Она — лучшая из нас.

— Ого, какой авторитет у Эммы, — Таис дернула плечом, — только большие знания все равно не уберегут от превращения в монстра. Все плохое и гадостное в человеке становится настолько сильным, что вирус, видимо, живет за счет этих эмоций. И спасти может только умение любить. Эмма умеет любить?

— Умеет, — уверенно сказала Жанка, — у нее же есть сестренка. Эмма всегда заботилась о своей сестренке.

— Хорошо бы. Я просто надеюсь, что у Эммы все хорошо. И у Кольки тоже. У всех наших все хорошо. Потому что наши ребята — это наши ребята, — Таис вдруг удивленно посмотрела на Федьку и добавила, — может, я люблю всех наших? И потому не превращаюсь во фрика? Мне их всегда жаль, я переживаю о них.

— Ну, да. Конечно, — рассеяно ответил Федор, все еще возясь с пятнадцатым, — фрики точно не могут испытывать жалость, просто не умеют. Им даже своих не жаль.

— Фрики — они и есть фрики, — тут же согласился Егор.

Егор напросился с ними вниз, на Темные базы. Сказал, что хочет сам осмотреть коридоры, по которым, возможно, придется уводить стаю. И вообще хотел бы познакомиться со всеми "детьми подземелья".

— Нам ведь жить и работать вместе на станции, — очень логично пояснил он.

Таис идти не хотела. Хотела спать в уютной кающе, но и отпустить Федора одного тоже не могла. Сейчас вся станция опасна, кто его знает, может, Федору и Егору понадобиться помощь. Каждый воин на счету, каждый, кто владеет мечом. Таис, конечно, не суперфехтовальщик, но голову снесет фрику, и не одному. Не растеряется и не расплачется. И такая помощь может спасти жизнь.

Потому, ворча и возмущаясь, Таис пробиралась сначала по Третьему Уровню, погруженному в сумрак. И зачем андроиды выключают тут свет? Тут же нет людей? Бестолково выполняют программы? Вот идиоты…

После — через мусорку, и Егор удивленно озирался и восторгался слаженными механизмами, ловко отсортировывающими мусор. Таис лишь покосилась на мальчишку и еле сдержала желание рассказать, что совсем недавно по этому конвейеру проехал мешок с останками Кренделя. Кренделя, превратившегося во фрика.

Дети Второго Уровня еще не до конца ощутили смысл положения. Еще не поняли, что фрики на Оранжевой магистрали — не самая страшная угроза. Самая страшная беда сидит в них самих. И решить это не так-то просто.

— Если встретим двоих диких, прыгающих на четвереньках и рычащих — их тоже убиваем? — лениво уточнила Таис, когда миновали вонючие коридоры, примыкающие к мусорке.

— Только если они нападут на нас, — пояснил Федор, — а вообще надо бы их пощадить. Вдруг Гильдия уже разработала лекарство от вируса? Тогда их можно вылечить, — он говорил тихо и шел впереди, осторожно заглядывая во все повороты.

— Ну, тогда надо было щадить и тех, которые наверху, — едко заметила Таис, — их же тоже можно вылечить.

— Не бухти, — миролюбиво ответил Федор, — надо было оставаться в кающе и лопать шоколад. Если пошла с нами, тогда не ехидничай.

— Да я только начала. Погоди, сейчас огребем от Валька. Скажет, что мы опять всех подводим, где-то шляемся и никого не предупреждаем. Делаем, что хотим, и ему, Вальку, ничего не доложили.

— Ага, можем огрести, — согласился Федор, — только они

все, наверное, наложили в штаны после того, как появились фрики. Вдруг стая караулит и их под дверями?

— Тогда бы мы услышали вой. А тут все тихо спокойно.

— Логично, — снова согласился Федор.

Егор молчал. Шагал следом и оглядывался. Вертел башкой так, словно она была у него на шарнирах. Совсем еще ребенок, а вот, поди же, пришлось взять лазерный меч и убивать тех, кто был когда-то его родичем. Как все странно и чудовищно… И бессмысленно…

Без приключений добрались до дверей базы. Открыли с помощью флешки. Поднялись по знакомым лесенкам. Как давно Таис не была тут? Больше суток?

Все родное и знакомое. Простое, без изысков.

— Что это за знак? — задал один единственный вопрос Егор, увидев два треугольника на двери.

— Знак корабля. Раньше станция называлась "Млечный путь". До заражения, еще тогда, когда на ней жили взрослые.

Заскрипела, открываясь, дверь базы. И Таис увидела удивленные глаза Маши, похудевшее и потемневшее лицо Кати. Странная тишина царила здесь. Такая странная, что Таис нарочито громко прошла к столу и сказала:

— Привет. Небось, не ждали, что мы живы и здоровы?

Маша молча подошла и вдруг обняла Таис. Прижала к себе крепко, сказала дрогнувшим голосом:

— Мы думали, вы все мертвы. Мы думали, что остались одни, совсем одни тут…

— В смысле? — резко спросил Федор, оглядывая общую комнату и узенькие галереи.

— Вы тут жили? — глупо уточнил Егор.

Ему никто не ответил.

— Рассказывайте, что случилось? — Федор приблизился и потряс Машу за плечо.

— Валёк умер, Илья погиб. Эмма, Колючий и Вовик пропали, — хмуро и коротко пояснил появившийся из своей спальни Ромка, — нас осталось совсем мало. Девочки и я один. Мы боялись выходить, потому что кругом зараза. Болезнь, из-за которой умер Валёк.

— Как умер? — дернулась Таис.

— Просто умер. Перестало биться сердце, — вдруг всхлипнула в углу Нитка, — Никто уже не поможет ему.

— Валёк, значит, заболел? — зачем-то уточнил Федор, — а больше никто из вас не заболел? Как вы себя чувствуете?

Таис почувствовала, как встали дыбом волосы на затылке. Действительно, как они все себя чувствуют? Почему они с

Федором не подумали, что могут найти на родной базе кучу фриков? И это еще повезло, что Валёк умер, а не сожрал тут всех… Повезло, что умер. Страшное везение тут у всех, нелепое и страшное. Значит, Валёк никого не любил? Даже преданную Никтку?

Ну, конечно. Это же ясно, как день. Все, что ему было нужно, это игры на планшете, как и Колючему.

— Где тело Валька?

— Отнесли на мусорку, — бесцветным голосом ответила Маша, — мы не могли оставлять его тут, вдруг он и после смерти заразен.

— Для вас он не заразен, — жестко сказал Таис, — мы все уже заражены. Все дети на станции являются носителем вируса. Потому у Моага и были программы усыплять всех, кому исполнится пятнадцать лет. Вернее, не у Моага, а у пятнадцатых. Эти роботы подчиняются только Гильдии, они не подчиняются станции.

— Откуда вы это узнали? — спросила Маша.

— Мы много чего узнали. И много чего можем рассказать, — ответил ей Федор, — а куда делись Эмма, Колючий и Вовик?

— Улетели на Землю, видимо. Так сказал Ромик. Он слышал, как Эмма хотела открыть те самые двери, в которых высокое напряжение в разъеме. Ну, двери на этом уровне, закрытые. Флешка твоя еще сгорела в них. Вовик решил тоже на Землю, испугался вируса. И ушел за ними. Видимо, у них получилось, но мы не проверяли. Во всяком случае, они не возвращались.

— Никуда они не улетели, — Таис поникла и с разрастающейся горечью в голосе добавила, — Они оба мертвы. Это они открыли дверь, Федька! Вот же идиоты!

— Черт бы их побрал! — не выдержал Федька и стукнул кулаком по столу, — Нафига соваться во все дыры!

— Вы знаете, что было за дверью? — уточнила Маша.

— Знаем. Наши родители, — Таис криво улыбнулась, — станция заражена вирусом, но не интеллект станции, не Моаг. А мы. Вирус в нашей крови. С самого рождения. Он активируется во время выработки гормонов, в подростковом периоде. Или когда человек вырастает. И тогда происходят необратимые изменения. Как у Кренделя, например. Или смерть — как у Валька.

— Что? — Маша отстранилась, оглянулась зачем-то на Ромика и Кристинку.

— Не изменяются только те, кто любят. Если не умеешь любить — ты фрик. Рано или поздно. Машка любит мальков, Нитка любит Валька, Катька любила Илью, а он ее. Любовь — вот то, что делает нас людьми, — подытожила Таис.

— Это какой-то бред.

— Согласен, — устало кивнул Федор, повернулся к Нитке и произнес с еле заметной нежностью в голосе, — ты все равно можешь любить Валька. И помнить его таким, каким он был. Любить и не забывать. Никого нельзя забывать, даже Кренделя. Не важно, кого мы любим, родителей, друзей, братьев, сестер. Важно, что мы умеем любить. Это сохранит от болезни. Мы сейчас были на Втором Уровне, и Моаг сейчас за нас. Он помогает нам, потому что программы про уничтожение — это программы от Гильдии. Их выполняют только пятнадцатые. А у Моага одна главная программа — сохранять детей. И от фриков, которых выпустили Эмма и Колючий.

Таис не стала слушать рассказ Федора. Ее уже тошнило и от фриков, и от страшных историй о прошлом станции. Она прошла в их с Федором спальню, опустилась на кровать. Вдохнула знакомые запахи, поежилась. Как тут все-таки холодно. Вот почему на Нижнем Уровне поддерживалась невысокая температура. Для того, чтобы фрики находились в спячке. Что ж, надо будет и дальше так поступать. Пусть себе спят. Может, даже видят сны. Они не сумели сохранить любовь, и это обернулось большой бедой для них.

А теперь их дети пытаются выжить. Просто пытаются выжить. Так что, без обид, дорогие родители. Без обид…

Таис не заметила, как уснула. Или это был не сон, а наваждение. Она так и не поняла. Просто увидела вновь, как раздвигаются железные створки двери. Бесшумно и медленно. Как проглядывает за ними кромешный мрак. И поняла, что ей надо идти в этот мрак. Одной. Она сама должна пройти через это, и никто не сможет помочь. И вот эти разводы на стенах — это следы засохшей крови. Людской крови. Крови их предков…

Проснувшись, она проговорила сама для себя, прошептала еле слышно:

— Скоро последняя охота. Нам придется войти в эти двери…

7.

Прозрачные, беспроводные капельки — наушники, в которых был встроен и микрофон, казались немного теплыми благодаря особому составу резины, из которой они были сделаны. Таис достались смешные, девчачьи, с вкраплением еле заметных блесток в резину. Крохотный чип наушника был еле заметен.

Мартин пояснял, что связь друг с другом у них будет через эти наушники. А связи с Моагом не будет, потому что уровень доступа электросигналов блокируется благодаря тому самому чипу, что когда-то "дети подземелья" встроили в один из серверов на Верхнем Уровне. Вытаскивать его уже не было времени.

— Да и не нужна связь с тобой, — отмахнулся Федор, — ты все равно не владеешь картами Нижнего Уровня. Или эта информация заблокирована для тебя. А, может, и вовсе удалена. Так что, железяка, теперь мы уж сами. Ты, главное, смотри, чтобы пятнадцатый быстро реагировал. От него многое зависит. Он будет замыкающим.

У них не было плана Нижнего Уровня. И плана этих чертовых ангаров, в которых сидели фрики, тоже не было. Потому вся их охота была наугад. На удачу. Вдруг повезет, и выберутся все. Повезет, и их не запрут в тупике сотни разъяренных проголодавшихся тварей.

А если не повезет… Таис понимала, что они — как смертники. Отдадут свои жизни за детей станции. Так же, как когда-то отдали свои жизни незаболевшие взрослые. Федор несколько раз предлагал ей остаться. Настаивал. Глаза его бешено сверкали при этом, и он зло барабанил пальцами по стене.

— Даже не мечтай, — обрезала Таис.

Она и сама не могла понять, почему так упорно стремиться во фриковы ангары. Может быть, Федька и Егор сами бы справились. Пятнадцатый помог бы им. Таис же справилась одна, когда уводила стаю на Втором Уровне. Правда, тогда ей здорово помог Моаг. Если бы не он, фрики наверняка догнали бы ее.

Но несмотря на все сомнения Таис знала, что обязательно будет рядом с Федором. Только он удерживал ее от того, чтобы не превратиться во фрика. Это она знала точно. Просто наверняка. Чувствовала всей душой.

На самом деле она находилась на краю пропасти. Один неверный шаг, одна ошибка — и необратимые изменения сотрут личность Таис. Ее глаза, ее улыбку. Заменят злобной оскаленной гримасой.

Таис почти ощущала эту злобу. Злобу, меняющую сущность человека. Только рядом с Федором она могла оставаться девочкой Таис. И уж лучше погибнуть, спасая детей от фриков, чем самой стать фриком. Хоть какая-то польза будет от смерти. Польза для детей, для станции.

А, может, все еще закончиться хорошо. У них ведь есть пятнадцатый.

Охота началась после обеда. После того, как немого поспали и немного подкрепились. Как и прошлый раз, сначала выпустили садовников и Донов. После пятнадцатый расчистил выстрелами узкий проход, и по нему, на высокой скорости пронеслись на досках Федор, Таис и Егор. Немного притормозили у входа в один из коридоров. Этого оказалось достаточно, чтобы за ними

последовал крупный зверь с ширкой мордой и светло — голубой шерстью. Видимо, вожак.

— Вперед, — скомандовал Федор.

И охота началась. Длинная, долгая погоня по коридорам. После, когда в ушах прозвучало известие от Мартина, что вся стая следует за ними, спустились через специально открытые двери к мусорке.

— Стая идет за вами, все получается, — бодро прозвучал голос Мартина в наушнике, — пятнадцатый перестреливает отстающих.

— Мы внизу, — сообщил Федор.

Ответа от Мартина не последовало. Все, теперь они на другой территории. На территории фриков.

Бушующей, злобной массой стая стекала с лестницы. Той самой, что всегда была закрыта для "детей подземелья". Тут, на Нижнем Уровне Таис ориентировалась хорошо. И она, и Федор знали тут каждый закуток.

Сделали широкую петлю, чтобы стае было место, чтобы все точно спустились. Звери догоняли быстро. Узкие коридоры, которые специально выбирал Федор, не позволяли совершать высокие и опасные прыжки, потому звери прыгали не верх, а вперед. Это лишало прыжок нужной силы. Один из тварей все-таки достал Егора. Тот немного отставал, видимо, не выдерживал скорости, или боялся упасть. Он закричал, Таис резко затормозила, развернула доску. Махнула мечом, отрубая сначала лапы твари, после голову. Еще несколько взмахов — и ближайшая пара преследователей свалилась на пол.

Но они потеряли драгоценное время, и Федору пришлось тоже остановиться и вступить в драку.

Узкий коридор не позволил стае напасть разом. А поочередные прыжки приближающихся тварей обрубали все трое мечами.

— Мы потеряли время. Сейчас ударим вместе, отобьем ближайших и набираем скорость, — торопливо скомандовал Федор.

— Егор, быстрее, — велела Таис.

Ударили разом. Образовавшаяся куча тел внизу стала препятствием для остальных. Этим замешательством и воспользовались.

— Быстрее, — кинул Федор.

Таис унеслась вперед. Поворот, еще поворот. Скоро они замкнут круг и приблизятся к двери. Запаянный проход к ней Федор распаял еще ночью, когда спускался навестить Темную базу. Потому уже не придется лезть через трубу. Все открыто для

стаи, осталось только привести их сюда.

— Домой, крошки, — пробормотала Таис.

— Что? — тут же отозвался Федор.

Связь через наушники хорошо работала.

Коридоры стали шире, и вот, за спиной послышалось четкое, частое дыхание. Тут же сбоку показалась спина бегущего фрика. Таис сделал рывок, бросила доску на стену, накренила ее и пролетела над фриком. Махнула мечом не глядя. Тварь завизжала, покатилась кубарем. Где-то сзади махнул мечом Федор и весело доложил:

— Есть, один без головы.

— Уж не один, — отозвался Егор, — я тоже рубанул удачно.

— Проходим в двери. Держимся вместе. Последняя дорога, — велел Федор.

Мрак поглотил их, совсем как в навязчивом сне. Недаром ей снились двери, не даром она всегда знала, что придется пройти через них. Сбылся сон, все-таки сбылся.

— Главное, чтобы вся стая попала в эти ангары, — сказал Федор.

Загорелись лампочки, прикрепленные ремнями ко лбам. Загорелись огни на досках. Яркими разноцветными пятнами они побежали по грязному полу, замызганным железным стенам.

— Тут должен быть полукруг. Как и на остальных уровнях станции, — сказал Федор, — держимся широкого коридора, не сворачиваем никуда. Иначе легко попадем в тупик.

Прямо— так прямо. Коридоры широкие, потому Таис еще раз пришлось отбиваться от слишком быстрых и наглых тварей. Кто-то из животных завыл — но не так, как всегда. Напряженные, высокие нотки выдавали накал страстей. Стая гнала добычу и была уверенна, что еда от нее никуда не денется…

Широким полукругом загибался коридор, и разноцветные отблески выхватывали разбитые лампочки и покрытые тонкой пылью трубы. Здесь полно каких-то коммуникационных сетей. Полно дверей — закрытых и открытых. Но разглядывать времени нет. Только бы сейчас завершить полукруг и выбраться. Успеть закрыть дверь, успеть живыми. У них получается, у них все получается!

Последний поворот — и Таис с размаху въехала в хвост стаи. Пятнадцатого животные повалили. Тот со скрипом еще пытался поднять руки, но семеро — или восьмеро, поди разбери в темноте, — тварей с диким рычанием наваливались прямо на дуло оружия. Лучи прошивали их тела, заставляя вздрагивать и захлебываться предсмертным воем.

Сразу четверо тварей налетели на Таис, и она, рванув в

сторону, потеряла управление. Слетела с доски, стукнулась об пол. В голове оглушительным колоколом загудела боль, заглушая рычание. В больное плечо вцепились когти, раздирая кожу и плоть.

Удалось высвободить руку с мечом и ударить одного из тварей. Но тут же животные с визгом расступились от несущейся прямо на них доски Егора. Луч меча метнулся, фрики яростно завыли и кинулись снова.

Круг замкнулся, и двери пора закрывать. Таис поняла это с беспощадной ясностью. Им не выбраться. Если они попробуют прорываться к двери, стая последует за ними. И все будет напрасно.

— Егор, бери Таис и уходи! Я задержу их! — прозвучал в наушниках голос Федора.

Таис хотела сказать, что "дули", и она не уйдет, но язык не повиновался ей. Да и времени не было. Ей едва удалось подняться, как снова навалились фрики. Прыгая без устали, они уже не обращали внимания на меч. Они слишком долго гнались за своей добычей, чтобы теперь просто так отступить.

Егор стоял рядом с ней, плечом к плечу. Это им помогало. Надо сначала расчистить дорогу к выходу. После пробираться к двери. А там посмотрим. Еще посмотрим — кто кого…

— Доска, Егор! Доска сзади тебя выдержит вас двоих! Вставай и забирай Таис! Быстро, я сказал! — снова послышался голос Федора.

Егор только мотнул головой. Федька прав, вдруг поняла Таис. Доска Егора, все еще заведенная, качалась совсем рядом. Рухнуть на нее и выскочить в проем. И закрыть дверь… Только вот Федька сдерживает основные силы стаи, и если он тоже попробует спастись, то стая последует за ним.

— Егор, вспомни Сеньку! — снова прозвучал голос Федора, — вспомни наш уговор! Ты хочешь, чтобы вместо одного погибли трое? Уходите, я сказал! Вам надо закрыть двери. Вы должны закрыть дверь!

Таис опять хотела сказать "пошел вон, фиг тебе", но почувствовала толчок в больное плечо. Мир закружился, в голове зазвенела резкая боль. Она упала на край доски и на мгновение выключилась. А когда пришла в себя, то увидела съезжающиеся створки двери. Несколько лап, пытающиеся просунуться через уменьшающееся отверстие. Побелевшее лицо Егора, стоявшего у проема. Черную узкую флешку в разъеме.

Сверкнул меч, отруба лапы наиболее настырным тварям.

Таис поднялась, хрипло спросила через силу, чувствуя, как качается все вокруг нее:

— Где Федька? Где Федька, я спрашиваю?

— Он не успел уйти. Мы должны были закрыть дверь и запереть стаю. Федор остался внутри.

Егор повернул залитое слезами лицо, и Таис поняла, что он не врет.

С глухим щелчком дверь закрылась. Вспыхнули платы, коротким пламенем загорелась флешка. Напряжение сработало, и дверь оказалась запечатанной. Вместе со стаей и с Федором.

Глава 6. Эмма: звезда по имени Солнце…

1.

Диспетчерское кресло двигалось тяжело и медленно. Поскрипывало, покачивалось, точно челнок на старте. Протолкнув его через стеклянные двери, Эмма шумно выдохнула. Колька тут же подскочил, помог с креслом. Вопросов не задавал. Да и что спрашивать?

Эмма собиралась прочитать все профессорские дневники, потому хотела устроиться поудобнее. А что может быть лучше высокого мягкого кресла, принимающего форму хозяина? С небольшим подогревом сидения, с удобной подножкой? Сиди себе в таком и читай. А хочешь — просто спи, развалившись так, как нравится. Подголовник сам примет нужное положение, подножка сама выдвинется на нужный уровень.

Такие кресла бывают только в капитанских и диспетчерских каютах. На Втором Уровне ничего подобного не имелось. Просто там не было нужды в подобном оборудовании.

А тут оно было очень кстати для тех, кто нес дежурства, принимал крейсеры, управлял отлетами челноков. Да и профессор, наверное, только в нем и сидел. И спал, видимо, тоже.

Колька все оглядывал устройства электронных микроскопов, пробовал запустить экраны голограмм на стенах. От нечего делать включал музыку в наушниках и шутливо возмущался устарелыми музыкальными композициями.

— Электронная музыка — фольк. Вот что тогда слушали. И еще, видимо, рок. А рок же запрещен, и давно, как агрессивная музыка. Послушай, Эмма, какая странная песня.

Он ткнул пальцем в голограммную кнопку на меню одного из проигрывателей.

Раздался ритмичный стук барабанов, после ударили по струнам гитары. Резкие, четкие звуки. Зазвучал низкий голос.

Белый снег, серый лед
На растрескавшейся земле.
Одеялом лоскутным на нем
Город в дорожной петле.
А над городом плывут облака
Закрывая небесный свет.
А над городом желтый дым,
Городу две тысячи лет
Прожитых под светом звезды по имени Солнце…

Ровный голос и жесткие слова рождали странную картинку.

— Что это? — спросила Эмма.

— Какая-то песня. В жизни такую не слышал. Кто ее написал?

Эмма дернула плечом в ответ. Откуда же ей знать?

А песня все звучала, рассыпаясь в тишине зала четкими ритмами.

Две тысячи лет война
Война без особых причин.
Война — дело молодых,
Лекарство против морщин.
Красная — красная кровь
Через час уже просто земля.
Через два на ней цветы и трава,
Через три она снова жива
И согрета лучами звезды по имени Солнце.

Колька поставил песню на повтор. Снова и снова звучали жесткие слова.

И мы знаем, что так было всегда,
Что судьбою был больше любим
Кто живет по законам другим,
И кому умирать молодым.
Он не помнит слово "да" и слово "нет",
Он не помнит ни чинов, ни имен.
И способен дотянуться до звезд,
Не считая, что это сон.
И упасть опаленным звездой по имени Солнце…

— О чем тут поется? — Эмма опустилась в кресло и вытянула ноги, — странные слова какие-то. Что за город? На Земле, что ли?

— Наверное. Я сейчас найду информацию…

Колька поискал что-то на экране голограммы, после сказал:

— Представляешь, это очень старая песня. Ей почти сотня лет. Ну, не совсем сотня, конечно. Но старье реальное. А звучит как-то необычно. Война — лекарство от морщин. Почему лекарство?

— Потому что все, кто воюет, умирают. Не успевают состариться. Что тут не понятного. Две тысячи лет война. Война без особых причин. Мы же учили это по истории в классах, помнишь? Хотя, нет, не помнишь. Тебя тогда уже не было на Втором Уровне. Человечество воевало очень много и очень долго. Без особых причин, правильно. Жажда власти, денег. Управляли человечеством очень часто параноики и маньяки. А люди терпели и признавали их управление. Слушали их бредовые идеи и даже умирали за эти идеи. Это сейчас мы уже не воюем, наступила новая эпоха развития для человечества. Научный прогресс,

наконец, помог человеческому разуму эволюционировать на новую ступень, новый уровень.

Колька вдруг повернулся, поднял черные брови и тихо спросил:

— Ты сама веришь в то, что говоришь? Где же новый уровень, когда нас заперли на станции и позволили превращаться в зверей? Ради чего? Ради выгоды? Ради бесперебойно работающего производства? Или ради научного эксперимента?

… Кто живет по законам другим, и кому умирать молодым… — все звучало в зале.

Эмма рассеяно провела пальцем по экрану. Слаженная и четкая теория мироустройства трещала по швам и рассыпалась, как разобранные пазлы Соньки. Действительно, что на самом деле происходит? Почему Гильдия просто бросила их всех тут на станции? Почему списала со счета десятки ни в чем не повинных детей… Ни в чем не повинных…

Пока они дети — они ни в чем не виноваты. Но как только вырастают — с ними происходят необратимые метаморфозы. Дети становятся чудовищами. Может, это и есть новый виток эволюции? Может, взрослые люди что-то сделали не так там у себя на Земле?

Он не знает слово "да" и слово "нет"…

Что они на самом деле знают о Земле? Нужна настоящая информация, без вот этого бравурного — Гильдия заботиться о вас, новая Эпоха Развития, уникальные возможности, престижная работа и все такое. Нужна просто информация. Голые факты, без оценочной окраски. Только тогда можно разобраться во всем. По — крайней мере, попробовать разобраться.

Эмма приблизилась к экрану и открыла очередной файл профессорского дневника. Тихо сказала Кольке:

— Не выключай эту песню, пусть звучит. Под нее хорошо работается. Не хочешь почитать вместе со мной?

— Не хочу. Читай сама его бредятину. Я тут просто посмотрю, как работали экраны. Может, что интересное записано на них. Все-таки, это часть культуры наших предков, это тоже надо знать.

2.

Сперва Эмма читала все записи подряд. Все файлы зеленых оттенков. Но очень скоро устала от этих профессорских: "Я не спал ночью, все слушал…" или "Проходил через правые коммуникационные коридоры. Провода и трубы имеют разный запах…"

Записи о запахах и бессонных часах утомляли. Бред какой-то. Колька прав, профессор действительно медленно сходил с ума в

одиночестве.

Он не удивился, когда обнаружил, что его заперли вместе со стаей. Отправил доклад Гильдии, стал более осторожным. Заперся в этих двух комнатах и выходил только тогда, когда прилетал челнок. Импульсный, управляемый автопилотом, челнок не обнаруживался радарами станции. Устройство челнока Эмма понять не могла, но она и не учила механику летательных аппаратов. У детей со станции Моаг была другая специфика, их учили программному обеспечению, языкам роботов, устройству робототехники. Как будущих сборщиков андроидов.

Эмма пробегала записи по диагонали, ругая про себя чокнутого профессора. Но один момент ее заинтересовал. Короткий кусок — воспоминание о детстве.

… Работы тут на станции оказалось очень много. Родители были заняты целыми днями, и мы могли видеться только по вечерам. Два часа посещений детского уровня — вот и все, что выделила Гильдия для семей. Работникам положено было отдыхать, здесь, на станции к режиму относились с вниманием. Потому маму и отца мы с братом видели не больше двух часов по вечерам. Мы ждали этого времени, Сережка плакал по ночам и звал маму. Но постепенно мы привыкли. У нас было все, что нужно детям. Планшеты, новые игрушки, много еды, собственные комнаты и возможность играть с детьми. Весь Второй Уровень станции был оборудован для детей. В конце концов, отец вообще перестал приходить. Работы много, и она интересная — говорил он и не хотел тратить зря время. Мы иногда общались через планшет, короткие переговоры по вечерам. Потому специально спускаться к нам у отца уже не было резона. Приходила только мать, да и то, очень скоро я понял, что не знаю, о чем с ней разговаривать.

У нас были вожатые — молодые девчонки, смешливые и ласковые. Были воспитатели, которые проводили с нами много времени. Были роботы, полностью обслуживающие и постоянно присматривающие за детьми. И это было лучшее, что могла дать семьям Гильдия. Мать постоянно говорила, что нам всем очень повезло…

Да, это знакомые фразы. Эмма тоже так думала. Что повезло, что все классно и правильно. Вот только сейчас так не думает.

И странно… Зачем каждый вечер навещать своих детей? О чем с ними говорить? Просто так смотреть на свое чадо и неловко подбирать слова? У ребенка в голове игры на планшете, гонки на магнитной доске и покупки в магазине. А тут сидит мама и странно смотрит и чего-то ждет… Профессор писал, что его младший брат, Сережка, даже плакал по ночам за матерью.

Почему?

Эмма вспомнила вдруг Соню. Конечно, родители просто привыкли к своим детям, вот как Эмма привыкла к Соне. Как Колька привык к ним обоим. Привычка? Или привязанность?

А у профессора этой привязанности очень скоро не стало, так что ли?

Помню, какой злой спустилась к нам мать, когда узнала, что на станции был искусственно зачат и рожден еще один ребенок в нашей семье. От отца и матери. Вроде девочка — так сказала мать. Я спросил — как назвали, и мать сказала, что понятия не имеет и не хочет иметь. Сказала, что не хотела еще одного ребенка, и что не желает видеть его и заниматься им. Сказала, что это нарушение ее прав. Хотя я до сих пор не могу понять, что тут неправильного. Производство расширяется, Гильдии нужны новые люди. Планете Земля нужны новые люди. Моей матери не пришлось ходить беременной, не пришлось рожать и отрываться от работы. Мать сказала, что это, будто бы, не ее ребенок. Меня и брата она носила в себе, хотела нас, думала о нас и чувствовала нас. А это — ребенок роботов. Так она сказала. Мне это было не понятно тогда, и теперь я тоже не понимаю. Моя сестра была первым поколением зачатых искусственно на станции. Она родилась здоровой и крепкой девочкой. Не знаю точно, удалось ей выжить в случившейся эпидемии, или она заболела, и сейчас находиться среди стаи…

Уникальная запись. Вот, значит, как все начиналось тут на станции. Привезли семьи, после появилась возможность воспроизводить потомство искусственно. Не всем это нравилось, но так бывает. Нововведения не все сразу принимают.

Эмма открыла следующий файл. Снова воспоминания.

Мать сказала, что выехать со станции мы не можем. Гильдия не отпускает никого. Мне было около пятнадцати лет, приближался школьный выпуск. Мать к нам давно уже не приходила, мы только переговаривались иногда через планшет. У них наверху подняли бунт. Она рассказала очень коротко. Группа людей пожелала вернуться на Землю, и им это не позволили. Оказывается, теперь, по новым распоряжениям правительства никто не может просто так покинуть свое место жительства. Никто не может просто так подняться в космос на станции, и никто не может вернуться на Землю. Это было продуманным решением. Гильдия тратит огромные деньги на обучение и обеспечение персонала. И после этого отпускать людей очень невыгодно, это принесет убытки и замедлит производство…

Еще один файл, еще несколько фраз о прошлом, в самом конце.

Гильдия сделала все для удобства персонала. Все для людей. Обеспечила комфортное существования, комфортные условия для работы. Медицинские услуги, образование, культурный отдых и полная безопасность. Этого на Земле не найти. Но некоторые предпочитали всему этому свободу. Они говорили о правах воспитывать самим своих детей и о правах самим выбирать работу. В те времена мне казалось это бердом, но сейчас, слушая вой животных за стеной, я думаю по — другому. Меня до сих пор не забрали отсюда, хотя я выполнил все, что просила Гильдия.

Дальше профессор писал, что Гильдия заблокировала канал связи и перестала отвечать на письма.

Меня просто списали со счета, — жаловался профессор.

Слушая песню о городе, который воюет уже две тысячи лет, Эмма почему-то чувствовала жалость. Письма звучали слишком безнадежно. Профессор отлично понимал, что его ждет смерть. Выхода нет, и никто ему уже не поможет. Он писал, что, по всей видимости, людей на станции не осталось, если не считать детей Второго Уровня. Но о детях профессор не очень-то переживал. Он вообще не писал о них. Ни сожалений, ни тревоги.

И тут Эмму осенило. Ну, конечно! Какой смысл переживать о детях, когда в любой момент можно зачать новых? Запустил программу и сколько хочешь — столько и будет. Главное, чтобы хватило кувезов. Это дармовой материал. А теперь, можно сказать, и устаревший. Роботы гораздо лучше справляются с производством. Так какой смысл переживать о детях? О том, что в любой момент можно восстановить, зачать заново?

Для профессора дети были просто частью производства. Заботой Гильдии. Это ее забота, это она производит и воспитывает детей. А профессор заботился только о себе. У него был только он сам. Видимо, где-то в глубине души профессор чувствовал, что тут что-то не так, потому и стал вспоминать детство, мать, отца и брата. Когда-то ведь все было по — другому.

Эмме казалось, что где-то тут и спрятан подвох. Главный секрет того, что случилось. Но понять его все никак не удавалось.

Эмма снова вернулась к чтению дневников. Она заберет их отсюда, эти уникальные записи не должны пропасть. Они могут быть свидетельством против Гильдии. Если придется обращаться в суд, чтобы восстановить права детей на станции — эти записи могут понадобиться.

Отцу исполнилось шестьдесят лет, когда Гильдия объявила благодарность за его работу и сообщила, что срок договора подошел к концу. К тому времени я уже работал на Третьем Уровне. В этот год пришел новый поток молодых людей, это были настырные, шумные подростки, которые могли работать часами.

Отец же много болел, и во время очередного осмотра ему поставили диагноз — сердечная недостаточность. Необходима была замена сердца на искусственное. Операция дорогостоящая и сложна. И Гильдия сообщила, что в связи с последними распоряжениями Международного Сената пожилые люди должны уступать место для более сильных и здоровых. Другими словами, вступил в силу закон об обязательной эвтаназии. Мы отлично понимали необходимость этого закона. Места на станции не хватало. На следующий год поступит новая партия подросших детей, и их надо будет куда-то селить. Работа для них есть, но мест для жизни очень мало. Старики должны уйти, это понимали все. Потому отец и еще несколько человек были усыплены тут, на станции. Наша семья стала одной из первых первопроходцев, на которых были опробованы новые законы нового порядка. Наступила новая Эпоха, и мне она тогда очень нравилась…

Вот, значит, что! Об этом им не рассказывали на Втором Уровне.

Интересно, что еще не рассказывали роботы Второго Уровня своим подопечным? Какие темные секреты хранятся на серверах и планшетах взрослых людей? Какие записи?

Гильдия обеспечила людей всем, чтобы не было бунтов и жалоб. Электронные новинки, игрушки, сенсорные симулянты, современная медицина. Все для того, чтобы люди хотели жить и работать тут. Хорошее вложение денег в персонал, обдуманно и верно. Мы производили платы, разрабатывали новейшие программы. На "Млечном Пути" велись уникальные разработки в области робототехники. Очень скоро роботы смогут заменить людей на многих трудных и тяжелых работах.

Ну, конечно. И заменили. Заменили отца и мать, заменили работников и вожатых. Заменили учителей. А теперь что? Заменяют самих людей вообще, что ли?

— Ты еще не устала? — спросил Колька.

Эмма подняла глаза, рассеяно посмотрела на своего друга и тихо проговорила:

— У правды есть две стороны.

— Это ты о чем? — не понял Колька.

Потер переносицу, закатал рукава и, отвернувшись, принялся рыться в ящиках стола.

— Это я о том, чему учили нас Доны в классах.

— Да забудь все, чему они учили. У них давно устаревшая информация и старые программы. Если нас тут оставили рождаться и умирать, и мы Гильдии давно уже не нужны, то какой смысл менять программы обучения? Кто его знает, что сейчас твориться на Земле? Может, уже и Гильдии никакой нет.

— Кто же тогда присылает крейсеры? — Эмма откинулась на спинку и рассеяно провела пальцем по голограмме экрана, — Крейсеры же приходят…

— Никто. Программы срабатывают, и крейсеры приходят. Ну, я так думаю, — Колька не оборачивался, и все так же шурудил железяками в ящике, — небось, роботы сами собирают своих андроидов где-то на станции в космосе. И ряды роботов стоят и ждут дальнейших распоряжений. А распоряжения отдавать некому. Все люди давно стали животными, носятся по планете, по джунглям и ждут, когда станут сначала обезьянами, а после людьми. Процесс эволюции опустился на старый виток. Вот и все. Мы тут, наверняка, единственные люди на весь ближайший космос.

— Да ну тебя. Придумал теорию, — Эмма фыркнула, — это просто ужас, если твое предположение окажется верным.

— Ничего не ужас. Прикольно, если мы — единственные люди. Что хотим, то и будем делать. Вот только доберемся до управления Моагом.

— Да как мы до него доберемся?

— Просто. Сюда же добрались.

— А с животными что будем делать?

— Потравим чем-нибудь. Читала, как раньше крыс травили? Или пятнадцатые их перестреляют. Что-нибудь придумаем.

— Интересно, как там Валёк? Вдруг уже превратился в такое же животное и нападает на девочек? Коль, это все безнадежно, бессмысленно как то.

Колька обернулся. Глянул быстро на Эмму, пробормотал:

— А про Валька-то я забыл совсем. Точно, он может напасть и…

— И что?

— Ничего. Забудь. Давай выбираться отсюда. Тут есть оружие, есть язык этих чертей. Сейчас попробуем с помощью языка загнать всех тварей сюда обратно. Вдруг получиться?

— Получается, что из старших ребят остался только ты, — проговорила Эмма, — вдруг эта зараза передается только мальчикам?

— Не только. Ты же тоже заболела.

— Но почему тогда мальчики заболевают чаще, чем девочки? Почему не заболела Маша, Нитка или Таис? И Федор тоже не заболел…

— Тайка и Федька — они особенные. Они не заболеют.

— Их уже нет, Коль.

— Да спорим, что они живы? Спорим, Эмм? Я знаю их, это не те ребята, что погибнут просто так. Их не одолеть просто так.

Наверняка они тоже что-то нашли наверху, просто наверняка.

— Все равно не могу понять, почему одни заболевают, а другие нет? В чем тут секрет? Не сделаешь мне кофе? Я еще полчасика почитаю, и будем выбираться. Ты правильно сказал, надо вернуться к своим и что-то придумать.

Эмма снова принялась просматривать файлы. Воспоминания, ссылки на биологические описания. Со всей этой биологией еще надо будет разобраться. Но это уже после, когда Эмма вернется на базу. Еще будет время у нее.

…Я узнал имена тех, в чьем организме вирус не принял активную форму. Взломал файлы штурмана Андрея Шереметьева. Ни он, ни его жена, никто из его друзей не заболели. Я их знал, они пытались сохранить устаревшую форму отношений в виде семьи. На Земле это запрещено, но тут, на станции старые традиции все еще сохраняются. У правительства не доходят руки до станций. Практически, все, кто жил семьями — все уцелели. Что должно быть во всем этом…

Ну, вот. Еще один штрих, еще одна догадка. Роботы не учили в классах, что семьи на Земле запрещены. Почему? Что плохого в том, что люди живут семьей? Что все-таки твориться на планете Земля?

Эмма поднялась с кресла, прошла в диспетчерскую. Сделал себе кофе. Еле заметный дымок, поднимающийся от кружки, приятный запах кофе — все это казалось странным и неправдоподобным в этой давно заброшенной диспетчерской.

Вовка увлеченно играл и не обращал на Эмму никакого внимания. Какая-то старая игра на планшете, где надо управлять космическим челноком, совершать полеты и бороться против пиратов. Точно так же часами играл Валек. Зависал, не отрываясь и не обращая внимания на остальных. Зависимость от игры, о таком Эмма как-то читала в одной из книг по психологии, которую брала в библиотеке. Старая книга, напечатанная на бумаге. Таких книг было достаточно на Втором Уровне. Правда, почти никто их не читал, кроме Эммы.

Игра заменят собой реальную жизнь. Вот у Валька реальная жизнь превратилась в постоянную игру. И Вовик сидит тут уже несколько часов. Он не спал, не вставал размяться. У него другая жизнь. Он живет в ней и двигается вместе со своими челноками.

Вот точно так же и Гильдия заменила реальную жизнь на подобие жизни. Три Уровня Станции — Три Уровня Игры. Доходишь до конца — и тебя списывают. Правила меняются, только игрокам не сообщают об изменениях. Дети играют, даже не зная, что в конце их ждет "гейм овер" — "конец игры". И останутся только роботы.

Эмма положила руки на плечи Вовки. Тот не оглянулся. Даже не дернул плечом. Так просто его сейчас не вытянешь из игры. Надо сначала немного переключить его внимание.

— Выпей кофе, — велела Эмма и поставила перед мальчиком кружку, — давай-ка, выпей кофе. А то замерзнешь тут совсем и засохнешь без жидкости. И заканчивай игру. Мы скоро уходим.

— Что? — не понял Вовка.

— Мы уходим. Скоро уходим отсюда. Потому заканчивай играть. Понял? Пять минут — и чтобы ты вышел и закрыл все файлы.

— Так сейчас же время спать, — удивился Вовка, — время, когда на Втором Уровне выключают свет.

— Мы не на Втором Уровне. Мы у чертей. Потому надо выбираться. Понял?

Вовка молча кивнул и вернулся к игре.

Да, надо уходить. Эмма вернулась в столовую — лабораторию. Принялась перекидывать файлы на свой планшет. Дневники, научные записи, язык животных. Все, что было на компьютере профессора. Колька тут же принялся все дублировать себе, на свой планшет.

— Значит, штурман не заболел, говоришь? — уточнил Колька, как только закончил работу, — А хочешь, я тебе что-то покажу? Вот тут нашел запись, на одном из экранов в этой столовой.

Колька отложил в сторону свой планшет, повернулся. Дотронулся рукой до экрана, вызывая меню. На таких экранах, как правило, крутили рекламные слоганы станции, нужную информацию, новости и объявления. У них были небольшие чипы с памятью, где хранились и фильмы и музыка. Удобно во время завтрака, обеда и ужина тут же просматривать новости или фильмы. Экраны не были голограммными, в этом был значительный минус. Зато они были большими и четкими. Яркими и безотказными. Достаточно одной голосовой команды — и возникало меню. Управлять ими вообще можно было с помощью голоса.

Но Колька предпочитал задавать команды пальцами, быстро перебирая по чуть светящейся поверхности.

— Смотри, — сказал он, и перед Эммой возникла запись.

Большая круглая комната. Диванчики, столики с голограммными узорами. Эмма узнала тот самый зал, через который они проходили на Третьем Уровне, и где остались Таис и Федор. Только сейчас в зале было полно людей. Вперед вышел невысокий кареглазый человек с умным, подвижным лицом, мягко улыбнулся и сообщил:

— Сегодня у нас знаменательный день, друзья. Наши последние разработки в области робототехники одобрены Международным Сенатом и запущены в производство. Очень скоро наступит не просто Новая Эпоха, а Новейшая Эпоха. Роботы класса Дон смогут не только сами принимать решения, они смогут выполнять сложную интеллектуальную работу. Они смогут думать. Они будут пластичны и интересны. Кроме того мы получили разрешение работать с программами "Живой плоти", то есть создавать биороботов. Роботов, внешне ничем не отличающихся от людей. На такие разработки уже есть заказчики. Это новое слово в робототехнике, дорогие коллеги.

— Значит, ты все-таки добился разрешения? — спросил высокий светловолосый парень, — Не смотря ни на что, ты добился разрешения?

— Мы лезем не туда, — пробормотал еще один человек, поднялся и прошел к выходу.

После обернулся и добавил:

— Это принесет беду всему человечеству. Мы занимаемся не тем, чем надо. Взяли на себя роль Творцов, только никогда не надо забывать, что человечество обычно всегда было тварями, а не творцами.

— Ну, что ж, — весело ответил кареглазый человек, — техник Логинов всегда сомневался, но прогрессом двигают не сомневающиеся, а те, кто чувствует веяние времени. Человечество выходит на новый виток развития, и не нам стоять на этом пути. А вам, господин Шереметьев, придется подчиняться распоряжениям Гильдии. У вас подписанный контракт.

Высокий и светловолосый, которого кареглазый назвал Шереметьевым, не стал отвечать. Тоже повернулся и вышел.

На этом запись заканчивалась.

— Почему она тут оказалась? Эта запись? — удивленно спросила Эмма.

— Да кто его знает? Может, профессору делать было нечего, и он уже грузил на экраны всякие файлы. А, может, совесть замучила. За жадность к прогрессу…

— Жадность к прогрессу… Выдумал тоже, — хмыкнула Эмма, — А еще есть записи?

— Больше нет. Вот тот мужик, который умничал о прогрессе и радовался новым разработкам, и есть профессор Калужский. Между прочим, Илья был его сыном. Ну, фамилия у них, по — крайней мере, одинаковая.

— Да, я заметила. Профессора не интересовали собственные дети. Они тут, видимо, никого не интересовали.

— Кроме семейных. Тут есть ролики, снятые о детях. Даже

Федор маленький есть. Двухлетний, что ли. Федор сын этого самого штурмана Шереметьева. Его снимали родители и хранили ролики. А профессор взломал и вытащил себе на компьютер. Тоже глядел перед смертью.

— Ладно, после и мы посмотрим. Значит, не все родители забывали своих детей. Какая разница?

— Ну, сама подумай. Те, кто живет семьей и помнит о детях — те и остаются людьми.

— Ну, да. Раньше было такое устойчивое выражение — "любить кого-то". Сейчас уже так не говорят, сейчас ведь сексуальные отношения возможны только через симулянты. А раньше было по — другому, раньше люди следовали своим природным инстинктам, как животные.

— Ну, нет. Это сейчас люди стали животными. А раньше они были людьми, — напомнил Колька, — Слово "любить" раньше употребляли в значении привязанности, да?

— Ну, да. Сейчас его заменили словами "привыкнуть", "пользоваться". То есть сейчас я пользуюсь — к примеру — планшетами и общаюсь с Лоном, привыкла к нему. А раньше, когда жили с родителям, то говорили — я люблю маму и папу. Как-то так.

— Старое выражение, да?

Эмма рассеяно кивнула. Да, это старое, немного забытое выражение. Его употребляли еще тогда, когда жизнь не была такой удобной и современной. Когда детей надо было рожать и воспитывать самим, когда женщины зависели от отцов своих детей, когда близкие и личные отношения между людьми приносили много боли и разочарования. Вообще все эти семьи, дети, мужья и жены были огромным предметом разочарования.

Как можно жить в такой несвободе? Это очень неудобно. Постоянно думать о ком-то, подстраиваться под кого-то, жертвовать частью своей жизни ради кого-то. Вот поэтому люди и придумали термин "любовь" и создали романтический ореол вокруг него. Вроде как "любовь" должна была приносить счастье, а на деле приносила только слезы и разочарование.

Вот, к примеру, младший брат профессора Сергей, который плакал по ночам по своей маме. А зачем ему мама? Почему женщина должна жертвовать своим временем отдыха ради того, чтобы увидеть мальчика? Это бессмысленно и бестолково. А не было бы этой привязанности — не было бы и слез. Не было разочарования. И Сергей сразу оценил бы все преимущества Второго Уровня. Эмоциональная нестабильность — вот как называется то состояние, к которому приводит любовь.

Эмма взяла планшет, вздохнула и негромко велела:

— Мечи не забудь. Пригодятся.

— Само собой. Я включу сейчас звуки языка животных. Звук тревоги. Пусть звучит. И пойдем вниз. Главное еще Вовку не забыть. Он-то о нас точно забыл.

— Ну, да. Играет сидит.

3.

Запахи обрушились, как только спустились по лестнице вниз. Множество ярких, выпуклых нот наполнили пространство. Это не ароматы, это именно запахи. Они уже не казались неприятными или противными. Они говорили. Вот тут было несколько животных, и все они пахли по — разному. Эмма отчетливо различала запах каждого и могла даже проследить — куда кто пошел.

Присутствие Кольки и Вовки. Собственный запах. Они тоже были тут, но животные оставались дольше, запахи стаи более явственны и совсем свежи.

Сколько пришлось просидеть тут, в этом ангаре? Эмма торопливо подсчитала. Вышло, что почти двое суток. Немало.

— Знать бы, куда поворачивать, — пробормотал в темноте Колька.

— Я знаю, — уверенно ответила Эмма.

Она знала. Она чувствовала свой собственный, старый запах и шла по нему. Прямо к выходу, через резкий, сильный запах стаи. Вся стая прошла тут больше суток назад. Все ушли, больше никого нет. Ни одного звука не долетало до Эммы. Тихо и темно. Можно спокойно двигаться вперед.

На Колькином планшете постоянно прокручивался файл с записями тревоги. Эмма улавливала лишь еле слышный короткий свист — и все. Улавливают ли эти звуки животные? Нет, потому что животных тут нет. Ни одного, это Эмма знала точно. Никого тут нет, потому можно двигаться быстро и свободно. Вперед, на выход.

— Наши сейчас спят, наверное, — предположил Колька, — самое время для сна. Я и сам хочу спать. Приду сейчас и завалюсь.

Эмма не ответила. Она думала о том, что с ней происходит что-то не понятное. То, что происходило с профессором. Она меняется, она отлично видит в темноте и отлично слышит. Вот только не ясно пока — хорошо это или плохо.

Профессорские таблетки лежали в рюкзаке. Пока есть таблетки, Эмма остается человеком. А что будет, когда таблетки закончатся? Об этом даже думать было страшно. Оставалась слабая надежда на профессорские исследования. Вдруг там есть какая-нибудь зацепка, какое-то решение. Что-то, что позволит

сохранить детей станции от загадочной болезни.

Вышли в коридорчик. Тот самый, из которого вела труба. Эмма оглянулась на раскрытые двери, на проем, приведенный в порядок и закрытый пластиковой крышкой.

— Тут кто-то был, — тихо сказал Колька, — смотри, починили разъем и распаяли проход из коридоров. Теперь не надо лезть через трубу, можно просто пройти, подняться по лестнице и будем дома. Кто это мог быть?

Эмма чувствовала запахи людей. Тут были люди, и совсем недавно. Вот буквально только что. И запах знакомый. Очень знакомый, вызывающий волнение и заставляющий сердце плясать в бешеном ритме. Совсем тихо Эмма произнесла:

— Тут был Федор. Точно.

Слабо улыбнулась и почувствовала, как упал с плеч огромный груз. Значит, Колька прав. Федор жив, и Таис, наверное, тоже. Эти двое живы и здоровы, с ними ничего не случилось. Только не понятно, зачем они починили разъем и отпаяли проход в коридоры Третьего Уровня.

— Я же тебе говорил, — невозмутимо ответил Колька, — пошли, что тут стоять. Федор что-то придумал, видать. Сейчас найдем его и спросим.

— Пошли, — тут же согласилась Эмма и взяла Вовку за руку.

Слегка погладила по макушке, весело спросила:

— Устал, малек?

— Есть хочу ужасно, — тут же пожаловался мальчишка, — жаль, что там не оказалось челнока. Мы бы смогли улететь на Землю.

— На Луну бы мы улетели, — резко бросил Колька, — где ты видел вообще Землю? Видел или нет?

— Ну… не видел… а что?

— А то! Если ты не видел Землю, то куда лететь собрался? Надо, наверное, сначала разобраться во всем, так? И мы с Эммой хотели разобраться, а про полет на Землю болтали просто так. Шутили. Ты понимаешь, что такое "шутка"?

— Что привязался? — нахмурился Вовка и рванул вперед.

Колька тут же хотел броситься за ним, но Эмма остановила:

— Да пусть бежит. Он вернется к нашим, дорогу отыщет. А чертей тут нет на Уровне. Вообще нет. Я чувствую.

— Что ты чувствуешь? — не понял Колька.

— Много чего.

— Ты теперь как профессор? Видишь в темноте и различаешь запахи, что ли?

— Вроде того, — нехотя кивнула Эмма.

Не хотелось больше говорить об этом. Не ясно было, откуда

эти способности. От таблеток, или от того, что Эмма поддалась инфекции…

Железные ступеньки гулко отозвались на торопливые шаги. Раз, два, три. Дальше — покрытый мягкой резиной пол, оббитые серым пластиком панели. Широкий и удобный коридор, заворачивающийся полукругом. Чуть слышно пахнет резина под ногами и старая еле заметная пыль. Оглушительно и резко звучит смесь разных ароматов от стаи животных. Запахи стаи почти забивают все остальное. Но где-то в этой гремучей смеси Эмма еле различала запах Федора. Он проходил тут, и не очень давно. Совсем недавно проходил.

— Какие у него планы? — пробормотала Эмма. Мысли вырвались из головы и облеклись в слова.

— У кого? — не понял Колька.

— У Федора. Зачем он открыл тут проход и починил проем у чертовой двери?

Колька не ответил.

Эмма вдруг остановилась, прислушалась и повернулась к Кольке.

— Здесь есть люди. Вот, совсем близко. Рядом. Пойдем, проверим?

— Что за люди? Дикие, что ли?

— Нет. Настоящие люди, не животные.

Решили пойти и посмотреть. Колька зачем-то взял Эмму за руку и зашагал вперед. Зря, Эмма теперь лучше него ориентировалась в пространстве. Потому безошибочно поправила, когда Колька завернул не в тот коридор.

— Нет, нам прямо. Еще прямо. Поворот вот тут. Какие-то узкие проходы здесь.

— Я знаю эти места. Тут есть еще жилые комнаты. Вот если идти прямо и прямо и выйти…

— Вот сюда выйти, в этот проход, — уверенно сказала Эмма.

Они уперлись в закрытые двойные двери со знакомыми уже знаками "Млечного пути". Колька принялся колотить ногой в дверь и кричать:

— Открывайте, я знаю, что вы там!

Послышалась возня. Тихие шаги — Эмма отлично уловила, что к двери подошли двое. После осторожно спросили:

— Кто это?

— Дед Пихто! — выкрикнул Колька, — Девчонки, вы что ли?

За дверью принялись переговариваться. Эмма совершенно четко услышала вопросы: "Это Колючий, будем пускать?" и "Пусть уходит. Кто его знает — болен он или здоров". Одна девочка возражала, другая была за то, чтобы впустить.

Наконец двери открылись. Показалось бледное лицо с большими светлыми глазами. Рыжеволосая, круглолицая девушка торопливо оглядела Кольку и Эмму и спросила:

— Вы здоровы? С вами все в порядке?

— Ну, как видишь, — невозмутимо ответил Колька, — пустите, что ли? Жрать охота страшно. А мы вам что интересное расскажем. Не пожалеете точно, отвечаю.

— Ну, что с тобой делать… — вздохнула девочка, — Проходи, что ли. И ты тоже — кивнула она Эмме.

В небольшой комнатке было тепло. На полу лежал круглый желто — оранжевый коврик, четыре кровати, сдвинутые вместе, покрывали разноцветные одеяла. Животом вниз поперек всех четырех кроватей лежал светлоголовый мальчишка и играл в какую-то игру на планшете. Он даже не поднял голову, заслышав шаги Кольки и Эммы. Лишь бросил негромко:

— Привет, Колючий. Как дела?

— Заберите у вашего Сеньки планшет. Как не приду к вам, он все время играет, — усмехнулся Колька, — вы не поверите, что с нами было. Но расскажу только после того, как покормите.

— Да что там не верить. Это же вы вдвоем выпустили животных, да? — спросила рыжеволосая девочка и захлопотала у стола. Включила чайник, достала кружки, небольшую кастрюльку, буханку хлеба. Ловко порезала несколько яблок. Уточнила, не оглядываясь и не прерывая работу:

— Тебя Эмма зовут, да?

— Да. Откуда ты знаешь?

— Помню тебя еще по Второму Уровню. Ты любила делать доклады, и все время торчала в библиотеке с бумажными книгами. Я тебя там и встречала. Правда, ты была совсем маленькой, вон, как наш Сенька. А меня Инна зовут. Вот она — Дина, — она показала головой на вторую девочку.

Черноволосая Дина перекинула длинные пряди волос через плечо и улыбнулась. Та самая Дина, что предупреждала их о диких однажды в коридорах Нижнего Уровня. На подбородке у Дины ясно обозначалась ямочка, а под распахнутым воротом шерстяной клетчатой рубашки блеснул замысловатый кулончик.

Эмма машинально дотронулась до своей божьей коровки и поймала на себе веселый взгляд Кольки.

— Почему ты до сих пор носишь этот кулон? — спросил он, усаживаясь за стол.

— Не знаю… В память о тебе, наверное… хотя сейчас о тебе помнить уже не надо, видимо.

Инна поставила на стол кружки с чаем, порезанный хлеб и кусочки колбасы, порезанные яблочки, немного изюма. Сказала:

— Я сделаю сейчас макарончики к колбасе. Уже залила их кипятком. Подождите немного.

— А где Рита? — спросил Колька.

— Спит, — Инна кивнула на кровати.

Действительно, на одной из них, недалеко от развалившегося Сеньки кто-то спал, завернувшись в одеяло.

— Она заболела, подцепила ту же хворь, что и у диких. Мы отпаивали ее витаминными настоями, держали в тепле, кормили бульоном по чуть — чуть. Динка даже читала ей вслух книги с планшета. Сейчас Рите значительно лучше. Она есть, поднимается, разговаривает с нами. Правда, все еще слишком слаба. Но, надеюсь, что и это пройдет.

— Вы справились с вирусом? — брови у Кольки взлетели верх, он удивленно почесал затылок и добавил, — ну вы даете. Почти никто на корабле не выздоровел. Я имею в виду взрослых.

И он коротко рассказал все то, что они узнали из записей профессора Калужского.

Слушали все. Даже Сенька перестал возиться с планшетом. Приподнялась на кровати бледная Рита, торопливо пригладила волосы. Когда Колька закончил рассказ, хрипло спросила:

— Значит, у вас есть лекарства?

— Да, у нас есть, — тут же согласилась Эмма, — мы оставим вам. Все будет хорошо, мы что-нибудь придумаем. Удивительно, что ты поправилась без лекарств.

— Мы за ней ухаживали, — тут же отозвалась Дина, — мы берегли ее и заботились о ней. Потому ей и стало лучше.

Эмма слегка улыбнулась. Хорошо тут было у девчонок. Уютно, тепло и как-то… мило, что ли. На стенах нарисованы цветы и бабочки, на тумбочках аккуратные планшеты и даже несколько гипсовых фигурок ангелочков и маленьких мальчиков.

— Сенька, давай за стол. Чаю с нами попьешь, — ласково сказала Инна, подошла к мальчику, взъерошила его волосы.

Тот нехотя сполз с кровати, голосом отключил голограммный экран и сказал:

— Прошел до третьего уровня. Представляешь? Построил себе базу, нанял солдат и роботов. У меня две категории роботов — для перевозок и для войны. Теперь осталось только увеличить мощь, купить оружия и челноков побольше.

Он принялся вдохновенно рассказывать об игре, Инна поддакивала ему, а сама готовила чай и резала хлеб.

— Хорошо тут у вас, — протянула Эмма, — вы живете так, словно… — она замялась, подыскивая слово.

— Мы живем, как семья. Это Ритка придумала. Называем друг друга сестрами. Правда, Сенька только Рите приходится

родным братом. Но это не очень важно. Хоть он и не родной — мы все не родные — но мы решили считать, что мы семья. Колючий — вон — знает. Так просто удобнее выжить.

— Вот вы и выжили, — потрясенно сказала Эмма, — в этом и весь секрет! Только те, кто сохраняют привязанность друг ко другу, те и остаются в живых. Раньше это назвалось "любить". Колючий, выходит так?

— Я не знаю, — дернул плечами Колька.

Устаревшее слово "любовь" обретало свой смысл. Оно было нелогичным и не понятным до конца. Но оно обладало реальной силой. Силой сохранить от перерождения. И, выходит, что Колька тоже к кому-то привязан. Как брат, или как…

Эмма уставилась на Кольку и спросила в лоб:

— Ты ведь… ты ведь не равнодушен ко мне, да? Ну, в смысле… даже не знаю, как сказать…

— Да, ты мне нравишься. Ты классная девчонка, я никогда не забывал о тебе, Эмм, — с готовностью ответил Колька.

— Значит, ты меня… ты меня любишь, так что ли? Ты ведь тоже не заболел?

— Ну, не знаю, что это значит. Да и какая разница? Не заболел и не заболею. И ты тоже не заболеешь. Нормально все будет. Нам только надо найти Федора. Он точно что-нибудь придумает.

4.

Да, Коля любил ее. Видимо, так это и надо называть. Он всегда был рядом, всегда заботился, всегда поддерживал и выручал. И любимый кулончик на шее — тоже от него. Символ удачи. Выходит, что именно любовь Коли и есть удача. Та самая, что сберегла и поддержала.

Так просто, и не надо никаких законов. Не надо правил — не обижать, не оскорблять, не воровать. Коля готов был последнее отдать для нее. Укрывал своей пайтой, оставался рядом в трудные минуты.

А она сама? Когда она любит? Или не любит никого? Может, она любит Соню и Лона?

Эмма пыталась разобраться в себе, но четких и правильных ответов не было. Невозможно дать правильный ответ на такое понятие, как "любовь". Невозможно разложить на формулы и правила Закона.

Не смотря ни на что, любовь все равно оставалась загадкой. Загадкой, которая определяет жизнь.

Эмма вспомнила о Федоре и слегка улыбнулась сама себе. Федор любит Таис, это ясно и точно. Тут и гадать не надо. А потому не стоит даже смотреть в его сторону, все равно

бесполезно. Федор любит Таис, но вот любит ли кого-нибудь Тайка? Это оставалось непонятным.

У Овальных сидели долго. Вновь и вновь ставили чайник. Поели легкий и ароматный супчик с кусочками колбаски и сушеной зеленью. После играли в нарисованные карты. Игра называлась "подкидной дурак". Правила игры откуда-то раскопал Колька — так рассказала Инна.

Игра оказалась веселой и смешной. Или это с Колькой было невероятно смешно играть. Он постоянно выигрывал, шутил и кривлялся. Весело блестел темными глазищами в сторону Эммы, и его взгляд согревал и немного смущал.

Как странно сознавать, что тебя кто-то любит. Как странно видеть тепло и счастье в чужих глазах и знать, что это счастье и это тепло направленно на тебя. И — что самое главное — Эмма понимала, что не одинока. Что не только робот Лон заботиться теперь о ней. Что есть с кем поделиться горестями и радостями, есть с кем разделить бутерброды и чай.

Она не могла еще до конца разобраться — чем любовь отличается от простой дружбы, но понимала, что эти понятия очень близки. Наверное, любовь рождается из дружбы. Или из семьи? Или из уважения и добра к друг другу?

Но у нее еще будет время разобраться во всем этом. Времени еще достаточно. И рядом с ней всегда будет черноглазый Колька.

5.

А потом они вернулись на Темную базу, к своим. Колька повел каким-то коротким, сокращающим путем, через ряды труб, через узкие проходы, мимо коммуникационных отсеков с толстыми кабелями и энергетическими накопителями.

Снова включили сигнал тревоги на планшете, на всякий случай. Но теперь, проходя через коридоры, Эмма всем телом, каждой клеткой ощущала какое-то напряжение. Запахи, многочисленные запахи, долетавшие сюда из глубины коридоров, громко кричали о стае. Тут где-то была стая. Была, но сейчас все поглотила тишина. Или так казалось?

У самых дверей базы до них долетел отдаленный вой. Еле заметный, полный ярости и накала. Эмма повернула голову в сторону звуков и безошибочно определила охотничий призыв. Стая охотилась, что ли? И она понимает эти звуки? Может, превращается в животное?

Эмма тут же отвергла это предположение. Она остается человеком, это точно и без сомнений. Просто теперь, после приступа болезни и после таблеток — а ей почему-то казалось, что именно таблетки в этом виноваты — она стала немного другой. Ее способности увеличились. И непонятно пока — хорошо

это или плохо.

Двери на базы оказались открытыми. Войдя в общую комнату Эмма увидела взъерошенного незнакомого мальчишку с бешено блестевшими синими глазами. Он держал в руках рукоять лучевого меча, а на запястьях его темнели свежие глубокие царапины.

В крови были его руки — вот что! В крови лицо. Поникшие плечи, опущенные уголки губ.

— Что случилось? — рванулся вперед Колька, — Ты кто такой?

— А ты? — не очень дружелюбно ответил мальчик.

Послышался голос Таис. Она сидела прямо на столе, отодвинув в сторону кружки и тарелки. Прижимала окровавленными пальцами наушник и говорила с яростными слезами в голосе:

— Но ты ведь цел, да? Ты справишься, Федь. Попробуй, у тебя выйдет. Пожалуйста, Федь.

— Что случилось? — снова повторил Колька.

— Мы загнали стаю в ангары, туда, где она была. Федор остался запертым в ангарах, — просто сказал незнакомый мальчишка и зло вытер тыльной стороной ладони щеку.

— Я пойду за ним, — решительно встала со стола Таис, — ему удалось спрятаться в вентиляционной шахте. Я пойду за ним и вытащу его.

— Как ты это сделаешь? — глухо спросил мальчишка, — Как ты это сделаешь, не выпустив стаю?

— Плевать! Пусть выпущу! Я не оставлю Федьку умирать там одного!

— У нас есть записи языка животных, — вдруг сказал Колька, — можно включить сигнал тревоги. Это должно заставить стаю отступить. Тогда можно будет вывести Федора. Он цел, Таис? У тебя с ним связь?

— Ранен, — глухо ответила Таис, — откуда у вас сигналы? И как вы уцелели?

— А вы как?

— Ладно, после. После потрепимся. Давай свои сигналы, Колючий. Покажи и объясни, а я расскажу все Федору. Он сейчас слышит меня и так. А я его.

— Что он делает? — просил мальчишка, все еще продолжая держать в руках меч.

— Пытается остановить кровь и перевязать раны, — глухо ответила Таис.

— Сейчас разберемся. Я пойду с тобой, — тут же распорядился Колька, — вместе пойдем. Так больше шансов.

— Ну, да, чтобы и ты там застрял. Нет, иду я одна. И точка. Или вернемся вместе с Федором, или останемся там… тоже вместе…

Эмма посмотрела на залитое слезами лицо Таис, на твердо сжатые губы, на мокрые стрелки ресниц, и, словно отвечая самой себе, произнесла:

— Ты любишь его, Таис. Ты любишь Федора.

Глава 7. Таис: мы сможем жить среди людей…

1.

Звон. Тонкий, непрекращающийся звон и тошнота. Головная боль, разрывающая виски.

Пустая спальня, кровать, Федькин матрас. Федькин голос в наушниках.

Она слышала все. Слышала, как он кричал, когда на него напали несколько тварей сразу. Слышала, как он упал, как удалось ему отползти в сторону и найти вентиляционный люк. Каким-то чудом получилось забраться в этот люк и закрыть с помощью отвертки решетку.

Слышала вой и рычание зверей. Непрекращающийся вой, непрекращающееся рычание. Стая загнала свою добычу и не собиралась уступать. Десятки наглых, сильных тварей караулили Федора в темных коридорах.

Егор хотел забрать у нее наушник.

— Не надо слушать, не стоит — проговорил он и протянул руку.

И тут же получил по плечу.

— Пошел вон! — крикнула ему Таис, — Ты ничего не понимаешь!

— Я понимаю, — тихо ответил Егор, — я понимаю.

Егор не понимал. Не понимал ту пустоту, которая останется, если Федор погибнет. Без него ничто не будет иметь смысла, все станет холодным и не нужным.

Глядя на стены собственной спальни, Таис так четко и ясно поняла, что всегда была счастлива. Пусть ее счастье было злым и даже яростным, но оно было, это счастье. Были ночи, когда Федор согревал ее своим теплом, встречал после охоты, шутил и помогал тащить рюкзак с едой. Были дни, когда они вместе смеялись над всякой ерундой, болтали часами или ругались с Вальком.

И за всем этим счастьем стоял Федор. И жизнь без него казалась теперь бессмысленной и пустой. Вот, что такое любовь. Это когда человек становиться частью тебя, твоей души, и без него жизнь становится половинчатой и души тоже остается только половина.

Федор всегда был рядом, даже в ее мечтах о будущем. Зачем теперь ей удобная каюта на Втором Уровне? Зачем хорошая еда и классная одежда? Чтобы умереть с тоски?

Лучше бы она осталась там и истекала сейчас кровью вместе с ним. Лучше бы она не спасалась.

— Федя, я люблю тебя, — шептала Таис и слышала в ответ только стон.

Что с ним? Насколько серьезно он ранен?

В общей комнате Вовка рассказывал Егору о том, что они нашли что-то особенное во фриковых ангарах.

— Там есть где укрыться, есть рубки диспетчеров, удобные и безопасные, — говорил он.

"Безопасные…" — эхом отозвалось в голове у Таис.

Если бы можно было каким-то образом отвлечь стаю и вернуться за Федькой. Ведь он еще жив, она слышит его прерывистое дыхание. Она буквально чувствует, как бьется его сердце.

— Я вернусь за Федькой, — пробормотала Таис и вышла в общую комнату.

Села на стол, и в этот момент зазвучал в наушнике голос Федора:

— Кажется, жив. Попробовал немного остановить кровь. Не очень удачно. Твари эти совсем рядом…

Таис не успела ответить. В общий зал вошел, глупо улыбаясь во весь рот Колючий. Следом шагала Эмма. Глаза блестят, волосы убраны в хвост. Где это они были?

Эмма уставилась на Таис, будто призрак увидела. Открыла рот и снова закрыла.

Колька перестал улыбаться и налетел на Егора с вопросами. Кто он такой и что случилось? Да какая теперь разница, ребята, что случилось? Где вы лазили, когда были так нужны? В какой дыре сидели?

— Я пойду за ним, — Таис спрыгнула со стола, — пойду и вытащу его. Даже если для этого придется выпустить клятых фриков.

Злость и отчаяние огненной волной заливали сердце. Руки почему-то дрожали, по щекам текли слезы.

Колючий, видимо, все понял.

— У нас есть звуки тревоги, которые пугают чертей, — торопливо заговорил он, — мы нашли язык животных, записанный на файлы. Это поможет распугать всех животных. Пойдем вместе.

Таис резким движением вытерла слезы и ответила:

— На кого оставишь станцию? Валёк умер, из старших остались только Маша, Нитка и Катя. И еще девочки из Овального, если они живы, конечно. Кто будет управлять Моагом? Ты не можешь идти, никто из вас не может рисковать. За

вами — дети. Больше сотни детей Второго Уровня, вы нужны им. Вы должны быть там, потому поднимайтесь и договаривайтесь обо всем с Мартином. Это Мартин — Моаг, и он на нашей стороне. Он за нас. А я пойду за Федькой. Только надо, чтобы вы снова открыли ту дверь чертову…

— Как же ты пойдешь одна? — тихо спросил Колючий и посмотрел. Серьезно, без улыбки.

Эмма что-то проговорила о любви, но Таис не слушала ее. Не до Эмминых умностей было.

— Думаешь, не справлюсь?

— Справишься, — Колючий кивнул и вытянул планшет, — ты точно справишься. Только пойди умойся и собери рюкзак. Тебе понадобятся лекарства, теплые вещи. Еда, может. Мы будем с тобой на связи, и мы расскажем, как найти убежище. Там есть заброшенный ангар и комнаты, где скрывался профессор.

— Если Федор сможет добраться до этих комнат, — буркнула Таис.

В наушнике послышался слабый голос Федора:

— Ты что задумала, балда? Не вздумай сюда соваться…

— Федь, ты же знаешь, я все сделаю по — своему. Я приду и вытащу тебя. И все. У нас есть язык фриков, это должно распугать их всех. Колючий, вон, умеет им пользоваться.

Таис подозрительно прищурилась и спросила:

— Вы пользовались этим языком?

— Вообще-то не очень. Стаи уже не было на уровне, когда мы включили эти звуки. Но вот сейчас попробуем, — решительно ответила Эмма, — просто я кое-что могу и кое-что понимаю.

Задавать вопросы Эмме Таис не стала. Если это действительно так, значит — удача. Наконец-то хоть немного удачи перепадет и ей с Федькой. И если она вытащит Федора и поможет ему, это будет просто супер. Просто супер… Да поможет им всем Бог — как говорил Андрей Шереметьев.

2.

Нитка, Маша. Эмма, Колючий и бестолковая Катька. И она с Федором. Вот и все уцелевшие взрослые со станции Моаг. Как их осталось мало! Совсем мало…

Есть еще девочки с Овального, они тоже взрослые. А мальчишек почти не осталось. Погибли все. Четверо диких, Валёк — они оказались беззащитными перед вирусом. Илья погиб от роботов.

Таис сунула в рюкзак сложенное вчетверо коричневое одеяло, пакетики с чаем, которые заботливо принесла Маша. Пакетики с бутербродами, с сухариками и с вермишелью. Хотела спросить — зачем столько еды, но передумала. Лучше запастись сейчас, чем

застрять в тех ангарах и сидеть с пустым брюхом. На всякий случай взяла пару чистых пайт для себя и для Федора. Эмма посоветовала. Тоже пригодиться.

В наушнике по — прежнему слышался вой и рычание. Звуки стали знакомыми и даже немного родными, будто часть Таис по — прежнему все еще находиться в темных коридорах, будто по — настоящему ее место там. Иногда что-то тихо говорил Федор. Но, видимо, ему было совсем плохо, потому что голос его еле звучал, пробиваясь через какофонию воя и скрежета когтей по металлу.

В какой-то момент звуки стали глуше. Может, устали фрики.

Парни почему-то оказались более уязвимыми перед вирусом. Или меньше способными на глубокие чувства. Что там надо чувствовать, чтобы не заболеть? Мужчины не так хорошо умеют любить, как женщины, что ли? Но Федор ведь любит, и Кольчий тоже. Все, наверное, зависит от самого человека.

Вот от нее Таис тоже многое зависит.

Дернув молнии, Таис повесила рюкзак на плечи.

— Я готова. Пошли, — кивнула она Колючему.

— Может, все же я с тобой? — спросил он и твердо посмотрел Таис в глаза. Решительный, спокойный взгляд.

Таис приблизилась, положила руку ему на плечо, ответила:

— Спасибо тебе, Коль. Спасибо за все. Тебе лучше остаться здесь. Ты нужен девочкам. Свяжись с Мартином. Просто поднимись на Второй Уровень и поговори с Мартином. Он многое может рассказать. Вам надо что-то делать, пока Гильдия не направила сюда своих пятнадцатых.

— Я знаю про Гильдию. Мы с Эммой знаем. Мы сначала проводим тебя. Вот, на твой планшет я скинул записи звуков и вывел на экран. Большой зеленый файл в центре. Номер шестнадцать — два. Просто скажешь шестнадцать — два, запуск. О, уже заработало, гляди.

Таис бросила взгляд на экран, заметила:

— Ничего не слышно. Где звуки?

— Их только Эмма может слышать. Мы не можем. Нам и не надо. Это звуки для фриков.

— Антибиотики и мазь взяла? — спросила, приблизившись, Эмма.

— Да. Все взяла. Мы выберемся оттуда. Вот увидите.

— Выберетесь. Я не сомневаюсь, — тут же согласился Колька, — пошли, что ли.

Подскочил Егор и передал Колючему свой наушник.

— Вот, пусть будет у вас. Здесь с ними будет связь. Если что…

— Давай, очень кстати. Таис расскажет, что и как. А мы

можем подсказать выход.

3.

Вот теперь ее сон сбылся по — настоящему. Пока Эмма и Колька возились с замковым разъемом, Таис смотрела на дверь и прислушивалась к звукам. Там, за железными сомкнутыми створками вдруг стало тихо. Совсем тихо, точно за ними находилось безмолвное пространство космоса.

— Работает сигнал тревоги, — тихо проговорила Эмма, — они уходят. Они уже отступили.

— Откуда ты знаешь? — так же тихо спросила Таис.

— Эмма знает. После расскажем тебе. Эмма точно знает, — не поворачивая головы, проговорил Колька.

В руках он уже держал снятую панель замка. Эмма помогла ему с подсоединением к разъему. Таис не присматривалась к тому, что они делали.

— В общем, так, — сказал Колька, — мы начинаем открывать дверь. Ты быстро проскальзываешь в проем, и мы закрываем. Связь у нас через наушники. Как только начнете выбираться — просигналите. Мы откроем.

Таис кивнула, сжимая в правой руке рукоять меча. Все понятно, чего тут непонятного?

Створки медленно поползли в стороны. Точно так же, как это было в ее сне. До странности знакомо, до холода в сердце страшно. Тихо, неумолимо проступал мрак за створками. Туда, в темноту она должна войти одна. Совершенно одна. И найти в этой темноте… Свою судьбу найти. Саму себя. Определиться раз и навсегда — кто она, Таис Зобова.

— Удачи, — тихо шепнула Эмма.

Таис еле заметно улыбнулась, и ловко скользнула в темный проем. Тут же створки остановились и поползли обратно. Сухой щелчок, и мрак обступил, нахлынул густой, холодной волной. Таис включила прикрепленный на ремнях ко лбу фонарик, оглядела пол. Поцарапанная когтями резина, в некоторых местах подранная в клочья. Шумное дыхание и сопение где-то впереди. Полукруглый потолок над головой. Жаль, что тут не работает электричество.

Только бы Федор не отключился, иначе придется долго искать его тут, в темноте.

— Федь, ты слышишь? — тихо спросила.

Услышала такой же тихий ответ:

— Да. Стая около меня. Ты где?

— Я тут, в чертовых ангарах. За дверью. Как мне тебя найти?

— Как ты прошла?

— Со мной все в порядке. Стаи около меня нет. Объясни, где

ты?

— Мне удалось отползти вглубь по вентиляционным шахтам. Сейчас попробую определить, куда тебе идти…

Голос у Федьки хриплый и слабый. Он часто дышит и останавливается, чтобы передохнуть. Видимо, он потерял много крови.

— Иди прямо, никуда не сворачивая до первого перекрестка, — велел, наконец, Федор.

Отлично, хоть какие-то указания. Неужели у них все получиться? Неужели сейчас она найдет Федьку?

Таис двинулась вперед, поворачивая голову так, чтобы прикрепленный на ремнях фонарик освещал углы и повороты коридора. Темно и холодно. Пусто. Но твари здесь.

Они все здесь, где-то в темноте. Таис слышит их ворчание и дыхание. Чувствует их присутствие. Она один на один со стаей, и ей никто не поможет в случае нападения. Если вдруг те самые звуки на планшете, которые не слышны, но которые работают — если эти звуки перестанут работать, стая накинется на нее, как на законную добычу. И тогда…

Лучше не думать, что будет тогда. Лучше вообще сейчас не думать. Просто идти вперед до первого перекрестка.

На самом деле стая животных — это их прошлое. Прошлое для всех детей станции. И, возможно, будущее. И для Таис тоже стая может стать будущим. Если только она не найдет Федора. Ей надо спасти его. Она спасет Федьку, а Федька спасет ее. Это взаимовыручка, это тесная связь, которая и зовется любовью. А без любви все превращаются в чудовищ…

— Я пришла, — сказал Таис.

— Тогда поверни направо. Я попробую сейчас добраться к тебе, если получиться…

— Должно получиться. Федь, ты точно не перепутал? Вдруг ты в одну сторону двинешься, а я в другую?

— Не болтай… — тихо проговорил Федор.

Таис поняла, что он пытается ползти. Обычно вентиляционные шахты слишком узкие, и взрослые парни в них не помещались. Значит, Федька или не в вентиляции, или тут другая вентиляция. Просто повезло Федору, очень повезло…

Где-то в темноте раздался стук железной решетки. Таис кинулась туда и чуть не споткнулась обо что-то живое и теплое. Заорала так, что эхо бешенными скачками запрыгало под потолком.

— Что случилось? — тут же прохрипел в наушниках Федор.

— Нормально все, — пробормотала Таис, наклонившись.

Она не могла поверить своим глазам. Под ногами у нее

сидел, сжавшись, крошечный звереныш. Детеныш — фрик. Пушистый, большеглазый. С коротеньким хвостиком — пумпочкой. Смешно и беззвучно открывал рот, полный мелких беленьких зубков и жалобно щурил темные глаза.

— Тебя бросили? — спросила Таис и осторожно присела, так, чтобы вовремя закрыться, если звереныш броситься на нее.

— Ты с кем говоришь? — не понял в наушниках Федор.

— Тут зверек, Федь. Мелкий такой, ужас просто…

Таис осторожно прикоснулась к голове зверька и погладила. Тот тут же припал к резине пола, зажмурился и еще раз жалобно раскрыл пасть. Видимо, он издавал какие-то звуки, но Таис их не могла услышать.

— Тебя тоже бросили, малыш… — проговорила она, после поднялась и сказала, обращаясь к зверенку, — они всегда бросают. И нас тоже бросили. Так что, привыкай к своей доле, малыш.

Сказала и пошла дальше. Откуда тут этот зверек? Стая что, стала размножаться? Ничего себе, этак никаких мечей на них не хватит, если они будут рожать себе подобных. И сколько детенышей тут, в этих ангарах? Может, и гнезда тут есть?

— Кошмар какой-то… Ты где, Федь?

В ответ совеем рядом громыхнула железная решетка вентиляционного люка.

Это были не совсем вентиляционные люки. Это были старые шахты для труб. Тонкие блестящие трубы проходили в них бесконечными дорогами. Как Федька умудрился забраться в них — оставалось загадкой.

Таис сначала увидела руку друга, чуть придерживающую решетку. Тут же кинулась вперед и перехватила из холодных пальцев злополучный, сильно погнутый металл. Следы лап с когтями оставили вмятины на простеньком решетчатом узоре.

— Я пришла, Федь, — торопливо заговорила она.

Показалась голова Федьки. Лицо перепачкано кровью, бровь и щека расцарапаны.

— Не смогу сам выбраться, наверное… — тихо проговорил он, — А ты — балда, что пришла сюда.

— После поругаешь. Коль, слышишь меня?

— Слышу, — тут же отозвался Колючий.

— Ого, у тебя поддержка, — попробовал пошутить Федор, но шутка вышла не очень веселой.

Он морщился и из-за всех сил сдерживался, чтобы не застонать. Таис видела это и чувствовала, как сжимается все внутри от страха. Как сильно ранен Федор? Что если она опоздала? Пришла слишком поздно?

Чтобы выбраться головой вперед из узкого отверстия, Федору пришлось упереться руками в пол. Как раз это у него вышло очень плохо. Он охнул, дернулся. Таис подхватила его за плечи и при скупом фонарном свете разглядела широкие рваные полосы на правом плече и запястье руки. Фактически вся правая рука была здорово подрана.

— Ничего себе, — выдохнула Таис, проглотив комок в горле.

Помогая другу, она чувствовала, как становятся липкими руки. Сколько тут крови… мамочки родные, сколько тут крови…

— Запястье мне удалось перевязать и остановить кровь, — пробормотал Федор, сваливаясь на пол.

Он перевернулся на спину и улыбнулся:

— Пришла все-таки за мной, мартышка…

Старое детское прозвище, которое Федор дал ей еще на Втором Уровне, теплыми звуками дернуло сердце. Торопливо смахнув навернувшиеся слезы, Таис заговорила громко, прижимая наушник:

— Он жив, я нашла его. Слышишь, Колючий. Попробуем выбраться.

— Руку я перевязал, но что с ногой — не могу понять, — снова заговорил Федор, — видимо, вывих. Или перелом.

— Ты сможешь встать?

— Попробую.

Встать Федор не смог. Вообще. Любой упор на поврежденную ногу вызывал у него крик боли. Он падал вниз, ругался.

— Это бесполезно, — выдохнула Таис, — придется ползти. Или нести тебя.

Она подстроилась под плечо Федора, попробовала помочь подняться. Тот снова закричал от боли, но удержал равновесие. Уперся рукой в стену и с усилием сказал:

— Зря ты пришла сюда. Все равно я не смогу выйти… вот же черт!

— Еще как сможешь. Даже не думай, без тебя я не уйду. И точка.

Внезапно в наушнике зазвучал голос Эммы.

— Ребята, от вашего поворота всего в двух шагах ангар, где находятся диспетчерские рубки. Там вы найдете укрытие, воду. Там можно будет обработать раны Федора. Там есть свет и удобства. Таис, попробуй довести Федора туда. Правда, в рубку придется забираться по лестнице. Мы там были с Колючим и Вовкой.

— А куда идти? — рассеяно проговорила Таис, чувствуя, как Федор становится все тяжелее и все больше наваливается на нее.

— Объясни, что перед тобой? Перекресток? Первый

перекресток, да?

— Да.

— Тогда иди в него. Там будет поворот с прямоугольной разбитой лампочкой и разбитым чипом голограммы. Поворачивай в него. Пара шагов — и будут открытые двери в ангар. Посмотри только и убедись, что звуки на твоем планшете работают. Хотя, я знаю, что работают. Я их слышу даже у двери.

— Вы все еще у двери?

— Мы же ждали вас. Давайте, ребята. Попробуйте.

Они двигались очень медленно. Федор держался за стену и неуклюже подпрыгивал, стараясь не наступить на поврежденную ногу. Каждый шаг — как долгий путь. Сквозь темноту, сквозь холод. Но теперь ведь Таис не одна. Она не одна в этой темноте, она нашла Федора. И у них все должно получиться.

Поворот, еще несколько шагов. Слабый луч фонарика выхватил из темноты широкий проем с многочисленными разъемами сбоку. Створки дверей тут, видимо, опускались в пол и поднимались в потолок. Широкие, железные.

— Смотри, Федь, мы почти пришли.

Федор не ответил. Даже не кивнул.

Широкий ангар. Огромный, уходящий в темноту. Устаревшее оборудование у стен. Свисающая лестница сбоку.

— Кажется, мы нашли, — сказала Таис, — слышишь, Эмма? Мы нашли.

— Отлично. Поднимайтесь по лестнице.

4.

Таис знала, что никогда не забудет этот подъем. Всю жизнь будет помнить, как тяжело было помогать Федору подниматься по лестнице. Каждое движение для него было болью и мукой. Каждое движение для нее — тяжестью и отчаянием. Отчаянием, которое она не должна была выпустить наружу.

Нельзя было сдаться, просто нельзя! Вновь и вновь они начинали подъем, до тех пор, пока Колючий в наушнике не велел ей самой подняться вверх и не взять наверху веревку.

— Металлопластиковые тросы. Там они есть. Просто обвяжи Федора и втащи наверх. Он, как сможет, будет помогать тебе.

Так и сделали. С помощью найденного в рубках тросса и удалось затянуть Федора.

В рубках был свет. Тепла не было, но была вода, была удобная кушетка, кресло диспетчера и много еще всякого нужного. И тут было безопасно.

Таис оставила Федора на кушетке и вышла в ангар. На миг ей показалось, что она слышит какие-то странные звуки. Так и есть. Внизу сидел малыш — фрик, тот самый, которого она встретила в

коридорах. Жалобно разевал пасть и щурил глазки. И с надеждой смотрел на Таис.

— Глупыш, ты что, думаешь, что я твоя мама? — спросила его Таис.

На звуки ее голоса детеныш поддался вперед всем телом и еще раз жалобно открыл ротик.

И вдруг Таис осенило. Ведь его мать могла погибнуть. Может быть, именно Таис и снесла ей голову. Потому и заботиться о детеныше некому.

Она слезла вниз, подхватила пушистого малыша под животик и так же быстро поднялась. Детеныш был легкий и какой-то… теплый, что ли. Он не вызывал омерзения, наоборот. Его было жаль. Почему-то Таис было жаль детеныша фриков.

Закрыв за собой дверь, Таис опустила зверька на пол. Сейчас, при хорошем свете лампочек она разглядела его белую, густую шерстку и немного вытянутую мордочку. Совсем еще малыш. Сколько ему? Когда он родился? Непонятно. И уже никогда не будет понятно.

Его, этого детеныша зачали не в пробирке и вырастили не в кувезе. Где-то тут должна быть его мамочка. Или ее нет уже в живых.

— Не мешай только, понял? — сказала Таис зверьку.

— Что это? — спросил Федор.

Он сидел на краю кушетки и одной рукой медленно и осторожно стягивал с себя штаны.

— Да зверек. Без разницы, — Таис оглядела распухшую и посиневшую щиколотку друга и мрачно добавила, — неудивительно, что она болит. Неужели перелом?

Она дотронулась до подошвы, но Федор поморщился и попросил:

— Лучше не трогать.

— Давай, я сниму с тебя и эту пайту…

— Не тяни. Тай, поищи лучше ножницы и разрежь…

Ножницы нашлись. Аккуратно порезав то, что когда-то было пайтой, Таис бросила окровавленные куски в мусор и оглядела Федьку. Досталось ему хорошо. Правый бок, плечо и руку покрывали глубокие длинные раны. Кое-что он замотал кусками ткани — порвал собственную майку. Кое-что все еще кровоточило.

— Швов двести тут надо, — пробормотала Таис, — мамочки, ужас какой…

— Только не говори, что сейчас упадешь в обморок, — еле шевеля языком, проговорил Федор.

В наушнике зазвучал голос Эммы.

— Таис, тебе надо просто обработать все его раны антисептиком, после мазью. Мазь уберет боль и воспаление. После раны закрыть лейкопластырем. У тебя в рюкзаке есть и салфетки на раны и лейкопластырь. И дай ему антибиотик обязательно. И пусть он полежит, отдохнет. Сделай для него и для себя какао с молоком — у тебя должно быть все это в рюкзаке. Поешьте и поспите. Наберитесь сил. После попробуете добраться до выхода. Ты поняла?

— Поняла.

Решительный, спокойный голос Эммы вывел из ступора. Она права, так и надо сделать.

— Эмма велела заняться твоими ранами. Так что, ложись.

— Подожди. Что у тебя есть?

— Сейчас гляну.

Таис скинула с плеч рюкзак, торопливо ткнула пальцем в экран. Молнии разъехались.

— Все есть. Даже парочка чистых пайт для тебя и для меня. Эмма говорила, что тут есть душ и туалет. Приведем себя в порядок.

Федор все-таки отключился. В момент, когда Таис попробовала размотать тряпки на его запястье, он стал тихо сползать вниз. Может быть, так оно и лучше для него. Так он не будет чувствовать боли.

Столько крови и столько рваных ран Таис видела первый раз в жизни. Иногда ей казалось, что она и сама вот — вот отключиться. В голове шумело. Тошнило и руки дрожали так, что не сразу удавалось расклеить ленту лейкопластыря. Запястье, плечо. Пара не очень больших ран на боку. Даже над коленом широкие следы от когтей. Хорошо, что до сердца Федра эти твари не добрались. Хорошо, что он вообще остался жив…

Наконец, Таис закончила лепить последнюю медицинскую салфетку. Теперь в ванную — отмыться как следует. Руки, правда, она мыла еще до того, как начала обрабатывать раны Федора — Эмма настоятельно велела сначала помыть руки. Сейчас же Таис скинула с себя одежду и забралась в душ. Смыть поскорее пот и кровь.

Только в душе заметила и у себя несколько царапин на шее и на руках. Но это казалось такой мелочью по сравнению с ранами Федьки. Торопливо дергая волосы и смывая мыло, Таис думала о том, что вот, вроде бы и все. Вроде конец их злоключениям. Надо только, чтобы Федька не умер от потери крови. Пришел в себя, набрался сил.

И антибиотики надо ему дать, точно! О них Таис совсем забыла.

Где-то рядом заурчал зверек. Повернувшись, Таис увидела, что он слизывает с пола капли воды, летящие из душа. Пить, наверное, хочет, малыш. И есть тоже.

Выключив краны, Таис вытерлась небольшим полотенцем, которое тоже сунула в рюкзак Машка. Торопливо напялила на себя чистую пайту — ту, что прихватила из Темной базы. Грязные штаны — те самые, в которых участвовала в последней охоте.

Надо сделать какао, напоить Федора. Малыша этого тоже можно напоить какао. Если не понравится — пусть мотает к своим родичам. И надо дать Федору антибиотики. Обязательно.

Тихонько ступая, она вышла из ванной и встретилась взглядом с Федором. Тот пришел в себя, но выглядел бледным и обессиленным.

— Холодно мне, — тихо проговорил он.

— Сейчас, — торопливо заверила его Таис.

Смоченной в теплой воде салфеткой она осторожно обтерла Федора и так же осторожно помогла натянуть на него пайту. Хорошо, что пайта расстегивалась полностью, до конца — не пришлось надевать через голову. Поправляя манжеты и заботливо застегивая молнию, Таис чувствовала тепло, исходящее от Федора, и понимала, что хочет просто прижаться к нему и сидеть. Так, чтобы снова слышать, как бьется его сердце, совсем рядом, около уха.

— Я сделаю какао, но сначала заверну тебя в одеяло, чтобы ты согрелся. Эмма велела тебе выпить антибиотик, — сказала она.

Федор лишь молча кивнул. После пробормотал:

— Раны почти перестали болеть. Тай, попробуй смазать и ногу этой мазью, может боль совсем утихнет. Мне хочется спать, но не могу заснуть. Болит, зараза…

Таис схватилась за баночку мази, повернула крышку.

— А это кто? — Федор кивнул на жмущегося к Таисиным ногам зверька.

— Фрик. Маленький фрик. Будет жить у нас.

— Зачем? — Федор задавал вопросы, но видно было, что в данный момент ему все равно, зачем тут зверек.

— Потом расскажу. Ложись.

Она заботливо укутала Федора одеялом, после загрузила в допотопный автомат какао и сухое молоко.

Зверек же человеческий потомок, а значит, должен питаться молоком. Люди ведь — млекопитающие. Вполне возможно, что он оценит какао с молоком.

— Это вкусно, — сказала она, поставив перед ним миску и налив чуть охлажденный напиток.

После приготовила какао для себя и для Федора. Федькину кружку тоже немного остудила под струей холодной воды. Села рядом с ним и твердо велела:

— Выпей. Тебе бы сейчас кружки две хорошо выпить. Эмма велела много пить горячего и питательного.

— Это какао, что ли, питательное? — уточнил Федор, с трудом открывая глаза.

— Ты хочешь есть? — тут же спросила Таис.

— Не сейчас. Сейчас хочу спать.

— Вот, тогда какао и таблетка. Антибиотик.

После Таис пристроилась около Федора, откинулась на спинку кушетки. Федор положил голову ей на колени, повернулся на здоровый бок и чуть и натянул одеяло на плечи.

— Ты не мерзнешь? — спросила его Таис и услышала в ответ ровное глубокое дыхание.

Федор всегда засыпал быстро.

5.

Они уснули оба. И спали долго. Бессонная прошлая ночь, выматывающая охота, тревоги, страхи и боль забрали слишком много сил у обоих. А Федор вдобавок оказался серьезно ранен. Потому, когда Таис поняла, что сейчас они оба в безопасности и даже в относительном удобстве, она расслабилась.

Завернулась в пайту, надвинула на лицо капюшон, прикрыла ноги краем одеяла. Колени приятно согревала щека Федора. Таис чувствовала его тепло даже сквозь сон. Хотелось спать и спать. И не думать ни о чем, не переживать и не волноваться. Они много сделали. Они молодцы, справились с задачей. Теперь главное, чтобы фрики реагировали на таинственные звуки с планшета и не приближались к ним. Все остальное — ерунда.

Проснулась Таис первой, от того, что почувствовала рядом с собой какую-то возню. Открыла глаза. Федор по — прежнему спал, положив голову ей на колени. Он казался немного горячим, возможно, у него поднялась температура. С другого бока к ней прижался зверек и тоже спал. Во сне иногда возился и вздрагивал, и так же жалобно разевал пасть, словно пытался говорить, даже когда спал.

Интересно, он мальчик или девочка? И каким бы ребенком он стал, если бы не этот вирус? Таис провела ладонью по мягкой спинке зверька, и тот сразу откликнулся. Поднял мордочку, вытянул лапы. Длинные лапы с широкими пальцами, покрытыми снизу коричневыми подушечками. И с длинными, вытягивающимися когтями.

— Ты же хищник, — сказала зверьку Таис, — тебе положено лопать мясо. А ты выпил какао?

Так и есть. Выпил все какао. Таис залезла в карман пайты — там лежало несколько шоколадных конфет. Конфеты она тоже прихватила с Темной базы, когда собиралась. Эмма сказала, что шоколад калорийный и способен придавать сил.

Таис развернула конфету и предложила зверьку. Тот осторожно взял ее с ладони и, смешно двигая челюстью, принялся жевать. Слопал в один присест и тут же снова принялся обнюхивать ладошку Таис.

— Сластена, — ворчливо сказала она, — пристроился трескать конфеты? Думаешь, у меня тут шоколадная фабрика?

Хвостик — пумпочка животного заходила из стороны в сторону. Небольшие ушки по бокам головы задвигались. Коричневый нос принялся обнюхивать штаны и нахально соваться в карман.

— А ну, брысь, — Таис отпихнула зверька, — только одна и больше фиг. Я тоже люблю конфеты.

— Что? — приподнял голову Федор.

Царапины на его лице слегка припухли, глаза покраснели. Но в общем целом он выглядел вполне нормально. Лохматый, небритый. Хмурый и сонный.

— Это я с фриком говорю. Привязался к нам и трескает наши конфеты.

— Главное, чтобы не нас самих. Зачем ты его притащила? Или он сам забрался?

— Он потерялся. Этибросили его, представляешь? Бросили своего детеныша и свалили. Испугались сигнала тревоги.

— Ну, так они животные. Это нормально для животных. А нам зачем детеныш фрика?

— Ну, мы же не животные. Жаль его, наверное…

— А — а, — протянул Федор, — ну, что ж, логично.

— Федь, знаешь, я поняла, что люблю тебя.

— Я знаю. Я знаю, что ты меня любишь.

— Откуда? Откуда ты все знаешь? Мне вот кажется, что мы забыли, что такое любовь. Или никогда не знали.

— Всегда можно вспомнить. Мы же с тобой вспомнили. Ну, а я всегда тебя любил, еще тогда, когда жили на Втором Уровне. И всегда делился с тобой своей любовью. Вливал капельку за капелькой, каждый день. Вот потому и знал, что ты меня любишь.

Таис посмотрела в глаза Федьки и поняла, что он шутит.

— Когда это ты делился со мной любовью? Что ты придумываешь? Болтун ты, вот что.

Она убрала с плеч распущенные волосы, прижала к себе снова задремавшего зверька и сказала:

— И еще я поняла, почему знак "сердечко" обозначает любовь.

Потому что когда что-то случается с любимым человеком, болит всегда в груди, там, где сердце. Очень сильно болит, как будто кто-то вынул сердце из груди и оставил пустоту. И страшнее этой пустоты нет ничего, Федь. Нет ничего ужаснее того, когда тебе некого любить, и никого нет рядом с тобой. Даже фрики не так страшны.

— Но теперь я рядом с тобой. Все хорошо?

— Все отлично.

Таис шмыгнула носом и вдруг прижалась губами ко лбу Федора.

— Ты — самое лучшее, что у меня есть, — прошептала она, — и ничего лучше не будет. Мне пришлось сначала потерять тебя, и только после понять это.

Федор перевернулся на спину, обнял ее здоровой рукой и осторожно провел губами по щеке. От этих прикосновений жаркий огонь полыхнул в сердце Таис, разлился рекой по груди, заставил гореть пальцы и щеки.

— Я тебя тоже люблю, — проговорил Федор, — я тебя тоже люблю, мартышка…

От него пахло какао, мазью, лейкопластырем и совсем чуть — чуть кровью. Запахи эти сводили с ума и пробуждали неведомые раньше желания. С огромной ясностью Таис поняла, что только что заново обрела Федора. Но теперь это был другой Федор, и она сама тоже стала другой. Детство закончилось, навсегда и бесповоротно. Они оба выросли и изменились. Навсегда изменились. В темных заброшенных рубках обнимались двое взрослых людей, которых звали Таис и Федор.

Таис почувствовала, как губы Федора прижались к ее губам. Сухие, горячие губы. От этих прикосновений сердце забилось быстрее, чем поршни роботов — садовников. Что они делают? И зачем они это делают?

Но было здорово. Очень здорово прижиматься губами к губам Федьки, чувствовать его руки на шее и на спине, чувствовать его тепло и его любовь. Наверное, вот эта сила, что исходит сейчас от ее любимого друга — эта сила и есть любовь. Именно она соединяет людей и заставляет жить вместе и держаться всегда вместе.

Всегда вместе…

Федор приподнялся навстречу ей, повернулся и вскрикнул от боли. Неловко дернулся, откинувшись на спину.

— Извини, Федь, — Таис вдруг смутилась, — извини. Это все из-за меня.

— Нормально все, — морщась, выдохнул он, — все нормально. С другой стороны, если я забыл о своих ранах, значит,

все будет хорошо. Ну, по идее. Так ведь?

Таис кивнула. Торопливо заплела в косу разметавшиеся волосы и сказала:

— Мне надо приготовить какао. И поесть чего-нибудь. Картошку — пюре хочешь? И немного сыра у меня есть. Будешь?

— Буду. Голодный ужасно. И хочу в туалет.

— Ого, надо что-то придумать…

— Ничего не надо. Сейчас встану и доковыляю. Нога, вроде бы, не болит.

Таис осмотрела его ногу и заметила:

— Опухоль немного спала. Может, это только растяжение, а не перелом?

— Да кто его знает? Выберемся, и на Втором Уровне роботы определят.

Ну, конечно! Они же теперь свои на Втором Уровне! А там хорошая медицинская помощь, умные роботы и всякие нужные лекарства. И все у них теперь будет хорошо.

Федору удалось встать. Медленно придерживаясь за небольшой стул, он переставлял его перед собой и прыгал следом. Морщился, ругался сквозь зубы, но довольно быстро добрался до ванной. Вернулся умытый, с мокрой головой и заметил веселым голосом:

— Пахнет едой. Здорово. И фрик этот крутится около твоих ног. Что он будет есть? Эти твари же едят только мясо…

— Этот есть шоколад. Наверное, потому что маленький еще. Не вырос. Детеныш хищника еще не успел стать хищником.

— А когда вырастет? Думаешь, легко будет с ним расстаться?

— А если и в него вливать любовь? По капле каждый день? Как ты делал для меня? Может, это поможет ему измениться?

Федор удивленно поднял брови.

— Ничего себе у тебя мысли. Надо попробовать. Надо действительно попробовать. Как же мы его назовем тогда?

— Не знаю. Пушистик, наверное. Он же такой пушистый.

— Пушистик? — Федор фыркнул, — Смешное имечко.

— Другой вопрос — что мы будем делать с детьми Второго Уровня. Когда им будет исполняться пятнадцать лет? Угроза перерождения никуда не делась.

— Мы будем их любить. Просто любить. Ты понимаешь меня? Делиться нашей любовью с ними и верить, что они тоже научаться любить. Любовь ведь изменяет людей, правильно?

— Правильно, но это нелегко. Иногда мне кажется, что это невозможно.

— Но мы попробуем. У нас должно получиться. У нас все получиться.

Пушистику дали картошки и сыра. Он слопал все, смешно двигая головой и непрестанно мотая хвостиком — пумпочкой.

Таис и Федор тоже поели. Выпили какао. Таис снова обработала раны Федора, хотя тот и сопротивлялся, и говорил, что все это ерунда и можно этим заняться позже.

Их капельки — наушники лежали на краю стола, вместе с планшетом. Сейчас хотелось побыть без свидетелей, чтобы никто их не слушал, и никто не давал никаких советов. Совсем скоро они покинут гостеприимное убежище. Им предстоит выбраться наружу и снова закрыть проход. Запаять навсегда, оставив позади страшное прошлое.

— Может, взорвать всех этих фриков? — спросила Таис, делая еще одну кружку какао для Федора.

— Ну, нет. Мы не станем убивать их, потому что они — это мы. А мы — это они. Нас навсегда будет связывать вирус в нашей крови. И мы всегда должны помнить, что может случиться с человечеством, когда теряется любовь. Мы будем милосердными, потому что мы все-таки не превратились в монстров. Так, Тай?

— Ладно, согласна. Тебе видней, штурман Шереметьев.

Федор лишь слабо улыбнулся в ответ. Правую руку он осторожно держал навесу. Пальцы слега припухли, кожа на тыльной стороне ладони покраснела. Таис нервничала, глядя на полоски лейкопластыря на его руке и на куски торчащих салфеток со следами крови. Надо бы срочно попасть на Второй Уровень и полечить все эти раны как следует. Хватит ли Федору сил дойти?

— А знаешь, — тихо сказала она, — я вполне нормально общалась с Эммой сегодня. Ты заметил? Мы не ссорились вообще.

— Угу, — Федор кивнул и невозмутимо сказал, — уверен, что ты еще не раз с ней поссоришься, я же тебя знаю.

Таис хмыкнула. Он действительно ее знает. Очень хорошо знает и все равно любит. Такой, какая она есть. Злую, резкую, раздражительную и наглую. Торопливую и решительную. Смелую и ловкую. Наверное, это еще одно свойство любви — принимать людей такими, какие они есть.

И, раз она любит Федора, она тоже так умеет. И Эмму сможет принять, и Колючего. У нее должно получиться, у нее уже получается.

После еды, медленно передвигаясь и действуя одной левой рукой, Федор осмотрел планшеты, которые были в этих двух комнатах.

— Интересно тут, — проговорил он, нажал на что-то в разъемах стены и раздался тихий шипящий звук.

Часть противоположной стены отъехала в сторону, и перед

Таис и Федором открылся удивительный вид. Через прочное стекло, занимавшее половину стены, они увидели Землю. Огромную, голубую. Красивую, нежную и необыкновенную.

— Значит, Земля все-таки есть, — тихо проговорил Федор, приблизившись к окну.

Таис ничего ему не ответила. Она смотрела во все глаза на белые и голубые разводы атмосферы, на огромные океаны, покрывающие большую часть планеты, и думала о том, что планета Земля все-таки является родиной, хоть они никогда на ней и не были.

6.

Наконец решили выбираться. Больше сидеть в рубках не было смысла. Закрыли окна, через которые видно было Землю. Выключили свет. Заряженный планшет, все еще издающий неслышные звуки тревоги, Таис повесила на плечо.

Спуск оказался мучительным и долгим. Держаться Федор мог только одной рукой, потому пришлось снова обвязать его тросом и держать из-за всех сил, чтобы он не свалился. Все равно он неловко ступил на больную ногу и не смог сдержать крика. Все равно какое-то время ждали, пока утихнет боль, и Федор сможет снова двигаться.

После долго ковыляли во тьме, пользуясь скупым светом фонарика.

У Таис сильно болела голова — видимо, начали сказываться последствия падения во время охоты. Ее немного подташнивало, самую малость, и специфические запахи животных казались просто отвратительными.

Пушистик неуклюже бежал за ними. Таис иногда оглядывалась и подзывала его за собой. Он тогда торопился, хотя ходил еще не очень уверенно и то и дело заплетался лапами и кунял своей довольно большой головой.

— Мы идем, скоро будем у ворот, — проговорила Таис, надеясь, что ее услышат Колючий и Эмма. Наушники теперь были в ушах у нее и у Федора.

— Отлично, ребята, а мы уже думали — что с вами случилось, почему не отвечаете? — Тут же послышался голос Эммы, — вас у дверей будет ждать сюрприз. Только не паникуйте и ничего не бойтесь. Колька тут провернул одну отличную штуку, вас это приятно удивит.

Едва они доковыляли до ворот, как створки разъехались. Свет на мгновение ослепил, Таис моргнула несколько раз и дернулась. Перед ней стояли четыре робота пятнадцатых. Блестели их бело — черные корпусы, глупо таращились глаза.

— Штурман Шереметьев, Таис Зобова, мы должны доставить

вас в медпункт Третьего Уровня, где вам окажут необходимую помощь. У нас есть носилки для вас двоих. Не волнуйтесь, вашей жизни ничего не угрожает, — ровным голосом произнес один из роботов, — мы ожидаем дальнейших распоряжений, штурман Шереметьев.

7.

Таис открыла глаза и увидела над собой белый, абсолютно ровный потолок. Металлопластик, встроенные тонкие нити ламп дневного освещения — сейчас они были погашены, и потому казались просто темными полосками.

Воздух очень теплый и очень чистый. Пахнет лекарствами и совсем немного апельсинами. Повернув голову, Таис увидела на столике рядом со своей кроватью стакан, до краев наполненный апельсиновым соком.

Села, скинув с себя тонкий разноцветный плед. Недовольно зашевелился Пушистик в ногах, поднял мордочку и облизнулся. Язычок у него был длинный и узкий, точно алая ленточка.

Тут же пришли воспоминания о том, как ее и Федора доставили наверх, как она кричала и сопротивлялась, когда один из двенадцатых пытался ее осмотреть. Тогда Таис показалось, что это все обман, и их просто хотят усыпить. Новый план Гильдии.

Вспомнила, как пришел на Третий Уровень Колючий и заверил, что все в порядке, что это ему удалось усовершенствовать программу взлома пятнадцатых и с помощью Моага запустить в сервер для Донов-15. Таким образом, они отключили всех роботов и перепрограммировали их. Поставили программное обеспечение двенадцатых и добавили небольшие настройки.

— Пришлось повозиться, скажу я тебе, — уверенно пояснил Колючий, — вас просто осмотрят и окажут медицинскую помощь. Мартин сказал, что вам лучше будет на Взрослом Уровне. У Мартина же программы, вы знаете. Он все делает по программам, железяка долбанная.

И вот, теперь Таис проснулась в просторной теплой комнате. Рядом кровать, на которой все еще спит Федор. Он без майки и без рубашки, разноцветный плед сполз, открывая подживающие раны. Теперь это не выглядело так ужасно. Красные длинные полосы через плечо, по запястью. Чуть припухшие, но уже затягивающиеся. Конечно, тут пользуются не скобами, а специальным клеем, заставляющим ткани быстрее срастаться.

Таис улыбнулась. Залпом выпила весь сок, спустила ноги на пол. Теплые полы, покрытые шершавой керамической плиткой. Стеклянные двери, за которыми видно пустой коридор.

Она приблизилась к кровати Федора и осторожно

дотронулась до пальцев его здоровой руки. Провела рукой по волосам, убирая пряди со лба. Тихо проговорила:

— Соня, а мы на Третьем Уровне. Прикинь? Как самые настоящие взрослые.

Федор улыбнулся, не открывая глаз, еле заметно кивнул головой.

— Хочешь сока? У тебя тоже стоит полный стакан.

Федор снова кивнул и медленно разлепил веки.

— Ты теперь как новенький, — заверила его Таис, — все раны затянулись. Небось, даже шрамов не останется.

— А жаль, хотелось бы иметь парочку на память, — хрипло проговорил он.

— Так надо было заранее попросить роботов, чтобы не все смазывали.

Правая нога Федора в пластиковом фиксаторе лежала поверх пледа. Опухоль почти спала, но щиколотка все еще оставалась посиневшей.

— Все-таки перелом, да? — уточнила Таис

Федор неопределенно дернул плечом.

Появился Дон — двеннадцатый. Принес поднос с едой и пояснил, что у Таис было легкое сотрясение мозга, у Федора трещина в кости ноги. Это не считая ран и царапин. Но Федору повезло, ни одно сухожилие не задето, и функциональность руки не нарушена.

— Все будет работать отлично, — заверил Дон.

Пушистик, учуяв запахи еды, тут же спрыгнул с кровати, приковылял к Таис и принялся смешно тереться о ее ноги и широко разевать пасть, словно сообщая, что ему в эту пасть надо бы чего-то закинуть. Таис вспомнила, как кричала пятнадцатым, чтобы не трогали зверька и чтобы он всегда был тут. Послушались, значит, ее андродиты.

Федор сел в кровати, Таис пристроилась рядом. Пушистик нагло залез на колени Таис и принялся втягивать носом воздух. Сыр и пара сосисок пришлись ему по вкусу. Он принялся за еду, задвигал ушами. Федор, глядя на него, заметил:

— Думаешь, прокормим его, когда он вырастет?

— Посмотрим.

— Это хищник, это не домашнее животное. Ему нужно будет мясо, и много.

— Посмотрим, — еще раз ответила Таис и сунула в рот большой кусок сосиски.

— Поверить не могу, что теперь мы будем жить на Третьем Уровне и управлять станцией, — проговорила она, не переставая жевать, — Представляешь, Федор? Все сбылось, все стало так, как

мы хотели. Везет же нам!

Федор только усмехнулся. Он ел левой рукой, потому все у него получалось медленно и неуклюже.

Когда все съели, и снова появился Дон для того, чтобы забрать посуду, Федор спросил:

— Где тут капитанская рубка?

— Около ангаров с производством. Туда доступ ограничен, роботы попасть в эти рубки не могут.

— Вам и не надо, — ответил Федор.

Передвигаться у него получалось медленно. Опираясь на трость с загнутым набалдашником, он шел по коридорам, заглядывал в оттески и совсем не обращал внимания на роботов — пятнадцатых. Таис это казалось странным — уже не надо было прятаться, не надо было убегать. Они теперь — хозяева Третьего Уровня, и все тут принадлежит им.

Производство исправлено работало — об этом доложил один из пятнадцатых, стоящий у высоких белых двойных дверей, ведущих в цеха. Напротив этих дверей, через широкий проход коридора Таис и Федор увидели широкую и короткую лестницу — белые ступени, серые поручни. За ней — двойные овальные двери.

Поднялись по этой лестнице. Федор приложил ладонь к сенсорному экрану — замку. Тут же голос сообщил:

— Добро пожаловать, Федор Шереметьев.

Двери открылись.

Чувствуя, как бешено колотиться сердце, Таис перешагнула порог вслед за Федором. Высоким полукругом проходили пульты управления, мерцали голубым голографические экраны. Всем этим управлял сейчас Моаг — или Мартин, кому как угодно. За полукруглым широким окном сияла голубым светом Земля — такая близкая и такая красивая.

Федор приблизился к приборам, что-то нажал на экране. Открыл файлы и, приложив ладонь, активировал командные программы.

— Штурман Федор Шереметьев, — с готовностью отозвался копьютер голосом Мартина.

— Я беру управление станцией на себя и отключаю автоматические полномочия компьютера, — сказал Федор. Ввел пароль, запустил в систему.

— Откуда ты знаешь пароль? — удивленно спросила Таис.

— Он хранился тут, в файлах компьютера. Это просто пароль, позволяющий отключить от главного управления Моаг. Теперь станцией управляем мы с тобой. Ну, еще Эмма и Колючий, их тоже подключим.

— И что дальше?

— Дальше — свяжемся с Землей. Закроем станцию, поставим силовое поле, чтобы на нас не могли напасть. И предложим Гильдии свои условия.

Федор перевел взгляд на голубую Землю за стеклом рубки и добавил:

— Вот и все. Вот теперь мы победили.

Таис опустилась в диспетчерское кресло, откинулась на спинку. Тихо спросила:

— Но ведь мы все еще являемся носителями вируса. И дети внизу тоже являются носителями вируса. Думаешь, мы сможем общаться с людьми? Думаешь, мы сможем жить вместе с ними? Сохраним свою любовь, научим детей внизу любить друг друга?

— Да, я думаю, что у нас получиться. Должно получиться. Иначе нельзя. Иначе сама знаешь, что может быть. Мы будем всегда любить друг друга, ведь так, Тай? Мы сможем жить среди людей…